

Осмо Юссила
Сеппо Хентиля
Юкка Невакиви

тема

Политическая
история
Финляндии
1809–2009

Политическая
история
Финляндии
1809–2009

тема

**Осмо Юссила
Сеппо Хентиля
Юкка Невакиви**

Политическая
история
Финляндии
1809–2009

ВСЬ
МИР

Издательство
Москва 2010

УДК 321
ББК 63.3
Ю 88

Издание осуществлено при содействии
Министерства иностранных дел Финляндии.

Второе издание книги на русском языке подготовлено на основе первого русского издания (О. Юссилы, С. Хентилы, Ю. Невакиви. Политическая история Финляндии. 1809–1995. М.: Издательство «Весь Мир», 1998), с включением всех изменений и дополнений, внесенных авторами в последнее, шестое финское издание, вышедшее в свет в 2009 г. (Osmo Jussila, Seppo Hentilä, Jukka Nevakivi. Suomen poliittinen historia, 1809–2009. WSOY Oppimateriaalit Oy Helsinki).

Перевод и общая редакция первого русского издания выполнены
к.э.н. *Т.В. Андросовой*

Перевод изменений и дополнений для второго русского издания выполнены
Ю.С. Дерябиным

Редакторы первого русского издания:

Е.Ю. Азарева, М.Л. Коробочкин

Редактор второго русского издания:

Л.М. Крюкова

Ю 88 Юссилы О., Хентилы С., Невакиви Ю.
Политическая история Финляндии 1809–2009/Предисл. Ю.С. Дерябина.
М.: Издательство «Весь Мир», 2010. — 472 с.
ISBN 978-5-7777-0469-6

В данной книге изложена политическая история Финляндии в контексте общ исторического развития на протяжении ее двухсотлетней истории (1809–2009). Ее авторы — ведущие финские историки — на основании новейших исследований и документальных источников проанализировали главные вехи пути, который прошла Финляндия от Великого княжества в составе Российской империи до наших дней. Книга будет полезна всем, кто интересуется историей Финляндии, ее внешней политикой, характером взаимоотношений Финляндии и России/СССР, исторические судьбы которых тесно переплетены.

Первое издание данной книги, охватывающее период 1809–1995 гг., было переведено на несколько языков мира. На русском языке книга вышла в издательстве «Весь мир» в 1998 г. Второе издание книги осуществлено на основе последнего шестого издания книги на финском языке.

**УДК 321
ББК 63.3**

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0469-6

© Osmo Jussila, Seppo Hentilä, Jukka Nevakivi
ja WSOY Oppimateriaalit Oy 2009
© Издательство «Весь Мир», 2010

Содержание

Ю.С. Дерябин. Предисловие ко второму русскому изданию	9
К читателю	11

Финляндия – Великое княжество

в составе Российской империи. 1809–1917 (Осмо Юссила) ..	13
Расширяющаяся Россия, отступающая Швеция	15
Завоевание Финляндии	21
Боргоский сейм и Фридрихсгамский мир	24
Создание центральной администрации (государства) Финляндии	33
Подключение финляндской администрации к России	37
Особое положение финляндского генерал-губернаторства	44
Рождение идеи финляндской государственности	57
Перелом в Крымской войне: реформы и фаворитизм	61
От реформ по сближению к сепаратизму	64
Рождение нации	78
От фаворитизма к министерской бюрократии	83
Подчинение Финляндии общегосударственным законам и управлению	89
Всеобщая забастовка 1905 г.	104
Усиление разногласий между Финляндией и Россией с 1909 г.	113
Февральская революция 1917 г. и Финляндия	118

Тематические вставки:

<i>Боргоский сейм</i>	<i>29</i>
<i>Финляндское генерал-губернаторство как основа самоуправления</i>	<i>52</i>
<i>Программа реформ 1856 г. в протоколе сената</i>	<i>70</i>
<i>Февральский манифест 1899 г.</i>	<i>99</i>
<i>Реформы 1905–1906 гг. в России и Финляндии</i>	<i>110</i>

От обретения независимости до окончания

Войны-продолжения. 1917–1944 (Сеппо Хентия)	127
Финляндия обретает независимость	129
Война красных и белых	136
Рождение белой Финляндии	147
Монархические мечты уходят в песок	152
Республика опирается на политический центр	157

В поисках внешнеполитического курса	169
За белую Финляндию	175
Парламентаризм меньшинства	181
Лапуаское движение делает, что хочет	186
Законность побеждает	195
Скандинавская ориентация и «красно-зеленое» сотрудничество	202
Обманчивая безопасность	213
Чудо Зимней войны	219
Вооруженное перемирие	231
Финляндия и Германия – «соратники по борьбе»	238
Позиционная война и зондаж с целью заключения мира	245
Победа в оборонительных боях и перемирие	250

Тематические вставки:

<i>Многочисленные названия войны 1918 г.</i>	140
<i>Постактивизм</i>	166
<i>Движения, порожденные кризисом</i>	192
<i>Великая вражда к КПФ</i>	210
<i>Единодушие Зимней войны</i>	228

От Войны-продолжения до сегодняшнего дня. 1944–2009

(Юкка Невакиви)	257
От войны к миру	259
В тени «Башни»	268
На пути к «народной демократии»	275
Политика восстановительного периода	280
Поворотный 1948 год	290
На «линию Паасикиви»	298
Дебют Кекконена	305
Сотрудничество Аграрного союза с СДПФ	311
Начало президентства Кекконена	318
От кризиса к кризису	328
Возвращение в Мировое сообщество	334
«Хлюст» Партии центра и выборы протеста	341
От «Радио Репо» до «тайстовцев»	346
Взлет и падение «народного фронта»	352
От утечки информации о переговорах в Завидове до чрезвычайного закона	359
Звездные часы внешней политики	363
Последнее президентство Кекконена близится к концу	370
Приход к власти Койвисто	376
Возврат к парламентской демократии	381
От «сине-красного» правительства до «казино-экономики»	388
Выборы, которые потрясли общество	399

«Правительство всех цветов радуги».....	406
Выборы премьер-министра.....	413
Правительства Ванханена.....	417
Новые президенты, новый стиль.....	421
Переизбрание Халонен.....	427
Финляндия в Европе.....	433
Тематические вставки:	
<i>Послевоенные мероприятия по изменению условий землевладения.....</i>	<i>286</i>
<i>Всеобщая забастовка 1956 г.....</i>	<i>322</i>
<i>«Казино-экономика».....</i>	<i>394</i>
Приложения.....	443
Императоры – Великие князья.....	445
Генерал-губернаторы.....	445
Министр – Статс-секретарь.....	445
Госсекретари / Министры-госсекретари.....	445
Вице-председатели Императорского финляндского сената.....	446
Президенты Финляндской Республики.....	446
Правительства Финляндии с 1917 г.....	447
Состав парламента.....	450
Сокращения, использованные в приложениях.....	451
Географические названия, измененные в 1948 г.....	452
Избранная библиография.....	453
Именной указатель.....	467

Предисловие ко второму русскому изданию

Предлагаемая вниманию читателей книга, написанная ведущими финскими историками О. Юссила, С. Хентиля и Ю. Невакиви, представляет собой обновленный вариант политической истории Финляндии за период 1809–2009 гг. (первое издание на русском языке, охватывающее 1809–1995 гг., вышло в издательстве «Весь мир» в 1998 г., а также переведено на восемь других языков мира). Актуальность книги повышается в связи 200-летием обретения нашим северным соседом своей государственности в 1809 г., когда было создано Великое княжество Финляндское в составе Российской империи. Нелишним будет заметить, что всплеск в 90-х годах интереса современных российских исследователей к истории Финляндии начал почему-то угасать. А зря...

Издание доведенного до наших дней исследования О. Юссила, С. Хентиля и Ю. Невакиви обогащает знание политической истории Финляндии не только новым фактическим материалом, но и в целом глубоким (за некоторыми исключениями), взвешенным анализом развития этой страны. Честь авторам делает и то, что они не приукрашивают такие, например, моменты истории Финляндии, как обоюдная жестокость красных и белых во время гражданской войны, отношение финнов к мирному населению оккупированной ими Карелии, к советским военнопленным в годы Второй мировой войны.

И, последнее – прочитав книгу, читатель станет лучше понимать, почему Финляндия всего за два столетия превратилась из отсталой провинции Шведского королевства, а затем окраины российского государства в одного из европейских и даже мировых лидеров по многим показателям социального и экономического развития, стала активным и уважаемым членом мирового сообщества.

На взгляд человека, проработавшего на дипломатической службе в Финляндии 16 лет, в том числе в качестве первого посла Российской Федерации в 1992–1996 гг., и продолжающего внимательно следить за движением вперед этой страны, финский опыт, накопленный во многих областях, мог бы более эффективно

использоваться для определения дальнейшего хода наших социально-политических реформ. Поэтому советую прочитать книгу финских исследователей не только студентам и преподавателям высших учебных заведений, всем интересующимся финской историей, но и нашим политикам.

Ю.С. Дерябин,
Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ,
руководитель Центра Северной Европы
Института Европы РАН
Москва, июнь 2009 г.

К читателю

Первое издание нашей книги вышло осенью 1995 г. Она была на то время первым за два десятилетия комплексным и опирающимся на новейшие исследовательские данные общим очерком политической истории Финляндии, начиная с обретения государственности в период Великого Княжества Финляндского. Мы не давали определения тому, что такое политическая история. Содержание этого термина проявляется в книге в приведенных точках зрения и анализе, представляющих собой попытку учесть изменения в объектах исследования. Направления этих изменений идут от истории государства до истории общества. Задачи государства постоянно расширялись, особенно в период Второй мировой войны. Все бóльшим становилось влияние рыночных факторов и средств массовой информации на принятие политических решений, не говоря уже о партиях, общественных организациях, различных профессиональных объединениях и группах, представляющих интересы различных слоев общества. Мы стремились к возможно более ясным и четким трактовкам, которые подкреплялись бы бесспорными научными данными.

В настоящем обновленном, шестом по счету издании учитываются новые исследования, появившиеся до конца 2008 г. Дополненное издание охватывает период вплоть до наших дней. Таким образом, в книге представлены и действующие лица истории и само 200-летнее общее развитие Финляндского государства и общества с 1809 до 2009 гг. Книга в обновленной версии выходила в 1998 г. на русском и шведском языках, в 1999 г. – на немецком, французском, испанском, в 2001 г. – на китайском и польском, в 2002 г. – на украинском и в 2004 г. – на итальянском языках.

Книга адресована преподавателям и студентам университетов, журналистам и всем интересующимся историей.

*Осмо Юссила
Сеппо Хентилиа
Юкка Невакиви
Хельсинки, январь 2009 г.*

**ФИНЛЯНДИЯ — ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
1809–1917**

Осмо Юссила

Расширяющаяся Россия, отступающая Швеция

Далекие предки финнов, происхождение которых остается предметом научного исследования, заселяли нынешние места проживания с юга и юго-востока в течение длительного периода времени, вероятно, с конца железного века, примерно 3500 лет назад. Эти территории в то время использовались лапландцами (саами) для своих промыслов, а на западном побережье успели устроиться шведские поселенцы. Территория нынешней Финляндии была своего рода ничейной землей между зонами политического влияния Рима и Византии, вследствие этого и Восток и Запад оказали воздействие на культуру финнов.

Начиная с середины XII в. шведские короли стали обращать местное население в римско-католическую веру. Они постепенно распространяли свое господство на северные прибрежные районы, а в 1293 г. в целях защиты от угрозы с Востока, основали Выборгский замок и город вокруг него. Тридцать лет спустя, при подписании Ореховского мира, была установлена граница между Швецией и русским Новгородом, которая проходила от реки Сестра на юге и пересекала территорию Финляндии до Ботнического залива. Позднее Швеция несколько раз передвигала границу на Восток. После Столбовского мира 1617 г. граница прошла от Финского залива до Ладоги и оттуда прямо до Ледовитого океана, примерно так же, как восточная граница независимой Финляндии триста лет спустя.

Реформация церкви, проведенная королем Густавом Васой в 1527 г., превратила всех шведских католиков в приверженцев учения Мартина Лютера. Карелы, придерживавшиеся греко-католической веры, в середине XVII в. большей частью бежали в Россию,

Великое княжество Финляндское

и оставшееся православное население составляет лишь небольшое меньшинство в нынешней Финляндии.

Король Густав отдал Финляндию в управление своему старшему сыну, в качестве герцогства. Тем не менее Финляндия не стала автономной единицей, герцогство оставалось, как и раньше, неотъемлемой частью Швеции. Финны получили представительство в риксдаге Шведского королевства и служили под шведским началом в административных и военных органах во всей Швеции. До XVII в. финский язык использовался дворянством Финляндии в качестве языка повседневного общения, но в период превращения Швеции в великую державу, был вынужден и в этом качестве уступить место шведскому языку. Расширение Шведского королевства во многом происходило за счет финских утрат: особенно это характерно для периода «тридцатилетней войны», когда Финляндию заставили послать большую часть мужского населения для участия в сражениях, проходивших в далеких от родного края землях. В конце существования Великой Швеции, в годы больших неурожаев 1696–1697 гг., страна понесла большие потери вследствие бездарных действий по оказанию экстренной помощи – они составили примерно треть тогдашнего полумиллионного населения.

Когда шведские короли обратили свой взор на юг, они ослабили защиту восточных границ и не восприняли всерьез стремление России выйти к Балтийскому морю. Ход Северной войны, начатой в 1700 г. против Швеции энергичным молодым царем Петром I при поддержке Дании и Польши, имел серьезные последствия для Финляндии.

В конце 1700 г. Петр I проиграл сражение под Нарвой шведским войскам, которыми командовал Карл XII. Поражение, однако, не привело к существенному ослаблению военной мощи России. После того как Карл XII, одержав победу над Россией, повел свои войска на Польшу, Петр I в 1702 г. смог приступить к завоеванию Ингерманландии¹, которое началось с осады и взятия в октябре крепости Орешек. Крепость получила новое название – Шлиссельбург (Ключ-город). Уже в следующем году началось строительство

¹ *Ингерманландия* – одно из исторических названий в XII–XVIII вв. Ижорской земли (Ижоры). Другое название – Ингрия. Территория, населенная ижорой, по берегам Невы и юго-западному Приладожью. С 1228 г. владение Великого Новгорода, с 1478 г. в Российском государстве. В 1581–1590, 1609–1702 гг. оккупирована Швецией. Возвращена России в 1702–1703 гг., в 1708 г. вошла в Петербургскую губернию. Часть современной Ленинградской обл. (здесь и далее примечания Т.В. Андросовой).

новой столицы, Петербурга, и крепости Кронштадт. Однако завоевание Карелии и других финских провинций произошло лишь после победы Петра I под Полтавой. Выборг был взят летом, Кексгольм² – осенью 1710 г. Савонлинна продержалась до 1714 г., последней, в 1716 г., пала Каянская крепость. Русские войска на севере достигли губернии Оулу и общины И. В Восточной Финляндии основной опорной базой русских была Савонлинна.

Цели России в Финляндии носили военно-стратегический характер: новой столице, Петербургу, нужно было обеспечить зону безопасности. Так, например, Выборг считали «замком», который укрепил безопасность Петербурга. Но свои основные задачи Россия предполагала решать не в северной, а в южной части Финского залива, в Эстляндии³ и Ингерманландии. Кексгольмской губернии и Лифляндии⁴ в планах России была отведена второстепенная роль. «Русской землей» считали только Кексгольмскую губернию и Карелию. Хотя географические очертания Карелии не были четко определены, район Выборга не причисляли к Карельским землям. Окончательная граница, которая была установлена по Ништадтскому миру⁵, по сути своей была компромиссом: Россия получила всю Ладугу, но Швеции удалось не допустить русских к району Саймы⁶. Граница была проведена «строго по линейке», так что даже отдельные усадьбы оказались поделенными надвое.

В войне 1742–1743 гг. Швеция попыталась взять реванш и вернуть утраченные земли, стремясь установить границу, которая шла бы от Белого моря до Ладogi. Но вышло иначе. Русские вновь захватили всю «Финляндию» вплоть до провинции Похьянмаа (Эстерботния). В период завоевания и чтобы облегчить его, императрица Елизавета обещала сделать из Финляндии «независимую» страну под покровительством России. Но когда завоевание было полностью завершено, о независимости более не говорили. На начавшихся затем мирных переговорах Швеции, по мере того как

² См. приложение: Географические названия, измененные в 1948 г.

³ *Эстляндия* – историческое название Северной Эстонии. С XIII в. под властью Дании, Ливонского ордена, со второй половины XVI в. – Швеции. С 1710 г. Ревельская, в 1783–1917 гг. Эстляндская губерния России.

⁴ *Лифляндия* – немецкое название Ливонии в XIII–XVI вв.; официальное название территории Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII – начале XX в.

⁵ Ништадтский мир был заключен 30 августа 1721 г.

⁶ *Сайма* – крупнейшее озеро в Финляндии.

та соглашалась на выдвигаемые условия, предлагали «выкупить» территорию, находившуюся в руках русских (Финляндию), – пядь за пядью, губернию за губернией. Как результат этой сделки новая граница могла пройти так, что только Похьянмаа и губерния Турку и Пори входили бы в состав шведского государства. Отдельным пунктом на переговорах стоял также вопрос о губерниях Хяме и Саво. Согласно Абоскому миру⁷ граница шла по реке Кюмийоки, затем поворачивала на восток, огибая Савонлинну с запада и севера. Новая граница в отличие от пограничного рубежа, определенного Ништадтским миром, в основном соответствовала старым границам между провинциями и совпадала с водными путями; исключение составлял участок, огибавший Савонлинну.

«Война шляп»⁸ и последовавшая за ней русская оккупация 1742–1743 гг. («малая вражда») показали как шведам, так и другим народам, что военная и политическая расстановка сил на севере Балтики решительным образом обернулась в пользу России и в ущерб Швеции. Война, начатая Густавом III, хотя и завершилась признанием *status quo* в Вярля в 1790 г., не изменила баланс сил в этом регионе. Вспыхнувший во время войны офицерский мятеж, участники которого – члены так называемого Аньяльского союза⁹ – поддерживали контакты с неприятелем, со всей очевидностью продемонстрировал ослабление позиций Швеции именно на восточной границе. Идея отделения Финляндии от Швеции и превращения ее в некую буферную территорию, возникшая еще в период войны 1742–1743 гг., вновь была высказана в так называемой Лиикальской ноте¹⁰.

⁷ Абоский мирный трактат был заключен в Турку (Або) 7(18) августа 1743 г.

⁸ Противостояние двух государственных партий так называемого периода свободы (после смерти Карла XII в 1718 г. и до захвата власти Густавом III в 1772 г.). Партия «шляп» встала в оппозицию к сторонникам осторожной мирной политики, которую проводила партия «ночных колпаков», и завоевала популярность на риксдагах 1738–1739 гг. Политика партии основывалась, с одной стороны, на политике реванша, проводившейся при поддержке Франции, в том числе финансовой, с другой – на идеях меркантилизма.

⁹ Аньяльский союз (1788–1789) – заговор шведских и финляндских офицеров, названный так потому, что в деревне Аньяла (Финляндия) были составлены программные документы против абсолютизма шведского короля Густава III; часть заговорщиков добивалась государственного отделения Финляндии от Швеции. В начале 1789 г. участники Союза были репрессированы.

¹⁰ Обращение членов Аньяльского союза к правительству России с предложением о мире. Документ был составлен в деревне Лиикала и поэтому вошел в историю под названием «Лиикальская нота».

В результате Ништадтского и Абоского мирных договоров возникли две Финляндии – шведская и русская. Названия «Старая Финляндия» и «Новая Финляндия» вошли в обиход только в связи с войной и завоеванием 1808 г. В России Старой Финляндией считали земли, завоеванные ранее. Первоначально Русской Финляндией была, собственно, Выборгская губерния, до тех пор пока ее не разделили на две – Выборгскую губернию и губернию Кюменкартано – после расширения территории по Абоскому миру. Административное управление было единым для Русской Финляндии, Лифляндской и Эстляндской губерний, хотя формально прежние законы и привилегии не были подтверждены. Все же на практике они оставались в силе. Уложение 1734 г.¹¹ продолжало действовать также на территории, полученной по Ништадтскому миру. Управление осуществляла Коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел, которая в свою очередь, подобно другим коллегиям, подчинялась правительствующему сенату России. Таким образом, территория обладала самоуправлением и особыми привилегиями, аналогичными тем, что имели Лифляндия и Эстляндия. В Русской Финляндии проблемы возникали не только в связи с вопросом о донационных землях, «дарениях», но и в процессе согласования шведского законодательства с губернским управлением России. Все же, как показали новейшие исследования, проблемы в отношениях Финляндии и России на этапе объединения Старой и Новой Финляндии в 1811 г. и позднее, в частности русификация, сопротивление которой явилось составной частью борьбы финнов за законные права, были явно преувеличены.

¹¹ Уложение 1734 г. включало издавна действовавшие в шведском королевстве законы: гражданские, уголовные, полицейские, о судопроизводстве, торговле и хозяйственном благоустройстве.

Завоевание Финляндии

Вначале Александр I не стремился присоединить Финляндию к своей империи. Телеологические объяснения, согласно которым Россия постепенно расширила свои пределы до своей естественной границы – реки Торниойоки (Торне), были даны после подписания Фридрихсгамского мира. Поначалу война со Швецией 1808 г., в ходе которой русские войска захватили и оккупировали «Финляндию», представлялась аналогичной русско-шведской войне 1742 или 1710–1721 гг. В Тильзитском договоре между Наполеоном и Александром I было оговорено лишь то, что России следовало склонить Швецию и Данию к участию в континентальной блокаде Англии. Выбор средств для решения этой задачи оставался за Александром I. После того как дипломатические шаги со стороны России не возымели действия на Густава IV, было решено перейти к военному давлению. Обещание созвать представителей финляндских сословий на съезд в Турку (Або), которое было дано в манифесте верховного главнокомандующего Буксгевдена, распространенном среди финского населения до того, как русские войска перешли границу, еще не означало принятия решения о присоединении завоеванной территории навечно, так как собрания земских чинов (ландтаги) созывались уже и в период «малой вражды»¹² в Турку и Ваасе.

Однако очень скоро, уже в конце марта, когда русские прибыли в Турку, иностранным государствам было заявлено о присоединении навечно Шведской Финляндии к России. Поводом для этого послужил арест в Стокгольме посла России Алопеуса, но подлинными причинами были стремление России получить компенсацию за поражение, которое она потерпела на турецком направлении, равно как и необходимость создать противовес успеху Наполеона в Испании. Возглавляемая генералом Грипенбергом армия капитулировала 13 марта 1809 г., и после низложения короля Густава IV причин продолжать сражения не осталось.

¹² «Малая вражда» – период Русско-шведской войны 1742–1743 гг.

Поскольку военные действия вопреки тому, как было задумано, не были столь успешными, обещанный сейм в Турку не был созван. Сопротивление и контрнаступление шведов помешали осуществлению этого замысла. Крестьянская «партизанская война» также имела значение. Но после решения о присоединении должностные лица принесли присягу на верность новому монарху от населения Финляндии, и затем, уже в июне, был издан манифест, в котором также говорилось о прочном присоединении Финляндии к России. Одновременно императором были даны заверения («удостоверения») своим новым подданным в сохранении прежних законов и прав. При завоевании Финляндии Россия следовала тому же образцу («программе»), что и во время своих завоеваний, например, в Эстляндии и Лифляндии: еще до подписания межгосударственного мирного договора завоеватель устанавливал контакт со своими новыми подданными, подтверждая их прежние законы и права и принимая от них присягу на верность. Завоеванию и умиротворению страны в значительной степени способствовало то, что Абоский епископ Тенгстрём, ее руководящее должностное лицо, а также губернаторы (ландгевдинги), в том числе Вибелуус¹³, выказали свою лояльность и готовность к сотрудничеству.

Вместо созыва сейма в Турку была избрана и направлена в конце 1808 г. в Петербург депутация от сословий. На встрече в Эрфурте осенью 1808 г. Александр I получил от Наполеона согласие на присоединение захваченной территории к России. Встреча в Эрфурте была своего рода мероприятием по уточнению положений Тильзитского договора. Она сделала возможным создать более стабильную систему гражданской администрации Финляндии. В начале декабря император утвердил регламент (свод правил) временного правительствующего комитета, назначил Г.М. Спренгтпортена генерал-губернатором и наделил его правом представления финляндских дел непосредственно императору, минуя министров империи. Однако временный комитет так никогда и не был учрежден.

Между депутацией и императором был заключен «договор», по существу аналогичный, в частности, тем договорам о капитуляции, которые были заключены с дворянством и городами Эстляндии и

¹³ *Вибелуус, Олоф* (1752–1823) – губернатор. Противился приказам главнокомандующего русскими войсками Буксгевдена, ссылаясь на законы. Приобрел известность как сторонник законности благодаря Й.Л. Рунебергу, посвятившему ему свое стихотворение «Губернатор».

Лифляндии в 1710 г. Подобно тому, как это было сделано представителями Эстляндии и Лифляндии, депутация составила перечень пожеланий, на который император наложил свою резолюцию. Еще до его составления депутация заявила, что она не наделена полномочиями ландтага, и взяла с императора обещание созвать сословное собрание. В перечне пожеланий из 15 пунктов говорилось как о частных вопросах, например о правильном сооружении хлебопекарных печей (дабы избежать возникновения пожара), так и обо всем важном и существенном – об обеспечении общей безопасности путем сохранения законов и прав и учреждении правительствующего комитета из числа наиболее образованных людей края под председательством генерал-губернатора.

Еще во время пребывания депутации в Петербурге Российский император, увенчанный многочисленными титулами, объявил себя также Великим князем Финляндским. Императоры и раньше, например при завоеваниях в Прибалтике, брали себе титул, который носил правитель завоеванной ими территории. Таким образом, простое добавление титула к уже имевшимся как таковое еще не означало рождения Финляндии как политической общности.

Боргоский сейм и Фридрихсгамский мир¹⁴

Обещанный сейм был созван в Порвоо (Борго) в марте 1809 г. В соответствии с действовавшим до того времени уставом шведского риксдага представители от сословий были избраны с той территории Шведской Финляндии, которая находилась в руках русских. От Аландских островов, которые были захвачены после того, как сословное собрание уже начало свою работу, прибыл представитель духовенства. На севере новая власть расширила свои пределы до границы Лянсипохья¹⁵ и Итяпохья, реки Каакамайоки. Правда, в восточной части Ботнического залива сословные собрания собирали и раньше, в частности в Турку и Ваасе в период «малой вражды», а до этого в XVII в. Но по своему составу и характеру сословное собрание, созданное в Порвоо в 1809 г., существенно отличалось от них, хотя ландмаршал Де Геер в своей речи и указал на него как на продолжение традиций ландтагов XVII в. Однако в Порвоо впервые собрались представители сословий новой политической общности – Великого княжества Финляндского именно для того, чтобы подписать с новым Великим князем «договор о правлении». Все же есть повод вспомнить, что в работе сессии риксдага, проходившей в Стокгольме в одно время с Боргоским сеймом, принимали участие примерно 50 финляндских дворян, и ни много ни мало двадцать два рода были одновременно представлены в Стокгольме и Порвоо.

Присяга на верность новому монарху была основной целью сословного собрания в Турку, планы проведения которого были разработаны Спрентгпортенем. Такую конституционную цель

¹⁴ Согласно отечественной исторической традиции сейм, созданный в Порвоо в марте 1809 г., называют Боргоским, а мир, заключенный в Хамине 17 сентября 1809 г., – Фридрихсгамским в соответствии со шведскими названиями этих городов.

¹⁵ *Лянсипохья* (швед. Vasterbotten) – историческая провинция Швеции–Финляндии на северном побережье Ботнического залива между Умео и рекой Кемийоки. Принадлежавшая Финляндии часть ныне входит в финскую Лапландию; территория, принадлежавшая Швеции, относится к губерниям Норрботтен и Вестерботтен.

преследовали и на сейме в Борго. Этот сейм стал поворотным пунктом в политической жизни Финляндии. Его целью было укрепление отношений с Россией, как об этом заявил император Александр I в своей речи при открытии сейма. Император не дал Финляндии «государственного существования», как это звучало в появившихся толкованиях: он имел в виду только то, что Финляндия отделялась в политическом отношении от Швеции и присоединялась к Российской империи. Этот акт явился продолжением традиций средневековья, когда, с одной стороны, «страна» (на практике сословные корпорации) через своих представителей признавала нового правителя, принося ему присягу на верность, и, с другой стороны, правитель признавал «страну» и ее жителей своими подданными, подтверждая их основные законы и права. Данное правителем «удостоверение» (грамота) не содержало упоминания об отдельных законах, но подтверждало их «только в общих словах», как отмечал один из современников, К.Э. Маннергейм. Какие именно законы оставались в силе, а какие нет – это было уточнено позднее на практике. На этом этапе власти России одобрили весь пакет ранее действовавших на территории Финляндии законов, не подвергая их «таможенному досмотру», как позднее метко заметил русский писатель-славянофил Юрий Самарин (1819–1876). В этом смысле, исходя из факта обоюдного признания сторонами друг друга, Боргоский сейм одновременно был учредительным съездом Великого княжества Финляндского, подвластного российскому скипетру. Это имел в виду и сам Великий князь, сказав в своей речи при закрытии сейма, что Финляндия «заняла место среди наций». Так родилось национальное государство – Финляндия, которое было отделено от Швеции, но не поглощено Россией. Финскому государству в 2009 г. исполняется 200 лет.

Другая цель сейма состояла в том, чтобы дать возможность сословным представителям высказать императору свои пожелания. Как подчеркнул главный организатор сейма, статс-секретарь Михаил Сперанский, сейму следует не решения принимать, а лишь давать монарху советы. Третьей основной целью было учреждение ранее упомянутого правительствующего комитета, который теперь уже называли советом. На практике ограничились тем, что земским чинам позволили выдвигать кандидатов в члены совета. Выработка регламента самого совета была доверена особому комитету. От сословных представителей ждали также советов, касавшихся воен-

ного ведомства, налогов в казну¹⁶ и финансового ведомства. Император также позволил им предложить для рассмотрения и другие вопросы, согласно чему и были составлены различные сообразные обычаям петиции. Таким образом, и самодержавный император Александр I, и его предшественники на российском престоле, в частности Петр I, научились поступать как европейские монархи на тех захваченных ими территориях, где существовали сословные корпорации с ландтагами и сеймами, как, например, в Прибалтике или Польше. Александр I с достаточной лояльностью относился к этой дуалистической системе, в рамках которой «страна» со своими сословными представителями обладала широкими правами, которые правителю следовало уважать. Согласно мнению депутатов Боргоского сейма, Великий князь дал им даже большую свободу, чем шведские короли.

Свержение с престола и заключение под стражу 13 марта 1809 г. короля Густава IV создало предпосылки для мирных переговоров. Весть о государственном перевороте в Швеции достигла Порвоо уже в конце марта. Перемирие между Швецией и Россией закончилось весной 1809 г., и русские войска начали наступление на шведов из трех пунктов, форсировав, в частности, в мае реку Каликсйоки (Каликсельв). Это наступление принудило Швецию к заключению мира, и переговоры были начаты летом в городе Хамина (Фридрихсгам), находившемся на границе двух государств.

Требования русских и предложения шведов резко отличались друг от друга. Русские настаивали на установлении границы по реке Каликсйоки, претендуя также на Аландские острова. Шведы же стремились удержать Аланды в своих руках и предлагали провести северную границу по рекам Кемийоки и Оунасьйоки, ссылаясь, в частности, на то, что река Кемийоки была шире, чем Каликсйоки, и являлась границей между Швецией и Финляндией. Русские в свою очередь обосновывали свои требования тем, что граница по реке Каликсйоки была более прямой и четкой, чем по реке Кемийоки. На последний довод шведов, участвовавший в переговорах министр иностранных дел России Николай Румянцев заметил, что речь шла не о границе между Швецией и Финляндией, а о границе между Швецией и Россией. (В действительности граница между

¹⁶ Новый правитель освободил Финляндию от уплаты налогов в центральную казну и разрешил ей использовать свои денежные доходы на нужды собственного хозяйства.

Швецией и Финляндией, или между Лянсипохья и Итяпохья, проходила по реке Каакамаййоки, оттуда вверх на Поркаваара и затем на восток к границе, установленной по Тязвинскому мирному договору 1595 г.) Граф Курт Штединк, участвовавший в переговорах со шведской стороны, ссылаясь также на то, что Лапландия (район Кюми) была территорией, стоимость которой оценивалась всего в 26 рублей! Русские для подкрепления своих доводов указывали и на причины этнического характера: население, проживавшее к востоку от реки Каликсйоки, говорило по-фински. Они считали Аланды финской землей и на том основании, что лед соединял острова с материком четыре месяца в году. О переделе «Финляндии» подумывали еще на переговорах в Хамине. Штединк предлагал в качестве компенсации Швеции за потерю Аландских островов провести границу по реке Кокемяэньйоки (Кумо). Если бы русские приняли это предложение, возможным следствием было бы лишь значительное расширение Русской Финляндии. Финляндское государство так и не возникло бы.

Русские не отказались от своих притязаний на Аландские острова, и на севере граница прошла по рекам Торниййоки и Муониййоки (Муонио), что было компромиссным решением. Город Торнио остался к востоку от пограничной линии, поскольку – как это обосновывали русские – его жители обращались к императору с просьбой принять их в число своих подданных.

По договору Швеция не уступила России Финляндию как политическую общность, поскольку таковой еще не существовало. (Старая Финляндия еще не была присоединена к Новой.) Финляндия представляла собой шесть губерний, Аландские острова и часть территории Лянсипохья. Кроме того, в Русской Финляндии уже успело развиться свое особое, отличное от самосознания Шведской Финляндии финское самосознание. Так, например, в составе частей русской императорской армии, в частности в Бородинском сражении 1812 г., участвовал Финляндский полк. Эта духовная ассимиляция Русской Финляндии и Шведской Финляндии продолжалась в течение долгого времени и после политического объединения в 1811 г. На Кемиййоки как на пограничный рубеж указывали и в конце XIX в.

Шведам не удалось включить в договор статью о гарантиях прав подданных, проживавших на уступленных территориях, подобную той, что содержалась в Ништадтском мире, поскольку, как это в договоре обосновывали русские, император уже пообещал

щал сохранять в силе религию финнов, их право собственности и привилегии.

Мирный договор в Хамине в пункте о передаче территории был подтвержден договором 1812 г., заключенным в Турку¹⁷, а окончательно на Венском конгрессе 1815 г.

¹⁷ На самом деле Швеция подтвердила свой отказ от Финляндии договором, заключенным в Санкт-Петербурге 5 апреля 1812 г.

Боргоский сейм

Созыв сословного собрания Великого княжества Финляндского в марте 1809 г. спустя десятилетия стал одним из главных вопросов в спорах между Финляндией и Россией относительно правовых основ вхождения Финляндии в состав Российской империи. Политические страсти породили следующие вопросы: был ли заключен на собрании государственный договор, и было ли таким образом создано финляндское государство? Что означали выражения «коренные законы» и «конституционные права» и само слово «конституция», прозвучавшее в клятве императора? Шла ли речь о местном сословном собрании, которое созывалось в финляндских провинциях и раньше, или же о «парламенте» вновь созданного государства?

Для современников ответы на них были ясны. Они понимали, о чем шла речь и что произошло. Важнейшим моментом была присяга на верность новому императору (hytlining). Один из современников дал этому событию весьма лаконичное описание: повелели приехать в Порвоо на сословное собрание, принесли присягу, обсудили некоторые вопросы и отправились по домам. Присяга на верность новому монарху была уже основной целью сословного собрания, созвать которое Г.М. Спренгтпортен планировал весной 1808 г. в Турку. По-шведски собрание называлось «landtdagar», т.е. сословное собрание или собрание земских чинов, а по-фински – «herrainpaivat» – собрание господ, так как слова «valtio» (государство) в финском языке еще не существовало. По-французски собрание называли «diète», по-русски – сейм. Это был съезд сословных представителей только что завоеванной Финляндии; как именно назвать это мероприятие (valtiopäivät – сессия парламента, или maapäivat – собрание земских чинов) – для его участников было неактуально.

Многие из прибывших для участия в сейме весьма пессимистически и с большими оговорками относились к предстоящему собранию – до тех пор, пока облик императора и его благородство в Порвоо полностью изменили мнение многих присутствовавших. Особое впечатление произвело то, что император произнес клятву в церкви, перед алтарем. После этого события

в Финляндии вскоре утвердился настоящий культ Александра I. Сердца финнов удалось покорить полностью.

В знаменательном событии, происшедшем в Порвоо в марте 1809 г., присутствовало два различных момента, которые следует рассматривать отдельно: а) присяга на верность и заверения (hyllning) и б) собственно сословное собрание с предложениями и рассмотрением вопросов. Конечно, принести присягу можно было бы и вне связи с сословным собранием (своего рода предварительная церемония, или «капитуляция», уже имела место в Петербурге при встрече так называемой депутации с императором), но присяга и заверения, данные в связи с сословным собранием, приобретали во многом более показательный характер и гораздо большее политическое значение. Присяга, принесенная в Порвоо, по существу, была уже третьей, так как во время войны с населением брали клятву в верности. Так, император в своих заверениях в Порвоо указал на то, что присяга, которую теперь ему принесли, была «повторной».

Присяга на верность и следовавшие за ней заверения вместе составили так называемый договор о правлении, восходивший к старой, еще средневековой традиции, которой в Европе всегда следовали при смене правителя вплоть до 30-х годов XIX в. Это был не современный государственный договор, каковым его считали позднее финляндские борцы за законные права, но так называемый договор о статусе (Отто Брунер), в рамках которого обе стороны, как правитель, так и «страна» и представлявшие ее земские чины, брали на себя обязательства поддерживать существующий правовой статус. Сущность этого статуса выражалась в словах «коренные законы» и «конституционные права», прозвучавших в заверениях императора и ставших впоследствии объектом споров. Они не подразумевали современную форму правления конституционных государств и основные законы в том значении, в каком мы их понимаем сегодня. В «договоре о правлении» завоеванный народ через своих представителей признавал нового правителя своим монархом, поклявшись ему в верности. Император в свою очередь признавал их своими подданными, приняв от них присягу на верность. Понятно, что сам по себе этот акт не свидетельствовал о создании государства.

На сословное собрание были вынесены четыре вопроса: о военном ведомстве; о налогах в казну; о финансовом ведомстве; об учреждении правительствующего совета. От земских чинов хотели получить «единственно простые советы», а не собственно решение, как подчеркнул главный организатор и распорядитель сейма М.М. Сперанский. Поскольку сейм в следующий раз был созван только в 1863 г., оценка, данная ему в воспоминаниях Й.В. Снельмана, представляется довольно меткой: был более значим сам факт его существования, а не то, чего он достиг.

Вопрос о Боргоском сейме стал вырастать в русско-финляндскую проблему на рубеже 1830–1840-х годов, когда врач Израэль Вассер (Hwasser), швед по происхождению, пользовавшийся в свое время влиянием в Турку, разработал учение (которое вскоре было обнародовано) о том, что в Порвоо Финляндия перестала быть подвластной Швеции, заключила с Россией сепаратный мир и стала таким образом отдельным государством со своим государственным представительным порядком и формой правления. Современники считали взгляды Вассера чистой фантазией, но, когда вскоре юрист Й.Я. Нордстрём высказал в своих лекциях аналогичные положения, а историки Юрьё Коскинен и Роберт Кастрён поддерживали их в своих исторических исследованиях, точка зрения Вассера получила в Финляндии в конце 1850-х годов всеобщее признание. В ожидании возобновления деятельности сейма и как часть этих ожиданий с конца 1850-х годов в Финляндии в отношении Боргоского сейма сложился некий культ. Р. В. Экман написал изображающую знаменательный съезд сословий картину, которая ныне находится в зале заседаний Государственного совета. Документы съезда начали публиковаться. После возобновления деятельности сейма в 1863 г. был переброшен своего рода «мост» между «парламентом» 1809 г. и новой парламентской деятельностью.

Когда развившиеся таким образом в Финляндии новые представления о Боргоском сейме стали частью опубликованного и широко распространенного в 1880-х годах памфлета Лео Мехелина о правовой основе Финляндии¹⁸ и когда

¹⁸ «Очерк государственного права».

К.Ф. Ордин опубликовал его в русском переводе, снабдив критическими комментариями, споры о характере Боргоского сейма разгорелись пуще прежнего. Ордин и его последователи оспаривали факт заключения государственного договора и создания государства. Они считали, что «коренные законы» означают вообще законы как противоположность указам, особенно такие, как Уложение 1734 г. «Конституцией», в их толковании, являлись постановления, в которых были зафиксированы права финнов. Финны, прежде всего Мехелин и в особенности историк И.Р. Даниельсон-Кальмари, считали, что под «коренными законами» подразумевали именно Форму правления 1772 г. и Акт 1789 г. о соединении и безопасности, а также Сеймовый устав, то есть государственно-правовые установления, составлявшие Форму правления (конституцию). «Конституция» (в шведоязычном переводе заверений, данных императором, употреблялась форма единственного числа) была для них, однозначно, тем же, что и основное законоположение государства (valtiosaanto). Полемизируя, стороны грешили анахронизмами, неисторическим подходом, как это легко может заметить читатель, если попытается оценить, принимая во внимание вышесказанное, каков был действительный характер Боргоского сейма. Однако версия финляндских борцов за законные права долгое время оставалась официальной и общепризнанной истиной как в Финляндии, так и за ее пределами, особенно после того, как революция в России нарушила традицию в толковании этого вопроса, начало которой положил Ордин.

Создание центральной администрации (государства) Финляндии

То, что император Александр I добавил к своим титулам титул Великого князя Финляндского, само по себе еще не означало создания Великого княжества, ведь его границы не были определены и не были объединены Шведская и Русская Финляндии.

Система управления отвоеванной у Швеции территории установилась по большей части как результат войны. Исторический опыт показывает: война создает основные структуры для следующего за ней мирного периода. Наполеоновские войны и последующие мирные урегулирования определили порядок в Европе вплоть до 1848 г. Война 1808 г., которую вели главным образом на территории будущего Великого княжества Финляндского, предопределила его форму правления и характер учреждений. В отличие от периодов «великой»¹⁹ и «малой вражды» большая часть чиновников осталась на своих местах. Память о лихолетье прошлых времен и сепаратистские течения XVIII в. подготовили почву для подчинения власти завоевателя. Быстрому и необременительному подчинению новому властителю способствовали не только обещания императора Александра сохранить религию, законы и права дворян, предоставить им новые привилегии, но и собственный космополитизм дворянства, их представление о своем праве менять правителей. «И дворянское сословие поменяло правителя с такой легкостью, с какой меняют рубашку», – заметил позднее К.Й. Валлен, вспоминая то время. Хотя сопротивление и имело место (прежде всего «партизанская война», которую крестьяне вели во многих местах), присоединение Финляндии к России скорее было добровольным, о чем свидетельствуют встреча русских в Турку и сдача Свеаборга в апреле 1808 г.

Решающую роль в этом сыграли епископы и губернаторы. Поскольку, с точки зрения завоевателя, они, оказывая содействие гражданской канцелярии главнокомандующего Буксгевдена, «поступали хорошо», не было необходимости приводить в испол-

¹⁹ «Великая вражда», или «великое лихолетье» – период Русско-шведской войны 1700–1721 гг.

нение уже разработанные планы и привозить в Финляндию новых господ (наместников) из Прибалтики. Так как епископ Тенгстрём, глава церкви, выказывал готовность к сотрудничеству, равно как и президент надворного суда Тандефельт, ранее существовавшие административные и правовые институты смогли продолжить свою деятельность, не претерпев каких бы то ни было изменений. Необходимо было создать лишь некий центральный орган и подключить его к общегосударственной системе управления.

Планы учреждения правительствующего совета (или трибунала) были разработаны в самом начале войны. Первоначально они были нацелены на создание смешанного финляндско-русского совета (половина русских, половина финнов). В качестве альтернативы в Петербурге – в рамках правительствующего сената – предлагалось учредить департамент, в сферу деятельности которого входило бы рассмотрение судебных дел; право на рассмотрение других дел по примеру системы, действовавшей в прибалтийских провинциях и Старой Финляндии, предполагалось предоставить гражданскому губернатору, находящемуся в Финляндии. Департамент был бы необходим до тех пор, пока в Финляндии не овладели бы русским языком. Барклай-де-Толли, сменивший Спренгтпортена на посту генерал-губернатора, предложил образовать совещательный орган в Петербурге, который возглавил бы министр или статс-секретарь.

Эти планы военного времени свидетельствуют о следующем: то, что в итоге было реализовано (находящийся в Финляндии совет, состоящий из финнов), не было единственной и заранее предопределенной альтернативой. Большая часть планов была нацелена на быструю русификацию финляндской администрации. (В Польше эта альтернатива осуществилась после восстания 1830 г. в форме учреждения в Варшаве отделения русского сената. Кроме того, в Государственном совете России был создан особый департамент, ведавший польскими делами.)

Поскольку в Новой Финляндии, бывшей органической частью административной системы Швеции, отсутствовали собственные административные органы дворянской корпорации (коллегии советников от дворян при губернаторе), как в Эстляндии и Лифляндии, и поскольку территория ее состояла из многочисленных губерний, в каждой из которых имелось свое губернское управление, введение прибалтийской системы было невозможно без существенных преобразований в прежней системе на губернском

уровне. По этой причине в Новой Финляндии и возникла собственная, совершенно самобытная администрация при генерал-губернаторе – правительствующий совет, состоящий из двух департаментов. Председателем совета и наблюдателем за исполнением распоряжений императора стал генерал-губернатор, а блюстителем закона – прокурор. (Правда, вскоре после этого и в Бессарабии был создан подобный правительствующий совет из двух департаментов.) Парадокс состоял в том, что для будущего государственного развития Финляндии стало удачей то, что она, в отличие от прибалтийских провинций, не обладала собственными органами сословного самоуправления, а была интегрированной частью шведского государства.

Изначальная цель Спренгтпортена состояла в том, чтобы превратить совет в своего рода вспомогательный орган при генерал-губернаторе, и именно такая роль и была ему уготовлена декретом от 1 декабря 1808 г. Но так как вскоре после этого статс-секретарь М.М. Сперанский получил в свое ведение дела, касавшиеся Новой Финляндии, процесс пошел в ином направлении: в рамках гражданской администрации генерал-губернатора связали контролем со стороны правительствующего совета. «Привязка» была подтверждена в подробной инструкции, регламентирующей деятельность генерал-губернатора, утвержденной в 1812 г. При ее подготовке именно по поводу этого пункта между советом и Сперанским велись жаркие споры. Исключительным во всей Российской империи было уже то, что для генерал-губернатора Финляндии была выработана инструкция. Остальным генерал-губернаторам России пришлось дожидаться подобной до 1853 г.

Комитет, который был учрежден под руководством епископа Якоба Тенгстрёма для выработки нового регламента правительствующего совета и влиятельным членом которого был Матиас Калониус²⁰, устранил из регламента положение о праве генерал-губернатора на прямое представление дел императору, так как оно уже было предоставлено статс-секретарю Сперанскому. Барклай-де-Толли, сменивший Спренгтпортена на посту генерал-губернатора летом 1809 г., считал, что руководство гражданской администрацией нуждается в действенном совете, и в свою очередь побес-

²⁰ Калониус, Матиас (1738–1817) – юрист и политик. В 1778 г. стал профессором университета в Турку (Абоская Академия), в 1793–1799 гг. член верховного суда в Стокгольме. В 1809 г. подготовил предложение по регламенту правительствующего совета Финляндии, с 1809 г. – прокурор.

покоился о том, чтобы генерал-губернатор сохранил в своих руках центральную власть при решении административных вопросов и вопросов, относящихся к компетенции полицейского ведомства, хотя он вначале противился созданию канцелярии. В итоге возникла дуалистическая система: с одной стороны, правительствующий совет с экспедициями и канцелярией, с другой – генерал-губернатор с собственной канцелярией. Генерал-губернатора связывало с советом лишь председательство в нем, которое на практике стало после Штейнхеля формальностью, поскольку его преемники на посту генерал-губернатора не владели шведским языком. Дуализм усиливало еще и то, что требование знания русского языка как условие для работы в канцелярии генерал-губернатора привело к тому, что чиновников набирали главным образом из Русской Финляндии, тогда как шведоязычный правительствующий совет набирал своих чиновников из Шведской Финляндии. Таким образом, в системе центральной администрации Финляндии возникло внутреннее противоречие, так и не разрешенное в течение всего периода существования Великого княжества. Другим основным недостатком правительствующего совета/сената, для устранения которого позднее предпринимались многочисленные попытки, было то, что коллегиальное рассмотрение дел проходило крайне медленно и он был буквально завален ими. Не только судебный, но и хозяйственный департамент функционировал как судебный орган. На начальном этапе его и называли трибуналом. Судебный департамент справлялся со своими делами значительно лучше, поскольку его члены имели опыт работы в надворном суде, но для работы в хозяйственном департаменте не было столь же способных людей, которые могли бы успешно решать административные и хозяйственные вопросы.

Подключение финляндской администрации к России

Поначалу Новая и Шведская Финляндия были присоединены к Старой и Русской Финляндии. В конце декабря 1808 г., когда было принято окончательное решение о присоединении Шведской Финляндии и о том, что финляндские дела будут представляться непосредственно императору, минуя министров империи, право их представления получил государственный докладчик²¹ статс-секретарь М.М. Сперанский. Если бы в правительствующем совете был создан особый финляндский департамент и языком финляндской администрации сделали русский, как и намеревались, отпала бы необходимость в создании какого-либо иного звена в управлении империей. В помощь Сперанскому была учреждена российско-финляндская Комиссия по делам Финляндии, к сфере деятельности которой были отнесены вопросы, касавшиеся как Шведской, так и Русской Финляндии. (Комиссия стала преемницей ранее существовавшего Комитета по делам Русской Финляндии.) Поскольку Комиссия работала плохо, а на самого Сперанского были возложены помимо финляндских дел другие многочисленные обязанности, он предложил учредить особую должность статс-секретаря по финляндским делам и при нем новое коллегиальное учреждение. Обоснованием послужила ссылка на то, что из Финляндии, являвшейся, по сути, «государством, а не губернией», во множестве поступали дела, требовавшие рассмотрения их непосредственно императором. Одновременно в 1811 г. было принято решение об объединении в едином управлении Старой и Новой Финляндии, причем на этот раз Русская Фин-

²¹ Во времена Сперанского в России не было официальной должности государственного докладчика, хотя Сперанский, являясь с 1808 г. ближайшим советником царя (статс-секретарь, с 1810 г. – государственный секретарь, глава канцелярии Государственного совета), фактически являлся таковым. В 1815 г. была учреждена должность докладчика по делам комитета министров, на которую был назначен А.А. Аракчеев. Это должно было способствовать ограничению анархии в представлении дел на Высочайшее рассмотрение. На практике с ней удалось покончить только с учреждением в 1905 г. Совета министров во главе с премьер-министром.

ляндия должна была быть присоединена к Шведской Финляндии. Сперанский считал систему управления Шведской Финляндии более современной в сравнении с системой управления Русской Финляндией и видел в ней прообраз будущей административной системы России. Статс-секретарем по финляндским делам²² стал Р.Х. Ребиндер, который до этого был секретарем Сперанского, а председателем Комиссии финляндских дел, состоявшей только из финнов, – Г.М. Армфельт.

Все эти преобразования имели решающее значение не только для того, чтобы Великое княжество Финляндское превратилось в административном и законодательном отношениях в «отдельное государство», но и прежде всего для того, чтобы оно могло остаться таковым. То, что право представлять финляндские дела получил Сперанский, означало, по существу, централизацию и русификацию. Только с созданием особой должности статс-секретаря финляндского дела, касавшиеся Финляндии, представлялись отдельно от других дел империи. Генерал Алексей Аракчеев, ставший после Сперанского государственным докладчиком²³, более не представлял финляндские дела. Должностным лицам империи было указано на то, что по делам, касавшимся Финляндии, им надлежало обращаться к барону Армфельту. (Правда, на практике потребовались десятилетия, чтобы это предписание обрело силу.) Ясность в этот вопрос внесло переименование в 1816 г. правительствующего совета в сенат, чем хотели показать, что он не был подчинен правительствующему сенату России. Указы российского сената обретали силу в Финляндии лишь после того, как статс-секретарь финляндский повторно представлял их императору, и именно в форме, сообразованной с условиями Финляндии, с учетом которых они и должны были быть приведены там в исполнение.

Эта операция, осуществленная фаворитом императора Г.М. Армфельтом, имела особое значение для рождения и развития автономии Финляндии. Без этого Финляндия, очевидно, соскользнула бы на путь развития прибалтийских стран.

Таким образом, Финляндия и финны были подчинены непосредственно императору, минуя механизм центральной администрации России. Уже правительствующий совет именовался императорским, и затем также сенат – императорским сенатом, как и уни-

²² Далее именуется статс-секретарем (с 1834 г. министром статс-секретарем) финляндским.

²³ См. примеч. 21.

верситет. Первый университет был основан как академия в Турку в 1640 г. и после пожара в городе в 1827 г. был переведен в Хельсинки. Новую столицу, которой в 1812 г. стал Хельсинки (Гельсингфорс), по внешнему облику сделали «имперской» – с сенатской площадью и улицей, носящей имя императора Александра. Хельсинки называли «маленьким Петербургом». Планировалось построить на скале Катаянокка большой императорский дворец, обращенный фасадом в сторону Петербурга, но из-за нехватки средств пришлось удовлетвориться скромным домом купца Хейденштрауха.

Система, действовавшая в отношении Финляндии, не была совершенно исключительной, поскольку подобное же прямое подчинение императору практиковалось и на других завоеванных территориях, в частности в Бессарабии, на Кавказе и в Польше. Но только Финляндия и Польша имели статс-секретарей, наделенных правом прямого представления дел императору. Подобно империи Габсбургов, Российская империя представляла собой династическую унию многих государств, царств и великих княжеств. Чем больше у императора было подвластных ему народов и государств с имперскими столицами, тем могущественнее был он сам.

Так были созданы новое государство и новая нация – путем объединения Русской и Шведской Финляндии, учреждения правительствующего совета/сената под председательством генерал-губернатора, а также организации представления дел, подаваемых на Высочайшее рассмотрение при посредничестве статс-секретаря и Комиссии финляндских дел. До 1814 г., пока председателем Комиссии был Армфельт, Петербург и Комиссия играли решающую роль в делах и управлении Финляндией. (Впоследствии власть в Комиссии перешла к секретарю Ребиндеру.) Генерал-губернатор Фабиан Штейнхель, резиденция которого находилась в Турку, и правительствующий совет были явно на вторых ролях. Как лаконично заметил некий английский путешественник, Армфельт был министром, которому было вверено управление Финляндией, Штейнхель – военным генерал-губернатором, живущим в Турку.

Армфельт и его ближайшие помощники и друзья, прежде всего Р.Х. Ребиндер, К.Й. Валлен и Й.А. Эренстрём, которых можно назвать «густавианцами», постепенно утвердились во мнении, что именно административная система Густава III, составные части которой претерпели изменения с учетом новых условий, была в Порвоо узаконена и действовала в дальнейшем. На этом этапе

регламенты правительствующего совета и Комиссии финляндских дел еще не были привязаны к густавианским формам правления. Это были учреждения, созданные новым правителем для своего нового государства. Несмотря на все попытки (наиболее настойчивые были предприняты в 1812 и 1819 гг.), сейм более не созывался. Одной из основных его целей стало бы утверждение Формы правления Великого княжества Финляндского, основывающейся на густавианских формах правления. Центральная администрация была бы реформирована путем преобразования судебного департамента совета в верховный суд и учреждения коллегий. Поскольку сейм не созывался, в административном порядке во множестве издавались такие законы, которые, согласно густавианской форме правления, предполагали бы одобрение или, по крайней мере, рассмотрение их земскими чинами. В преамбулу некоторых таких законов статс-секретарь внес дополнение: рассмотрение земскими чинами было бы необходимо, но «время и условия» не позволяют созвать их на съезд. При решении некоторых вопросов окольными путями узнавали мнение влиятельных в обществе людей, учреждая, например, расширенные комитеты или запрашивая заключения. Как-то раз Александр I обратился через официальную газету к своим финляндским подданным с просьбой высказывать свое мнение (вопрос о ссылке в Сибирь).

После масштабных государственных реформ 1809 г. среди финнов постепенно начало пробивать себе дорогу представление о Великом княжестве Финляндском как новом отечестве. Началось было «поиском в потемках». Так, еще в 1912 г. Э.Г. Эрстрём, изучавший в Москве русский язык, писал: «Я по национальности швед, хотя сейчас и являюсь подданным России из Новой Финляндии». Однако уже в следующем году он писал: «Швеция не является более моей Отчиной, а имя «швед» – это не то, что следует в сущности носить». Сам архиепископ Я. Тенгстрём отмечал в пасторском послании своим ученикам в 1812 г., что Россия является Отчиной для финнов. Однако уже в стенах учрежденной в 1811 г. Комиссии финляндских дел начала развиваться и укореняться так называемая финляндская идея – представление о том, что родилась новая политическая общность, именуемая Финляндией. Идея, естественно, была частью пропаганды, распространяемой из Петербурга и рассчитанной на финнов. Цель ее состояла в том, чтобы прочнее связать завоеванную территорию с метрополией. Согласно этой идее, Финляндия более не явля-

лась частью Швеции, но она также не была инкорпорированной провинцией России. «Финляндскую идею» привыкли связывать с именем А.И. Арвидссона²⁴ и той формой, в которую он ее облек: «Шведами мы более не являемся, русскими быть не хотим, так будем же финнами». Но эту идею достаточно ясно высказывали еще Г.М. Армфельт и его друзья. Император создал для финнов их собственное государство, и их обязанностью было наполнить его содержанием. Обеспечению прочной связанности Финляндии с новой метрополией должна была также способствовать идея о том, что положение финнов было лучше, чем до 1809 г.: они были возведены в «достоинство нации», как провозгласил император в своей речи на Боргоском съезде. По свидетельству Г.М. Армфельта, император также приказал финнам быть именно «финнами».

Цели и принципы царского правительства в отношении Финляндии после Фридрихсгамского мира особенно четко освещены в рескрипте императора генерал-губернатору Фабиану Штейнхелю (осень 1810 г.). В результате преобразований внутреннего устройства Финляндии, проведенных в соответствии с рескриптом, у ее народа оказалось несравнимо больше привилегий, чем во времена шведского великодержавия. Финляндии было предоставлено «бытие политическое», дабы она считала себя не поработенной Россией, но привязанной к ней «собственными очевидными пользами». Ей были сохранены «не только гражданские, но и политические законы». Управление было вверено совету, во главе которого стоял генерал-губернатор. Многие налоги были упразднены, армия распущена. Дворянство и военные чины получили такие привилегии, каких Швеция никогда не могла им дать. Купечество было освобождено от монополии, т.е. от обязанности торговать главным образом со Швецией.

²⁴ *Арвидссон, Ивар Адольф* (1791–1858) – наиболее заметная фигура среди так называемых Або-романтиков, занимавшихся пропагандой финского языка, собиранием и публикацией памятников устного народного творчества и изучением исторического прошлого финского народа. В 1821 г. Арвидссон начал издавать газету «Або моргонблад», на страницах которой активно выступал за идею национального единства финского народа, за развитие финского языка. Одновременно он критиковал и практическую деятельность финляндской администрации и чиновничества. Прямым следствием этого явилось закрытие газеты и отстранение ее издателя от должности доцента истории в университете. В 1823 г. Арвидссон вынужден был эмигрировать в Швецию. В Швеции Арвидссон был служащим и директором (с 1843 г.) Королевской библиотеки. Он много писал об истории, географии и народных традициях Финляндии.

В этот список добрых дел можно еще включить такие, как учреждение новых должностей и выделение средств на нужды университета, который официально назывался императорским Александровским университетом, раздача высоких титулов, а также русских чинов и званий, орденов, наград и пенсий и прочих знаков расположения, которыми подданные щедро осыпались, особенно при каждом посещении страны императором. Настолько щедро, что это пробудило в бывшей метрополии, Швеции, внимание, граничившее с завистью, но и дало результаты. Правящая верхушка Финляндии того времени считала, что Финляндия явно выиграла как в экономическом, так и в оборонно-политическом смыслах, поменяв метрополию. Она полагала, что чиновники должны как можно скорее овладеть русским языком, и способствовала этому. Высшие сословия и чиновничество Финляндии были настолько преданы императору, что Николай I не преминул заметить своим советникам, пытавшимся урезать привилегии, которыми пользовались финны: «Оставьте финнов в покое. Это единственная провинция моей державы, которая за все время моего правления не причинила мне ни минуты беспокойства или неудовольствия». Император не без основания был доволен своими финнами. Когда в 1830 г. поляки подняли восстание, лейб-гвардейский Финляндский стрелковый батальон отправился на его подавление, участвовал в параде победы в Варшаве и получил в награду от императора Георгиевское знамя с надписью: «За отличие при усмирении Польши в 1831 г.» Поляки потеряли свое государство, финны таковое обрели.

Однако экономические и духовные узы финнов со Швецией оставались прочными еще долгое время. Завоеванные Россией провинции Новой Финляндии развивались как органическая часть шведской культурной сферы на Балтике. Их связи с Петербургом были незначительными. Ведущий финляндский политик-хозяйственник Л.Г. фон Гартман (Haartman) заметил уже по прошествии значительного времени (в 1855 г.), что Финляндия отделена от России непроходимыми лесами и связана с нею лишь Карельским перешейком. В сознании высшего сословия Петербурга в течение всего столетия Финляндия оставалась своего рода глухой колонией, оказаться в которой было наказанием как для солдата, так и для чиновника. Генерал-губернатор Закревский называл Финляндию «моя Сибирь».

Отдаленность и окраинный характер Финляндии сказывались также в том, что размещенные на ее территории войска в

качестве отдельного корпуса были поставлены под командование генерал-губернатора, так же, как в Восточной Сибири. О том, что Финляндия не представляла интереса в военном отношении и ее положение до Крымской войны не считали находящимся под угрозой, свидетельствует незначительная численность войск — около 12 тыс. человек, тогда как в период завоевания и во время Крымской войны она превышала 50 тыс. человек.

Контакты между Финляндией и Петербургом оживились только с открытием в 1837 г. пароходного сообщения, правда, оно осуществлялось только в период навигации и поначалу только через Таллин. Сайменский канал связал Восточную Финляндию с экономической зоной Петербурга, однако он был построен только в 1856 г. Решающую роль в активизации связей между Финляндией и Петербургом сыграло строительство Петербургской железной дороги, завершенное в 1870 г. До этого на проезд из Турку до Петербурга даже в господских экипажах уходило около 10 дней.

Особое положение финляндского генерал-губернаторства

Несмотря на эффективную политику умиротворения и закармливания, в начале 1820-х годов, когда генерал-губернаторство Штейнхеля подходило к концу, в правительственных кругах Петербурга распространилось (через агентов) представление о том, что Финляндия находится в состоянии отделения от России и что ее народ враждебно относится к метрополии. Для исправления положения в 1823 г. в Финляндию в качестве нового генерал-губернатора был послан А.А. Закревский, энергичный генерал, не владевший ни французским, ни немецким языками, а только родным, русским. Прибыв к месту назначения и совершив масштабную инспекционную поездку по Финляндии, он приступил к приведению в исполнение полученного им приказа вновь сблизить ее с Россией. В числе важнейших мер были следующие: упразднение Комиссии финляндских дел и создание Канцелярии статс-секретаря финляндского, наделение генерал-губернатора правом устного представления дел, подчинение сената более жесткому контролю со стороны генерал-губернатора (правда, без изменения регламента). В случае разногласий между сенатом и генерал-губернатором слово последнего было решающим. Основное звено центральной администрации Финляндии по-прежнему находилось в Петербурге (Закревский большую часть времени проводил в российской столице), но теперь бразды правления перешли от Комиссии финляндских дел и статс-секретаря к генерал-губернатору. Следует, однако, заметить, что статс-секретарь формально не был оттеснен на второй план, хотя Комиссия была упразднена. Напротив, положение статс-секретаря упрочилось благодаря особой инструкции, которая была приведена в соответствие как с регламентом сената, так и с инструкцией для генерал-губернатора. Важным дополнением явилось распоряжение, согласно которому законы и постановления, изданные в России, следовало вводить в действие в Финляндии через посредство статс-секретаря финляндского. Только в организационных вопросах представителям центральной власти надлежало обращаться непосредственно к генерал-губернатору.

Сенат по-прежнему оставался главным органом по подготовке финляндских дел, касавшихся бюджета, законов и привилегий; представлял их в Петербурге статс-секретарь. Упразднение Комиссии финляндских дел в свою очередь усилило положение сената. В 1826 г. в его ведение перешли многие дела (в особенности касавшиеся помилования), решения по которым сенат мог принимать без предварительного представления их императору. Еще в 1822 г. в оба департамента были назначены вице-председатели, которые позже фактически председательствовали, каждый в своем департаменте. Поскольку Закревскому принадлежало верховное право принимать решения и координировать процесс выработки важных мероприятий 1826 г., можно считать, что этот генерал-губернатор, снискавший в истории Финляндии славу «истового русификатора», в значительной степени способствовал упрочению особой администрации (автономии) Финляндии.

Чрезвычайные организационные преобразования в высшем руководстве империи (временный верховный комитет), вызванные войной с Турцией (1828), а также назначение Закревского министром внутренних дел привели к изменению порядка рассмотрения финляндских дел. Их представление было поручено вышеупомянутому комитету, а Закревский получил широкие, на последнем этапе своего пребывания на посту генерал-губернатора, тайные полномочия, позволявшие ему от имени императора принимать решения по многим финляндским делам.

Восстание декабристов в 1825 г., вспыхнувшее при восшествии на престол Николая I, оказало существенное влияние на административную систему николаевской эпохи, усиленное восстаниями в Польше (1830) и Венгрии (1848). Всесторонний контроль и надзор были ужесточены. Администрация обрела милитаристские черты. Николай I начал управлять страной при помощи различных канцелярий, временных комитетов и заместников. В рамках Канцелярии Его Императорского Величества было учреждено II отделение, которое проводило кодификацию законов также в Финляндии. Третье отделение стало государственной полицией, а корпус жандармов – подчиненным ему исполнительным органом. Канцелярия императора превратилась в государство в государстве. Политический полицейский надзор распространился и на Финляндию, которая входила в Петербургский жандармский округ. В 1829 г. жандармское отделение в Хельсинки возглавил штаб-офицер в чине полковника. Надзор за границами

и иностранцами усилился и в Финляндии, которая в рамках николаевской системы была пограничной зоной и зоной прикрытия Петербурга, защищавшей его от угрозы революции, исходившей с Запада. Указом 1829 г. была ужесточена цензура. В довершение ко всему в 1850 г. было запрещено издание на финском языке какой-либо печатной продукции, помимо литературы религиозного содержания²⁵. Финские ландгевдинги теперь именовались губернаторами (с 1837 г. – Т.А.), и в 1839 г. их обязали – по примеру русских губернаторов – ежегодно подавать рапорты непосредственно императору.

В то же время страх перед революцией воспрепятствовал или, по крайней мере, заморозил многие проекты русификации законодательной и общественной системы Финляндии. К.Е. Осмонсало назвал этот механизм управления «принципиальной политикой Николая I». В числе наиважнейших из приостановленных проектов была начатая в 1835 г. кодификация законов, которую намеревались провести в Финляндии, равно как и в прибалтийских провинциях. Менее известны, но не менее значимы были планы унификации должностной системы Финляндии и России, а также планы по изменению процессуального права Финляндии. А.С. Меншиков, преемник Закревского на посту генерал-губернатора, внес значительный вклад в приостановку этих проектов. В 1833 г. Меншиков принял финляндское гражданство.

Влияние канцелярской администрации Николая I распространялось также на управление делами Финляндии. В 1826 г. Канцелярия статс-секретаря финляндского вскоре после своего создания была преобразована в Его Императорского Величества Канцелярию финляндских дел. В делопроизводстве с французского языка перешли на русский. Хотя Императорская канцелярия финляндских дел и не стала отделением Канцелярии Его Императорского Величества (так же, как, например, учрежденная в 1840 г. канцелярия, ведавшая делами на Кавказе), на практике она находилась в подчинении I отделения Канцелярии императора: порядок делопроизводства, должностная система, мундиры были такими же, как и в I отделении. Но статс-секретарь финляндский никогда не являлся членом Государственного совета или комитета министров, как министр статс-секретарь польский, хотя в 1834 г. статс-секретарь финляндский и получил чин мини-

²⁵ Разрешена была также публикация литературы на сельскохозяйственные темы.

стра. Свое нежелание войти в Государственный совет Ребиндер на сей раз подкрепил ссылками на то, что от него, как не владеющего русским языком, в совете не будет проку. Однако явное стремление ввести статс-секретаря финляндского в Государственный совет возникло после восстания в Польше, когда в нем был учрежден польский департамент. Планировалось учредить также для министра Финляндии совет, подобный тому, какой был у других министров, и Гартман разработал план создания в рамках Государственного совета особого финляндского департамента. Сенат был связан с ним тем, что назначал бы в него двух своих членов.

Несмотря на чин министра, статс-секретарь финляндский никогда не занимал положения, аналогичного положению министров России. Как заметил преемник Ребиндера Александр Армфельт, по сравнению с другими министрами он выступал в роли просителя и вынужден был обращаться за поддержкой к министру и генерал-губернатору Меншикову²⁶. Чтобы противостоять многим министрам, его поддержки было достаточно, но министр финансов Канкрин даже для Меншикова был слишком влиятельной фигурой, что, в частности, выяснилось при подготовке постановления о торговле 1835 г. Несмотря на поддержку Меншикова, финны не достигли своих целей²⁷. Единственным министром Николая I, который поддержал представителей Финляндии, был министр иностранных дел Нессельроде.

В рамках той автократической системы, какой была Россия (где отсутствовал кабинет министров во главе с премьер-министром), каждый советник императора обладал властью, прямо пропорциональной своему положению при дворе и степени своей приближенности к императору. Министры и наместники выполняли свои служебные обязанности, представляя дела непосредственно императору. Двор был средоточием власти, как, например, во Франции времен Людовика XIV. Система сравнима с Империей Солнца, в которой Солнцем был император, министры и наместники – планетами, а их подданные, как, например, сенаторы и губернаторы Финляндии, – полными светилами. Процветал так называемый фаворитизм – система, при которой изменения в высочайшем расположении и масштабах власти могли быть столь стремительными,

²⁶ А.С. Меншиков, назначенный в 1827 г. начальником Главного морского штаба, был фактическим главой морского ведомства России.

²⁷ Финны настаивали на установлении таможенных пошлин на российские товары в Финляндии, поскольку таковые взимались с финляндских товаров в России.

сколь и непредсказуемыми. Того же положения, какого достиг Г.М. Армфельт, больше не достиг ни один из финляндских министров, за исключением, пожалуй, Плеве. Сын Г.М. Армфельта, Александр, ставший позже его преемником, на закате своей карьеры, во времена царствования Александра II, приблизился к положению своего отца, но и он не имел на дела, касавшиеся всей империи, влияния, сравнимого с тем, каким обладал его отец.

Когда Закревский впал в немилость из-за неудачи, которая постигла его в борьбе с эпидемией холеры, Николай I в 1831 г. назначил его преемником начальника Главного морского штаба Александра Меншикова, обосновав свое решение тем, что он всегда хотел поставить военно-морские силы Финляндии под начало своего командующего. Меншиков не переехал в Хельсинки, тем более что в 1836 г. его назначили морским министром, и осуществлял управление из Петербурга, где в помощь ему была создана особая Петербургская канцелярия. В Хельсинки учредили должность помощника генерал-губернатора, на которую получил назначение генерал А.А. Теслев (родом из Выборга). Он хорошо владел шведским языком и мог на деле выполнять функции председателя сената, как в свое время Штейнхель.

Меншиков, находясь в Петербурге, крепко держал в руках нити общего руководства, но не вникал в детали, что увеличивало свободу действий сената. Конечно, он опекал сенат и при необходимости мог его направлять, но, с другой стороны, уважал коллегиальную власть сената, в особенности его функции по контролю за правосудием и казной. Решения относительно новых расходов не могли быть приняты без доклада сената и утверждения его императором, но, с его точки зрения, сенат должен был безоговорочно подчиняться, когда речь шла о приведении в исполнение решений. Меншиков также строго следил за тем, чтобы законы или постановления, принятые в России, вступали в силу в Финляндии не иначе как путем их повторного представления статс-секретарем финляндским. Защищая местное финляндское законодательство от посягательств центральной власти, Меншиков даже поправлял в этом вопросе Армфельта. Когда в 1834 г. Меншиков обеспечил себе право представлять комитету министров финляндские дела, оно распространялось только на те дела, которые не меняли законов или постановлений Финляндии.

Хотя многие современники по обыкновению упрекали сенат в слабости, а сенаторов в недееспособности, на самом деле поло-

жение сената как центрального административного органа Финляндии во многих отношениях упрочилось именно во времена Меншикова–Теслева, хотя проводившаяся Гартманом реформа по введению русского министерского управления и не была осуществлена. Важным стало назначение в 1840–1841 гг. одаренного Л.Г. фон Гартмана на должности вице-председателя хозяйственного департамента и начальника финансовой экспедиции, а также его хорошо отлаженное сотрудничество с Меншиковым. Поворот в центральном управлении Финляндии пришелся на 1840-е годы, а в местном управлении – на 1860-е годы. «Скромный совет», который начал проводить свои заседания осенью 1809 г. в расположенном на берегу реки Аура доме скорняка Рихтера, теперь в действительности стал «финляндским государством», правительством маленького государства – Финляндии.

Поскольку сейм не созывался, сенат фактически взял на себя его функции. Министр статс-секретарь, находившийся в Петербурге, все чаще прибегал к поддержке сената и прокурора в попытках противостоять министрам империи. Чаще, чем раньше, при рассмотрении общегосударственных дел, то есть таких, которые касались и Финляндии, в сенат обращались за заключениями для министерств и Государственного совета. Сенат в свою очередь более не дожидался, когда его попросят, но сам давал заключения по вопросам, которые считал важными.

Значение сената (и следовательно, государства) как фактора, воздействующего на развитие экономики, возросло. Поворотными стали 1830-е годы. Своего рода симптомом времени была программа преобразования экономики, принятая в 1835 г.

За политическим отделением от Швеции последовало экономическое, но этот процесс оказался более медленным и более сложным. Как Боргоский сейм, так и Фридрихсгамский мир гарантировали продолжение отношений Финляндии со Швецией. Более значимый поворот пришелся на 1830-е годы. Тогда был подготовлен пакет постановлений и договоров, в который в качестве наиважнейших вошли постановления 1835 г. о торговле между Финляндией и Россией, а также о развитии промыслов, постановление 1837 г. о торговле между Финляндией и Швецией и денежная реформа 1840 г.

Таким образом, экономическое отделение от Швеции, которое не могли заменить соответствующие связи с Россией, вынуждало сенат Финляндии к развитию экономической самостоятельности

страны. Важной предпосылкой для этого, помимо роста доходов (особенно за счет повышения таможенных пошлин, такса 1841 г.), стала реформа налогообложения. Состояние финансов было упорядочено на основании так называемой денежной реализации 1840 г. путем перехода от шведской денежной единицы к рублю. Реформа Финляндского банка в том же году придала ему черты коммерческого банка, и он приступил к кредитованию не только сельского хозяйства, но и промышленности. Если еще в XVIII в. общественные инвестиции были связаны с использованием крестьянской и солдатской поденщины на строительстве дорог и рытье лесосплавных фарватеров (помимо обязательных строительных работ), XIX в. принес с собой масштабное строительство каналов (Сайменский канал) и, позднее, железных дорог. О происходившем таким образом укреплении государства со всей очевидностью свидетельствовал также рост численности гражданских чиновников: с 1809 по 1860 г. она утроилась. Так родилось финляндское «экономическое государство», как удачно заметил Матти Пелтонен в своем исследовании.

При отце и сыне Гартманах, Габриеле и Ларсе, экономической доктриной стал так называемый камерализм. Отчасти это был меркантилизм, но с акцентом на благоденствии отдельных подданных (помимо экономического процветания государства). Поэтому камералисты стремились устранить всевозможные монополии и привилегии. Камерализм существовал в Финляндии на протяжении всего XIX в., и начатые в 50-х годах мероприятия по снятию феодальных ограничений с развития промыслов были столь же камералистскими, сколь и либеральными.

Хотя в языке появилось новое слово «партия» и многих порицали за принадлежность к той или иной партии, политических партий в современном значении этого слова не существовало. Партии были так называемыми лигами или тайными обществами, контрольными группами, объединенными вокруг одной сильной авторитетной личности, идейной основой которых было стремление к достижению общей выгоды. Родственные отношения в них имели свое собственное значение. Так, например, говорили о «партии» статс-секретаря Ребиндера или о «лигах» Виллебранда и Маннергейма. Отношение к бывшей и новой метрополиям было важным фактором, служившим водоразделом мнений, и к нему правительственные круги Петербурга относились с особым вниманием. Один из осведомителей тайной полиции (Хуммель)

в 1826 г. поделил Финляндию на три части: Выборг был русским, Турку – шведским, Хельсинки – финским. Генерал-губернатор Закревский считал, что правильнее говорить о шведском дворянстве и чиновничестве, с одной стороны, и финском крестьянстве – с другой. Также начальнику III отделения (Бенкендорфу) был подан рапорт, в котором говорилось, что дворянство и горожане по-прежнему ориентируются на Швецию, тогда как крестьяне довольны своим новым отечеством.

В рапортах полиции и в рапортах генерал-губернатора визиты императора рассматривались как наиболее эффективное средство упрочения государственной связи между Финляндией и Россией. Александр I в 1819 г. совершил большую поездку именно по тем регионам Финляндии, в лояльности которых было больше всего оснований сомневаться. Николай I посетил Хельсинки как раз тогда, когда действительно стоило побеспокоиться о том, чтобы финны и впредь оставались верны своему монарху: в 1830 и 1833 гг. (вместе с императрицей, в память о чем был установлен «камень императрицы»), а также во время Крымской войны (1854).

Финляндское генерал-губернаторство как основа самоуправления

Роль генерал-губернаторов в истории Финляндии по традиции оценивают скорее отрицательно. Пожалуй, отчасти это объясняется тем, что первые биографии были написаны о тех из них, кто снискал себе дурную славу русификаторов и сатрапов: А.А. Закревском, Н.И. Бобрикове и Ф.А. Зейне. Однако генерал-губернатор являлся *de jure* верховным главой гражданской администрации Финляндии, председателем сената, командующим размещенными в Финляндии войсками и пр. На этих исторических портретных зарисовках позитивные моменты деятельности генерал-губернатора и его канцелярии были заслонены негативными моментами либо попросту утаивались. Пришло время дать им объективную оценку.

Часто употребляемый термин «финляндская автономия», который, насколько это известно, первым использовал профессор Й.Я. Нордстрём, означает самоуправление Финляндии в границах Российской империи: сенат, впоследствии собственный парламент (сейм), управление Финляндией только силами финляндских чиновников и пр. Рождение финляндской автономии наша историография связывает с клятвой (заверениями) императора на Боргоском сейме, которой были легализованы религия, основные законы и основные права подданных. Но, как известно, сейм не созывался в течение полувека, тем не менее автономия существовала и даже развивалась. При таком национально-романтическом отображении истории Финляндии остается в стороне более будничная, но в то же время важная деятельность генерал-губернаторов по созданию отдельного управления, или автономии Финляндии, а именно: защита ими «собственной территории», своего генерал-губернаторства, от посягательств со стороны чиновников империи.

Кристина Каллейнен назвала свою диссертацию, в которой исследуется правление трех генерал-губернаторов – Закревского, Меншикова и Берга, «Финляндское генерал-губернаторство», имея в виду как раз то, что именно генерал-губернатор являлся бесспорным главой финляндской администра

ции, следовательно, отдельного управления или автономии. Собственно первые планы создания отдельного управления были разработаны Г.М. Спренгтпортенем, который был назначен первым генерал-губернатором. То, что административная система оказалась в меньшей степени, чем это предполагал Спренгтпортен, ориентирована на центральную роль в ней генерал-губернатора, это другой вопрос. Барклай-де-Толли, ставший генерал-губернатором после Спренгтпортена, способствовал тому, что административная система стала своего рода «двоевластием», при котором правительствующий совет и его председатель обладали относительно равным влиянием. По инициативе его преемника, Фабиана Штейнхеля, была разработана и утверждена особая инструкция для генерал-губернатора Финляндии – единственная в своем роде в границах тогдашней империи. Ее исключительность состояла еще и в том, что в ней русский генерал-губернатор как председатель правительствующего совета был связан решением коллегиального органа. Генерал-губернатор мог занести в протокол свое особое мнение, но оно, однако, не могло помешать исполнению решения совета.

В начальный период пребывания Штейнхеля на посту генерал-губернатора (1810–1814) центр тяжести финляндской администрации находился в Петербурге, речь идет о Комиссии финляндских дел, которую возглавлял Г.М. Армфельт. А.А. Закревский, назначенный на пост генерал-губернатора в 1823 г., в 1826 г. преобразовал систему управления Финляндией, в результате чего ее основными звеньями вновь стали генерал-губернатор и сенат (в таком виде она сохранилась вплоть до ухода в отставку Ф.В.Р. фон Берга в 1861 г.). Сначала Закревский упразднил Комиссию финляндских дел, поскольку она служила помехой для него и его сената, но должность статс-секретаря сохранилась, и для него была разработана особая, подробная инструкция. Усилению значения сената способствовало также постановление 1826 г. о делегировании. В соответствии с ним на рассмотрение сената передавались многие дела, принимать решения, по которым он мог без предварительного представления их императору. Кроме того, Закревский добился для генерал-губернатора права сообщать

сенату устные приказы императора, главным образом исполнительного характера. (Они, однако, не касались наиболее важной административной сферы деятельности, как-то: издание законов и постановлений, принятие решений в области государственных финансов, практика назначения на высшие государственные должности и пр.) Для сохранения организационного единства администрации о вышеупомянутых приказах генерал-губернатору надлежало информировать статс-секретаря. Таким образом, как и прежде, все важнейшие финляндские дела представлял статс-секретарь. По регламенту Канцелярии статс-секретаря финляндского в правовых вопросах российским властям надлежало обращаться к статс-секретарю, в исполнительных – к генерал-губернатору. Соответствующее предписание было доведено до сведения российских властей, оно и было первым определением сферы действия общегосударственного законодательства в отношениях между Финляндией и Россией.

В результате мер по упорядочению и координации, которые использовал в своей практике Закревский и которые в целом в Финляндии считают не только нарушением конституции, но также русификацией, основные структуры финляндской автономии сформировались в том виде, в каком они сохранились до конца столетия.

А.С. Меншиков, сменивший А.А. Закревского на посту генерал-губернатора в 1831 г., почти не изменил созданную им систему. Поскольку Меншиков исполнял свои обязанности, находясь в Петербурге, там для него была учреждена особая Петербургская канцелярия генерал-губернатора, начальником которой стал Константин Фишер, выходец из Прибалтики. В 1834 г. Меншиков добился для генерал-губернатора права представлять финляндские дела комитету министров империи, за исключением тех дел, которые могли изменить местные законы и постановления. Не в пример Закревскому Меншиков оставил по себе добрую славу, и прежде всего благодаря тому, что приостановил кодификацию законов, начатую в Финляндии в 1835 г., в случае проведения которой законы Финляндии стали бы составной частью общероссийского законодательства, то есть произошло бы то же самое, что и с «мест-

ными законами» прибалтийских провинций. В благодарность за это сенат подарил А.С. Меншикову Аньяльское имение. Но приостановка кодификации законов была не единственным деянием подобного рода, хотя и общеизвестным. По крайней мере, столь же важным было противодействие Меншикова попыткам центральных властей ввести в Финляндии российскую должностную систему. Главным аргументом Меншикова в пользу приостановки кодификации законов были его опасения, что она могла бы спровоцировать беспорядки в Финляндии. Что же касается введения там российской должностной системы, то Меншиков считал, что момент для этого был упущен. С его точки зрения, этим следовало бы заняться сразу после завоевания Финляндии.

Хотя А.С. Меншиков иногда и направлял сенат в важных делах, в целом он в точности придерживался принципа; дела, касающиеся Финляндии, должны готовиться в Финляндии. Он также считал, что никакие ассигнования, не утвержденные властями Финляндии, не могут быть утверждены императором. Ему даже пришлось «поправить» своего коллегу Александра Армфельта: тот не представил императору повторно некоторые обнародованные в России законы, которые предполагалось ввести и в Финляндии; Армфельт направил указы сената напрямую генерал-губернатору для приведения их в исполнение в Финляндии. С вице-председателем хозяйственного департамента сената Л.Г. фон Гартманом у А.С. Меншикова завязались эффективные и плодотворные отношения сотрудничества: Гартман вносил предложения и проекты, Меншиков отсеивал их и утверждал. (На этих отношениях не отразилось даже то, что Меншиков за глаза упрекал своего коллегу в излишнем честолюбии и составлении бесполезных проектов.) Вместе они пытались переключить экономические связи Финляндии с Швеции на Россию, но серьезным препятствием, с которым они ничего не могли поделать, был волевой министр финансов Канкрин. Однако конечным результатом явилось рождение финляндского государства как совершенно новой хозяйственной единицы: его удалось существенным образом вывести из-под влияния Швеции, но оно не было интегрировано Россией. Во времена А.С. Меншикова значе-

ние сената продолжало возрастать. Хотя «князь» суверенно правил из Петербурга, уже то, что его финляндский помощник А.А. Теслев был в Хельсинки реальным, а не формальным председателем сената, имело свое особое значение. Проекты экономических реформ и вышеупомянутые меры по противодействию мероприятиям российских властей (кодификация законов и пр.) поставили перед сенатом много новых важных задач. Противодействуя проектам по унификации, Меншиков последовательно полагался как на компетентность сената, так и на осведомленность в вопросах права его прокурора, равно как и министры, статс-секретари Р.Х. Ребиндер и Александр Армфельт. Значение, которое сенат имел в то время, оценивается столь высоко, что один из разделов в исследовании, посвященном его истории, был озаглавлен «Сенат – Финляндия» (М. Тююниля)²⁸.

²⁸ См. список литературы.

Рождение идеи финляндской государственности

Ранее уже упоминалось о «финляндской идее» густавианцев, которая родилась в стенах Комиссии финляндских дел. Она содержала положение, согласно которому император дал финнам «государство», но более важным было представление о том, что в границах финляндской автономии начала формироваться нация, отличная от той, которая представляла бывшую метрополию, Швецию. Под «государством» понималось так называемое финансовое государство начала нового времени или, главным образом, то же, что правительствующий совет/сенат (административный аппарат). «Государство» и провинция еще не были взаимоисключающими понятиями. Правитель такой многонациональной империи, как Россия, располагал многочисленными управленческими аппаратами, государствами, предназначенными для различных подвластных ему народов. Правительствующий совет/сенат Финляндии был одним из таких аппаратов.

Только романтик А.И. Арвидссон и философ Й.Я. Тенгстрём начали говорить о присущем государству органическом содержании применительно также к Финляндии. Но на самом деле автором учения о финляндском государстве является профессор Израэль Вассер. Он разработал и представил свою концепцию в памфлетах, написанных им в конце 1830-х – начале 1840-х годов. Согласно представлениям Вассера, исходившего из теории естественного права, на Боргоском сейме финны эмансипировались (освободились) от власти Швеции, заключили «сепаратный мир» (договор) с российским императором и по этому договору Финляндия превратилась из шведской провинции в конституционно управляемое государство. Его основными законами, подтвержденными императором, были шведские законы: Форма правления 1772 г. и Акт соединения и безопасности 1789 г. Арвидссон и правовед, профессор Й.Я. Нордстрём облекли учение Вассера

в юридические одежды. Наиболее значимым дополнением Нордстрёма к этому учению был тезис о том, что Финляндия являлась автономным государством, находившимся в реальной унии с Россией. Хотя в общественных кругах Финляндии это учение в 1840–1850-е годы не получило признания, оно нашло одобрение у образованных и влиятельных политиков. Однако Снельман²⁹ в своем «Учении о государстве» под «государством» еще не имел в виду Финляндию. Учение стало общеизвестным только начиная с 1860-х годов, когда Снельман, к счастью, подметил, что Финляндия стала государством уже в 1809 г. Важную роль в распространении этого учения сыграли споры в январе 1861 г. о конституционности комиссии, занимающейся подготовкой сессии сейма. В знак протеста в Хельсинки прошла первая политическая демонстрация, основная идея которой заключалась как раз в слове «конституция». Когда затем, в январе 1862 г., собралась комиссия (из 48 депутатов – по 12 от каждого сословия. – Т.А.), приступившая к подготовке необходимых предложений для последующей работы сейма, в ее протоколе, как и в сенате, были использованы уже знакомые слова – «конституция», «основное законоположение государства», «государственные власти» (земские чины и правитель).

Учение о финляндском государстве, отдельном от российского государства, было фатальным, имея в виду будущее развитие отношений между странами, поскольку оно возникло и распространилось в Финляндии именно в то время, когда Россия начала трансформироваться из многонациональной династической унии в единое государство (единое и неделимое). Это учение было абсолютно несовместимым с государственной идеей, взятой на вооружение в России. Согласно этой идее Финляндия могла быть только составной частью – провинцией или областью – государства Российского³⁰.

«Финляндскую идею», которая получила развитие в узком кругу чиновничества, пропагандировали также писатели и худож-

²⁹ Снельман, Йохан Вильгельм (1806–1881) – философ, государственный деятель, сенатор (1863–1868), журналист, основоположник финского национального движения, феннофильства, возникшего в Финляндии в 30-е годы XIX в.

³⁰ «Финляндия есть составная часть государства Российского, с ним нераздельная» // Высочайший рескрипт от 8(20) июня 1899 г. по поводу речей, произнесенных при закрытии чрезвычайного сейма 1899 г.

ники слова, такие, как Й.Л. Рунеберг³¹ и З. Топелиус³². Правительство поддерживало их денежными дотациями, жаловало титулы и ордена. Те, со своей стороны, были верны императору и своим искусством упрочивали связь между Финляндией и Россией. В 1846 г. было основано Финское общество любителей искусства, покровителем которого стал сын наследника престола, будущий император Александр III. Стихи Рунеберга и книга Топелиуса воспевали природу, народ новой Финляндии, «нашей страны». Еще Александру II смогли представить в рамках одного и того же мероприятия как императорский, так и национальный гимн Финляндии «Наша страна». «Рассказы прапорщика Столя» Рунеберга подарили новой нации ее героев Садцельса, фон Дёбеля и Свена Дуву. Война между Швецией и Россией 1808–1809 гг. стала «финляндской войной», а поражение Швеции стало победой финнов и Финляндии. Александровский университет и его студенты сыграли основную роль в том, что эта новая «финляндская идея» получила распространение и признание в обществе.

Согласно «финляндской идее» новое Великое княжество отделял от Швеции, кроме всего прочего, финский язык. Благоклонное отношение к нему со стороны российского правительства одновременно являлось частью политики умиротворения Финляндии и обеспечения лояльности финнов по отношению к России. Однако вопросу о языке не разрешалось придавать политический характер. Это смог почувствовать на собственном опыте Й.В. Снельман, когда закрыли его газету «Сайма» и он не получил должности в университете. А.С. Меншиков обозвал его «коммунистом». Кроме того, запрет 1850 г.³³ был продиктован политическим страхом, главным образом вызван волной революций 1848 г. Однако изучение финского языка и культуры родственных

³¹ Рунеберг, Йохан Людвиг (1804–1877) – национальный поэт Финляндии. Уже в его любовной лирике 1830-х гг. появились образы простых людей. Однако национальный романтизм, патриотизм и героизм получили наиболее яркое выражение в его наиболее известном произведении «Рассказы прапорщика Столя» (1848–1860), воссоздающем события войны 1808–1809 гг. Рунеберг также автор современного национального гимна Финляндии «Наша страна». Его произведения переведены на многие языки.

³² Топелиус, Закариас (Сакари) (1818–1898) – классик финской литературы, историк. Автор стихов, пьес, романов, сказок, путевых записок и учебных пособий. Его творчеству присущи глубокий патриотизм и идеализм.

³³ Запрет 1850 г. на публикацию литературы на финском языке, помимо книг религиозного и сельскохозяйственного содержания.

финнам народов, проживавших на территории России, поощрялось (А. Шёгрен в Петербургской академии наук, М.А. Кастрён). Элиас Лённрот собрал и издал «Калевалу», народный эпос новой нации. Но собирание рун и изучение финно-угорских народов способствовало не только развитию финского национального чувства, но одновременно имело общегосударственное значение. Эта деятельность должна была показать и показала, что финны внесли важный вклад в начальную историю Российского государства. Именно на этом сделал акцент Шёгрен, мотивируя свою просьбу о выделении ему стипендии ссылками на «Повесть временных лет». Итак, изучение финно-угорских народов являлось составной частью изучения культуры многонационального Российского государства. «Калевала» была свидетельством мощи и давних культурных традиций как Российского империи, так и входившего в нее Великого княжества – Финляндии.

Перелом в Крымской войне: реформы и фаворитизм

Подобно тому как война 1808–1809 гг. между Швецией и Россией определила послевоенный административный порядок Финляндии, так и Крымская война 1854–1856 гг. оказала важное влияние на последующее развитие Финляндии.

Война коснулась Финляндии следующим образом: французский и английский флот подверг артиллерийскому обстрелу береговую полосу и бастионы (Бомарзунд, Свеаборг). Показательным для военных действий того времени было то, что сам Хельсинки не подвергался бомбардировкам. Таким образом, горожане могли наблюдать бомбардировки со скалы Улланлинна (парк Кайвопуисто в западной части Хельсинки. – Ю.Д.) как своеобразный фейерверк. Хотя в Финляндии военное положение официально не объявлялось, исключительные полномочия, полученные помощником генерал-губернатора П.И. Рокасовским, по существу означали именно это. (Генерал-губернатор Меншиков был откомандирован в Крым.) Однако Рокасовский, не преуспевший в руководстве обороной, был отозван в Петербург, в Государственный совет. На его место был назначен генерал из Прибалтики, граф Ф.В.Р. фон Берг, который за свой небрежно суетливый стиль работы получил прозвище Хлопотун. Хотя Николай I назначил Берга исполняющим обязанности генерал-губернатора, он был утвержден в этой должности Александром II и остался служить в Хельсинки.

Но прежде всего война ослабила положение России и одновременно укрепила положение западных держав, Англии и Франции. Таким образом она заложила основу и предпосылки постепенной переориентации Финляндии с России на Западную Европу как в экономическом и политическом, так и в культурном отношениях. Поскольку 60% финских деревянных парусников было уничтожено в ходе войны, это помогло в свою очередь переходу к строительству металлических паровых судов. Еще во время войны, с целью поддержать в финнах веру в победу России, были составлены памятные записки, в которых обрисовывалось новое величественное будущее Финляндии как западного аванпоста еще

более сильной России. После поражения и заключения Парижского мира эти записки были спрятаны в самый дальний ящик. Поражение России затронуло Финляндию самым непосредственным образом: была заключена международная конвенция (не связанная с мирным договором), вводившая запрет на возведение укреплений на Аландских островах. Одновременно страны-победители, Англия и Франция, получили своего рода право контроля за военной политикой России в Финляндии.

За освобождение крестьян Александр II был прозван «либералом». В Финляндии ему поставили памятник, и здесь он снискал славу «вдохновителя конституционной государственной жизни» за созыв сейма и утверждение Сеймового устава 1869 г. К проведению реформ Россию вынудило поражение в Крымской войне. Важнейшей была военная реформа. Предпосылки многих преобразований возникли еще во времена царствования Николая I.

С Крымской войны и реформ началась, однако, унификация управления в России, значительно повлиявшая и на положение Финляндии. Власть министров упрочилась, и сотрудничество между ними расширилось. После польского восстания была поставлена цель сделать Российское государство единым и неделимым. Если для николаевской системы была характерна централизация, при которой управление окраинами осуществлялось через наместников, наделенных широкими полномочиями, Александр II стремился унифицировать управление западными окраинами империи. С точки зрения автономного положения Финляндии такая перемена была невыгодной, но на практике уступки, которые были сделаны в начальный период правления нового императора, подготовили почву для расширения финляндской автономии. Правда, одновременно были посеяны семена более позднего конфликта: с одной стороны, существовала унифицирующаяся Россия, с другой – отделяющаяся от нее Финляндия.

Французскому историку Алексису Токвилю принадлежит известное высказывание: слабое правительство наиболее уязвимо тогда, когда оно обращается к реформам. Хотя Александр II вряд ли был знаком с этим высказыванием, он и его советники все же решили не рисковать: с началом проведения реформ одновременно активизировалась деятельность полицейского аппарата. Со всей наглядностью это проявилось и в Финляндии. В 1857 г. вновь был учрежден корпус жандармов и начат постоянный контроль за состоянием умов. Одновременно с открытием летом 1863 г. сессии

сейма в Хельсинки был организован парад с целью продемонстрировать военную мощь России. Генерал-губернатор Финляндии стал командующим Финляндским военным округом в рамках утвержденной в 1864 г. системы военных округов. В помощь генерал-губернатору в руководство администрацией была введена группа финских генералов, отличившихся на службе в русской армии: Й.М. Норденстам стал вице-председателем хозяйственного департамента сената и ландмаршалом в сейме, Б. Индрениус – сенатором и исполняющим обязанности генерал-губернатора. Кроме того, многие военные стали просто сенаторами.

Александр II был самодержцем, возвращенным Сперанским. Он усвоил от своего учителя, что в «чистой монархии», каковой была Россия, могут быть институты консультативного характера, как, например, съезды сословий. Однако монарх, правитель вовсе не обязан был делить власть с ними. Когда Александр II, подтверждая правомочность заверений, что были утверждены и его предшественником, заменил слова «по конституциям» словами «по установлениям»³⁴, он хотел сделать акцент именно на этом принципе. У Финляндии не было такой конституции, согласно которой власть была бы разделена. Под «принципами конституционной монархии», которым в своей речи на открытии сессии сейма в 1863 г. Александр II обещал следовать, он подразумевал законное управление, а не «революционное разделение власти» между правителем и сеймом. В речи, обращенной как к сенату, так и к земским чинам, он подчеркнул, что Финляндия «заняла место среди наций», управляемых императором России. На практике он был последовательным блюстителем общегосударственных интересов России. Как заметил еще Снельман, ни по одному из финляндских дел, касавшихся интересов империи, он не принимал решения, не испросив предварительно совета у министров. Это касалось, в частности, финансовой и военной реформ.

³⁴ С 1855 г. выражение «по конституциям» заменяется словами «по установлениям», а с 1881 г. вместо «коренные» говорится «основные законы».

От реформ по сближению к сепаратизму

В середине 1850-х годов Россия вновь начала действовать по той же схеме, что и после войны 1808–1809 гг. Чтобы Финляндия не отдалялась, а, напротив, сближалась с Россией, следовало возместить потери, причиненные войной, и оживить экономику, в особенности пришедшую в упадок торговлю. Еще до заключения мира под руководством Гартмана была разработана программа реформирования как экономики, так и управления. В сфере экономики ставилась цель добиться сбалансирования товарооборота между Финляндией и Россией, устранить ограничения в области кредитования и промысловой деятельности, улучшить состояние транспортной сети (каналы, железные дороги) и провести школьную реформу. В сфере управления основная задача состояла в том, чтобы отставить генерал-губернатора от должности главы гражданской администрации, создать совет, который контролировал бы его деятельность (противовес), и укрепить положение сената, учредив высокооплачиваемые сенаторские должности. Экономические реформы продвигались лучше, чем административные, так как их поддерживал генерал-губернатор Берг. Из числа административных реформ удалось только учредить сенаторские должности и в качестве одного из противовесов генерал-губернатору воссоздать в 1857 г. коллегиальное учреждение при статс-секретаре³⁵. Теперь это был уже не просто рабочий орган при министре статс-секретаре, подобный Комиссии финляндских дел, созданной в 1811 г. с тем, чтобы «связать» генерал-губернатора. Позднее Комитет превратился в форум согласования статс-секретарем и генерал-губернатором взаимных интересов, то есть интересов Финляндии и России. В 1880-е годы его значение начало убывать, и из органа согласования он превратился в форум конфликтов.

Программа экономических реформ была обнародована в торжественной обстановке во время посещения императором сената

³⁵ Коллегиальное учреждение было воссоздано в 1857 г. под названием Комитет при статс-секретаре финляндском; упразднен в 1891 г.

в марте 1856 г. Поначалу реализацией этой программы руководил Гартман, прежде занимавший ведущие позиции в управлении Финляндией и работавший в сотрудничестве с Бергом. О руководящей роли этих двух людей – финских первопроходцев времен Александра II – можно со всей очевидностью судить на примере большого праздника, организованного в Хельсинки весной 1856 г. в связи с окончанием Крымской войны. Основными ораторами на нем выступали именно Берг и Гартман.

Программу реформ задумал и спланировал Гартман, Берг одобрил ее, а Армфельт представил императору. Император во время пребывания в Хельсинки в марте 1856 г. продиктовал ее основные пункты для протокола сената, поэтому сенат именно под руководством Берга и Гартмана мог приступить к ее осуществлению. Так как цель программы состояла в возмещении потерь, причиненных войной, что должно было сблизить Финляндию с Россией, прежде всего следовало оживить торговлю и мореходство. Были предусмотрены также меры в отношении финансов, промышленности, транспорта и школы. Для оживления промыслов следовало устранить, по выражению Гартмана, все «унизительные ограничения». В их числе оказался и указ 1835 г. о торговле между Финляндией и Россией, подготовкой которого в свое время занимался сам Гартман. Политику устранения ограничений по традиции называют либеральной (либерализмом), но Гартман был не либералом, а камералистом. Хотя программа предполагала устранение ограничений (либерализм), в своей основной части это была спущенная сверху, руководимая государством программа реформ, в процессе осуществления которой были использованы привычные бюрократические методы. Еще до сессии сейма в 1863 г. при помощи постановлений, во время подготовки которых обращались за заключениями в различные инстанции, а не только в центральные учреждения и Экономическое общество, были осуществлены пункты, не терпящие отлагательства. В 1859 г. были сняты некоторые ограничения феодального характера в области промысловой деятельности. Созданы сельскохозяйственные школы (в 1858 г. реформировано учебное заведение в Мустииале³⁶). Указ о торговле между Новой Финляндией и Россией, который предполагал боль-

³⁶ *Мустиала* – бывшее королевское имение, основанное в 1556 г. Густавом Васой в общине Таммела губернии Хяме; позднее принадлежало шведско-финскому дворянскому роду Хорнов. С 1837 г. государственное учебное хозяйство. В 1840 г. в Мустиале была основана первая в Финляндии сельскохозяйственная школа.

шую согласованность взаимных товарных поставок, был издан в 1859 г. Новый указ о лесном хозяйстве (1861) устранил ограничения в лесопилении и, что особенно важно, разрешил строительство паровых лесопилен. В отношении развития транспортных путей важнейшим стало решение о начале строительства железных дорог. Первая железная дорога связала в 1862 г. Хельсинки с Хямеенлинной. Вначале железнодорожную сеть создавали, исходя из транспортных и экономических потребностей Финляндии. И только строительство Петербургской железной дороги было обусловлено военно-стратегическими интересами России. Лишь в период так называемых лет угнетения военные интересы России начали оказывать свое влияние на строительство железных дорог. Тем не менее и Петербургская железная дорога на всем ее протяжении, в том числе участок на территории России, находилась в ведении правительства Финляндии. Ширина колеи, однако, стала такой же, как в России, но железнодорожную сеть Финляндии объединили с российской только во время Первой мировой войны, когда с Финляндского вокзала в Петербурге протянули через Неву железнодорожную ветку, связавшую две магистрали.

В результате этих реформ как промышленность, так и внешняя торговля Финляндии начали быстро развиваться. Особенно быстрым был рост производства и экспорта продукции лесопиления. На втором месте по темпам роста стояли производство и экспорт древесной массы и бумаги. Особенно значительным стал вывоз бумаги в Россию. Начала развиваться и металлообрабатывающая промышленность, однако прогрессу в этой отрасли мешали недостаточные запасы местного сырья. Период с начала 1860-х годов вплоть до Первой мировой войны ознаменовался бурным индустриальным и экономическим ростом. Так, в ценовом выражении внешнеторговый оборот увеличился с 1861–1865 гг. по 1906–1910 гг. в 6,6 раза. Наиболее быстрыми темпами развивались промышленность, торговля и транспорт. Экономическая и промышленная модернизация Финляндии привела к подъему небольшой группы промышленной элиты, состоявшей из представителей как дворянских, так и нетитулованных родов – например, таких как Грипенберги, из которых особенно выделялся военный инженер и сенатор Леннарт Грипенберг (1852–1933).

Программа Гартмана, а также его нового помощника Эмиля Шернваль-Валлена, предполагала помимо ограничения полномочий генерал-губернатора, которого планировали поставить во гла-

ве только учреждений, отвечавших за поддержание общественного порядка, усиление положения сената, выделение из него судебного департамента и преобразование его в верховный суд (что не было сделано в 1809 г.). Эта часть программы реформ, однако, натолкнулась на противодействие вначале Берга, а затем его преемника Рокасовского. Влияние генерал-губернатора на внутреннюю политику несколько не уменьшилось: в сущности, он утверждал назначения не только сенаторов и губернаторов, но и других высших чиновников (часто сам отбирал кандидатов на ту или иную должность), жаловал ордена и другие свидетельства милости императора, а также карал за провинности. Ему принадлежало решающее слово при избрании как ландмаршала, так и председателей сословных коллегий, и, за исключением речи при открытии сессии сейма 1863 г., он занимался подготовкой торжественных речей и зачитывал их от имени императора как при открытии, так и при закрытии сессий.

Когда в сенате приступили к осуществлению программы 1856 г., возникли многочисленные вопросы, касавшиеся законодательства и налогообложения, для разрешения которых, в соответствии с новыми представлениями о конституции, требовалось одобрение их земскими чинами. С этой целью сенат разработал широкую программу реформирования законодательства. Вопрос о созыве сословного собрания (или, как теперь говорили по-фински, о созыве сессии парламента) приобрел актуальность и стал объектом всеобщего внимания. В этой связи особое значение имела речь профессора Ф.Л. Шаумана на празднике, организованном университетом в 1857 г. по случаю коронации. О сословном собрании, созванном в Порвоо в 1809 г., начали говорить как об историческом прецеденте. Р.В. Экман написал картину, изображающую его открытие. Юрьё-Коскинен напомнил присутствовавшим слова Александра I о возведении Финляндии в «достоинство нации».

Преемник Гартмана на посту начальника финансовой экспедиции Фабиан Лангеншёльд вначале высказал идею о созыве сеймовой комиссии. Несмотря на протесты генерал-губернатора Берга, император одобрил эту идею, причем Бергу пришлось подать в отставку. Для успокоения общественных страстей на его место был назначен «кроткий» генерал Рокасовский, пользовавшийся расположением финнов. Комиссия вызвала как в сенате, так и в общественных кругах критические настроения и неприятие: считали, что ее созыв противоречит конституции, и опасались, как бы

она не подменила собою сейм. Как говорилось выше, недовольство вылилось в первую в Финляндии политическую демонстрацию, участники которой скандировали лозунг «Да здравствует конституция!». Для нормализации ситуации по предложению Лангеншёльда император дал разъяснение, согласно которому задача комиссии состояла лишь в подготовке дел для будущей сессии сейма. Это подействовало успокаивающе на настроения, и, когда Рокасовский приехал в Хельсинки с обещанием созвать сессию сейма, страсти окончательно улеглись.

Созыв сейма все еще оставался проблематичным ввиду международного положения и ситуации в России. Разрешение на созыв сессии сейма в Финляндии сделало бы более настойчивыми требования учредить аналогичный орган в России. Остроту этой проблемы по инициативе финляндских советников пытались сгладить доказывая как императору, так и общественности (через российскую печать), что в Финляндии речь шла не о собрании, подобном сессии шведского риксдага, но лишь об отвечавшем традициям монархии сословном съезде, консультативном по своему характеру. Генерал-губернатор Берг считал, что на императора попусту оказывают давление, и не видел ничего крамольного в том, чтобы позволить финнам проводить сословные собрания, коль скоро таковые проводились и в Лифляндии. Влияние скандинавизма³⁷ ощущалось также в Финляндии. Война породила идеи нейтралитета и мечты о флаге (своем торговом флаге). Ситуация в Польше обострилась, и Финляндию сравнивали с нею. Даже император Александр II называл Финляндию «маленькой Польшей». Когда вспыхнуло польское восстание, в Петербурге ситуацию в Хельсинки расценили как критическую – настолько, что подумывали об объявлении в Финляндии военного положения. В итоге все же было принято компромиссное решение: открыть сессию сейма, но одновременно продемонстрировать военную мощь России, организовав в Хельсинки парад. К тому же ко времени открытия сессии на случай возникновения беспорядков вблизи мест сбора делега-

³⁷ *Скандинавизм* – идейное движение с акцентом на единстве северных стран (Скандинавских стран и Финляндии), развитие которого стало возможным ввиду ослабления России в период Крымской войны (1853–1856). Одной из его центральных фигур был Эмиль фон Квантен, живший в Швеции. В Финляндии движение не нашло существенной поддержки. Снельман и другие фенноманы были противниками скандинавизма. Когда в 1864 г. Швеция и Норвегия не поддержали Данию в ее борьбе против Пруссии и Австрии, движение сошло на нет.

тов было выставлено военное охранение. (В интересах безопасности вначале сессию собирались провести в Выборге. Решающим для выбора в пользу Хельсинки стало мнение генерала Норденстама, считавшего, что проведение сессии сейма в Выборге дало бы повод говорить, что она работает под пушками.) Как церемония открытия сессии, так и сами заседания прошли под контролем генералов Рокасовского и Норденстама, а также помощника министра статс-секретаря, подпоручика Шернваль-Валлена, без особых помех. (Шернваль-Валлен был своего рода эмиссаром Армфельта.) Единственным камнем преткновения стали споры относительно права представительства для финнов, находившихся на службе в России.

Поскольку к визиту императора в сенат в 1856 г. было приурочено представление программы развития экономики, финляндские советники (Армфельт, Снельман) намеревались заодно представить и ту политическую программу, которую Берг отклонил ранее, в том же 1856 г. Император пообещал, что некоторые пункты в конституционных законах, которые не отвечали новому положению Финляндии, будут пересмотрены: это касалось расширения прав земских чинов на контроль за исполнением бюджета, восстановления их права законодательной инициативы, созыва сессий сейма, которые стали бы регулярными.

Программа реформ 1856 г. в протоколе сената

Как в исследованиях по истории Финляндии, так и в школьных учебниках Александра II титулуют не иначе как либералом. Даже на страницы авторитетных диссертаций проникло утверждение, что либерализм пришел в Финляндию потому, что Александр II был либералом. После упоминания о его восшествии на престол в основном далее излагают следующее: при посещении Хельсинки весной 1856 г. он продиктовал для протокола сената широкую – либеральную по своей сути экономическую программу. Программа включала лишь пять в общих чертах изложенных пунктов, но зато была важной. В соответствии с ней сенату надлежало вносить предложения о содействии развитию торговли и мореходства с целью устранения ущерба, причиненного войной; о содействии развитию промышленности; об открытии школ в сельских общинах; учредить комитет, который занимался бы вопросами развития транспортных связей, и вносить предложения о повышении окладов чиновникам.

На программу ссылаются как на «важную», но нигде не говорится, откуда и каким образом возникла «столь важная» программа. Читатель может подумать, что император вынул ее из собственного кармана прямо в сенате или написал в санях на пути из Петербурга в Хельсинки. Конечно же, все было не так. Выработке программы предшествовал долгий и кропотливый процесс подготовки, в котором принимали участие многие талантливые государственные мужи того времени во главе с Л.Г. фон Гартманом, Александром Армфельтом и генерал-губернатором Бергом. Главным идейным вдохновителем программы был, собственно говоря, Гартман, которого характеризовали в Финляндии как крайнего консерватора. Итак, эту дальновидную программу реформ, о которой пишут как о либеральной, подготовили главным образом консервативные представители старой системы! Мало кому приходит в голову, что, например, Гартман был весьма гибким политиком и умел быстро приспосабливаться к новым условиям и что на этом этапе он отнюдь не потерял желания и способности разрабатывать программы в духе времени. С Гартманом на подго-

товительной стадии сотрудничал Казимир фон Котен, также снискавший славу убежденного консерватора. К работе над программой были привлечены такие водные сенаторы, как Меллин и Рихтер. В Петербурге Армфельт читал и правил проекты, а также загодя представлял их императору. Собственно, процесс подготовки программы, этап за этапом, начиная с первых проектов Гартмана и до окончательного варианта на французском языке, рассмотренного и утвержденного Бергом, можно со всей наглядностью проследить по документам из собрания Армфельта.

Проект программы реформ был значительно шире окончательного ее варианта, продиктованного для протокола. Предполагалось провести также политическую реформу, в особенности в административной сфере: выдвигалась цель отставить генерал-губернатора от гражданской администрации или, по крайней мере, назначить некий совет старейшин в качестве органа контроля за его деятельностью. Судебный департамент сената должен был быть преобразован в самостоятельное учреждение – верховный суд. В результате положение сената настолько бы укрепилось, что находившийся в Петербурге Комитет при статс-секретаре финляндском мог быть упразднен. Вице-председатель хозяйственного департамента фактически стал бы премьер-министром, экспедиции были бы преобразованы в департаменты, подобные министерствам. Но эта административная реформа «рассыпалась» из-за сопротивления генерал-губернаторов, Берга и его преемника Рокасовского. Они не желали мириться с ограничением собственной власти, а также были против «ревизоров», которые контролировали бы их деятельность.

Для претворения обещаний в жизнь были учреждены два комитета (в обход сената и генерал-губернатора). Первый, председателем которого стал Норденстам, должен был разработать новый Сеймовый устав и Форму правления. Второй (председатель – сенатор Кронстедт) – осуществить реформу учреждений центральной администрации. Главными идеологами работы комитетов являлись профессоры Й.Ф. Пальмён и Й.Я. Нордстрём, а также сенатор О. аф Брунер. Таким образом, при подготовке доклада о Форме правления, основу которого составили Форма правления 1772 г. и Акт 1778 г. о соединении и безопасности, использовано учение Нордстрёма и Пальмёна о финляндском государстве, хотя употреблять слово «государство» применительно к Финляндии еще избегали: согласно § 1 доклада, Великое княжество Финляндское являлось частью Российской империи и было неразрывно связано с императорской властью в России, но им управляли в соответствии с собственной конституцией и собственными законами. Еще в 1819 г., после чего в начале 1840-х годов в комитете по кодификации законов ставили целью принятие Формы правления, которая основывалась бы на Форме правления времен Густава III и была бы приведена в соответствие с новым статусом Финляндии как автономного княжества в составе Российской империи.

Реформа административного аппарата была нацелена на то, чтобы поставить генерал-губернатора только во главе вооруженных сил и органов по поддержанию общественного порядка, преобразовать судебный департамент сената в самостоятельный орган, верховный суд, и учредить коллегии в качестве подготавливающих органов, подчиненных хозяйственному департаменту. (Армфельт и Шернваль-Валлен даже планировали назначение в Финляндию наместника, которым стал бы кто-нибудь из русских великих князей.) Проект реформы, по существу, был весьма консервативным: ведь его идеологи представляли историческую школу³⁸. Речь шла о шведской густавианской системе, которая так до конца и не была введена в Финляндии в 1809 г. В Финляндии упорно держались за коллегиальную систему управления, в то время как в Европе перешли к министерской системе и даже в метрополии, в России, были учреждены министерства. К тому же представительный орган оставался четырехсословным. Консерватизм

³⁸ Историческая школа, направление вульгарной политэкономии, возникшее в сер. XIX в. в Германии.

был обусловлен не только тем, что реформаторы принадлежали к исторической школе, как было упомянуто выше, но также страхом перед русским влиянием. В частности, опасались, что Финляндия попадет в орбиту министерской системы. Это наглядно обнаружилось, когда в 1867 г. депутаты от дворянского сословия отвергли предложение помещика Шателовица: тот хотел, чтобы в сенате была введена эффективная система департаментов.

Но в обострившейся ситуации второй половины 1860-х годов (в 1866 г. Каракозов предпринял покушение на императора Александра II) даже консервативные цели, подобные вышеупомянутым, были «излишними». Узнав о готовившейся реформе административного аппарата, генерал-губернатор Рокасовский счел нужным вмешаться в дело и обвинить комитет в «сепаратизме», а также в попытке ослабить положение генерал-губернатора. В результате реформы были похоронены, реформа административного аппарата – в том числе со ссылкой на нехватку денежных средств. Но хотя основная структура сената сохранилась в прежнем виде и в 1857 г. было введено пожизненное пенсионное содержание сенаторов (по их собственной инициативе), как в самом сенате, так и в широких общественных кругах сенат начали считать «современным правительством», хотя еще и не парламентским. В газетах писали о «министрах» и их портфелях; аналогичным образом поступал даже русский генерал-губернатор, представляя вновь назначенных сенаторов. Регулярная деятельность сейма и проведение вышеупомянутой программы реформ также способствовали усилению роли сената и росту самосознания его членов. В докладе по вопросу о Форме правления сенат был приравнен к Государственному совету Швеции. Говорилось о том, что ему следовало бы позволять давать заключения по всем делам, поступающим на рассмотрение императора. Когда при обсуждении в 1867 г. нового закона о печати обнаружилось, что сенат возомнил себя органом, подобным Государственному совету, Александр II счел необходимым напомнить, что он не является таковым и, следовательно, император не нуждается в его рекомендациях по управлению Финляндией. Однако в действительности сенат повел себя так, как если бы он был Государственным советом. Он представлял императору свои соображения по тем или иным вопросам (хотя император об этом вовсе не просил) и учреждал комитеты.

Из числа проектов реформ был осуществлен лишь один – касавшийся введения нового Сеймового устава. Его утвердил император

в 1869 г. Это был первый и единственный изданный именно для Великого княжества Финляндского основной государственно-правовой акт. Императору было бы сложно не утвердить его, поскольку он уже пообещал созывать сессии сейма через строго установленные промежутки времени и для этого земским чинам потребовалась бы какая-либо инструкция. Российской обществу дело было представлено так, будто речь шла только о кодификации и новом издании старого Устава от 1617 г. Обещание вернуть сословиям «право законодательного почина», данное Александром II еще в 1863 г., не выполнялось вплоть до 1886 г. ввиду вышеупомянутых сложностей общеполитического характера. Прокурор Палмён добился одобрения проекта генерал-губернатором Адлербергом, прибегнув к искусному объяснению, согласно которому речь шла не более как о праве подавать прошения, которым земские чины и без того уже обладали, но право законодательной инициативы в свою очередь способствовало бы росту самосознания депутатов.

При том что политическая система Финляндии по своей форме осталась прежней, четырехсословной и коллегиальной, по своему содержанию она постепенно превращалась в либеральное гражданское общество. В начале XX в. в Финляндии его уже повсеместно стали считать классовым обществом. Уже в Сеймовом уставе 1869 г. был зафиксирован принцип, в соответствии с которым земские чины представляли весь народ. На рубеже веков границы между сословиями утратили былую четкость. Это нашло выражение прежде всего в росте численности городского населения, который наметился еще до парламентской реформы 1906 г. Сословные привилегии начали поэтапно устранять. Но наиболее быстрыми темпами происходил распад сословного общества на более низком уровне – на уровне коммунального и городского управления (реформы 1865 и 1873 гг.). Важными шагами в этом направлении стали также отмена регламентации феодального характера в сфере промысловой деятельности (закон 1879 г.), отказ от института рустгалтеров, устранение ограничений на владение фрельсовой землей (1864).

Хотя цель преобразований, начатых в 1856 г., состояла в том, чтобы сблизить автономное княжество с Россией, в сущности их проведение стимулировало развитие сепаратистских тенденций в Финляндии. Программа реформ, проводимая в Финляндии, в целом отличалась от той, которая осуществлялась в России, не считая закона о воинской повинности. С другой стороны, российские зем-

ская и судебная реформы не имели аналогов в Финляндии. (В сельских общинах Прибалтики земская реформа прошла.) Регулярно собиравшиеся сессии финляндского сейма приступили к решению законодательных вопросов, накопившихся во множестве за период с 1809 по 1863 г., и в результате вывели Финляндию на путь развития, отличный от российского. И это несмотря на то, что сейм держали под строгим контролем генерал-губернатор и министр статс-секретаря, с одной стороны, и сената, своего рода проверяющей «верхней палаты», – с другой.

Россия и Финляндия развивались в разных направлениях, но ведь и отправные точки были различными. Хотя в принципе уже император Александр II стремился с помощью своих министров привести издававшиеся для Финляндии законы в соответствие с общероссийским законодательством, на практике контроль со стороны министров ужесточился только в конце столетия. Еще во времена царствования Александра II сейм функционировал так, как если бы Финляндия состояла только в династической унии с Россией, и не более того. Как заметил немецкий исследователь Роберт Швейцер, каждым законом, который император позволил сейму издать в соответствии с конституцией, Россия по существу делала одностороннюю и бесповоротную уступку Финляндии в пользу ее особого положения. Законодательная реформа, проведенная через сейм, была и широкой, и значительной. Помимо уже упомянутых реформ (реформа местного управления, устранение регламентации феодального характера в сфере промысловой деятельности, принятие нового Сеймового устава) были изданы новый Церковный устав и Уголовное уложение, было запрещено самогонку (гнать самогон не разрешалось даже для домашнего употребления). Утверждение Уголовного уложения, однако, отложили до 1894 г., поскольку оно стало предметом споров в масштабах империи и, по существу, явилось первым важным общегосударственным законом.

Единственной из числа крупных российских реформ, распространившихся на Финляндию, была военная реформа, но и в процессе ее осуществления (на основании закона 1878 г.) Финляндия оказалась явным исключением. Хотя военная форма, инструкции, калибры винтовок и язык приказов были одинаковыми, единственным органическим связующим звеном с Россией был генерал-губернатор, который одновременно являлся командующим вооруженными силами Финляндии и командующим Финлянд-

ским военным округом. Но как офицеры, так и рядовые должны были быть гражданами Финляндии, и войска запрещалось выводить за пределы Финляндии (это предписание не касалось гвардейского батальона). Александр III, однако, нарушил этот пункт закона, приказав финляндским частям прибыть на маневры в Красное Село³⁹.

Наиболее важными реформами, отличавшими Финляндию от России, были тем не менее экономические, прежде всего денежные реформы (1865 и 1867), а также таможенное регулирование. При проведении двух денежных реформ решающее слово принадлежало министру финансов России М.Х. Рейтерну, с которым у представителей Финляндии в Петербурге – министра статс-секретаря Армфельта и его помощника Шернваль-Валлена – сложились хорошие, доверительные отношения. (Реформу 1865 г. провели вопреки желанию императора и генерал-губернатора Рокасовского.) На основании этих реформ в Финляндии была введена собственная денежная система (до этого с 1840 г. денежная система Финляндии была привязана к российской). Поскольку Финляндия использовала также собственные, отличные от российских, таможенные тарифы и проводила собственную таможенную политику, она все больше сближалась с западноевропейской экономикой, становясь ее составной частью, сохраняя, однако, в России рынки сбыта некоторых важных товаров. Во многих крупных торговых городах за границей Финляндия имела своих торговых агентов.

Эти экономические меры еще больше усиливали то отдаление «подданных» Финляндии и России друг от друга, которое наметилось в первой половине столетия. Уже тогда как следствие постановлений, регулировавших миграционные процессы, родилось особое «финляндское подданство», из которого затем развилось «финляндское гражданство». В условиях сословного общества основой для этого послужило то, что в Финляндии существовали сословные и цеховые корпорации, наделенные иными правами, чем аналогичные институты в России. Таким образом, финнам было нелегко вступить в русские купеческие гильдии; еще сложнее было «проникнуть» русским в Финляндию. (Так, финляндские должностные лица в конце века парировали обвинения русских в сепаратизме ссылками на то, что большая часть ограничений, касавшихся русских в Финляндии, была установлена пра-

³⁹ Автор не уточняет, когда был отдан этот приказ.

вительством России.) Свидетельством незначительной миграции русских в Финляндию является и то, что только в 1858 г. в России сочли необходимым выработать особое постановление о переезде дворян и представителей других привилегированных сословий в Финляндию. Показательно, что к началу Первой мировой войны русскоязычное население в Финляндии составляло около 0,2%, в то время как, например, в городах Эстонии доля русскоязычного населения равнялась 11,9%.

Противодействие Рокасовского реформам привело к его отставке. (Армфельт и Шернваль-Валлен решающим образом повлияли на смену генерал-губернатора.) На пост генерал-губернатора был назначен Н.Вл. Адлерберг (брат А.Вл. Адлерберга, занимавшего пост министра двора⁴⁰), пользовавшийся расположением императора. В его лице финны получили своего рода наместника, державшего свой двор в Хельсинки. По властным полномочиям и положению он был последним из генерал-губернаторов, способных противостоять министрам империи, даже военному. Поскольку он, как находившийся долгое время вне пределов Финляндии, не был знаком с ее условиями и системой правления и на закате своей карьеры не отличался хорошим здоровьем (в 1872 г. с ним случился удар), министр статс-секретарь Армфельт и в особенности его помощник Шернваль-Валлен получили возможность серьезным образом влиять и на канцелярию генерал-губернатора. Через нее им удалось провести ряд важных реформ по укреплению финляндской автономии, в частности реформу 1869 г. по принятию нового Сеймового устава, реформу 1877 г. о переходе на золотой стандарт и закон 1878 г. о воинской повинности. Адлерберг, как и все другие генерал-губернаторы, в качестве основной ставил цель усилить связь Финляндии с империей, но, в отличие от методов, которыми пользовались некоторые из его предшественников или преемников, его методы были мягкими и цивилизованными; с его точки зрения, финнов следовало «русифицировать», в частности приобщая их к русской культуре. Вместе с тем он руководил репрессиями, начатыми в конце 1860-х годов, и внимательно следил за тем, чтобы «недоляльным», например тем, кто подписал прошение о свободе печати, было отказано в должности.

⁴⁰ А.Вл. Адлерберг, министр Императорского двора и уделов (1870–1881).

Рождение нации

Благодаря Крымской войне и ее исходу, послевоенному восстановлению и реформам, созыву январской парламентской комиссии и демонстрации, а также началу регулярной парламентской деятельности в Финляндии появилась общественно-политическая жизнь с партиями, газетами, объединениями и клубами. Если император Александр I создал Финляндию – политическую общность, государство, а Г.М. Армфельт надеялся, что финны сами наполнят его содержанием, создадут нацию, то фактически только теперь, с окончанием Крымской войны, эта надежда Армфельта стала реальностью. Некоторые исследователи народных движений в Финляндии пришли к заключению, что именно эти движения создали финскую нацию.

Однако во время войны деление на партии оставалось прежним: шведофилы и русофилы, но это деление стало более четким и обрело новые оттенки. Война породила понятие «бескровные» и идеи о нейтралитете и собственном флаге как его символе (прежде всего в буржуазных кругах прибрежных городов). По мнению Хуго Пиппинга, здесь следует искать корни финляндского либерализма. Газета «Гельсингфорс дагблад», выходившая на шведском языке и ставшая главным печатным органом либералов, в 1863 г. открыто заявила, что Финляндия должна стремиться к тому, чтобы стать нейтральной. Это, а также то, что в либеральной печати Россию обыкновенно называли «чужой страной», до крайности раздражало неопатриотические и славянофильские круги России.

Идея о нейтралитете все же была вполне понятной и естественной с той точки зрения, что в ходе Крымской войны едва не был уничтожен торговый флот Финляндии. Кроме того, большие экономические потери понесли прибрежные города, которые подверглись артобстрелам англо-французского флота. Содержание понятия «нейтралитет» тогда еще не устоялось и существенно отличалось от его более позднего толкования. Нейтралитет, как это видно из статей газеты того периода, рассматривался прежде всего как некая территориальная демилитаризация, весьма понят-

ным конкретным примером чего были Аландские острова. В Европе также было много аналогичных примеров, например Савоя, ставшая частью Франции в 1860 г. Правда, сама «Дагблад» приводила в пример такие страны, как Швейцария и Бельгия.

Хотя идея, как отмечалось, получила резкое осуждение в России, ее продолжали отстаивать в либеральных кругах Финляндии. Так, она вновь стала актуальной в период политического кризиса, возникшего между Англией и Россией в 1885 г. (так называемый афганский вопрос).

«Бескровным» противостоял лагерь «лояльных» (Топелиус, Снельман). В качестве нового фактора возник вопрос о языке и о Финской партии. Поскольку предпочтение, отдаваемое финскому языку, было еще до этого – как мы видели выше – феннофильством, связанным с общегосударственными обстоятельствами, под духовным влиянием Снельмана оно трансформировалось в политическое фенноманство. Одновременно правительство России, вначале не без явного влияния генерал-губернатора Берга, стало поддерживать это политическое фенноманство как противовес скандинавизму и шведофильству. К императору направлялись депутации от крестьян с прошениями повысить статус финского языка, и император выходил к посланцам народа. Свидетельством высочайшего расположения к простому люду, говорившему на финском языке, стало посещение императором Финляндии, в частности местечка Парола, летом 1863 г. Тогда было издано постановление о придании финскому языку (в течение 20 лет) равного со шведским статуса. Лидера фенноманов сделали сенатором, начальником финансовой экспедиции. О поддержке правительством России Финской партии как о четкой политической линии можно судить, в частности, уже по жандармским рапортам конца 1860-х годов.

Таким образом, сформировались основные партии – либералы и фенноманы. Главными печатными органами либералов были издававшиеся на шведском языке «Гельсингфорс дагблад» (либералов даже называли «дагбладцами») и затем «Нюа прессен». Главным печатным органом фенноманов – «Суометар» (с 1869 г. «Ууси Суоми»). Но одними из наиболее лояльных и тоже радевших за дело феннофильства были также газеты, выходившие на шведском языке, такие, как «Литтературблад», издававшаяся Снельманом, или «Гельсингфорс моргонблад». Либералы делились на ультра и умеренных. Они расходились главным образом во взглядах отно-

сительно положения Финляндии. Ультра поддерживали теорию унии, а умеренные, как и, в частности, Снельман, считали Финляндию территорией, подвластной Российскому государству. Теорию унии изложил Лео Мехелин в своей брошюре «*Précis du droit public du Grand-duché de Finlande*» (1886), а теорию «подвластной России территории» (*lydland*) – Роберт Германсон (Hermanson) в работе, посвященной вопросам. Брошюра Мехелина оказала значительное влияние в странах Западной Европы, в которых ее широко распространяли. Когда К.Ф. Ордин с разрешения Мехелина перевел ее на русский язык, снабдив собственными критическими комментариями, она стала «первым выстрелом» в спорах между русскими и финнами, касавшихся правовых вопросов и длившихся на страницах печати десятилетия.

На практике несходство политических линий наиболее отчетливо проявилось при подготовке закона о воинской повинности, а затем в программе Либеральной партии и критических замечаниях к ней Снельмана. Радикальное крыло Финской партии, которое возглавил Лаури Кивекяс, получило наименование «красное феноманство». Как реакция на его радикальный активизм из числа либералов сформировалась Шведская партия, сосредоточившая свое внимание на обеспечении статуса шведского языка.

Эти языковые партии были основными вплоть до 1890-х годов, когда вначале Финскую партию стали покидать радикальные либералы («младофинское направление»), и затем в 1899 г. родилась на совершенно иных основах новая, третья партия – Рабочая партия Финляндии, с 1903 г. (съезд в г. Форсса) Социал-демократическая партия Финляндии (СДПФ). Начиная с 1890-х годов на политическом пространстве в Финляндии главенствовали три основных вопроса: языковой, русский и социальный. Рабочая партия родилась в равной степени под влиянием либерализма и индустриализации. С отказом от цеховой системы наемные работники лишились законной защиты своих прав. Поэтому на первом этапе рабочего движения, который возглавил заводчик фон Вригт и который носит его имя, основной целью стало устранение этого недостатка. Хотя Юрьё-Коскинен десятилетием раньше уверял, что социалистические учения никогда не проникнут в Финляндию, он ошибся: они пришли – из Германии через Швецию – в формулировках Карла Каутского и с ними пришло учение о классовой борьбе. Однако как социальные, так и политические условия повлияли на то, что социализм К. Каутского не прижился в Финляндии.

В Финляндии социал-демократическая партия обрела весьма своеобразный характер: ее сторонниками и членами по большей части были безземельные крестьяне, а «русский вопрос» в сочетании с борьбой за законные права наложил явный отпечаток на ее практическую политику.

Важными очагами просвещения народа и развития организационной культуры стали рабочие объединения и рабочие дома, которые создавались почти в каждой волости. В них законопослушные и просвещенные политики набирались опыта для последующей работы в коммунальных органах и сейме. В частности, даже В.И. Ленин отмечал просвещенность рабочих Финляндии и ставил их в пример русским рабочим.

Не только рабочие, но и крестьяне и другие слои народа создавали свои объединения. В результате Финляндия быстро превратилась в своего рода «страну обетованную» объединений. Особенно бурно процесс создания различных объединений протекал в 1870-е годы, что отчасти было связано с подъемом фенноманства. В 1875 г. было основано Общество народного просвещения как центральный орган объединений фенноманского движения. Его филиалы открылись по всей стране. Кроме того, в качестве местных организаций Финской партии были созданы финские общества, которые – по примеру рабочих организаций – строили свои клубы. Идеино близкими финским обществам были общества молодежи, хотя официально они не преследовали политических целей, ставя перед собой лишь задачу воспитания «порядочных граждан». Процесс создания обществ начался с провинции Похьянмаа под руководством Сантери Алкио и в 1890-е годы расширился до масштабов собственно движения. В 1912 г. насчитывалось уже 1002 общества. Под влиянием Алкио они обрели младофинскую и конституционалистскую политическую окраску, в особенности в так называемые годы угнетения.

В Финляндии объединения существовали уже в XVIII в., но их было немного, и они, как, например, известное общество «Аврора»⁴¹, копировали международные образчики. После присоединения Финляндии к России чиновничество пыталось контролировать публичные дискуссии при помощи своего рода полуофициальных организаций, таких, как, например, общества распространения Библии

⁴¹ Первое национально-патриотическое общество, основанное в Турку в 1770 г. Хенриком г. Портаном, «отцом финляндской истории»; общество издавало первые газеты в Финляндии, но на шведском языке.

или Финское экономическое общество. Начиная с 1830-х годов создавались национально-патриотические объединения, стремившиеся, по существу, упрочить государственную связь Финляндии с Россией (например, Финское литературное общество, Финское общество любителей искусства). И только с 1860-х годов под руководством либерально мыслящей интеллектуальной элиты начался широкий процесс создания объединений, ставивших своей целью подготовить народ к тому, чтобы он был способен «помочь самому себе» (различные просветительские общества). Тогда же возникли добровольные пожарные команды как организации полувоенного образца, поскольку их члены были воодушевлены идеей Гарибальди, но в них также прививали навыки самоуправления. В то время как городская интеллигенция создавала объединения «сверху» для проведения собственных интересов, начался также процесс создания объединений «снизу»; объединения, возникшие таким путем, выдвигали ясные требования проведения реформ (общества трезвости и различные женские организации).

Важной составной частью народных движений стало кооперативное движение, основателем которого в Финляндии был исследователь в области агрикультуры, политик Ханнес Гебхард (1864–1933). О начале кооперативного движения он возвестил в 1899 г. Основная цель движения состояла в том, чтобы поднять «нравственный и духовный уровень малоимущих слоев народа». Оно должно было созидать новое как в экономическом, так и в социальном смысле. Как кооперативная деятельность, так и вообще просвещение народа в Финляндии того времени имели свое политическое измерение: кооперативное движение также способствовало укреплению «оборонительного фронта финнов» против России. Юридическую основу движения заложил закон 1901 г. о кооперативной деятельности, которой были охвачены потребление, производство, торговля, банковская деятельность и сельское хозяйство. В Финляндии кооперативное движение развивалось быстрее, чем в других странах. Уже через пять лет после принятия закона кооперативная торговля объединяла 50 тыс. человек, кооперативные кассы – 5 тыс., кооперативные маслозаводы – 30 тыс. Однако после бурного начала рост через некоторое время явно замедлился.

От фаворитизма к министерской бюрократии

Путь к конфликту между «правительством» Финляндии (сенат – сейм) и правительством России (император и его министры), известному как «годы угнетения», начался, по существу в период «либерального» правления Александра II. Хотя в администрации Финляндии все еще процветал персональный фаворитизм – управление при посредничестве влиятельных министров статс-секретарей и генерал-губернаторов – Россия начала превращаться в бюрократическое, руководимое министрами единое государство. Польское восстание 1863 г. стало основной причиной того, что был взят на вооружение лозунг о «единстве и неделимости» России и было выдвинуто требование «Россия для русских». Славянофильство, в прошлом выступавшее с оппозиционных позиции, начало обретать статус официальной идеологии. Известным пропагандистом русофильства стал редактор «Московских ведомостей» М. Катков. Отдельно управляемые наместничества ликвидировались одно за другим. После восстания 1863 г. Польша утратила не только свою автономию, но и название (территория стала именоваться «Привисленский край»)⁴². Прибалтийское генерал-губернаторство⁴³ было упразднено в 1876 г., Кавказское наместничество – в 1881 г.

Одновременно с ростом в Финляндии значения и авторитета сената в процессе подготовке реформ также и в России министры, в особенности такие «ключевые», как министр финансов, министр внутренних дел, военный министр и министр юстиции, упрочили свое влияние и поднялись на более высокую ступень власти в сравнении с генерал-губернаторами. К тому же действия министров стали более согласованными. В добавление к комитету министров в том же году, когда было воссоздано учреждение при

⁴² Отечественная историография трактует этот вопрос несколько иначе: автономия Польши была значительно урезана, но край сохранил свое название «Царство Польское», присвоенное ему Венским конгрессом 1814–1815 гг. Наименования «Привисленский край», «Привисленские земли», «Привисленские губернии» употреблялись в обиходе, в печати и пр.

⁴³ Прибалтийское генерал-губернаторство объединяло в едином управлении Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии в 1801–1876 гг.

статс-секретаре финляндском (1857), был образован особый совет министров⁴⁴. Финляндский министр (министр статс-секретарь) не входил ни в этот совет, ни в комитет министров (в отличие от министра статс-секретаря польского, который был членом комитета министров). И хотя совет министров не являлся Советом министров во главе с премьер-министром (такой орган был создан в России только в 1905 г.), уже начиная с 1870-х годов министры начали вести себя в большей степени как члены Совета министров. Так, число отдельных, до этого обычных, прямых представлений императору с изложением позиций, противостоявших точкам зрения других министров, убывало. Возросла роль Государственного совета при подготовке законов и как органа, координирующего законодательство (правда, во времена Александра III центр тяжести сместился к комитету министров). Но министр статс-секретарь финляндский не являлся членом Государственного совета, что, по существу, предполагало его должность. В нем «голос Финляндии» использовали лишь некоторые министры статс-секретари (как персональные члены) и бывшие генерал-губернаторы. Канцелярская администрация, которой отдавал предпочтение и которую развивал Николай I, утратила свое значение. Это проявилось, в частности, в ослаблении влияния личной канцелярии императора, что одновременно означало также ослабление положения «Финляндской канцелярии».

Как уже отмечалось, еще Александр II ясно дал понять, что он не принимал решения ни по одному из финляндских дел, затрагивавших интересы империи, не заслушав мнения своего соответствующего министра. Со всей очевидностью это обнаружилось при подготовке как денежных реформ, так и закона о воинской повинности. Эти наиважнейшие финляндские и общероссийские дела все чаще начали решать под руководством императора на «особых совещаниях» (в своего рода *ad hoc* – штабах), на которых в качестве представителей Финляндии присутствовали ее министр (министр статс-секретарь) и генерал-губернатор, а также соответствующие министры от России. Все чаще на этих совещаниях представители Финляндии терпели поражение от российских министров.

Вмешательство российских министров в финляндские дела происходило в форме откровенного давления как на сенат, так и на

⁴⁴ Совет министров был создан как совещательный орган по общегосударственным делам под председательством императора.

сейм, которым в итоге приходилось уступить. За одним представлением депутатам сейма следовало другое и так до тех пор, пока они не понимали, что всего разумнее уступить, как, например, при обсуждении воинского уголовного уложения, общего уголовного уложения, закона о наказании за разглашение государственной тайны, а также вопросов, касавшихся приведения в исполнение в Финляндии решений российских судов. Генерал-губернатор более не хотел, а министр статс-секретарь не мог противостоять нажиму со стороны министров, коль скоро император не оказывал им поддержки. Со всей определенностью по этому поводу высказался К. Эрнрут после ухода в отставку. В царствование Александра III фон Ден еще раз оказался способен оказать сопротивление министру просвещения (в вопросе о русских школах), но при Николае II даже эта победа обернулась поражением. Единственно, что мог министр статс-секретарь, так это получить принципиальное решение императора до того, как министр сделает свое заключение. Но император более так не поступал; он был солидарен со своими министрами. Усиление влияния российских министров на финляндские дела обрело юридическую форму и получило подтверждение в 1891 г., когда император принял решение о том, что все доклады по поводу законов и других вопросов, имевших общегосударственное значение, до их представления следовало направлять на заключение соответствующему министру. (Гейден считал, что это касается всего, что исходит из Финляндии, но фон Дену удалось свести его первоначальную точку зрения к вышеупомянутой форме.) Поскольку одновременно был распущен Комитет при статс-секретаре финляндском, то советниками по финляндским делам, таким образом и формально, в обход министра Финляндии стали российские министры. Будучи министром статс-секретарем, фон Ден стремился быть и своего рода последним наместником, создавая атмосферу доверительных отношений с императором. При Александре III он в этом отчасти преуспел, хотя ему и не удалось близко сойтись с министрами (исключение составляли С.Ю. Витте и Великий князь Михаил). Его целью было устранить «факторы трения», более всего раздражавшие общественное мнение России, помимо всего прочего, путем разрешения вышеупомянутых вопросов – таможенных, касавшихся денежного обращения и почтовой связи, а также устранения различных ограничений, установленных для граждан России в Финляндии, в частности, на владение собственностью и занятие промысловой деятельностью. В отно-

шении статуса Финляндии фон Ден разделял точку зрения Александра III – в Финляндии действовали прежние основные законы, но она не была отдельным государством. Он защищал, и успешно, свою точку зрения в так называемом комитете Бунге на протяжении всего царствования Александра III, но с восшествием на престол Николая II отдел кодификации Государственного совета, который должен был подготовить проведение кодификации законов в масштабах всей империи, взял верх.

Александр III в финляндской политике проводил прежнюю главную линию, но делал акцент не на конституционном, а на патерналистском монархизме. Поскольку он видел опору императорской власти в России в сословиях, дворянстве и крестьянстве, то он узаконил и в Финляндии как основные права (основные законы), так и сословные собрания (сейм) и согласился с возвращением земским чинам права законодательной инициативы (1886). После восшествия на престол Александр III подписал по представлению Шернваль-Валлена монаршей заверения без каких бы то ни было осложнений, но отказался считать Финляндию отдельным от России государством, у которого помимо собственных государственных институтов, как-то: армия, почтовое ведомство – могли быть также свои денежная система и таможенные тарифы. Эту точку зрения он ясно изложил и собственноручно внес в доклад сената (1889) по вопросам таможенных пошлин, денежного обращения и почтовой связи, задав, не без иронии, вопрос: входит ли Россия в Финляндию или Финляндия в Россию? Разработка этой «программы русификации» времен Александра III и ее осуществление были начаты по воле императора, который «вдруг спохватился», обнаружив, что финны, в особенности сенат, считали свою страну отдельным от России государством. Решающим вопросом, по мнению императора, стал таможенный. Когда после издания в 1885 г. в России таможенного устава финны попытались было установить на русские изделия таможенные пошлины в Финляндии, император решительным образом запретил это. В соответствии с точкой зрения императора почтовое ведомство Финляндии поставили в подчинение министру внутренних дел России (1890) и начали подготовку к проведению унификации в армии (которая в 1878 г. не была доведена до конца). Однако унификация финляндских и российских таможенных тарифов натолкнулась на сопротивление промышленных кругов России и привилегии г. Тампере (Таммерфорс), остававши-

еся в силе вплоть до 1905 г., а унификация денежной системы – опять-таки на финансовые проблемы России.

Назначения на министерские посты, произведенные в начале царствования Александра III, были не слишком благоприятны для автономного развития Финляндии. После М.Х. Рейтерна министром финансов стал Н.Х. Бунге, Д.А. Милютина на посту военного министра сменил П.С. Ванновский, министра иностранных дел А.М. Горчакова вытеснил Н.К. Гире. В высшем руководстве Финляндии тоже произошла почти полная смена кадров. Генерал-губернатором стал Ф.Л. Гейден, авторитет которого среди министров уже не был столь же высок, как у его предшественников. Вскоре после назначения на пост генерал-губернатора Гейден, опираясь на своего помощника (К. Якубова), разработал широкую программу, в которой ощущалось влияние славянофилов (в частности, Н.Я. Данилевского). В соответствии с ней он приступил к планомерному и целенаправленному проведению «политики русификации», основной упор в которой был сделан на политике в области языка и школы. Позитивное отношение к финскому языку привело к понижению статуса шведского языка и высвобождению пространства для русского языка; финский язык, уровень развития которого был достаточно низким, не представлял опасности для русского языка. На этой линии Гейдена, в основе которой лежал принцип «разделяй и властвуй», строилось также тесное сотрудничество между ним и Финской партией (Юрьё-Коскинен). (Бобриков, ставший впоследствии генерал-губернатором, считал, что Гейден положил начало той новой линии, которой он и сам следовал. Но, как мы имели возможность убедиться, Бобриков ошибся, так как «линия Гейдена» присутствовала уже в жандармских рапортах 1860-х годов.) Гейден помимо Юрьё-Коскинена ввел в сенат также лидера либералов Мехелина, в противовес первому (правда, только в качестве помощника начальника финансовой экспедиции). Хотя в политике в области языка Юрьё-Коскинен и Мехелин преследовали абсолютно противоположные цели, в отношении правового положения Финляндии их взгляды в основном совпадали. Когда вице-председателем хозяйственного департамента стал «доброжелательный оригинал», генерал от артиллерии (изобретатель подводной лодки) аф Форселлес, а немного позднее (1885) фон Ден – другой офицер, так же, как и он, служивший в России и прекрасно владевший русским языком, этот феномен «офицерской русификации» начал наблюдаться и в сенате.

После ближайших фаворитов императора и «царедворцев» Армфельта и Шернваль-Валлена пост министра статс-секретаря занял чиновник II отделения Канцелярии Его Императорского Величества («кодификатор», как его пренебрежительно называли противники) Теодор Бруун, а его помощником стал бывший военный министр Болгарии (диктатор) Казимир Эрнрут. В отношении статуса и конституции Финляндии Бруун разделял точку зрения императора.

Несмотря на то положение, которое Эрнрут занимал ранее, как статус, так и компетенция министра статс-секретаря и его аппарата явно снизились.

Подчинение Финляндии общегосударственным законам и управлению

Смерть Александра III в 1894 г. и восшествие на престол Николая II не привели к существенным изменениям в политике России в Финляндии, где по-прежнему существовал культ императора и от нового монарха ожидали много. Представители Финляндии участвовали в коронации, выказывая неизменную верность народу Финляндии своему новому Великому князю. Фон Дену удалось без особого труда принять от него монаршью клятву, чем он заслужил отпущение многих своих прошлых грехов (в частности, за представление почтового манифеста⁴⁵). Перемены обнаружились позднее. Николай II был более слабым правителем, чем его отец, правда весьма добросовестным и усердным. Он находился под сильным влиянием матери, жены, Великих князей, «придворной камаралы» или «святых», подобных Распутину. Ему было трудно говорить со своими советниками и помощниками о негативных моментах, вследствие чего те часто приходили в замешательство, не зная целей и желаний императора. Координирующая роль императора в управлении, которая и раньше была скромной, стала еще менее значимой и более зависимой от капризов монарха. Николай II мнил себя правителем, избранным Богом, и считал своей священной обязанностью сохранение самодержавия неприкосновенным. Из этого следовало также то, что он, в отличие от отца, не прислушивался к советам назначаемых им министров. Советы «миллой мамы» (так он называл вдовствующую императрицу) и жены Александры значили для него гораздо больше. Идеалом Николая был XVII в., время царствования Алексея Михайловича, и идеализированная «народность» этого времени, гармоничный и патерналистский союз царя и народа. При дворе устраивались празднества, на которые гости и хозяева наряжались в одежды XVII в.

⁴⁵ Почтовый манифест 1890 г., которым финляндское почтово-телеграфное ведомство было подчинено министерству внутренних дел России, стал первым актом русификации.

Вслед за восшествием на престол нового императора, как это было принято, произошла смена руководящих лиц не только в России, но и в Финляндии. Старый и немогущий генерал-губернатор Гейден получил отставку в 1897 г.; обязанности генерал-губернатора какое-то время исполнял С.О. Гончаров, пока в 1898 г. на эту должность не назначили Н.И. Бобрíkова. Как уже отмечалось, он выступил в роли продолжателя дела, начатого Гейденом, но пополнил его программу некоторыми новыми целями и приступил к ее реализации более энергично и более быстрыми темпами, демонстрируя при этом хватку диктатора. По-прежнему программа в качестве основных целей включала унификацию армии, расширение власти генерал-губернатора (устранение дуализма из высшего руководства), введение русского языка в делопроизводство. Манифест о русском языке был издан в 1900 г.⁴⁶, новый закон о воинской повинности – в 1901 г.; в 1903 г. были приняты важные решения по расширению полномочий генерал-губернатора⁴⁷ (так называемый указ о диктаторстве). Согласно новому закону о воинской повинности, созданная в 1878 г. собственная армия Финляндии упразднялась, последним же был распущен в 1905 г. гвардейский батальон. Согласно манифесту 1900 г., русский язык должен был быть поэтапно к 1905 г. превращен в язык делопроизводства в сенате, центральных учреждениях и губернских управах. Программа Гейдена предполагала одновременно с усилением роли русского языка повышение статуса финского языка. Это произошло на основании постановления 1902 г., которое только теперь позволило выполнить обещание, данное еще Александром II в 1863 г., а именно: уравнивать в правах финский и шведский языки.

⁴⁶ «Высочайший манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных присутственных мест Великого княжества Финляндского» от 7(20) июня 1900 г.

⁴⁷ Согласно новой инструкции, утвержденной 13(26) марта 1903 г., генерал-губернатор объявлялся высшим представителем государственной власти в Финляндии, председателем сената и начальником гражданского управления. Он также наделялся высшей полицейской властью. Кроме того, инструкция возлагала на него надзор за промышленностью, торговлей, землевладением, учебными заведениями и печатью. По настоянию Н.И. Бобрíkова 20 марта (2 апреля) 1903 г. было принято царское «постановление о мерах к охранению в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия». Постановление вводило в Финляндии на три года чрезвычайное положение. Генерал-губернатор наделялся неограниченными полномочиями. Порядок, установленный в крае, вошел в историю под названием «бобрíkовского режима».

После манифеста 1900 г. в сенате произошли крупные изменения: конституционалисты ушли в отставку и в сенате остались «уступчивые» старофинны. Министр статс-секретарь финляндский фон Ден получил отставку в 1898 г., и Николай II назначил его помощника, В. Прокопе, временно исполняющим обязанности, пока в 1899 г. на эту должность не был назначен статс-секретарь В.К. фон Плеве. Плеве не особенно был заинтересован в Финляндии, но ему нужна была должность, позволявшая входить с докладом к императору (должность статс-секретаря такой возможности не давала). С назначением Плеве на должность министра статс-секретаря по сути произошел возврат к временам Сперанского (1809–1811), когда представление финляндских дел было также второстепенным делом статс-секретаря. Об этом позабыли в той буре протеста, которую назначение вызвало в Финляндии. Оно вполне согласовывалось также с тем, что финляндские дела все чаще выносились на рассмотрение Государственного совета и его подкомитетов.

Казалось, что Плеве своими действиями заслонил Бобрикова (правда, его характеризовали как более умеренного по сравнению с Бобриковым и даже считали, что он направляет последнего и в какой-то мере защищает финляндскую автономию). Все же в том, что касалось основных целей, Плеве и Бобриков придерживались единых взглядов; они расходились во мнениях лишь в вопросах тактики. На самом деле действия энергичного и знающего Плеве, бюрократа до мозга костей, с точки зрения учения о финляндском государстве и того положения, которого Финляндия достигла, были во многом более опасными, чем деятельность Бобрикова: его действия отличались большей систематичностью и затрагивали основные законодательные структуры. Но Плеве был убит, и всеобщая забастовка вспыхнула еще до того, как все результаты этой систематической подготовки нашли практическое воплощение. Однако уже в 1899 г. учредили комитет по систематизации законов Финляндии с целью интегрировать законодательную систему Финляндии в общероссийскую (сделать перевод законов и т.д.). В числе важнейших результатов было также учреждение в 1900 г. комитета по реформированию финляндской администрации (сенат и генерал-губернатор). Все же действия Плеве не привели бы к ликвидации местного самоуправления и законодательства Финляндии, но лишь поставили бы их в более жесткое подчинение центральным административным институтам России.

Плеве стремился к обеспечению единства империи в сочетании с местной автономией. Но местная автономия, с его точки зрения, была возможна (и ее следовало поддерживать) лишь в том случае, если она не угрожала единству империи.

Прошло совсем немного времени после восшествия на престол Николая II, и проекты унификации в Финляндии, приостановленные на завершающем этапе царствования Александра III, были возобновлены: пересмотр закона о воинской повинности и необходимое для его принятия введение общегосударственного законодательного порядка (доклад комитета Бунге). Их общим результатом стал известный Февральский манифест 1899 г. К нему привели две самостоятельные линии развития: пересмотр закона о воинской повинности 1878 г., начатый в 1893 г. в комитете, во главе которого стоял военный министр Ванновский, и кодификация законов, старт которой дал еще Гейден в 1882 г. и которая привела к тому, что в комитете Бунге на повестку дня был вынесен вопрос об общегосударственном законодательстве. Изначально Гейден стремился к всеобщей кодификации законов, но учрежденный для ее проведения комитет, который возглавил губернский секретарь Вайсенберг, в 1885 г. подготовил доклад с предложениями по новой Форме правления, в котором были четко сформулированы основные положения тогдашнего учения финнов о государстве. В ответ на это Гейден представил свой контрпроект Формы правления (Порядок управления губерниями Финляндии). В нем законодательство Финляндии как местное было подчинено общероссийскому (проект Гейдена стал, по существу, первым проектом, в котором принималось во внимание общегосударственное законодательство). Оба проекта были направлены на рассмотрение в отдел кодификации Государственного совета. Его позицию определял профессор права К.И. Малышев, хорошо осведомленный в вопросах общего и местного законодательства. Отдел не принял теорию финнов о государстве и соответствовавшую ей Форму правления, но исходил из того, что Финляндия является провинцией со своей местной законодательной системой, подчиненной общему законодательству империи. После подготовки отделом заключения под руководством Бунге был учрежден смешанный российско-финляндский комитет, который сосредоточил усилия на выработке правил о соотношении общего и местного законодательств. Проведение всеобщей кодификации было поручено отдельному комитету, который, однако, в сущности не функционировал. Эту работу продолжил комитет по систематизации законов

Финляндии, учрежденный при Государственном совете в 1899 г. Таким образом, вопрос о кодификации законов Финляндии и о самой судьбе юридической автономии Финляндии был вынесен на рассмотрение Государственного совета, которому надлежало принять соответствующие решения.

В комитете Бунге точки зрения русского большинства и финского меньшинства были резко различными. Финны не желали признавать общегосударственное законодательство, в рамках которого финляндскому сейму отводилась бы только консультативная роль, а также не были согласны с более высоким положением Государственного совета по отношению к финляндскому сейму. Итоги работы комитета Бунге не были утверждены императором, но центральные власти смогли использовать заключение, подготовленное комитетом, как средство давления на финнов, в частности на сенат и сейм: если бы те не приняли предложений министров, проект комитета Бунге был бы осуществлен. К тому же комитет провел основательную предварительную работу по выявлению и выяснению различных сторон проблемы, так что на подготовленный им доклад опирались еще и в начале 1910-х годов.

По предложению статс-секретаря Плеве Николай II вынес решение: доклад комитета не следует передавать на рассмотрение Государственного совета, поскольку его публичное обсуждение может спровоцировать беспорядки в Финляндии. Так как вопрос о воинской повинности, который курировал новый военный министр А.Н. Куропаткин, в 1898 г. находился в стадии разрешения и прохождение нового закона в финляндском сейме представлялось маловероятным, под руководством Великого князя Михаила было создано «особое совещание» для выработки такого общегосударственного законоположения, на основании которого новый закон о воинской повинности мог быть принят без одобрения его финляндским сеймом. Результатом быстрой работы особого совещания стал изданный 15 февраля 1899 г. манифест с положениями о порядке издания законов⁴⁸. В его основу было положено предложение русского большинства комитета Бунге. Главное предписание Февральского манифеста было следующим: в общегосударственных делах, которые регулируются в законодательном порядке империи (то есть их подготовкой занимаются министры

⁴⁸ «Основные положения о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского».

и Государственный совет), финляндскому сейму принадлежит только консультативная роль; отрицательное заключение сейма не может воспрепятствовать введению закона в действие в Финляндии. Манифест зафиксировал принцип, согласно которому законодательство Финляндии было подчинено общегосударственному, но в то же время он со всей очевидностью признал существование в Финляндии собственного законодательства и сейма, что на этом этапе было все еще исключением во всей империи. К тому же общегосударственные законы, касавшиеся Финляндии, следовало подготавливать и издавать в порядке, соответствовавшим основным законам России, но роль финляндских субъектов управления (сейма, сената, генерал-губернатора, министра статс-секретаря) была определена четче, чем раньше. Сенату Финляндии надлежало посылать двух представителей в Государственный совет для рассмотрения дел, касавшихся Финляндии (таким образом приводился в действие план Гартмана, разработанный им в 1840-е годы). Бобриков был прав, когда в своем ответе посетившей его делегации финнов заметил, что общегосударственное законодательство применялось и раньше, но формы подготовки и издания законов не были определены. Поскольку грань между общегосударственными и местными законами Финляндии не была установлена (этот вопрос от случая к случаю представлялся на рассмотрение императору), финны жаловались, что таким образом собственное законодательство Финляндии могло оказаться в сфере действия общегосударственного. В действительности этого не произошло, так как новый закон о воинской повинности остался единственным законом, изданным на основе манифеста, но в России признали отсутствие разграничения ошибкой, и к ее исправлению приступили в учрежденном в 1904 г. комитете, главой которого назначили сенатора Н.С. Таганцева. Однако работа комитета была приостановлена (и в дальнейшем так и не возобновилась) с началом всеобщей забастовки 1905 г.

Февральский манифест снискал в истории славу, превышающую его истинное значение, и в суете политической борьбы его содержание и смысл померкли. Он обрел характер внезапного взмездия, «клятвопреступления». Как уже отмечалось, на основании манифеста издали лишь один закон – закон о воинской повинности 1901 г., для которого, как оказалось, и был разработан целый манифест. На самом деле манифест с его положениями о порядке издания законов лишь положил начало долгому, многоступенча-

тому процессу унификации законодательной системы империи, начавшемуся с кодификации законов, к которой приступили уже в 1826 г. Вследствие многих факторов особого характера Финляндия оказалась тогда за пределами кодификации, хотя с 1835 г. ее действие распространилось и на Финляндию. Как мы уже видели, общегосударственное законодательство, соответствовавшее предписаниям манифеста, на практике применялось и до 1899 г.: министры и Государственный совет были поставлены над сенатом и сеймом, навязывая им свою волю. Тенденция развития, выявившаяся в Февральском манифесте, была в границах империи устойчивой и необратимой. Даже всеобщая забастовка 1905 г. не прервала ее: манифест не был отменен, хотя его применение было приостановлено, и, как только кризис миновал, была начата подготовка нового закона – закона 1910 г., в котором фигурировали как Дума, так и сейм Финляндии. Даже русские либералы, кадеты, были не готовы отказаться от принципа действия общегосударственного законодательства в отношении Финляндии. И они считали, что вопрос тем или иным образом должен быть решен, если только Финляндия не являлась отдельным государством, находившимся в династической унии с Россией. Но таковым ее не признавали даже кадеты.

Февральский манифест и последовавшие за ним манифест 1900 г. и новый закон о воинской повинности 1901 г. вызвали в Финляндии мощное сопротивление, вначале «пассивное», а затем и «активное». Наиболее видной формой пассивного сопротивления был отказ от призыва на военную службу, а формой активного сопротивления – убийство в 1904 г. генерал-губернатора Бобрикова и сотрудничество с российскими революционерами. Превращение русского языка в язык делопроизводства высшей администрации Финляндии, однако, началось раньше, еще до указа о языке и ведомстве статс-секретаря. И было лишь вопросом времени, когда манифест будет спущен в сенат. В Финляндии Февральский манифест толковали как нарушение монаршей присяги (клятвопреступление) и даже как своего рода захват государственной власти. В знак протеста под так называемым большим адресом по всей стране было собрано полмиллиона подписей⁴⁹, и представительная депутация отвезла его в Петербург императору. В дополнение

⁴⁹ Под «адресом» подписалось 522 931 человек, что составляло 1/5 всего населения Финляндии.

был послан также так называемый культурный адрес, который подписали многие видные европейские ученые и деятели искусства. Николай II, однако, депутацию не принял, и «адрес» не оказал на политику России желаемого влияния. Наибольшее значение он имел для внутренней мобилизации в Финляндии гражданских чувств и формирования гражданской позиции. Только благодаря Февральскому манифесту и сбору подписей под «большим адресом» широкие народные массы узнали о финляндской конституции и приобщились к учению о финляндском государстве. Реакцией на действия царского правительства стала также широкая просветительская деятельность среди народа. Как метко заметил проницательный современник тех событий Ж. Аренберг, только железные дороги и Бобриков создали единую Финляндию: железные дороги в экономическом смысле, Бобриков – в политическом. В этих условиях финляндский национализм обрел подчеркнутую легальный, конституционный характер. В Финляндии считали, что наибольшая опасность угрожала конституционным законам, а не финскому языку, на котором говорило большинство населения. В двуязычной стране язык не мог быть звеном, связующим всех граждан. Зато таковыми были конституционные законы.

Зародившаяся таким образом легальная национальная идея получила наглядное отражение в искусстве того времени: на щите, который держит Дева-Финляндия, начертано слово «Lex». На фризе Дома сословий, установленном ночью в тайне от Бобрикова, в центре изображен император Александр I в окружении народа Финляндии, а также указаны годы издания легендарных законов – 1734 г. (Уложение) и 1772 г. (Форма правления). Такой же легальностью отличалась пропаганда, которую финны проводили за границей, особенно на международной выставке в Париже (1900) и на Олимпийских играх в Стокгольме (1912). Одним из наиболее активных и энергичных пропагандистов был Лео Мехелин, имевший широкие международные связи. Хотя русский профессор Борис Нольде – после обретения Финляндией независимости – отдавал должное этой пропаганде, говоря, что не видел, чтобы что-либо было так хорошо организовано, почти невозможно оценить⁵⁰, каково на самом деле было ее значение. В Финляндии, однако, не уделяли большого внимания тому, что правительственные круги тех стран, которые хотели поддерживать с Россией хоро-

⁵⁰ Ввиду отсутствия достаточных документальных источников.

шие отношения, например Германии, были не особенно расположены к тому, чтобы поддерживать Финляндию в ее устремлениях.

Но манифест и особенно изданный на его основании закон о воинской повинности прервали ту связь лояльности, соединявшую императора, народ Финляндии и его правительственные органы и остававшуюся прочной с 1809 г. Как следствие, правительство России вынуждено было прибегнуть в Финляндии к таким же чрезвычайным методам управления, какие применялись в России начиная с так называемых чрезвычайных постановлений 1881 г. Соппротивление финнов толковали как крамолу. Бойкотирование призывов на военную службу и возникшие в связи с ними беспорядки, особенно разгон казаками демонстрантов в Хельсинки в 1902 г., привели к тому, что Н.И. Бобриков добился для себя в 1903 г. временных широких чрезвычайных полномочий⁵¹, которые сделали возможной в том числе и высылку из Финляндии. Несмотря на практиковавшееся сопротивление и активность его авангарда, «Кагала», призывы на военную службу раз за разом проходили все успешнее. Наряду с «пассивным сопротивлением», которым руководил «Кагал», возникло также «активное сопротивление» под руководством партии активного сопротивления. Ее наиболее показательным актом было убийство Бобрикова летом 1904 г. Стрелял в Бобрикова служащий сената Эуген Шауман, который тут же совершил акт самоубийства.

Убийство Бобрикова было частью широкого терроризма в государстве российском, которым занимались прежде всего террористические группы партии эсэров. Преемником Бобрикова стал Иван Оболенский, который как человек был не столь агрессивным, что нашло отражение в используемых им методах, но основная линия в политике России в отношении Финляндии не претерпела изменений. Правда, сочли разумным пойти на тактические уступки. В их числе были обещание созвать сессию сейма, учреждение вышеупомянутого комитета Таганцева, а также разрешение на возвращение высланных из Финляндии. Только русско-японская война и всеобщая забастовка привели к более решительному повороту в политике правительства.

Февральский манифест и закон о воинской повинности четко поделили политическое пространство в Финляндии на тех, кто представлял так называемую линию уступок (соглашательства),

⁵¹ См. примеч. 47.

и сторонников сопротивления. Основной партией согласных на уступки была старофинская, тогда как фронт сопротивления образовали шведская, младофинская и социал-демократическая партии. Но и часть социалистов, так называемые валпасцы (крыло, руководимое Э. Валпасом), в некоторых вопросах была готова на далеко идущее сотрудничество⁵². В совместных действиях оппозиционных партий России финляндские социалисты участвовали с большими оговорками, демонстрируя национальный «эгоизм». СДПФ категорически отказалась присоединиться к социал-демократам России в качестве национальной секции. Таким образом, так называемый русский вопрос стал важнейшим вопросом размежевания политических сил, оттеснив два других вопроса, языковой и социальный, на задний план.

Поскольку конституционалисты покинули сенат, освободившиеся места заняли старофинны: сенат стал «соглашательским». Чиновники, не желавшие приводить в исполнение законы и постановления, которые они считали «незаконными», сами уходили в отставку либо были вынуждены это сделать. На их место также назначали старофиннов. Таким образом, как сенат, так и чиновничий аппарат оказались в руках старофиннов. После всеобщей забастовки 1905 г. маятник снова качнулся в обратную сторону, когда старофиннов, заклеив как «приспешников», вынудили покинуть сенат и уйти с административных должностей.

Зато вне стен сената влияние и число сторонников конституционалистов возрастали. Так, на сессии сейма 1905/06 г. они уже составляли большинство во всех сословных коллегиях.

⁵² Вероятно, имеется в виду то, что и среди социалистов были сторонники соглашения.

Февральский манифест 1899 г.

В сознании финского народа представления о Февральском манифесте все еще окрашены в драматичные тона. Прежде всего они сформировались под влиянием картины Эдварда (Ээту) Истона «Нападение», репродукции которой были едва ли не в каждом доме. На ней двуглавый российский орел вырывает из рук Девы-Финляндии сборник законов (Lex). Драматизму ситуации еще на момент обнародования манифеста способствовала внезапность его появления и то, что до этого ходили слухи, что из Петербурга на подходе было нечто особенно плохое. Когда это «нечто» затем пришло, то его осудили сразу и резко, не только как нарушение закона и клятвопреступление, но даже как захват власти. Считали, что сама природа протестовала, поскольку в то лето вода в озерах поднялась до невиданного уровня. След, оставленный водой на прибрежных скалах, начали называть «линией клятвопреступления».

Так как манифест явился неожиданностью и был применен не более одного раза – для той цели, для которой его и готовили, а именно: для издания закона о воинской повинности 1901 г., несмотря на драматичность его восприятия и сильный протест, он остался эпизодом, но не более того. Современники не успели и не смогли разглядеть подоплеку его появления; они также не были способны связать его с предшествовавшим развитием как Финляндии, так и империи. Исследователи более позднего времени еще долгое время оставались в плену представлений современников тех событий. Но теперь мы располагаем всеми необходимыми знаниями и возможностями, чтобы оценить манифест как часть более масштабных причинно-следственных связей и процессов. Тогда он вовсе не грянул как гром среди ясного неба, а явился достаточно логичным конечным результатом длительного процесса развития как в Финляндии, так и в России. Он был этапом в развитии так называемого общегосударственного законодательства. Вопрос о нем был поднят, собственно, сразу же после присоединения Финляндии к России, но в более ясной форме – только в процессе упорядочения административных и законодательных отношений Финляндии и России в начале XIX в. Согласно манифесту и его так назы-

ваемым основным положениям, законы, изданные как в Финляндии, так и в России и касающиеся обеих, являются общегосударственными – подготавливаются и издаются в порядке, соответствующем основным законам России. В «местном», финляндском, законодательном порядке подготавливаются и издаются законы, касающиеся только Финляндии. В том, что касалось общегосударственных законов, у финляндского сейма было только право на заключение, ни к чему не обязывавшее российские органы, так как, по мнению центральных властей, у одной из частей государства не могло быть права вето в том, что касалось всего государства. Отрицательное заключение финляндского сейма не могло помешать вступлению в силу закона также на территории Финляндии. Грань между общими и местными, финляндскими, законами не была определена, что финны особенно порицали и чем были обеспокоены; они говорили, что без такого разграничения любой закон Финляндии могли издать как общегосударственный. Русские утешали финнов, говоря, что в этом отношении ничего не изменилось: и раньше императору принадлежало право решать, действие какого закона, принятого в Финляндии, распространялось на всю империю. Равным образом сам император в манифесте уверял финнов, что в собственном законодательстве Финляндии ничего не изменилось.

До Февральского манифеста по поводу общегосударственного законодательства было принято только два постановления или предписания. Первым было распоряжение, содержавшееся в последнем параграфе регламента Канцелярии статс-секретаря финляндского (1826), которое было также доведено до сведения должностных лиц России в качестве отдельного указа на русском языке. Согласно этому распоряжению, в том, что касалось законодательных дел, должностным лицам России надлежало обращаться к министру статс-секретарю финляндскому, если они хотели ввести в действие также в Финляндии какой-либо закон, изданный или подготавливаемый в России. В течение столетия этот параграф успели применить десятки раз. Дополнение к распоряжению 1826 г. было сделано только в 1891 г., и оно предписывало министру статс-секретарю финляндскому всегда до представления императору подавать

на заключение соответствующего государственного министра такие исходившие из Финляндии законодательные инициативы, которые касались также России. Таким образом, как распоряжение 1826 г., так и дополнение к нему 1891 г., оставляли за министром статс-секретарем финляндским право решать, какое дело являлось общегосударственным. По мнению российских должностных лиц, это было большим недостатком системы, и позднее они выдвигали многочисленные обвинения в адрес министров статс-секретарей в том, что те не представляли на заключение министров все общегосударственные дела. Но этим обвинениям финны противопоставили свое учение о государстве.

После того как основное положение этого учения – Финляндия является отдельным от России государством, хотя и не суверенным, – обрело отчетливые формы, финны не признавали общегосударственное законодательство. Они считали, что законы, общие для Финляндии и России, следует издавать на договорной основе, так, как это происходит в отношениях между суверенными государствами. Если бы в процессе подготовки законов не удалось прийти к единому мнению, то лишь император имел бы право принять окончательное решение, но предпочтительнее при возникновении разногласий было бы закрыть дело. В качестве конкретного примера такого образа мыслей в самом сенате Финляндии можно привести одно из его заявлений 1882 г., в котором он отклонил издание общего закона на том основании, что таким образом российское законодательство оказалось бы зависимым от решения финляндского сейма. В противовес финляндской точке зрения есть повод заметить, что в России даже либералы поддерживали и защищали общегосударственное законодательство. После Февральской революции 1917 г. П.Н. Милюков столкнулся с трудностями, пытаясь убедить своих товарищей по партии в том, что общегосударственное законодательство следовало бы вовсе отменить, а не только временно приостановить его действие.

По мнению русских, в числе прочих слабых сторон упомянутых распоряжений 1826 и 1891 гг. было то, что в них не говорилось, какую роль мог играть финляндский сейм в обще

на заключение соответствующего государственного министра такие исходившие из Финляндии законодательные инициативы, которые касались также России. Таким образом, как распоряжение 1826 г., так и дополнение к нему 1891 г., оставляли за министром статс-секретарем финляндским право решать, какое дело являлось общегосударственным. По мнению российских должностных лиц, это было большим недостатком системы, и позднее они выдвигали многочисленные обвинения в адрес министров статс-секретарей в том, что те не представляли на заключение министров все общегосударственные дела. Но этим обвинениям финны противопоставили свое учение о государстве.

После того как основное положение этого учения – Финляндия является отдельным от России государством, хотя и не суверенным, – обрело отчетливые формы, финны не признавали общегосударственное законодательство. Они считали, что законы, общие для Финляндии и России, следует издавать на договорной основе, так, как это происходит в отношениях между суверенными государствами. Если бы в процессе подготовки законов не удалось прийти к единому мнению, то лишь император имел бы право принять окончательное решение, но предпочтительнее при возникновении разногласий было бы закрыть дело. В качестве конкретного примера такого образа мыслей в самом сенате Финляндии можно привести одно из его заявлений 1882 г., в котором он отклонил издание общего закона на том основании, что таким образом российское законодательство оказалось бы зависимым от решения финляндского сейма. В противовес финляндской точке зрения есть повод заметить, что в России даже либералы поддерживали и защищали общегосударственное законодательство. После Февральской революции 1917 г. П.Н. Милюков столкнулся с трудностями, пытаясь убедить своих товарищей по партии в том, что общегосударственное законодательство следовало бы вовсе отменить, а не только временно приостановить его действие.

По мнению русских, в числе прочих слабых сторон упомянутых распоряжений 1826 и 1891 гг. было то, что в них не говорилось, какую роль мог играть финляндский сейм в обще

государственном законодательстве. Финны опять-таки считали это излишним, поскольку она была той же, что и в законодательстве Финляндии. На практике эта проблема была устранена в процессе издания общих законов (около 200, считая постановления) путем согласований, в частности, в смешанных комитетах и на совещаниях министров статс-секретарей, а также генерал-губернаторов. Комитет при статс-секретаре финляндском был одним из форумов, на котором проходили согласования. Но в 1890-е годы в процессе согласований обнаружились трудности, и министрам все чаще приходилось прибегать к нажиму на депутатов сейма для проведения своей точки зрения. Представления делались министрами вновь и вновь, и так до тех пор, пока депутаты не приходили к осознанию того, что всего разумнее было уступить, «наступить на горло собственной песне», как тогда говорили. Последний удавшийся, хотя и нелегкий натиск, предпринятый до Февральского манифеста, касался закона о приведении в исполнение на территории Финляндии решений российских судов по гражданским делам, утвержденного в 1898 г.

На фоне всего этого неудивительно, что военный министр А.Н. Куропаткин и генерал-губернатор Н.И. Бобриков не верили в то, что через сейм Финляндии удалось бы провести новый закон о воинской повинности при помощи ранее практиковавшихся методов, в особенности после того, как они получили достаточно сведений о готовящемся сопротивлении со стороны сената. Необходимо было новое средство. И тогда вспомнили о мнении, высказанном российской частью так называемого комитета Бунге, которое «положили под сукно» в 1894 г. В 1892 г. учредили комитет для рассмотрения предложений по кодификации законов как конституционного комитета Финляндии, так и генерал-губернатора Гейдена. В повестке дня комитета первоочередным был вопрос об общегосударственном законодательстве, который поднимался уже в начале 1840-х годов в связи с кодификацией законов. В целом попутно с вопросом о кодификации постоянно поднимался вопрос о соотношении законодательств Финляндии и России или об общегосударственном законодательстве. По мнению статс-секретаря Плеве, вынесение этого вопроса на рассмотрение Государст-

венного совета привело бы к излишней шумихе, и, таким образом, по его предложению под руководством председателя Государственного совета Великого князя Михаила был учрежден комитет, узкому кругу которого предстояло подготовить вопрос. Комитет, основываясь на мнении русского большинства комитета Бунге, быстро подготовил манифест с так называемыми положениями по применению.

Поскольку, с одной стороны, после 1863 г. в России получило развитие учение о «едином и неделимом» российском государстве, частью которого являлась также Финляндия, и одновременно в Финляндии распространилось учение о финляндском государстве как части Российской империи, но не Российского государства, конфликт, подобный Февральскому манифесту, возник бы рано или поздно. Как было выше отмечено, он мог разразиться и раньше, но его удавалось избежать путем проведения согласований. В 1898 г. Куропаткин и Бобриков пришли к мнению, что согласования более не имели бы успеха. Исходя из такой перспективы, манифест, таким образом, не был неожиданностью, или, иначе, его не следовало бы считать таковой. Неожиданным был лишь момент его появления. Манифест также не был «внезапным ударом молнии», но столкновением двух процессов развития, в течение долгого времени шедших встречным курсом.

Всеобщая забастовка 1905 г.

Всеобщая забастовка, вспыхнувшая как следствие русско-японской войны, в конце октября – начале ноября 1905 г. распространилась и на Финляндию, правда уже тогда, когда в России она закончилась. Если бы не события в России, эта забастовка, продолжавшаяся неделю, едва ли вспыхнула бы в Финляндии единственно из-за внутренних причин. На начальном этапе она носила откровенно национальный характер (национальная забастовка); даже чиновники примкнули к ней, и в качестве основной ставилась цель восстановить «законные условия», то есть условия, существовавшие до наделения Бобрикова чрезвычайными полномочиями. Но очень скоро на вооружение были взяты реформистские идеи социал-демократов (прежде всего требование реформировать представительный орган, ввести всеобщее равное избирательное право), а также революционные методы борьбы. В Тампере социал-демократы обнародовали так называемый Красный манифест. Основная его цель была та же (восстановление «законных условий»), но в качестве способов ее достижения указывали на созыв революционного национального собрания и избрание им временного правительства. В манифесте противопоставлялись привилегированные классы, заправлявшие в сейме, и пролетариат⁵³. В заключение заявлялось, что от России не следует отделяться в том случае, если там к власти придут лучшие представители народа.

Противоречие между «законной» и революционной линиями обострилось и стало явным на завершающем этапе забастовки, когда ее революционно настроенные участники, желая продолжить борьбу, пытались помешать открытию магазина Стокмана в Хельсинки. «Буржуа», главным образом студенты, поборники идей конституционализма, покинули созданную в начале забастовки «национальную гвардию», ряды которой объединяли как буржуазию, так

⁵³ В наследство от времен шведского владычества Финляндия получила сословный представительный институт, в котором дворянство и буржуазию представляло шведское большинство; духовенство и крестьянство – финны. Рабочее население при таком делении оставалось за пределами законодательной власти.

и социалистов, и образовали собственную боевую организацию под руководством Г. Теслева. Большинство под руководством Й. Кока образовало красную гвардию. У магазина Стокмана эти гвардии встали друг против друга. Избежать кровопролития удалось с трудом. Кок был тем, кто приказал своим людям отступить.

На завершающем этапе забастовки все были единодушны в том, что четырехсословный сейм следует упразднить и создать представительную систему на основе всеобщего и равного избирательного права, но возник спор относительно процедурных моментов. Конституционалисты высказывались в пользу «законного» пути: существующий сейм, с их точки зрения, должен был принять новый Сеймовый устав. Социалисты при поддержке активистов требовали созыва революционного народного собрания, которое должно было выработать новую конституцию. Старофинны, которые в ходе забастовки были оттеснены на второй план, предлагали в качестве компромиссного решения созвать так называемое законное национальное собрание или передать национальному собранию право принятия решений. Линия конституционалистов победила и получила одобрение генерал-губернатора И.М. Оболенского. Радикальные социал-демократы на исходе забастовки созвали на привокзальной площади в Хельсинки «национальное собрание», как того требовал Красный манифест⁵⁴. Собрание избрало временное правительство, но с оглядкой на генерал-губернатора. Реализму столичных социал-демократов, которого не доставало членам местного забастовочного комитета в Тампере, в значительной степени способствовало присутствие в Хельсинки российских войск⁵⁵. Оболенский, однако, назначил сенат из конституционалистов во главе с Лео Мехелином. (Одним из сенаторов стал социал-демократ, учитель Кари, но он не был выбран партией.) То, что генерал-губернатор при назначе-

⁵⁴ «Красный манифест» содержал политические требования пролетариата Финляндии, в частности требование автономии Финляндии в составе освобожденной от самодержавия России. Манифест был составлен в Тампере Ю. Мякелином и подписан членами местного забастовочного комитета. Отпечатанный на красной бумаге, он был распространен по всей Финляндии и поддержан рабочими во всех крупных промышленных центрах.

⁵⁵ Центральный забастовочный комитет, боясь, что создание в Финляндии временного правительства приведет к военному вмешательству России, решил представить список кандидатов на утверждение царю, о чем сообщалось в особом объявлении за подписью начальника красной гвардии Й. Кока, расклеенном по всему городу перед выборами кандидатов. Подобное решение Центрального забастовочного комитета явилось отступлением от ранее принятого «Красного манифеста».

нии сената ограничился тем, что отвез в Петербург готовый список, выработанный представителями партий, не имело прецедентов в прошлом: ранее генерал-губернатор фактически выбирал и назначал сенаторов.

Забастовка вынудила российское правительство пойти на уступки также в Финляндии, при том, что силы финляндских забастовщиков не шли ни в какое сравнение с военной мощью России. Руководители забастовки это хорошо понимали и приказали своей гвардии поддерживать порядок во время парада российских войск. С приближением окончания забастовки в царском (так называемом ноябрьском) манифесте, опубликованном 4 ноября, было заявлено, что применение Февральского манифеста приостанавливается и закон 1901 г. о воинской повинности, а также некоторые постановления, изданные после Февральского манифеста, отменяются, в том числе постановление 1903 г., касавшееся расширения полномочий корпуса жандармов, а также изменений во властных отношениях между генерал-губернатором, сенатом и губернаторами, которых добились Бобриков и Плеве. Хотя об отмене манифеста 1900 г.⁵⁶ не говорилось, на деле после забастовки он был аннулирован. В следующем году император утвердил манифест, отвечавший новой ситуации. Манифест в последней своей части содержал предписание сенату подготовить предложения по введению нового парламентского устава на основе всеобщего и равного избирательного права, а также по проекту конституции, которая предоставила бы парламенту право осуществлять контроль за законностью деятельности членов правительства и гарантировала бы гражданские свободы. Сенат также должен был издать манифест об отмене предварительной цензуры.

Вследствие многоступенчатого процесса подготовки окончательную реформу представительной системы отложили на весну 1906 г. Она была самой радикальной в Европе того времени: на месте четырехсословного представительного органа, каковым являлся сейм, возник однопалатный парламент, избираемый на основе всеобщего и равного избирательного права; женщины тоже получили право участвовать в выборах и быть избранными. На основе реформы избирательная база расширилась почти в десять раз. Важным было то, что дворянство добровольно, без борьбы, отказалось от своих привилегий (иначе, чем, например, в прибалтийских про-

⁵⁶ См. примеч. 46.

винциях, где не возник единый национальный фронт, объединяющий все сословия). Однопалатная парламентская система стала объектом дискуссии и в консервативных кругах вызвала большие сомнения. В качестве некоего компромисса была создана большая комиссия, которая взяла на себя функции верхней палаты. Чтобы не допустить «чрезмерной демократии» и радикализма, в новый парламентский устав было включено положение о так называемом квалифицированном большинстве: конституция могла быть изменена большинством в 5/6 на одной сессии парламента или большинством в 2/3 на двух сессиях. В течение всего подготовительного этапа правительство России внимательно следило за тем, чтобы не были нарушены властные отношения между императором и представительной системой, а также чтобы не были ущемлены права русских в Финляндии. Демократический способ избрания парламента или представление права голоса женщинам не интересовало российские власти: это было внутренним делом финнов. Парламентский устав также не изменил отношений парламента и сената: сенат по-прежнему нес политическую ответственность только перед императором.

Парламентская реформа заставила партии реорганизоваться, исходя из всеобщего и равного избирательного права. Если раньше партии являлись по большей части клубами, группировавшимися вокруг газет, теперь они превратились в организации, активно участвующие в предвыборных кампаниях и в сборе голосов. Шведы основали Шведскую народную партию (ШНП). Аграрный союз (АС) возник в 1907 г. после того, как провалилась попытка основать особую партию, которая объединила бы в своих рядах всех говорящих на финском языке. Старофинская и младофинская партии по-прежнему существовали раздельно, хотя перемены, происшедшие в политике России, явно сблизили их платформы. Первые выборы однопалатного парламента 1907 г. показали, каково было действительное соотношение сил между старыми и новыми партиями. Для всех, как и для самих социал-демократов, явилось неожиданностью, что СДПФ стала крупнейшей парламентской партией, значительно опередившей другие партии по числу мест в парламенте (80 из 200). Младофиннам и шведам, то есть партиям, которые ранее доминировали в границах политического пространства и теперь оккупировали «правительство», результаты выборов принесли разочарование: первые получили 26 мест, вторые – 24. В то же время старофинны, которых заклеили как

«бобриковцев» и изгнали из сената и с должностей, неожиданно получили 59 мест. Объяснить это можно тем, что политические баталии, захлестнувшие столицу, не выходили далеко за городскую черту. Несмотря на агитацию, конституционализм остался идеей главным образом чиновников и буржуазии.

Конституционалистский сенат Мехелина проводил ту же линию, что и руководимый С. Витте кабинет министров, в котором преобладали конституционалисты-демократы. Правда, уже в следующем году Витте был вынужден уйти в отставку. На его место пришел волевой национал-патриот П.А. Столыпин. Основной спорный вопрос – о необходимости общегосударственного законодательства – еще не вышел на первый план. Зато с легкостью был найден общий мотив в противодействии революции и анархии (красной гвардии) как в России, так и в Финляндии. После забастовки движение красногвардейцев, русское по типу, распространилось и на Финляндию. Национальные гвардии, участвовавшие в забастовке, разделились на шюцкор («охранный корпус». – Т.А.) и красную гвардию. Сотрудничество конституционалистского сената и правительства России обнаружилось тогда, когда российское вооруженное повстанческое движение перекинулось и на Финляндию (восстание в крепости Свеаборг). Губернатор провинции Усимаа (Нюланд), конституционалист Альфтан, обратился с просьбой к правительству России прислать войска на Хаканиеми для оказания помощи буржуазной гвардии в подавлении мятежников – русских моряков и финских красногвардейцев. В борьбе против русских революционеров финляндский сенат, однако, не поступался законностью. Он не предоставил тайной полиции России прав на организацию полицейского сыска и следствия в Финляндии, а также требовал рассмотрения дел русских революционеров в финляндском суде в соответствии с законами Финляндии.

Представители буржуазного активизма сплотились в 1906 г. в «Союз силы»⁵⁷. Союз являлся своего рода шюцкоровской организацией, пустившей корни по всей стране и выступавшей как против русского анархизма, так и против «тирании» правительства России. Хотя деятельность Союза ограничивалась распространением циркуляров, Россия видела в нем мощную вооруженную армию, поскольку жандармские агенты подделывали воззвания

⁵⁷ «Союз силы» действовал под видом спортивной организации.

и распространяли дезинформацию от его имени. Однако этот так называемый ранний активизм угас еще в 1910 г. Сенат Мехелина позднее споткнулся на двух вопросах: законное обращение с русскими революционерами и допущение деятельности «Союза силы». Старофинны вновь вернулись в сенат под предводительством Э. Ельта.

Реформы 1905–1906 гг. в России и Финляндии

Й.В. Снельман, вспоминая на закате дней смерть Николая I и то впечатление, которое она на него произвела, писал: «Меня взволновало известие о смерти императора Николая. По-моему, было ясно, что только сильный правитель мог нас защитить и что только с возникновением в империи свободных институтов, по существу, настали бы наши беды. Конечно, мы получили бы свободу, но свободу посылать наших представителей на некое национальное собрание в Москву». Хотя Снельман был прав в своих прогнозах (только национальное собрание было не в Москве, таковым являлась Дума в Петербурге), обстоятельство, на котором заострил внимание финский национальный философ, забыто нашей историей, вероятно, потому, что финны никогда не посылали своих представителей ни в Государственный совет, ни в Думу, хотя это и предписывали два закона – Февральский манифест 1899 г. и закон 1910 г.

Как и предрекал Снельман, Россия и Финляндия получили свободу, Россия к тому же еще и Думу, но полученная свобода была сопряжена с обязанностью посылать представителей, Снельман был опять-таки прав, когда подчеркивал, что только самодержавие могло защитить особое положение Финляндии. Свобода привнесла в финляндские дела влияние так называемого российского общества (Дума и пр.). Оно не всегда относилось к особым правам Финляндии столь же благосклонно, как самовластный император.

Пункт об участии депутатов от Финляндии в Думе на самом деле не вызывал никаких сомнений уже в первых думских планах – в так называемой булыгинской Думе. Правда, более детальное определение формам представительства было дано позднее комитетом Сольского (1906). Комитет разработал, в частности, два весьма подробных варианта участия финнов: один основывался на так называемом принципе делегирования, другой – на принципе прямого участия. Комитет уже подготовил проект указа, не хватало только подписи императора, но в тревожной обстановке его не решились привести в исполнение, опасаясь, что он вызовет еще большие беспорядки, в том числе и в Финляндии. Особенно на этот счет пре-

достерегали генерал-губернатор Николай Герард и министр статс-секретарь Август Лангхофф. В числе контраргументов Лангхофф упомянул также фактор языка: финны не могли бы работать в Думе, поскольку не знали русского языка, а если бы в нее опять-таки были выбраны только владевшие им, то это не гарантировало бы выбор наилучших представителей.

Избрание представителей Финляндии в Думу было установлено только законом 1910 г. об общегосударственном законодательстве. Согласно этому закону парламенту Финляндии надлежало избирать двух представителей в Государственный совет и четырех – в Думу. Премьер-министр Столыпин считал это положение исключением, продиктованным обстоятельствами, и конечной целью был переход к системе выборов, подобной той, что существовала в обычных генерал-губернаторствах России. Но поскольку парламент Финляндии не счел закон 1910 г. легальным, он не предпринял никаких действий по избранию делегатов. Вскоре началась война. Ее чрезвычайные условия помешали нам увидеть, собиралось ли правительство России прибегнуть к каким-либо насильственным мерам по введению закона в действие в Финляндии в этой его части.

Свобода дала России также Совет министров во главе с премьер-министром (ранее подобный орган в России отсутствовал). Также в отношении Финляндии это была резкая и значительная перемена, которую, однако, смогли в действительности заметить только спустя некоторое время после всеобщей забастовки. Новые предписания о Совете министров положили конец так называемым деспотизму министров и представительской анархии, то есть тому, что каждый министр, без согласования с другими министрами, входил с докладом к императору. Впредь все доклады должны были идти через премьер-министра, чтобы он мог выступать в роли координатора. Хотя в предписании особо не упоминалось, что это правило касается также докладчиков от Финляндии, министра статс-секретаря и генерал-губернатора, уже в 1907 г. стало ясно, что его толковали как касавшееся также и их.

Российские министры, правда, еще до этой реформы 1905 г. вмешивались в финляндские дела, но действовали поодиночке и вообще так, что министр статс-секретарь на основании

постановления 1891 г. представлял им на заключение те финляндские дела, которые, как он считал, касались также России. Эта система 1891 г, после учреждения Совета министров более не устраивала правительство России, поскольку не отвечала задачам премьер-министра как координатора. Таким образом, новый порядок представления финляндских дел, введенный в 1908 г. и известный своей дурной славой в Финляндии, есть лишь следствие реформы 1905 г. по учреждению Совета министров. Новый порядок также предполагал рассмотрение финляндских дел премьер-министром и Советом министров до представления их императору. Одновременно, согласно новому порядку, генерал-губернатор потеснил министра статс-секретаря и стал тем должностным лицом, которое направляло финляндские дела в Государственный совет. И, как показывают исследования, после введения нового порядка представления почти все мало-мальски важные финляндские дела, даже такие, как ассигнования на содержание отдельных больниц, считались общегосударственными и направлялись в Совет министров. Таким образом, «свобода» России в сущности положила конец автономии Финляндии.

Усиление разногласий между Финляндией и Россией с 1909 г.

В Финляндии после 1905 г., в который конституционалистский сенат планировал принятие собственной Формы правления, а также воссоздание комитета финляндских дел, мало кто осознавал подлинное значение происшедшего в России. Одним из немногих был лидер основанной Снельманом партии⁵⁸ Даниельсон-Кальмари. Влияние упомянутых новых институтов начало проявляться сразу, как только правительство России оправилось после наиболее тяжелого кризиса. Внимание П.А. Столыпина, ставшего премьер-министром после Витте, было приковано также к Финляндии. «Финляндский вопрос» стал объектом дискуссий в Думе. После Николая Герарда, который был статским генерал-губернатором, вернулись к практике назначения на эту должность военных – генерал Бёкман заступил на нее в 1908 г. и затем, в 1909 г., – Ф.А. Зейн, который был помощником Бобрикова. Зейн оставался на этом посту вплоть до Февральской революции 1917 г.

В процессе урегулирования «финляндского вопроса» ставились две основные цели: выработка нового общегосударственного законодательного порядка, в котором были учтены как Дума, так и новый парламент Финляндии, а также централизация государственной системы представления дел и координация со стороны Совета министров и его главы – премьер-министра. Эта координация затрагивала не только статс-секретарей, но и других долж-

⁵⁸ Речь идет о Финской партии. Однако Й.В. Снельман, строго говоря, не был ее основателем. Как отмечалось выше, он был идеологом финской нации, основоположником финского национального движения – феннофильства. Изначально это было культурно-просветительское движение, включавшее как основное направление борьбу финноязычной интеллигенции за национальный язык. В политическом смысле это был реформизм с примесью радикализма. Феннофильство, постепенно эволюционируя в политическое движение, оказало сильное воздействие на природу зарождавшейся партийной системы Финляндии. В 1863 г. молодое поколение финноязычной интеллигенции основало Финскую партию. В 1890 г. произошел раскол Финской партии на консервативную старофинскую и либеральную младофинскую. Среди старофиннов наиболее заметными фигурами, помимо Ю.С. Юрьё-Косккениена, были, в частности, Й.Р. Даниельсон-Кальмари и Й.Ф. Палмён, среди младофиннов – П.Э. Свинхувуд и К.Ю. Столберг.

ностных лиц, наделенных правом представления дел, в том числе генерал-губернатора Финляндии. Уже Февральский манифест содержал пункт о том, что сенат Финляндии посылает двух представителей в Государственный совет. После того как в соответствии с реформой 1906 г. Государственный совет стал верхней, а Дума – нижней палатой, парламенту Финляндии надлежало посылать своих представителей как в Государственный совет, так и в Думу. По поводу способа представительства, так же, как и почти по всем другим вопросам, между финнами и русскими возникли резкие разногласия: финны хотели, чтобы оно осуществлялось по принципу делегирования (как в Австро-Венгрии); по мнению русских, от Финляндии следовало выбирать представителей подобно тому, как это делалось от других генерал-губернаторств. Финны считали, что их делегаты в Думе должны принимать участие только в обсуждении вопросов, касающихся отношений Финляндии и России, но русские не одобряли такого ограничения.

Русские одержали победу в споре, который был разрешен на основании закона 1910 г. По этому закону парламенту Финляндии надлежало избирать двух представителей в Государственный совет и четырех – в Думу, но депутаты так никогда и не были избраны. Закон 1910 г. подменил собой Февральский манифест и положения по его применению. Общегосударственное законодательство теперь регулировалось законом, в издании которого принимало участие также «российское общество», через депутатов Думы. В свое время Февральский манифест был издан без его предварительного обсуждения в Государственном совете. В отличие от Февральского манифеста в законе 1910 г. (в перечне из 19 пунктов) определялась сфера действия общегосударственных законов. Акцент был сделан на военных вопросах, статусе русского языка, основах особого управления Финляндией и правах русских в Финляндии. На основании этого закона особый комитет разработал для Финляндии широкую законодательную программу; в ней указывалось, какие дела относятся к общему, какие – к местному законодательству. Программа, известная как «широкая программа русификации», была обнародована в 1914 г. Ее так и не успели осуществить; этому помешали война и революция. Но еще раньше ощущались трудности с применением закона 1910 г.: русские обнаружили, что к сфере действия общего законодательства ими были отнесены совершенно излишние и слишком незначительные дела, такие, как, например, импорт в Финляндию крыжовника. Наибо-

лее важным законом, изданным на основании закона 1910 г., был так называемый закон 1912 г. о равноправии, по которому гражданам России в Финляндии предоставлялись те же права, что и гражданам Финляндии.

Новый однопалатный парламент Финляндии, избранный в 1907 г., с воодушевлением и оптимизмом приступил к законодательной работе, сосредоточив основные усилия на социальных реформах, но обострившаяся ситуация вновь помешала утверждению в Петербурге выработанных им предложений. Парламент распустили. Новые выборы проводили едва ли не каждый год (1908, 1909, 1910, 1911, 1913, 1916). Из числа многих законопроектов до Февральской революции были утверждены только закон о времени работы хлебопекарен и предписания, включенные в закон об аренде земли. Зато, например, утверждение законов о коммунальном самоуправлении и выборах и предложение по сухому закону были отложены до 1917 г.

Начиная с 1907 г. представление финляндских дел было поставлено под контроль Совета министров путем учреждения при нем особой совещательной комиссии по финляндским делам. Контроль распространялся не только на Финляндию, ее министра статс-секретаря и генерал-губернатора, но и на всех тех, у кого до 1905 г. было право прямого представления дел императору. Указ об изменении порядка представления дел был издан в 1908 г. Согласно этому указу до представления императору на рассмотрение Совета министров передавались не только правовые, но и административные дела, имевшие «универсальное значение». Поскольку к таковым на практике относились ассигнования на содержание отдельных больниц, можно считать, что едва ли не все финляндские дела, которые шли на Высочайшее рассмотрение, были поставлены под контроль Совета министров. Самоуправление, автономия ограничивались только теми делами, которые в свое время были переданы на разрешение в Финляндии без предварительного представления их императору. Хотя министр статс-секретарь финляндский по-прежнему представлял дела, идущие на рассмотрение императора, его роль была только формальной. Август Лангхофф (1906–1913), правда, пытался поддерживать хотя бы иллюзию самостоятельного представления дел. В тех случаях, когда Совет министров придерживался иного мнения, чем то, что было изложено в докладе финляндского сената, при представлении дела присутствовал соответствующий министр. О том, чтобы ввести министра статс-секретаря

финляндского в Совет министров, подумывали, но эта идея так и не была осуществлена. (Как отмечалось выше, министр статс-секретарь польский в свое время был членом комитета министров, как и другие министры.) Установленный в 1908 г. новый порядок представления дел сам по себе был одним из наиболее значительных шагов в становлении автономии Финляндии – более важным, чем, например, известный указ об общегосударственном законодательстве 1910 года.

Новый порядок представления дел и вызванные его применением при приведении в исполнение закона об аренде земли противоречия вынудили сенаторов-конституционалистов уйти в 1909 г. в отставку – судебный департамент ушел в полном составе, – и работу продолжил «урезанный» сенат, в котором остались только старофинны. И он тоже ушел в отставку из-за разногласий с Россией в вопросе о так называемых военных миллионах⁵⁹. В сложившейся ситуации уже планировали полностью распустить сенат и передать управление генерал-губернатору и его канцелярии, но в итоге было принято решение о назначении в него финских офицеров, находившихся на службе в России. Так возник сенат, который современники прозвали «адмиральским, или сабельным сенатом». Решение по поводу сената было новым, но не единственным в своем роде. Как сенаторами, так и губернаторами и раньше назначались офицеры, владевшие русским языком. Должность статс-секретаря была «милитаризована» еще в конце 1880-х – начале 1890-х годов. Офицерский сенат означал также то, что официальным языком сената стал русский. Вплоть до 1913 г. вице-председателем хозяйственного департамента был В. Марков (родом из Хамины, выходец из купеческой семьи, которая долгое время жила в Финляндии). Когда после отставки Лангхоффа его назначили министром статс-секретарем, вице-председателем стал М. Боровитинов. Как В. Марков, так и М. Боровитинов во многом противостояли петербургской бюрократии и, таким образом, по-своему защищали автономию Финляндии. Боровитинова особенно ругала за это российская печать, и, поскольку его

⁵⁹ Россия обязала Финляндию выплачивать ей денежную компенсацию, размер которой должен был ежегодно повышаться, за освобождение финнов от воинской повинности. Такая форма участия Финляндии в организации обороны государства предусматривалась на срок до разрешения вопроса о воинской повинности на основании общегосударственного законодательства. Сенат Финляндии считал требования России незаконными и в знак протеста подал в отставку.

одновременно крепко поругивали и в Финляндии, он стал «козлом отпущения» двух народов.

Если после 1899 г. под влиянием политики России произошла резкая поляризация финляндского общества, то после 1908 г. спектр противоречий был значительно более широким. Отчасти это было следствием «анархии», порожденной всеобщей забастовкой 1905 г. и Свеаборгским восстанием, и боязнью этой «анархии» в так называемых буржуазных кругах; отчасти – того, что после принятия закона 1910 г. позиции финнов и русских относительно правового положения Финляндии были столь различны, что даже «соглашатели» более не поддерживали правительство России. Лидер старофиннов Даниельсон-Кальмари отказался от «политики наведения мостов» и примкнул к конституционалистам.

С началом войны Финляндия также была объявлена на военном положении. Несмотря на это, в 1916 г. в соответствии с парламентским уставом были проведены парламентские выборы, на которых социал-демократы получили абсолютное большинство – 103 места. Использовать его они смогли только после Февральской революции 1917 г., когда парламент вновь смог собраться. В результатах выборов 1916 г. генерал-губернатора Зейна насторожила не возможность социального переворота в Финляндии, а то, что, как следствие победы социал-демократов, возрос бы сепаратизм парламента.

Война дала финским добровольцам возможность получить военную подготовку на тот случай, если в результате войны появится возможность вернуть автономию Финляндии или отделить Финляндию от России. Примерно 2 тыс. добровольцев успели уехать в Германию, прежде чем российские власти смогли помешать этому. В Германии из финских добровольцев образовали специальный егерский батальон, а уезд добровольцев из Финляндии стали называть «егерским движением». В то же время многие добровольцы перешли в российскую армию, но какого-то специального подразделения на этой основе создано не было. Одним из последствий егерского движения стало то, что русские сочли финнов «нелояльными» и поэтому отказались от запланированного призыва их в армию.

Февральская революция 1917 г.⁶⁰ и Финляндия

Революции всегда застают современников врасплох. Так же произошло и с Февральской революцией в России. Первые известия о волнениях в Петрограде пришли в Хельсинки 13 марта. Генерал-губернатора Зейна взяли под стражу 15 марта, а на следующий день стало известно об отречении императора. Боровитинов был задержан в тот же день, 16 марта. В Петрограде Маркова посадили под домашний арест и чуть позднее отстранили от должности. Старый сенат, однако, еще некоторое время продолжал работу под руководством помощника генерал-губернатора Липского и адмирала Вирениуса, пытаясь приспособиться к новому духу времени. Он изменил свое название на Сенат Финляндии и приступил к освобождению политических заключенных. Из Финляндии вновь, как и в 1905 г., попытались сделать щит против революции, но эта попытка провалилась.

Новым генерал-губернатором Финляндии был назначен октябрист, помещик М.А. Стахович, который еще в Думе отстаивал права Финляндии, а его помощником – барон С.А. Корф. В день отречения императора, 15 марта, «министром» Финляндии во Временном правительстве назначили Ф.И. Родичева, но после того, как сочли, что эту должность должен занимать гражданин Финляндии, «министра» стали именовать временным «комиссаром». Родичев курировал финляндские дела до тех пор, пока Карл Энкель не получил в апреле назначение на пост министра статс-секретаря.

Февральская революция в Петрограде привела к падению консервативной IV Думы. Она отказалась от самороспуска (так же, как Национальное собрание в Париже в 1789 г.) и назначила из своей среды новое правительство, названное Временным. Акцент на временном характере правительства означал, что оно должно было вести дела до созыва Учредительного собрания. Хотя Рома-

⁶⁰ Автор пишет о Февральской революции 1917 г., называя ее мартовской в соответствии с финляндской исторической традицией. В переводе, здесь и далее, употребляется название, соответствующее отечественной исторической традиции – Февральская революция 1917 г.

новы отrekliсь от власти, официально Россия была провозглашена республикой только осенью. Пришедшие к власти в Петрограде члены Думы, такие, как премьер-министр Г.Е. Львов, Ф.И. Родичев, Д.Д. Протопопов, П.Н. Милюков, были оппозиционерами и еще раньше отстаивали права Финляндии перед правительством. Безусловной правдой является то, как об этом пишут, что они, став членами правительства, сохранили свое благожелательное отношение к Финляндии. Однако в то же время в Финляндии забыли, что они были именно земскими и думскими деятелями, то есть в этом смысле демократами, и представляли как раз то «российское общество», от влияния которого еще Снельман предостерегал финнов. Революция привела к падению трона, но не созданной в 1905–1906 гг. системы, звеньями которой были Совет министров во главе с премьер-министром и Дума. Революция и отречение императора означали, что в Петрограде больше не было Великого князя Финляндского и даже Николая II, но оставались Дума и избранный ею Совет министров во главе с премьер-министром. Теперь финнам нужно было урегулировать отношения с ними. Таким образом, статс-секретарь по делам Финляндии отныне должен представлять эти дела Совету министров.

Поначалу и в Финляндии революция вызвала опьянение свободой, в котором едва не потонули факты. Верили, что родилась «свободная Россия», которая и Финляндии гарантирует свободу и даже независимость. Речи в парламенте председателя парламента Куллерво Маннера и вице-председателя сената Оскари Токоя 10 и 20 апреля, по существу, содержали следующую основную идею: свободная Россия и свободная Финляндия будут жить в грядущем братском союзе народов.

Вскоре после революции из Финляндии в Петроград отправились делегации для выяснения позиции нового правительства, вначале от политических партий и затем от парламента. Правда, уже 16 марта были начаты переговоры с адмиралом А.Н. Непениным на его корабле, стоявшем на рейде в Хельсинки (позднее, в том же году А.Н. Непенин был убит восставшими матросами и похоронен на Ильинском православном кладбище в Хельсинки. — Ю.Д.). Непенин подчеркнул, что все предписания военного времени и относящиеся к объявлению Финляндии на военном положении остаются в силе; со своей стороны финны заверили его в своей лояльности по отношению к новому правительству. В Петрограде финны поразили своих «новых хозяев» тем, что представили два

различных проекта манифеста: социал-демократы – свой и буржуазные партии – свой. Социал-демократы хотели включить в манифест также обещания провести социальные реформы и таким образом доставили представителям Временного правительства удовольствие заявить, что они не вмешиваются во внутренние дела финнов. Они также посоветовали финнам вначале договориться между собой. В итоге был достигнут компромисс, в основу которого лег проект, подготовленный буржуазными партиями.

В стане русских шла дискуссия о том, следует ли объявить об окончательной или о временной, до созыва Учредительного собрания, отмене общегосударственного законодательства. Решение об окончательной отмене было принято прежде всего благодаря Милюкову.

Манифест содержал своего рода «монаршую присягу» (вера, основные законы и права, предоставляемые по конституции). Чтобы конституция Финляндии начала действовать, необходимо было отменить целый ряд постановлений, начиная с почтового манифеста 1890 г., а также основные предписания Февральского манифеста 1899 г. (но не сам манифест!), порядок представления дел, установленный в 1908 г., и закон 1910 г. об общегосударственном законодательстве. Перед сенатом была поставлена задача – выработать предложения и об отмене других законов и постановлений. Было дано обещание объявить политическую амнистию, созвать парламент и представить в него предложения по новой конституции (которая гарантировала бы парламенту право представления дел, бюджетное право, а также право проверять то, как члены правительства исполняют свои служебные обязанности).

Еще до парламентской сессии на переговорах с участием делегации от политических партий приступили к формированию нового сената. Русские не вмешивались в переговоры, хотя помощник генерал-губернатора барон Корф угрожал, что в том случае, если к 24 марта он не получит список сенаторов, прежний сенат продолжит работу до тех пор, пока парламент не соберется на свою сессию. Формирование сената было непростым делом, поскольку социал-демократы имели большинство в парламенте, но их идеология резко отличалась от «министерского социализма»⁶¹. В по-

⁶¹ «Министерский социализм» для социал-демократов означал готовность делить ответственность правительства с другими входящими в него партиями. Согласно решению съезда СДПФ 1919 г., участие социал-демократов в правительстве допускалось только в чрезвычайных ситуациях. В 1919–1924 гг. произошло

следний момент, главным образом при посредничестве Ю.К. Паасикиви, пришли к соглашению о формировании коалиционного сената с минимальным перевесом в нем социалистов (6 социалистов, 6 представителей от буржуазных партий, председатель-социалист). Заместителем председателя стал Оскари Токой. Свое отношение к «министерскому социализму» социал-демократическая партия продемонстрировала тем, что оговорила для себя право на оппозицию. Сенат был первым в мире правительством, в котором преобладали социалисты. Его основной программой стало выполнение обещаний «мартовского манифеста»⁶².

Формально назначение нового сената (вручение верительных грамот) произошло в соответствии с ранее существовавшим порядком: генерал-губернатор вручил верительные грамоты при посредничестве министра статс-секретаря, но только не императору, а Временному правительству и его премьер-министру Г.Е. Львову. От формы не отступили даже в отношении сроков действия верительных грамот, так как сенат О. Токой должен был просуществовать до конца текущего трехлетнего периода, то есть до 30 сентября 1918 г.

Когда парламент вернулся к работе по отмене законов и постановлений, возник вопрос о так называемой верховной власти, т.е. о том, унаследовало ли Временное правительство власть, принадлежавшую Великому князю и могло ли оно утверждать законы для Финляндии и назначать на должности? Сразу после того как в феврале вспыхнула революция, этого вопроса не поднимали. Временное правительство издало «мартовский манифест», заявив о себе как о «носителе всей государственной власти». Таким образом, манифест касался и Финляндии. Новое прави-

известное сближение СДПФ с центристскими партиями, но в последующий за тем период, для которого было характерно формирование буржуазных коалиционных правительств, партия вновь оказалась в изоляции. Это заставило ее поспешить с пересмотром своего отношения к сотрудничеству на правительственном уровне с другими партиями. В 1926 г. оно стало возможным и в абсолютно нормальных условиях, если при голосовании в партийном совете и в парламентской фракции решение принималось большинством в 2/3. 1930-е годы были для партии периодом зрелости: она отказалась от теоретических схем и перешла на позиции скандинавского парламентаризма. В 1937 г. впервые после обретения Финляндией независимости было создано правительство, основывающееся на сотрудничестве буржуазии и социалистов.

⁶² Так называемым мартовским манифестом (20.03.1917 г.) Временное правительство отменило все акты, противоречившие финляндским основным законам, и созвало на сессию депутатов парламента.

тельство не отказалось от идеи «единства и неделимости» России, и это тоже касалось Финляндии.

В дискуссиях между финнами и русскими были предложены три варианта ответа на вопрос: один русский и два финских. Точку зрения России сформулировала юридическая совещательная комиссия под руководством профессора Ф.Ф. Кокошкина. Она сводилась к следующему: власть Великого князя полностью перешла к Временному правительству; Временному правительству как носителю верховной власти в России принадлежит также верховная власть в Финляндии. Только будущее Учредительное собрание могло что-либо изменить.

В Финляндии профессор Германсон сформулировал своего рода теорию компенсации: поскольку неограниченной власти императора в России пришел конец и его сменил носитель ограниченной власти, то перемена обернулась потерей для Финляндии и ее следовало компенсировать путем заключения договора, по которому Финляндии была бы гарантирована полная внутренняя автономия.

Ответ, подготовленный профессором Рафаэлем Эрихом, был следующим: поскольку Россия превратилась из монархии в республику (*de facto*), то более не являлось возможным поддерживать прежний дуализм (император России и Великий князь Финляндский). Таким образом, Временное правительство было только правительством России, но не Финляндии и верховная власть должна была перейти к государственным органам Финляндии и принадлежать им. Однако внешняя политика и военные вопросы по-прежнему оставались в ведении Временного правительства, то есть являлись общими для России и Финляндии.

Общим для точек зрения Германсона и Эриха был тот вытекающий из учения о финляндской автономии принцип, что «российскому обществу» не следовало отдавать или передавать власть, принадлежавшую Великому князю.

На основании мартовского манифеста для выработки предложений по новой конституции, а также для определения характера связи Финляндии с новой Россией был учрежден конституционный комитет под руководством Столберга. Одновременно начались почти непрерывные зондажи и переговоры с Временным правительством об отказе Петрограда от верховной власти в пользу Хельсинки. Одновременно в Финляндии шла жесткая борьба по вопросу о том, к кому – сенату или парламенту – должна перейти верховная

власть. На основании предварительных разработок конституционного комитета уже 7 апреля сенат внес предложение о расширении своих полномочий, настаивая на том, чтобы часть прав, принадлежавших Великому князю, перешла к нему (в частности, сенат оставлял за собой право на созыв и роспуск парламента, открытие и закрытие парламентской сессии, утверждение законов, издание постановлений, составление бюджета, право законодательной инициативы, а также право принятия решений по ряду должностей, список которых был достаточно длинным). Временное правительство, однако, передало вопрос на рассмотрение вышеупомянутой совещательной юридической комиссии Кокошкина. Ее ответ был резко отрицательным: она не сочла подобные изменения возможными. Совещательная комиссия напомнила финнам их же собственный старый аргумент: поскольку связь между Финляндией и Россией была установлена на основании двустороннего договора, она не может быть изменена без заключения нового договора, поэтому только будущее Учредительное собрание могло бы изменить ее.

В конце мая, когда обновился состав Временного правительства, финны вновь провели зондаж. Однако линия, которой следовало Временное правительство, оказалась прежней. Тогда сенат решил подготовить новый доклад приблизительно на той же основе, на которой настаивало Временное правительство. В нем все, что касалось сессии парламента, равно как и «интересов России» (или общегосударственных дел), по-прежнему оставалось в ведении Временного правительства. По делам, право решения по которым передавалось хозяйственному департаменту сената, требовалось к тому же заключение генерал-губернатора относительно того, касались ли они интересов России. Этот доклад был вынесен на рассмотрение парламента под названием «закон Туленхеймо»⁶³.

С приходом весны Советы в России получили еще большую власть; в петроградских советах возрос авторитет большевиков, которые в борьбе против Временного правительства использовали лозунг о праве наций на самоопределение и, таким образом, требовали права на «независимость» и для Финляндии. По предложению финских социалистов Съезд советов⁶⁴ в июле высказался

⁶³ *Туленхеймо, Антти* (1879–1952) – ученый, юрист и политик. Депутат от НКП, премьер-министр (1925), мэр г. Хельсинки (1931–1944), канцлер Хельсинкского университета (1944–1952).

⁶⁴ Первый Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов, 3–24.6.1917 г., Петроград.

за передачу верховной власти парламенту Финляндии. Но право окончательного решения по этому вопросу Съезд также оставил за Учредительным собранием, которое должно было учредить «Российскую демократическую республику» и, таким образом, обеспечить свободу Финляндии. Позже финские социалисты выступили в парламенте с инициативой, аналогичной решению Съезда советов, которая была одобрена в форме Закона о верховной власти. В нем, однако, «забыли» упомянуть об Учредительном собрании России как о форуме, принимающем окончательное решение. Закон имел два острия, одно было направлено внутрь страны, другое на Россию, «лишая» Петроград верховной власти в пользу Хельсинки и передавая ее не сенату, а парламенту.

Закон означал открытый конфликт с Временным правительством, поскольку не был послан ему на утверждение: финские законодатели ошибочно ожидали, что попытка большевистского переворота в Петрограде, предпринятая в июле, будет удачной и приведет к падению Временного правительства⁶⁵. Ответные действия Временного правительства последовали незамедлительно: парламент распустили и назначили новые выборы. Социал-демократы сочли роспуск незаконным и по-прежнему настаивали на исполнении Закона о верховной власти. Парламент и его председатель К. Маннер попытались было продолжить работу в Хейнола (район в Хельсинки), но полиция заблокировала вход в зал заседаний.

Однако корниловский мятеж (август 1917 г.) и его последствия ослабили положение Временного правительства. В Финляндии опасались диктатуры России. 12 сентября было получено письмо, в котором говорилось о «передаче сенату Финляндии некоторых дел на окончательное разрешение» – так называемый Корниловский манифест. Его содержание было примерно таким же, что и содержание «закона Туленхеймо». Хотя он носил временный характер, по существу, управление Финляндией вплоть до 1919 г. осуществлялось на его основании.

В октябре в Хельсинки прошли переговоры между конституционным комитетом Столберга и юридической совещательной комиссией Временного правительства. Их основу составили предложения комитета Столберга по новой конституции и так называемому государственному акту, в котором определялся характер

⁶⁵ Проект Закона был поставлен в парламенте на окончательное обсуждение как раз во время петроградских событий июля 1917 г.

отношений между Финляндией и Россией. В предложениях комитета Столберга содержались почти все пожелания финнов о собственном, конституционном государстве. Заметим, что в тот момент и русские безоговорочно признавали Финляндию как отдельное от России государство. Однако в ходе переговоров и в заявлении генерал-губернатора Некрасова по поводу предложений по новой Форме правления обнаружилось, что Петроград по-прежнему придерживался принципа нераздельности государственной власти, в частности настаивая на том, что именно верховной власти России надлежало утверждать новую Форму правления, созывать и распускать парламент Финляндии.

Однако в итоге на переговорах Некрасова с представителями финляндских буржуазных кругов был достигнут компромисс. Временное правительство отказывалось от административной власти в Финляндии, оставляя за собой право на руководство внешней политикой. Финляндия также не могла вносить в одностороннем порядке изменения в военное законодательство; генерал-губернатор переставал быть должностным лицом Финляндии, так, например, он более не являлся бы председателем сената. К тому времени, когда уведомление об этом компромиссном решении отправили в Петроград, Временное правительство уже пало. Власть перешла в руки Петроградского совета и Военно-революционного комитета. Эти события позднее стали называть Октябрьской революцией.

**ОТ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
ДО ОКОНЧАНИЯ
ВОЙНЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ.
1917–1944**

Сеппо Хентия

Финляндия обретает независимость

Свержение Временного правительства в России 7 ноября 1917 г. поделило политическое пространство Финляндии четко надвое. В новой ситуации инициатива в политике независимости перешла от социал-демократов к буржуазным партиям, которые теперь хотели отделить Финляндию от России как можно скорее. После Октябрьской революции социал-демократы считали, что Финляндия должна обрести независимость на основании манифеста нового правительства России. Этой позиции противостояла политика независимости буржуазных партий, поддержку которой оказывала Германия. Буржуазные партии ни в коем случае не хотели обращаться к большевистскому правительству В.И. Ленина, но искали признания независимости на Западе. Между рабочим движением и буржуазией образовалась социальная и политическая пропасть, которая фатальным образом углубилась в течение осени 1917 г.

На следующий день после большевистского восстания парламент Финляндии собрался для обсуждения ситуации, сложившейся после падения правительства России, временно являвшегося носителем власти императора и Великого князя. Вопрос о верховной власти в Финляндии требовал окончательного разрешения. В парламенте 127 голосами против 69 победило предложение буржуазных партий, согласно которому верховную власть следовало передать тройке регентов. Однако решение не было реализовано из-за сопротивления аграриев и социал-демократов.

Восьмого ноября социал-демократы представили в парламент в качестве своего контрпредложения манифест «Мы требуем!», неделю раньше утвержденный на партийном совете СДПФ. Помимо широкой программы социальных реформ в манифесте содержа-

лось требование обеспечения свободы Финляндии на основе такого договора с Россией, который признал бы Закон о верховной власти, утвержденный в июле парламентом. Однако манифест даже не был поставлен на обсуждение, так как, по мнению председателя парламента, он не отвечал формальным требованиям законодательной инициативы.

Политическая ситуация обострялась на глазах. Организация профсоюзов Финляндии (ОПФ) объявила всеобщую забастовку, которая началась в ночь на 14 ноября. Во время забастовки, продолжавшейся пять дней, во многих местностях происходили столкновения, накалившие атмосферу пуше прежнего.

Пятнадцатого ноября парламент 127 голосами против 68 провозгласил себя носителем верховной власти. «За» проголосовали аграрии, социал-демократы и часть буржуазных поборников самостоятельности. Это означало разрыв более чем вековой государственной связи Финляндии и России. На следующий день были утверждены новые законы о коммунальном самоуправлении и выборах, а также закон о 8-часовом рабочем дне.

В новой ситуации неизбежной стала смена правительства. В парламенте были поставлены на обсуждение два альтернативных списка: буржуазные фракции предлагали сформировать правительство Пера Эвинда Свинхувуда, социалисты – правительство Оскари Токоя. Двадцать седьмого ноября парламент назначил сенат Свинхувуда, в который вошли представители только буржуазных фракций. Перед новым правительством стояла важнейшая задача – добиться отделения Финляндии от России и обеспечить международное признание независимости. Поэтому правительство Свинхувуда называли «сенатом независимости».

Правительство в конце ноября – начале декабря пришло к заключению, что не следует откладывать провозглашение независимости. Однако к большевистскому правительству сенат не хотел обращаться, так как подача просьбы о признании независимости Совету Народных Комиссаров означала бы фактическое признание новой власти в России. Вопрос разрешился следующим образом: 4 декабря Свинхувуд представил в парламент заявление правительства, которое позднее стали называть Декларацией независимости Финляндии. По поводу наиболее сложного пункта – об урегулировании отношений Финляндии и России – Свинхувуд ограничился замечанием: «Народ Финляндии верит, что народ свободной России и ее Учредительное собрание не захотят препят-

ствовать стремлению Финляндии войти в семью свободных и независимых народов».

Сенат поспешил и с обеспечением признания независимости. В принципе положительная точка зрения Швеции и Германии по этому вопросу была уже известна. В тот же день, когда Декларацию зачитали в парламенте, в сенате было подготовлено обращение к иностранным державам. Представители иностранных государств, в частности находившиеся в Хельсинки консулы западных держав, считали, что Декларация будет иметь достаточный вес лишь в том случае, если ее представит именно парламент.

Для рассмотрения вопроса о независимости парламент собрался 6 декабря. Было представлено два контрпроекта: предложение пяти буржуазных фракций, которое, по существу, было того же содержания, что и двумя днями ранее принятая Декларация, а также предложение социал-демократов. Последние связывали обретение Финляндией независимости с учреждением финляндско-российской совещательной комиссии, которой надлежало выработать предложения по урегулированию отношений Финляндии и России.

За предложение буржуазных фракций было подано 100 (против 88) голосов, и заявление Свинхувуда было одобрено в качестве официальной Декларации независимости. После этого сенат мог по собственной инициативе приступить к практическому решению вопроса. Два годами позже 6 декабря впервые отмечали как День независимости Финляндии. С неменьшими основаниями Днем независимости можно было бы считать 4 декабря или 15 ноября.

Сенат Свинхувуда вначале попытался получить признание независимости на Западе – у Скандинавских стран, Германии, Франции, Великобритании и США, стремясь поставить новую власть России перед свершившимся фактом, но надежды на это оказались тщетными, поскольку Швеция, Германия и другие западные державы не были готовы признать Финляндию до того, как это сделает Россия.

Сенатор-старофинн Юхо Кусти Паасикиви 4 декабря в Стокгольме попытался выяснить точку зрения шведского правительства. Помимо признания независимости он вел речь о военной помощи со стороны Швеции для выдворения российских войск из страны. Паасикиви вскоре понял, что Швеция не окажет военной помощи и не признает Финляндию до того, как правительство России не примет положительного решения по этому вопросу.

Сенат Свинхувуда вплоть до Рождества надеялся на то, что он мог бы обратиться за признанием независимости к Учредительному собранию России, избранному в конце ноября, поскольку большевики потерпели поражение на выборах и остались в Учредительном собрании в меньшинстве. Но Скандинавские страны советовали финнам обратиться за признанием к Совету Народных Комиссаров, поскольку большевики в России были единственной группировкой, у которой были хоть какие-то возможности для заключения договоров. Во время зондажа позиции Германии также стало ясно, что Финляндии следует вначале выяснить отношение к этому вопросу правительства Ленина. После Рождества политическое руководство Финляндии наконец склонилось к тому мнению, что признания независимости следовало искать прежде всего у советского правительства.

Двадцать седьмого декабря сенат принял решение послать Карла Энкеля и К.Г. Идмана в Петроград для выяснения позиции правительства Ленина. Однако социалисты их опередили. К.Х. Виик, Эдвард Гюллинг и Куллерво Маннер встретились с Лениным уже 27 декабря в Смольном, где проходили заседания Совета Народных Комиссаров. Они заверили, что все финны поддерживают идею независимости. Ленин, выразив удивление, почему рабочие Финляндии не осуществили революцию, хотя в их руках были теперь все козыри, все же обещал признать независимость Финляндии, поскольку считал, что это подтолкнет рабочих Финляндии к революции. Троцкий, с которым финны встретились на следующий день, также советовал им незамедлительно приступить к взятию власти, поскольку это воодушевило бы также шведских рабочих последовать их примеру. Центральный Комитет большевистской партии в принципе признал независимость Финляндии уже 28 декабря.

В тот же день в Петроград прибыли также К.Г. Идман и К. Энкель. В.И. Ленин сказал им: «Дело очень простое. Ваше правительство напишет нам письмо, на которое мы сразу ответим»⁶⁶. После этого правительство Финляндии больше «не стеснялось»: уже через два дня в Петроград прибыла делегация во главе с Свинхувудом для вручения ходатайства, которое было адресовано «правительству России». Однако это обращение – по просьбе хозяев –

⁶⁶ Ответ, который В.И. Ленин дал Идману и Энкелю, документально нигде не зафиксирован.

пришлось изменить, адресовав ходатайство «Совету Народных Комиссаров».

На другой день, 31 декабря 1917 г., Свинхувуд получил в собственные руки от советского правительства письменное признание независимости Финляндии. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов 4 января 1918 г. утвердил решение Совета Народных Комиссаров.

Почему большевистское правительство с легкостью, по крайней мере видимой, признало независимость Финляндии? Конечно же, речь не шла о благородстве мотивов Ленина или о «подарке народу Финляндии». Хотя в декларируемом большевиками праве наций на самоопределение содержалось обещание предоставить право на выход из состава России, целью ленинской национальной политики вовсе не было образование малых независимых государств. Напротив, «свободное отделение» предполагало последующее «свободное объединение» малых братских народов в Российскую Социалистическую Федерацию. Ленин верил, что и финны присоединятся к ней, и, может быть, одни из первых, когда революция распространится на запад от России.

С точки зрения большевиков, стремление Финляндии к независимости было по сути контрреволюционной политикой. Так как руководство СДПФ поддержало проект независимости, предложенный буржуазией Финляндии, и одновременно оказалось неспособным начать революцию, в глазах В.И. Ленина оно было в некотором смысле «беспомощным вдвойне». Таким образом, активизация политики независимости Свинхувуда поставила советское правительство перед свершившимся фактом: не желая того, ему вместо рабочего правительства пришлось признать буржуазный сенат Финляндии. Это вовсе не противоречит тому факту, что изначальной целью большевистского правительства было установление отношений именно с Финляндией, управляемой рабочими. Оно стремилось к тому, чтобы в обозримом будущем Финляндская Рабочая Республика «добровольно» вошла в состав федерации народов России.

Другие государства тоже признали Финляндию не по чистой симпатии к ней; во всех случаях их решения были обусловлены собственными политическими расчетами. Вслед за Россией 4 января 1918 г. Финляндию признали Франция и Швеция. Решение Швеции было не таким простым, так как обретение Финляндией независимости привело к трудно прогнозируемым изменениям

в соотношении сил в регионе Балтийского моря. С другой стороны, на осторожную позицию Швеции повлияло ее стремление сохранить нейтралитет в мировой войне. К тому же в течение 1917 г. приобрела актуальность вопрос об Аландских островах. В феврале 1918 г. шведскому королю был подан адрес, подписанный 7 тыс. жителей островов, которые ходатайствовали о присоединении Аландов к Швеции.

Франция, по существу, была готова признать Финляндию уже 8 декабря. Она хотела воспрепятствовать тому, чтобы Финляндия тотчас же «скатилась в объятия» Германии, стремясь ослабить влияние последней на окраинных территориях России. Решение о признании откладывалось из-за того, что Франция пыталась склонить Великобританию и США к той же точке зрения. Но эти державы ждали падения большевистской власти в России в надежде на то, что там будет сформировано новое правительство, которое восстановит союзнические отношения с западными державами и продолжит войну против Германии и ее союзников. Финляндии пришлось ожидать окончательного признания со стороны Великобритании и США еще более года.

Германия со своей стороны уже осенью 1917 г. считала желательным обретение Финляндией независимости и советовала финнам провозгласить ее. В стратегических планах Германии территория Финляндии могла быть использована в целях изоляции России от другой Европы. Германия также руководствовалась экономическими интересами. Признание со стороны Германии, однако, затянулось потому, что мирные переговоры с Советской Россией были еще далеки от благополучного завершения. Германия признала независимость Финляндии 6 января. Однако Министерство иностранных дел Германии поясняло, что признание *de facto* произошло двумя днями раньше, т.е. в тот же день, что и признание независимости Финляндии Францией и Швецией.

В начале 1918 г. Финляндия формально была независимым государством, однако в неспокойной международной обстановке ее независимости угрожало многое. Не было видно конца мировой войне, длившейся уже четыре года. Будущее Финляндии зависело прежде всего от того, каким путем пойдет Россия. Правительство в первую очередь было обеспокоено присутствием в Финляндии российских войск. Хотя их численность с лета 1917 г. сократилась более чем вдвое, в январе 1918 г. в Финляндии находилось около 42 тыс. русских солдат. Несмотря на многочисленные попытки,

с правительством России так и не удалось прийти к соглашению относительно вывода войск.

Правительство Финляндии – и не без оснований – могло предположить, что большевики не считали вопрос о независимости Финляндии окончательно решенным. Еще в середине января советское правительство заявило председателю военного отдела Областного комитета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии, что Областной комитет временно является носителем верховной власти в Финляндии. Российско-финляндский смешанный комитет, отвечавший за практические мероприятия, необходимость которых была обусловлена отделением Финляндии от России, не мог начать свою работу из-за промедления русских.

Война красных и белых

В течение 1917 г. политическая атмосфера в Финляндии накалилась. Сельскохозяйственные забастовки⁶⁷, волнения, вызванные перебоями в снабжении продовольствием, забастовки с требованиями реформировать законы о коммунальном самоуправлении и выборах и другие социальные беспорядки все чаще вели к насилию. Столкновения, имевшие место в период ноябрьской всеобщей забастовки в различных частях страны, унесли жизни двадцати двух человек. Руководство социал-демократической партии оказалось неспособным контролировать массовое движение. В трудных и нестабильных условиях 1917 г. линия партии не была ни последовательной, ни единой. Руководство СДПФ постоянно колебалось между парламентской и внепарламентской линиями поведения.

Парламентская работа приносила социал-демократам в 1917 г. одно разочарование за другим: роспуск парламента в июле превратил Закон о верховной власти в «мертвую букву». На выборах в октябре партия утратила большинство в парламенте, и сенат Токоя был вынужден уйти в отставку. Последней парламентской попыткой СДПФ была вышеупомянутая программа «Мы требуем», которую парламент даже не поставил на обсуждение.

После Октябрьской революции большевики все настойчивее подталкивали руководство СДПФ к взятию власти и осуждали его за беспомощность. Во время ноябрьской всеобщей забастовки Центральный революционный совет рабочих, сформированный руководящими органами СДПФ и ОПФ, 16 ноября минимальным большинством принял решение о взятии власти, но почти тут же от революции пришлось отказаться, так как войти в верховный революционный исполнительный комитет не нашлось достаточно-го числа желающих.

Рост актов насилия, приводивших к все большей незащищенности населения, а также отсутствие собственной армии и сил правопорядка привели к созданию вооруженных гвардий по поддержа-

⁶⁷ Безземельное население отказывалось от работы, настаивая на передаче земли в собственность.

нию порядка в стране. После сельскохозяйственных забастовок весны 1917 г. буржуазия приступила к формированию охранных отрядов шюцкора. (В некоторых местностях их называли пожарными командами.) В основе создания шюцкора лежало движение активистов за независимость, за освобождение Финляндии из-под власти России, с одной стороны, и стремление буржуазии защитить себя от рабочего движения, становившегося все более радикальным, с другой стороны. В начале 1918 г. по всей стране насчитывалось примерно 500 белых охранных отрядов, действовавших под различными названиями и объединявших в своих рядах без малого 40 тыс. человек.

Местные рабочие организации по примеру Петрограда уже в мае 1917 г. создали отряды фасной гвардии, но руководство партии поначалу относилось к ним с оговорками. Осенью ситуация уже была иной: в конце октября делегация ОПФ поощряла создание рабочими отрядов красной гвардии, так как «класс буржуазии теперь лихорадочно организуется и вооружается, несомненно, против рабочих». Со всей серьезностью к созданию рабочей гвардии приступили в ходе ноябрьской всеобщей забастовки, но после ее окончания энтузиазм поубавился. Все же в конце 1917 г. в рядах красной гвардии насчитывалось примерно 30 тыс. человек.

Двенадцатого января 1918 г. сенат получил от парламента полномочия принять меры по наведению в стране «строгого порядка». Руководить этими действиями Свинхувуд поручил генерал-лейтенанту Карлу Густаву Маннергейму, который после Октябрьской революции уволился со службы в российской армии и вернулся в Финляндию. Получив задание, Маннергейм отправился в провинцию Похьянмаа, где шюцкор пользовался самой сильной поддержкой. Теперь задача состояла не только в наведении порядка, но в выдворении из страны российских войск. В захваченном у них оружии финны остро нуждались. Двадцать пятого января сенат объявил шюцкор правительственными войсками.

Военные действия начались независимо друг от друга одновременно на трех различных направлениях. В провинции Похьянмаа шюцкоровские войска под командованием Маннергейма 28 января разоружили 5 тыс. русских, которые не оказали почти никакого сопротивления. На Выборгском направлении бои начались уже 27 января как гражданская война между местной красной гвардией и местным шюцкором. В тот же день красные начали революцию в Хельсинки. Исполнительный комитет отдал приказ о мобилиза-

ции красной гвардии. На следующее утро на башне Рабочего дома в Хельсинки был поднят красный флаг в знак начала революции.

Председателем революционного правительства, Совета народных уполномоченных, стал Куллерво Маннер. Другими членами красного правительства или народными уполномоченными были Отто Вилле Куусинен, Юрьё Сирола и Оскари Токой. Красногвардейцы захватили в Хельсинки центральные государственные учреждения, не встретив при этом особого сопротивления. Членов сената намеревались арестовать, но ни одного из них схватить не удалось. Часть сенаторов скрывалась в Хельсинки, часть бежала в Ваасу, где было сформировано правительство белой Финляндии – так называемый Ваасский сенат. Председателю сената П.Э. Свинхувуду, который оставался в Хельсинки, удалось на ледоколе перебраться в Таллин, а оттуда в Берлин.

Совет народных уполномоченных в своем программном заявлении от 29 января призвал поддержать массовое движение демократическими методами. Красное правительство пообещало провести широкие социальные реформы, но заявило, что для их проведения необходимо осуществить переход к социализму. В действительности в красной Финляндии не успели социализировать почти ничего. Проект конституции Совета народных уполномоченных был подготовлен в конце февраля 1918 г. По большей части он принадлежал перу О.В. Куусинена. За образец была взята швейцарская система, с которой Куусинен познакомился в 1917 г. в бытность свою членом конституционного комитета Столберга. В проекте чувствовалось также влияние Декларации независимости США и идей Великой Французской революции.

Вожди красной Финляндии стремились не к диктатуре пролетариата, как то предполагало ленинское учение о государстве, но к парламентской демократии, основывающейся на принципе национального суверенитета. В Финляндии революционеры были социал-демократами, а не большевиками. В этом смысле попытка ниспровержения власти рабочим движением Финляндии отличалась от большевистской революции в России и от попыток переворота, предпринятых в Центральной Европе в начале 1919 г. (восстание спартаковцев в Берлине, Баварская советская республика, восстание под руководством Белы Куна в Венгрии). Руководство финляндским рабочим движением вступило в революцию, будучи относительно единым. Умеренное меньшинство, которое после

завоевания власти отошло в сторону, составляло лишь малую часть руководства рабочим движением.

Линия фронта между красными и белыми установилась к середине февраля 1918 г. Она проходила через Южную Финляндию от Ботнического залива до Ладоги севернее Пори, Тампере, Хейнолы и Выборга по линии Ахлайнен–Вилппула–Мянтюхарью–Антреа (Каменногорск)–Рауту (Сосново)⁶⁸. Войска красных насчитывали самое большое около 100 тыс. человек, из них, однако, в боевых действиях участвовали 70 тыс. человек. Численность войск шюцкора составляла около 70 тыс. человек. В середине февраля красные, возлагая большие надежды на победу, начали общее наступление на север, но оно застопорилось на всех участках фронта почти в самом начале.

⁶⁸ Здесь и далее в скобках указаны географические названия, установленные после Второй мировой войны на территориях, отошедших к СССР по Московскому (1940) и Парижскому (1947) мирным договорам.

Многочисленные названия войны 1918 г.

Была ли война, которая шла в Финляндии весной 1918 г., **освободительной войной, революцией, классовой войной, мятежом, гражданской войной или междоусобной войной?** Все эти названия и их многочисленные варианты употребляются как противоположные, так и сопутствующие толкования войны 1918 г.

До 1960-х годов о событиях 1918 г. вспоминали преимущественно как об освободительной войне. Согласно этой интерпретации, мотивы красных изначально были преступными и изменническими. Своего рода консенсус был достигнут в 1960-е годы, когда буржуазная Финляндия признала законность мотивов красных, заставивших их взяться за оружие. Красным поставили памятники, места их захоронения отныне почитали и погибших стали называть павшими за «рабочее дело» или за «свои убеждения».

Основу консенсуса заложила дискуссия, предметом которой стала трилогия Вяйне Линны «Здесь, под Северной звездой» (1959–1962), во второй части которой много говорится о событиях 1918 г. В академических исторических кругах начало дискуссии положило исследование Яакко Пааволайнена, написавшего трилогию о политическом насилии 1917–1918 гг.: «Красный террор» (1966); «Белый террор» (1967); «Лагерь для военнопленных в Финляндии 1918 г.» (1971).

Освободительная война

Белая Финляндия считала войну 1918 г. освободительной войной, которая окончательно обеспечила независимость Финляндии. Такое толкование позже подвело основу под деятельность активистов, поборников самостоятельности и егерей, поставивших целью отделение Финляндии от России и выдворение российских войск из страны. Согласно этой интерпретации, война против России продолжалась после 1918 г. до заключения Тартуского мирного договора 1920 г. как помощь финнов своим соплеменникам в Восточной Карелии, Ингерманландии, Эстонии и Петсамо (Печенга)⁶⁹, боровшимся против больше-

⁶⁹ Печенга – пограничный с Финляндией и Норвегией район.

виков за региональную независимость. С точки зрения белых, красные были изменниками отечества, так как их победа означала бы присоединение Финляндии к Советской России. Мотивировки данной интерпретации не выдерживают критики, в частности, потому, что именно правительство страны, от власти которой хотели избавиться, первым утвердило Декларацию независимости Финляндии, принятую буржуазным правительством П.Э. Свинхувуда. С другой стороны, против русских трудно было вести войну освободительную, так как они не оказывали сколько-нибудь существенного сопротивления. Кроме того, участие России в войне несравнимо с участием в ней Германии, направившей в Финляндию Остзейскую дивизию в помощь белым.

Революция

Вступление красных в войну 1918 г., бесспорно, отвечает всем классическим признакам революции: красные свергли в столице законное правительство и отстранили от власти избранный народом парламент. Революционное правительство, Совет народных уполномоченных, уже во время войны приступило к установлению в центральной части Южной Финляндии нового государственного и общественного порядка, который основывался на началах социализма.

Классовая война

Понятие «классовая война» в связи с войной 1918 г. используется в трех различных значениях: опыт современников; политическая интерпретация более позднего времени; социально-историческое обобщение. Для красных, само собой разумеется, война была классовой войной, в которой друг другу противостояли различные общественные классы: рабочий класс и буржуазия, или «народ» и «господа». Имуций класс и те, кто занимал ведущие позиции в обществе, вступили в войну, полностью осознавая то, что «низший класс» угрожает власти и собственности «высшего класса». После 1918 г. понятие «классовая война» в особенности укоренилось в историческом самосознании коммунистов. Для них оно также служило марксистским объяснением войны. Помимо коммунистов, это понятие почти никто

не применял. Согласно социально-историческим исследованиям, стороны, участвовавшие в войне, четко разделились на имущий и неимущий классы. Армия красных по своему социальному составу была исключительно пролетарской. В этом смысле война 1918 г., бесспорно, была также классовой войной.

Мятеж

Белые осудили действия красных именно как восстание, или мятеж. Это понятие использовали и сами красные, считая, конечно, восстание обоснованным. В научных исследованиях объектом внимания стало формирование «субъекта красной революции». Яри Эрнрут (1992) сделал акцент на эмоциях, вражде, жажде мести и инстинкте к разрушению как на причинах восстания. По его мнению, использовавшаяся в местных рабочих коллективах риторика, пропитанная «архаической враждой», показывает, что «слово» в конце концов стало «делом». Напоминание о темных сторонах войны и жертвах, принесенных на ее алтарь, отличается от по-своему идеалистических описаний гражданской войны, ранее доминировавших в интерпретациях как белых, так и красных.

Гражданская война

Этому понятию соответствует в английском языке понятие «civil war», в немецком языке – «Bürgerkrieg». И то и другое чаще всего переводят на финский язык как «sisällissota» (междоусобная война). О событиях 1918 г. как о гражданской войне говорили уже их современники по обе стороны фронта. В белой печати названия «гражданская война» и «мятеж» употреблялись чаще всего. Термин «освободительная война» в период войны появлялся значительно реже (Туро Маннинен, 1982). Войну, которая в то время шла в России, также называли гражданской. Подлинный ренессанс термин «гражданская война» испытал в 1960-е годы, когда исследователи, стремившиеся к объективным оценкам, к пониманию мотивов обеих сторон, в качестве универсального названия событий 1918 г. предложили именно это название – гражданская война.

Междоусобная война

Из всех названий войны 1918 г. «междоусобная война» наиболее нейтральное. Оно наилучшим образом позволяет проводить аналогии с другими междоусобными войнами и увязать различные элементы войны в единое целое. Ведь зачастую междоусобная война предполагает наличие разнонаправленных тенденций. В междоусобной войне также могут участвовать иностранные войска. Таковой и была война 1918 г. в Финляндии.

Разные названия событий 1918 г. и их обоснования свидетельствуют о том, что в Финляндии весной 1918 г., по существу, одновременно шло много войн. Употребляемые исследователями понятия отображают полярные мотивы сторон и отношение последующих поколений к тем трагическим событиям. Исходная аргументация в пользу употребления того или иного названия представляется вполне обоснованной, но ни одно из них не годится для того, чтобы быть истиной в последней инстанции.

Подготовка как белых, так и красных войск оказалась недостаточной. Обе стороны испытывали нехватку в компетентных командирах и оружии. В конце февраля боеспособность белой армии значительно возросла, когда главным образом егерские силы⁷⁰ (более 1000 человек) прибыли в Ваасу. Егеря обучались более года в Германии⁷¹, где получили основательную военную подготовку. У них также был фронтовой опыт, который они приобрели, сражаясь против русских на Восточном фронте Германии – в Курляндии. В гражданской войне егеря были старшими командирами, командирами подразделений и инструкторами. (Примерно 400 егерей остались в Германии: часть из них не хотела сражаться против красных в силу своего рабочего происхождения или по идейным убеждениям.)

Маннергейм начал общее наступление в середине марта. На Западном фронте белые продвигались по обеим сторонам озера Нясиярви в направлении Тампере. Город был взят после упорных боев на пасхальной неделе – 6 апреля. На Восточном фронте решающие бои велись в волости Рауту (на Карельском перешейке), тоже в конце марта – начале апреля.

Гражданская война была недолгой, но кровавой. Собственно боевые действия продлились всего два месяца, но террор белых и красных и послевоенные выяснения отношений унесли жизни примерно 36 тыс. человек (из них потери красных составили 27 тыс. человек). Акты насилия весны 1918 г. оставили в сознании людей глубокие шрамы, которые зарубцевались только по прошествии десятилетий. Совет народных уполномоченных резко осудил террористические акты и пытался уже на начальном этапе войны привлечь виновных к ответственности. С другой стороны, страницы газет красной Финляндии пестрели леденящими кровь рассказами о злодеяниях белых «лахтарей» («мясников»). Подобные же сильно преувеличенные описания актов насилия со стороны «красных рюсся» появлялись в газетах белой Финляндии. Особое значение имели слухи. Они легко преодолевали линию фронта, вызывая ужас и жажду мщения по отношению к противной стороне.

⁷⁰ Егеря – солдаты, вооруженные легким и в известной мере особым оружием; в целом егерские военные формирования используются для получения разведывательных данных и как наступательные силы в труднопроходимых местностях.

⁷¹ Всего в Германии в особом егерском батальоне прошли подготовку около 2 тыс. человек.

Первая волна красного террора пришлась на начальный этап войны. Половина из почти 1400 жертв красного террора была уничтожена к концу февраля. Значительную часть убитых составляли «ходоки на север»: захваченные красногвардейцами мужчины, зачастую не имевшие при себе оружия и пытавшиеся перейти через линию фронта к белым. В начале войны на станции Сиунула, вблизи Тампере, красные учинили кровавую бойню, в которой были убиты 17 захваченных в плен белых.

Белые были в ужасе от террора красных против безоружного гражданского населения. Жертвами насилия зачастую становились домовладельцы, учителя, священники, местные служащие. Не раз мотивом насильственных действий становилась личная вражда. В кровавых деяниях часто также были повинны снискавшие дурную славу «летучие отряды» красных, которые искали по домам оружие.

Двадцать пятого февраля Совет народных уполномоченных обнародовал воззвание с осуждением злодеяний и угрозами подвергнуть виновных в насилии суровому наказанию. Инструкции белого командования относительно обращения с противной стороной, например некоторые приказы Маннергейма по войскам, напротив, были не такими однозначными и давали повод думать о праве на мщение. В марте красный террор явно стих. В апреле, с началом решающих сражений, он вновь усилился и представлял собой всплеск вражды и мщения отступавших, переживавших горечь поражения красных.

Белый террор начался несколько позже красного и достиг своего пика на завершающем этапе войны, в апреле–мае. Число жертв белого террора составило около 7,3 тыс. человек. Первые массовые казни красных произошли в феврале в связи с захватом контролируемых красными районов, остававшихся в окружении на территории белой Финляндии.

В боях погибло примерно 3,2 тыс. белых и 3,5 тыс. красных. Число погибших в связи с ведением других военных действий составило около тысячи человек. По официальным данным, пропало без вести более 2 тыс. человек. (Среди них, по-видимому, были попавшие в плен на фронте и расстрелянные после боев. Сколько их было, до сих пор окончательно не установлено.) Методы, которые использовали и белые и красные по отношению к противной стороне, во время войны ужесточились.

Наиболее массовый характер казни попавших в плен красных приобрели после взятия белыми Тампере. В плену оказалось

11 тыс. красногвардейцев, в основном из близлежащих волостей провинции Хяме. Часть пленных расстреляли на месте, часть препроводили в родные места и там подвергли суду.

О том, что работа полевых судов была организована белыми наспех, свидетельствует, например, следующее. В Тампере специально прибыли руководители шюэкора из соседних волостей, чтобы опознать красных земляков для предания тех суду. В конце апреля в Лахти набралось 28 тыс. красных, бежавших на восток. Их согнали в лагерь для военнопленных, который был устроен на большом поле. В Лахти казнили свыше 500 красных. Ненависть белых была направлена и на русских. Например, после взятия Тампере и Выборга расстрелу подвергли не одну сотню русских. Среди погибших были гражданские лица, не причастные к ведению боевых действий.

На момент окончания военных действий число красных военнопленных составляло около 80 тыс. человек. Их поместили в лагеря в различных частях страны. Ввиду сложностей со снабжением продовольствием и отсутствия должных санитарных условий, ни много ни мало 12 тыс. финнов и 1800 граждан других стран погибли в лагерях от голода и эпидемий. Одной из основных причин высокой смертности была нерасторопность правительства и местных властей в решении вопроса о судьбе заключенных.

В середине мая 1918 г. был учрежден особый суд, в котором рассматривались дела по обвинению красных в государственной измене. Состоялось 145 судебных заседаний; всего было осуждено 67 788 красных; к смерти приговорили 555 человек; половину приговоров привели в исполнение; к различным срокам лишения свободы было приговорено свыше 60 тыс. человек. Две трети осужденных были приговорены к тюремному заключению на срок менее трех лет. В июне 1918 г. вступила в силу поправка к уголовному кодексу, которая допускала вынесение условных приговоров. На основании нового закона 40 тыс. заключенных были отпущены на свободу как условно осужденные. Осенью последовали новые помилования, но в конце 1918 г. еще насчитывалось 6,1 тыс. красных заключенных.

Рождение белой Финляндии

Уже в декабре 1917 г., сразу после обнародования Декларации независимости, правительство Финляндии думало обратиться к Германии за военной помощью. В середине января Финляндия предложила Германии провести демобилизацию егерей, имея в виду создать из них костяк будущей армии Финляндии. Одновременно правительство просило у Германии военное снаряжение, необходимое для вооружения одной пехотной дивизии. Кроме того, оно надеялось, что Германия сможет оказать давление на Россию на мирных переговорах в Брест-Литовске с тем, чтобы та вывела свои войска из Финляндии, и поставить вопрос о передаче Финляндии Петсамо и Восточной Карелии. Финляндия требовала Петсамо, ссылаясь на обещание, данное царем Александром II. Притязания финнов на Восточную Карелию основывались на идее происхождения племён, зародившейся в кругах финноязычной интеллигенции ещё в XIX в.

Германия не выполнила ни одного из пожеланий Финляндии. Отправка военных частей в Финляндию стала для Германии актуальной только в середине февраля 1918 г., после того как это начало отвечать планам самих немцев. Германия положила конец перемирию с Россией и в интересах улучшения своего стратегического положения приняла решение снарядить «военные экспедиции» на окраинные территории России – на Украину, в Прибалтику и Финляндию – для подавления там большевистской революции.

Германии в спешном порядке понадобилась от Финляндии просьба об оказании помощи, чтобы приступить к осуществлению собственных планов. Находившиеся в Берлине представители Ваасского сената Эдвард Ельт и Рафаэль Эрих под свою ответственность, не посоветовавшись с правительством, передали 14 февраля высшему германскому военному руководству ходатайство о посылке в Финляндию войск «для спасения отечества от угрозы поражения». Спустя неделю немцы заявили о своем согласии удовлетворить просьбу финнов. Фактически Германия сама вызвалась помочь белой Финляндии.

Для Ваасского сената и главнокомандующего решение Германии о посылке войск было неожиданным. Маннергейм пригрозил своей отставкой, а члены правительства удивлялись: когда это они обращались за помощью? В еще большее недоумение пришли сенаторы, узнав, чего стоила бы Финляндии помощь Германии. Ельту и Эриху пришлось 7 марта подписать с Германией три – с точки зрения Финляндии – крайне невыгодных договора; мирный договор, договор о торговле и мореходстве, а также не подлежавшее разглашению заверение в том, что Финляндия возместит Германии те потери, которая последняя может понести в связи с оказанием военной помощи.

По мирному договору Финляндия не могла предоставлять третьей стороне никаких льгот без согласования с Германией. По договору о торговле и мореходстве Финляндия предоставила Германии режим наибольшего благоприятствования. По тайному соглашению, которое было утверждено путем обмена нотами, Финляндия фактически сделала военным плацдармом Германии: при необходимости Финляндия обязана была согласиться с правом Германии «создавать по всей территории Финляндии военно-морские базы». Даже некоторые члены Ваасского сената сочли, что, заключив эти договоры, продали независимость Финляндии. Зато Свинхувуд, который прибыл в Берлин через несколько дней после подписания договоров, заранее был осведомлен об их содержании и одобрил действия Ельта и Эриха.

Когда вспыхнула гражданская война, Ваасский сенат обратился к Швеции с просьбой оказать военную помощь, но шведское правительство левых и либералов не пожелало вмешиваться. Шведские социал-демократы предприняли оставшуюся безрезультатной попытку оказать посредничество в интересах прекращения боевых действий в Финляндии. В Швеции из тысячи добровольцев был сформирован батальон, который участвовал в боях в составе войск Маннергейма. Кроме того, Швеция отправила в белую Финляндию гуманитарную помощь.

В середине февраля 1918 г. Швеция направила на Аландские острова военные экспедиционные силы численностью примерно 600 тыс. человек для защиты местного населения от российских войск. Кроме того, на островах находился финляндский отряд шюцкора, который получил оружие от шведов. Русские ушли с Аландских островов. Правительство Швеции поясняло, что начало операцию по просьбе жителей островов и исключительно из

гуманных соображений. Белая и красная Финляндия, Германия и Советская Россия осудили действия Швеции. В начале марта на Аланды прибыла германская флотилия, следовавшая в Финляндию. Шведы оставили острова лишь в мае.

После обретения Финляндией независимости у большевистского правительства были предположения, что Финляндия посредством революции вернется в лоно российского государства как «рабочая республика». В середине января Ленин пообещал красным 10 тыс. винтовок и несколько артиллерийских орудий, но оружие прибыло в Финляндию тогда, когда боевые действия уже начались. После того как вспыхнула революция, советское правительство обещало красным также военную помощь. Большая часть находившихся в Финляндии российских солдат, однако, хотела как можно быстрее попасть домой: их не волновала гражданская война финнов. По имеющимся оценкам, к красным примкнули несколько тысяч русских. Больше всего их было на Выборгском фронте. Русские сражались и в других местах, главным образом как офицеры и младшие офицеры преимущественно в тех родах войск, где требовалась специальная подготовка. Участие русских в гражданской войне в Финляндии в целом было незначительным.

Представители Совета народных уполномоченных Оскар Токой и Эдвард Гюллинг в конце февраля вели переговоры с большевистским правительством относительно заключения государственного договора между Финляндией и Россией. Ленин поставил финнов в известность о том, что намеревается создать конфедерацию, предложив при этом, чтобы находившиеся в Финляндии русские тотчас получили бы финляндское гражданство, соответственно пообещав предоставить находившимся в России финнам российское гражданство. О. Токой и Э. Гюллинг не пошли на эту сделку.

Разногласия возникли также по территориальному вопросу, в частности по поводу переноса границы на Карельском перешейке. Все же Ленин согласился с просьбой финнов о присоединении Петсамо к Финляндии и, кроме того, пообещал выяснить, возможно ли позднее уступить Финляндии также часть Восточной Карелии. То, что Ленин завел речь о Восточной Карелии, было не случайно: несколькими днями раньше Маннергейм побывал на Карельском фронте, в Антреа, и отдал там приказ по войскам, известный как «клятва на клинке». От имени крестьянской армии Финляндии он поклялся, что не вложит свой клинок в ножны до

тех пор, пока «последний солдат и хулиган Ленина не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии». В первые недели войны Маннергейм заявлял, что он ведет гражданскую войну. В середине февраля он почувствовал, что война превратилась в освободительную, в качестве конечной цели которой маячило создание Великой Финляндии.

Договор между Советской Россией и красной Финляндией был подписан 1 марта 1918 г. По требованию Ленина Финляндия в договоре была названа «Финляндской Социалистической Рабочей Республикой». Токой и Гюллинг согласились с названием неохотно. Впрочем, на переговорах они вели себя так, как вели бы себя представители любого национального государства, защищающего свои интересы.

Бесспорно, целью Совета народных уполномоченных было сохранение независимости Финляндии. Начиная с Февральской революции социал-демократы проводили политику независимости столь же энергично, как и наиболее активные буржуазные поборники самостоятельности. После Октябрьской революции руководство СДПФ оказало значительное влияние на получение от большевистского правительства признания независимости Финляндии. Если бы красные победили в войне 1918 г., «Финляндская Социалистическая Рабочая Республика» вряд ли смогла бы воспрепятствовать отвечавшему ленинской национальной политике «добровольному» присоединению к Советской России.

Германская интервенция в пользу финляндских белых началась с отступлением на две недели от первоначальных планов, хотя Свинхувуд, находясь в Берлине, лично просил немцев поторопиться. В конце марта Маннергейм уже был готов принять помощь Германии. Главные силы немцев, Остзейская дивизия под командованием генерала Рюдигера фон дер Гольца численностью 11 тыс. человек, высадились 3 апреля на полуострове Ханко. Второй отряд (3 тыс. человек) высадился в Ловизе 7 апреля и спустя две недели взял Лахти. Главные силы начали наступление на Хельсинки и взяли его 12–13 апреля 1918 г.

Совет народных уполномоченных четырьмя днями раньше отправился из столицы в Выборг, взятый белыми 26 апреля. После этого лидерам красных пришлось бежать в Россию. Вместе с ними в изгнание отправились около 5 тыс. человек. Последний опорный пункт красных на Карельском перешейке капитулировал в первой половине мая. Помощь немцев белым не решила окончательного

исхода гражданской войны, но очевидно приблизила ее окончание на несколько недель.

Через два дня после того, как Совет народных уполномоченных покинул Хельсинки, в городе появилось воззвание группы умеренных рабочих лидеров (всего 21 человек), не принимавших участия в восстании, с призывом к окончанию боевых действий. Та же группа в середине апреля обнародовала адресованное красногвардейцам воззвание о капитуляции. Умеренные социал-демократы заклеямили восстание как «еретическое» и противоречащее идейному наследию рабочего движения, поскольку оно было направлено против большинства в избранном народом парламенте. Инициаторами воззвания на самом деле были немцы, так как они предоставили лидеру умеренных социал-демократов Вяйнё Таннеру возможность распространить это воззвание в виде листовок.

Ваасский сенат прибыл в Хельсинки 4 мая, а 16 мая Маннергейм организовал в столице парад в честь победы белых. День памяти освободительной войны был поначалу в белой Финляндии более важным праздником, чем День независимости (6 декабря). Победители в гражданской войне считали ее освободительной войной, которая окончательно закрепила независимость Финляндии. Казалось, что в истории Финляндии, видимой «через глазок 16 мая», присутствовали две полярные линии: линия белых на независимость и революционная линия красных. На этом основании победители могли с легкостью утверждать, что система ценностей рабочего движения с самого начала была преступной и изменнической. После войны 1918 г. раскол общества стал еще более явным, чем до нее.

Монархические мечты уходят в песок

Государственно-правовая ситуация в Финляндии с окончанием войны была запутанной. Парламент, который в ноябре 1917 г. провозгласил себя носителем верховной власти в стране, был раздираем как меж-, так и внутрифракционными разногласиями и численно неполным. Шестого декабря 1917 г. Финляндия была провозглашена республикой. Монархисты считали, что Декларация независимости вовсе не отменила Форму правления 1772 г., действовавшую в период автономии, но Финляндия по-прежнему оставалась монархией. После гражданской войны между монархистами и республиканцами разгорелась борьба относительно Формы правления – борьба, которая существенно нарушила стройность рядов буржуазных партий.

Первый раз парламент собрался 15 мая – за день до парада победы белых. Присутствовало только 84 депутата. Из 92 депутатов от СДПФ, избранных в 1917 г., в Россию бежали около 40 человек, 50 были взяты в плен белыми, из них пятеро были сразу казнены, а остальные ожидали суда в лагерях. Из социал-демократов только бывший сенатор Матти Паасивуори был признан имеющим право на представительство. Позднее к нему присоединились еще двое его товарищей по фракции СДПФ. Максимальная численность так называемого урезанного парламента равнялась 111 депутатам. Однако он заседал в течение 9 месяцев – с мая 1918 г. по февраль 1919 г. В тот период левые были лишены какой-либо возможности участвовать в управлении страной.

В середине мая 1918 г. парламент временно передал верховную власть Свинхувуду. Республиканцы хотели называть главу государства «временным президентом». Монархисты же отдавали предпочтение наименованию «регент» (по примеру Швеции, когда там после угасания королевской фамилии пришлось прибегнуть к назначению временного главы государства). Наименование «регент», несмотря на свою спорность, вскоре все же вошло в употребление.

Наиболее важным внутривнутриполитическим решением «урезанного» парламента было издание «забытого» закона об освобождении

торпарей⁷². Согласно закону, принятому в октябре 1918 г. 104 головами против 2, арендаторы земли могли выкупать в собственность обрабатываемые участки по ценам 1914 г., что соответствовало лишь десятой части стоимости находившихся в обращении денег. Всего на основании закона об освобождении торпарей самостоятельными стали около 123 тыс. хозяйств. Вначале закон содержал так называемый параграф о красногвардейцах, согласно которому арендатор, который был осужден по обвинению в государственной измене по меньшей мере на срок 10 лет лишения свободы, не мог выкупить арендуемый участок земли в собственность. Этот параграф был отменен после изменения политического курса уже летом следующего года.

У лидеров белой Финляндии, по крайней мере до июля 1918 г., были веские основания полагаться на победу германского оружия в мировой войне. Правительство считало, что для обеспечения поддержки со стороны Германии королем Финляндии следовало избрать германского принца. Регент Свинхувуд вместе с фон дер Гольцем приступил также к подготовке военного союза между Финляндией и Германией. На первом этапе сенат просил у немцев помощи в организации собственных вооруженных сил. Тогда Маннергейм подал в отставку с поста главнокомандующего. Трения с сенатом у него возникли еще в период гражданской войны относительно того, насколько тесной могла быть связь Финляндии с Германией. Сенат хотел, чтобы Маннергейм оставался главнокомандующим, но право заниматься вопросами создания современной армии Финляндии предоставил немцам. На это Маннергейм согласиться не мог и в конце мая оставил свой пост. С августа по декабрь 1918 г. 100 немецких офицеров были привлечены к работе по созданию вооруженных сил Финляндии.

Финляндия надеялась на военную помощь Германии и в решении вопроса о Петсамо и Восточной Карелии. Германия не была в восторге от этого, но предложила себя в качестве организатора мирных переговоров между Финляндией и Советской Россией. Переговоры проходили в Берлине в августе 1918 г. в течение трех недель, но не дали результата. В конце августа финляндский пограничный батальон, нарушив границу, вторгся в волость Ребола, население которой решило присоединиться к Финляндии.

⁷² Положительное решение по этому вопросу было принято еще до гражданской войны, которая помешала его осуществлению.

Еще раньше, весной, в Северной Финляндии был снаряжен добровольческий отряд для захвата Петсамо. В Мурманске финны натолкнулись на британскую эскадру и ни с чем повернули назад. Подобные же отряды, в частности целый батальон новобранцев, были посланы из Финляндии также в Беломорскую Карелию.

Великобритания поддерживала все силы, продолжавшие борьбу против Германии. Летом 1918 г. в Мурманске британцы усилили свои войска, которые помогали русским белогвардейцам в борьбе против правительства Ленина после заключения им мирного договора с Германией. Цель Великобритании состояла в том, чтобы помешать проникновению Германии – и белой Финляндии – на северо-запад России. В начале лета 1918 г. британцы сформировали из красных финнов так называемый Мурманский легион, который мстил за красных, бежавших из контролируемой белыми Северной Финляндии, и за финнов, работавших на Мурманской железной дороге. Наибольшей численность легиона (около 1,2 тыс. человек) была в феврале 1919 г.

Из руководителей Совета народных уполномоченных в легион вступил Оскар Токой. Как белые, так и бежавшие в Россию красные считали легионеров изменниками родины. Великобритания и США, признавая независимость Финляндии, предполагали, что тех, кто воевал в составе Мурманского легиона, либо помилуют, либо им позволят эмигрировать в Канаду. Осенью 1919 г. основные силы легионеров смогли вернуться в Финляндию. Однако Токой и примерно 20 его товарищей отправились в изгнание за Атлантический океан.

В конце мая 1918 г. Свинхувуд назначил новым председателем сената Ю.К. Паасикиви. Монархисты получили в правительстве явное большинство: только два члена правительства от АС, Кюёсти Каллио и Э.Ю. Пехконен, были республиканцами. Во время гражданской войны число сторонников монархии значительно возросло. Победители в войне были глубоко разочарованы народом, в неготовности которого к демократии они усматривали причину красного мятежа, полагая, что в 1906 г., пожалуй, был сделан слишком смелый шаг – сразу к равному и всеобщему избирательному праву. Весной 1918 г. правые даже планировали ограничить избирательное право, намереваясь поставить его в зависимость от имущественного и социального положения. Монархисты считали, что необходимо вернуть почтение авторитетам и сформировать в стране сильное правительство.

Все ведущие старофинские политики, включая Паасикиви, были монархистами. Идею монархии поддерживали также многие представители ШНП. Младофинны в вопросе о Форме правления разделились: лидером монархистов был П.Э. Свинхувуд, лидером республиканцев – К.Й. Столберг. Наиболее надежной опорой республики в «урезанном» парламенте был АС, руководимый Санте-ри Алкио.

В начале июня 1918 г. сенат Паасикиви представил парламенту законопроект о монархической форме правления. Как и ожидалось, парламент одобрил его, но республиканцы, составив так называемое решающее меньшинство, смогли помешать спешному провозглашению Финляндии монархией. Седьмого августа по итогам голосования закон был перенесен на рассмотрение после парламентских выборов⁷³. Правда, монархисты тут же изобрели новую тактику. Поскольку считалось, что Форма правления 1772 г. по-прежнему сохраняла силу, после угасания императорской династии парламенту следовало приступить к мероприятиям по избранию нового монарха. Девятого августа 58 голосами против 44 парламент предоставил сенату полномочия по этому вопросу.

Вначале в короли Финляндии прочили Оскара, сына императора Вильгельма II. Однако германский императорский дом счел ситуацию в Финляндии настолько нестабильной, что не захотел

⁷³ В парламентской системе Финляндии помимо двух возможностей – принять либо отвергнуть законопроект – предусмотрена третья альтернатива – перенести его на рассмотрение сессии парламента, созываемой после очередных парламентских выборов (то есть через полтора – два года), если 1/3 членов парламента, так называемое решающее меньшинство (67 депутатов), проголосует за это при третьем чтении. В парламенте нового состава законопроект с заключением по нему комиссии либо принимается, либо отвергается простым большинством. (И на этом этапе разрешено вносить в законы исправления технического характера.) Такая процедура в принципе выступает эффективным средством обеспечения интересов меньшинства, так как лишь в единичных случаях можно ожидать, что после очередных парламентских выборов закон будет принят в совершенно неизменном виде. Но по сути дела к ней охотно прибегала парламентская оппозиция, преимущественно то крайне правые, то крайне левые. Однако эта процедура не может быть применена к законопроектам о налогах и к законопроектам, регулирующим цены, рынок, производство и т.д., а также к законопроектам, которые касаются утверждения предписаний, относящихся к сфере законодательства и содержащихся в договорах между государствами. К процедуре, введенной в связи с парламентской реформой начала века в качестве своего рода сдерживающего фактора в процессе принятия решений, с течением времени стали обращаться все реже, и в конце 1991 г. основные политические партии договорились о мерах по ее полному устранению из парламентской практики.

«отдать» принца. Советников императора тревожило то, что в случае избрания Оскара королем Финляндии Германии пришлось бы нести ответственность за ее политику. Были и другие кандидаты в короли Финляндии. В конце августа выбор пал на шурина Вильгельма II, принца Фридриха Карла Гессенского, которому только что исполнилось 50 лет. В начале сентября он дал свое согласие так называемой королевской депутации финнов.

Республиканцам удалось отложить избрание короля в парламенте на месяц. Тем временем произошли драматические перемены в международной обстановке: в тот же день, когда 9 октября 1918 г. парламент избрал Фридриха Карла королем Финляндии, Германия получила первую реакцию президента Соединенных Штатов Вильсона на просьбу Вильгельма II о перемирии. Спустя месяц Германская империя рухнула и страну провозгласили республикой. В новых условиях избрание короля стало для Финляндии тяжелым внешнеполитическим бременем. Сенат Паасикиви ушел в отставку в конце ноября, и новое коалиционное буржуазное правительство сформировал старофинн, профессор Лаури Ингман. Правительство стало именоваться не сенатом, а Государственным советом, а сенаторы – министрами. В правительстве Л. Ингмана республиканцы уже составляли половину его членов.

То, что мировая война закончилась поражением Германии, выбило почву из-под прогерманской ориентации Финляндии и сделало неизбежными поиски нового внешнеполитического курса, который нашел бы поддержку у западных союзных держав и Парижской мирной конференции. Маннергейм, находившийся после ухода в отставку в Стокгольме, в ноябре–декабре провел переговоры – вначале как частное лицо, а затем по поручению правительства – с представителями западных держав в Париже и Лондоне. Маннергейм пообещал, что правительство Финляндии откажется от прогерманской ориентации и сблизится с западными державами. Двенадцатого декабря Свинхувуд ушел в отставку, и в тот же день Маннергейма избрали новым регентом. Четырнадцатого декабря Фридрих Карл объявил о своем отречении от престола. Спустя два дня германские войска покинули Хельсинки.

Республика опирается на политический центр

На конец 1918 г. – начало 1919 г. пришелся переломный момент во внутриполитическом развитии Финляндии. Партийная структура основательно обновилась еще в середине 1918 г. АС и ШНП, хотя и с трудом, удалось сохранить свои ряды, но внутреннее разделение старо- и младофиннов на монархистов и республиканцев привело к образованию двух новых партий на партийных съездах, прошедших в начале декабря 1918 г. Монархисты организовались главным образом в Национальную коалиционную партию (НКП), а республиканцы, соответственно, в Национальную прогрессивную партию (НПП).

Представления НКП об обществе основывались на консерватизме. Главные свои цели партия видела в защите итогов освободительной войны, а также установлении монархии и формировании сильного правительства. НПП, в соответствии со своим названием, опиралась на либеральные представления, отстаивая республиканскую форму правления и стремясь к достижению мира между сторонами, противостоявшими друг другу в гражданской войне.

В новых условиях возникли предпосылки деятельности и для умеренного рабочего движения. Умеренные, которыми руководил Вяйне Таннер, 6 мая издали пробный номер «Суомен социалидемокраатти» «Финляндский социал-демократ», но регулярный выход газеты стал возможным только с сентября 1918 г. Поскольку голос рабочего движения не мог быть услышан на родине, Вяйне Таннер летом 1918 г. совершил поездку в Швецию и Данию. В интервью одной из шведских газет он изложил в общем виде новый курс СДПФ. Как он заметил, финское рабочее движение чрезмерно ориентировалось на Восток. «Мы теперь поворачиваем в другом направлении и полностью присоединяемся к той тактике, которой придерживаются партии Германии и Скандинавии. Новая социал-демократия Финляндии станет такой, какой она является сейчас на Западе», – пообещал Таннер. Он резко критиковал победителей в гражданской войне и предал гласности державшийся в тайне рапорт об условиях содержания красных в финских лаге-

рях для военнопленных, подготовленный профессором Робертом Тигершtedтом. Разоблачения Таннера произвели ошеломляющее впечатление как в Скандинавских странах, так и в других государствах на Западе.

Деятельность СДПФ оживилась осенью 1918 г. На партийном съезде, прошедшем в декабре, новым председателем был избран Вьяйнё Таннер. Социал-демократы смогли выставить кандидатов на коммунальные выборы, состоявшиеся в конце 1918 г. – начале 1919 г. Партия получила более 1/3 от поданных по всей стране голосов и завоевала большинство мест в 60 коммунальных советах.

Итоги гражданской войны неотвратимо привели к расколу рабочего движения. Руководители восстания, бежавшие в Россию, в конце августа 1918 г. основали в Москве Коммунистическую партию Финляндии (КПФ). Лидеры партии, О.В. Куусинен, Юрьё Сирола и Куллерво Маннер, вскоре после прибытия в Россию перешли в стан большевиков и получили учителя – самого Ленина. Итог учредительного съезда КПФ был предрешен заранее: тех, кого знали как противников большевизма, вообще не пустили на съезд, а колеблющихся подвергли строгой экзаменовке прежде, чем принять в члены партии.

Программа КПФ, принятая в феврале 1919 г., была нацелена на подъем нового вооруженного восстания в Финляндии. На практике коммунисты выступали за сохранение советской власти в России. Формы деятельности, допускаемые буржуазным обществом, – парламентская работа, кооперативная деятельность и профсоюзное движение, – на которые раньше полагалось финское рабочее движение, согласно новым коммунистическим революционным представлениям, были бесполезным занятием.

Финские коммунисты стремились как можно быстрее распространить свое влияние также на Финляндию и проникнуть в гущу рабочего движения. КПФ с самого начала была поставлена в Финляндии вне закона и вынуждена была работать в подполье. У партии также была «метастаза» – в среде финских политэмигрантов, осевших в Швеции. В конце мая 1919 г. Куусинен в сопровождении нескольких помощников тайно прибыл в Финляндию с целью захватить власть в социал-демократических организациях и подготовить вооруженный переворот. Куусинен скрывался в Финляндии более года, но уже через несколько месяцев он убедился в том, что в Финляндии отсутствовали возможности для нового революционного восстания.

Отход Финляндии от прогерманской ориентации потребовал проведения новых парламентских выборов. «Урезанный» парламент, избранный до гражданской войны, в новой политической ситуации более не мог продолжать свою работу. К тому же Великобритания обусловила признание ею независимости Финляндии, в частности, тем, что в стране будут проведены парламентские выборы. Комиссия, учрежденная западными державами, внимательно следила за выходом Финляндии из сферы влияния Германии.

Вернувшись на родину в конце декабря 1918 г., новый регент Маннергейм начал с того, что отдал распоряжение провести парламентские выборы в начале марта будущего года. Ввиду изменений, происшедших в партийной структуре, результаты выборов было трудно предугадать. Каким же стало соотношение сил республиканцев и монархистов? Насколько широкую поддержку получила СДПФ после неудавшейся попытки переворота, людских потерь и внутреннего раскола? До выборов социал-демократы успели свободно поработать всего несколько месяцев. С другой стороны, и коммунисты не успели создать свою оппозицию внутри СДПФ. Единственным признаком присутствия в обществе коммунистов был опубликованный в феврале так называемый красный избирательный бюллетень, в котором рабочим советовали воздержаться от участия в выборах, поддерживающих диктатуру буржуазии.

Согласно результатам парламентских выборов, состоявшихся 1–2 марта 1919 г., социал-демократам удалось собрать самую крупную фракцию, получив 80 мест (всего на 12 мест меньше, чем на выборах 1917 г.). Но главным победителем на выборах был АС: 42 места (на 16 мест больше). В отношении других партий значительных изменений не произошло. Результаты выборов окончательно развеяли монархические надежды: 3/4 членов нового парламента были республиканцами.

После парламентских выборов Великобритания выполнила свое обещание и 6 мая 1919 г. признала независимость Финляндии. Признание со стороны США последовало днем позже. Франция, признавшая Финляндию более чем за год до этого, восстановила с Финляндией дипломатические отношения, которые разорвала из-за прогерманской ориентации последней. Через полтора года после обретения независимости Финляндия наконец была признана всеми великими державами.

Хотя парламентаризм в Финляндии еще не существовал на практике, республиканцы после выборов настаивали на смене пра-

вительства. Регент Маннергейм поручил формирование нового правительства Каарло Кастрёну (НПП). Создание правительства буржуазного большинства оказалось невозможным. НПП и АС предложили принять участие в правительственной коалиции также социал-демократам, но условия, которые поставила СДПФ, в частности роспуск шюцкора и государственной полиции, оказались слишком жесткими. В итоге было сформировано центристское правительство меньшинства: помимо представителей НПП (6) и АС (4) членами нового кабинета стали три министра от ШНП и 2 министра-специалиста⁷⁴.

Так как большинство в парламенте получили сторонники республики и парламент отверг два доклада о монархической Форме правления, перенесенные «урезанным» парламентом на рассмотрение после проведения парламентских выборов, правительство Кастрёна в мае 1919 г. представило парламенту доклад по новой Форме правления, на основании которого Финляндия стала бы республикой. Основным камнем преткновения стали вопросы, связанные со статусом президента и избирательной системой. Правые на основе опыта приобретения независимости и гражданской войны поддерживали президентскую, а левые – парламентскую модель. Конституционная комиссия предложила компромиссное решение: выборы президента осуществляют выборщики, и он получит широкие полномочия, но первые президентские выборы проводит парламент. Это не удовлетворило правых, и они проголосовали за то, чтобы передать законопроект на рассмотрение парламенту нового состава.

Тогда конституционная комиссия взяла за основу доклад Хейкки Ритауори (НПП) и подготовила по нему заключение, которое, за исключением нескольких незначительных деталей, по своему содержанию было аналогичным докладу, оставленному на рассмотрение после проведения парламентских выборов. Коалиционеры вновь обдумали дело и на этот раз проголосовали «за». Оставшаяся в одиночестве фракция ШНП не могла составить так называемое решающее меньшинство, чтобы помешать принятию республиканской Формы правления; она была принята 21 июня 1919 г. 165 голосами против 22.

Для того чтобы Форма правления обрела силу, ее должен был утвердить регент. Когда 10 июля на заседании Государственного

⁷⁴ Министры-специалисты – члены правительства, официально не представляющие ни одну из политических партий.

совета ее представили Маннергейму, он заявил, что должен подумывать прежде, чем ставить свою подпись. Монархисты ухватились за это как за соломинку. В течение следующей недели велись закулисные переговоры, в ходе которых авангард активистов делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой регента и ведущей монархической партии НКП в осуществлении своих планов захвата власти в стране.

После гражданской войны белой Финляндии в ее восточной политике пришлось испытать одно разочарование за другим. В январе 1919 г. правительство Финляндии обратилось к победителям в мировой войне по вопросу о Восточной Карелии. Представитель русских белых, присутствовавший на Парижской мирной конференции, в резкой форме заявил, что Декларация независимости основывалась на решении, принятом Финляндией в одностороннем порядке, и что только большевики признали ее. (Территория Финляндии с точки зрения обороны Петрограда была важна для России.) Белые по-прежнему считали, что вопрос о статусе Финляндии должно было решить Учредительное собрание России.

В конце апреля 1919 г. финский добровольческий отряд вторгся в Олонецкую Карелию. Отряд насчитывал 1 тыс. человек, но правительство обещало выделить средства на снаряжение еще примерно 2 тыс. человек. Финны продвинулись вплоть до Свири, где натолкнулись на сопротивление противника, превосходившего их по силе. В конце июня «солдатам-соплеменникам» пришлось вернуться на территорию Финляндии.

Другой финский добровольческий отряд (около 4 тыс. человек) в конце декабря 1918 г. отправился на «освободительную войну», которую вела Эстония. Помощь эстонцам получила в Финляндии широкую поддержку, включая даже социал-демократов. Маннергейм считал освобождение Эстонии важным, в том числе и потому, что с ее территории при необходимости можно было проводить операции также против Петрограда. Кроме того, он хотел продемонстрировать Великобритании, что Финляндия настойчиво продолжает борьбу против большевизма и достойна признания. Финны внесли значительный вклад в изгнание советских войск из Эстонии зимой 1919 г.

Командующий Северным фронтом русских белых генерал Юденич в течение всей весны 1919 г. находился в Хельсинки, где занимался вербовкой под свои знамена русских офицеров, оставшихся в Финляндии после Октябрьской революции. Он также пытался

все время склонить правительство Финляндии к захвату Петрограда. В июне он заверил Маннергейма, что Россия была бы готова в качестве ответного жеста признать независимость Финляндии, организовать референдум в Восточной Карелии и предоставить Ингерманландии культурную автономию. Юденич даже пообещал поручить руководство Петроградской операцией Маннергейму. Фактически на том этапе в руках регента Финляндии оказались «ключи от мировой истории».

Большинство в новом парламенте выступало за присоединение Восточной Карелии к Финляндии, но в пользу захвата Петрограда высказывались главным образом активисты. Они понимали, что эту операцию следовало бы начать до того, как парламент изберет для Финляндии президента республики. Активисты опасались (и не без оснований), что опирающаяся на центристские силы Финляндская Республика, президентом которой скорее всего избрали бы Столберга, вообще откажется от Восточной Карелии, Петсамо и оказания поддержки родственным финнам народам.

Пока Финляндия не стала республикой, активисты могли надеяться на то, что Маннергейм в качестве регента сможет отсрочить утверждение новой Формы правления и даже распустить парламент и назначить новые выборы. Тем временем Финляндия стремительным ударом выбила бы большевиков из Петрограда. Таков вкратце был план активистов по захвату власти, отработанный ими в узком кругу на тайных собраниях в начале июля 1919 г. Один из руководителей активистов, доцент Кай Доннер, представил план Маннергейму, которому активисты дали псевдоним Андерссон.

Маннергейм в принципе одобрил план активистов, но выдвинул условие: западные державы должны поддержать захват Петрограда. Кроме того, следовало склонить НКП к участию в плане. Это решило исход дела: Паасикиви, Ингман и некоторые другие видные коалиционеры раскритиковали план активистов в пух и прах. К тому же обещания Великобритании и Франции оказать поддержку оставались весьма неопределенными. Маннергейм констатировал, что «проект активистов» на этот раз был непригоден для выполнения. Семнадцатого июля 1919 г. он утвердил новую Форму правления.

После утверждения новой Формы правления необходимо было как можно скорее избрать президента республики. Право избрать первого президента в порядке исключения было предоставлено

парламенту⁷⁵. Парламент был созван в середине июля 1919 г. Уже по предварительным наметкам два кандидата опережали других, Маннергейм и Столберг. Делегаты от НКП и ШНП были уверены, что Маннергейм сможет лучше, чем кто-либо иной, защитить итоги освободительной войны. Правые видели преимущество Маннергейма в сравнении с другими кандидатами, имевшими шансы на победу на выборах, также в том, что его связи с западноевропейскими столицами могли оказаться наиболее полезными.

Левые считали для себя невозможным поддержать Маннергейма, главнокомандующего белой армией в освободительной войне. Стремление помешать избранию Маннергейма президентом республики стало даже главной целью социал-демократов, поскольку они считали, что их кандидат не обладал никакими шансами на победу. Поэтому социал-демократы решили поддержать на президентских выборах по возможности «лучшего буржуа».

Ключевую позицию между правыми и левыми занял АС. Слабое знание Маннергеймом финского языка и его аристократические манеры не импонировали лидеру АС Сантери Алкио, который полагал, что президентом должен стать «финн, скромный гражданский человек, человек из народа», поэтому он остановил свой выбор на Столберге. Алкио знал, что Столберг, будучи страстным республиканцем, не мог бы потворствовать правым. В свое время Столберг открыто выступал против егерского движения, так что он также был не в чести у военных.

Поначалу Столберг вовсе не был заинтересован в выдвижении своей кандидатуры, но изменил свое мнение, когда не только НПП и АС, но и социал-демократы заявили, что поддержат его. Президентские выборы состоялись 25 июля 1919 г. Они завершились уже в первом туре полностью в соответствии с предваритель-

⁷⁵ В проекте конституции, представленной сенатом Свинхувуда парламенту в декабре 1917 г., предлагалось избирать президента на основе прямых выборов, которые бы проходили в два тура, если бы ни один из кандидатов не набрал при первом голосовании абсолютного большинства. Позже от этой идеи отказались, но оставалось еще две альтернативы: выборы можно было провести опосредованным путем (при помощи коллегии выборщиков, выбираемых народом) либо поручить их проведение парламенту. На втором варианте остановились при обсуждении того проекта конституции, который правительство Каяндера представило парламенту в мае 1919 г. Большая комиссия, однако, высказалась в пользу косвенных или опосредованных выборов, и эту процедуру одобрил также парламент в своем окончательном решении. Но по дополнению к конституции право избирать первого президента было предоставлено парламенту.

ными наметками: президент Высшего административного суда К.Ю. Столберг получил 143 голоса, регент Густав Маннергейм – 50 голосов.

Поначалу положение первого президента республики было крайне слабым. Элита белой Финляндии открыто критиковала избрание Столберга. Сам же президент стремился к достижению согласия в обществе. Он надеялся, что правительство продолжит свою работу, и предложил Маннергейму пост главнокомандующего армией. Тот в ответ выставил крайне жесткие условия, требуя для себя независимого от президента и правительства положения, и в частности права начать подготовку к наступлению на Петроград. На такие условия Столберг не согласился. В сложившейся ситуации правительство Кастрёна сочло за лучшее подать в отставку.

Столберг поручил формирование правительства Ю.Х. Венноле (НПП). Новое правительство, как и предыдущее, было правительством меньшинства, строившимся на сотрудничестве НПП и АС. Формирование правительства большинства в Финляндии в 1920-е годы являлось вообще крайне сложной задачей. Сотрудничество правых и левых на правительственном уровне не представлялось возможным, да и собрать буржуазное большинство в начале президентства Столберга было еще сложнее, чем раньше.

Правительства меньшинства центристских партий оставались едва ли не единственной альтернативой. Отход Финляндии от прогерманской политики и улучшение отношений с Западом явились одной из предпосылок центристской ориентации. На этой основе было сформировано вышеупомянутое правительство Веннолы, которое просуществовало до марта 1920 г. В сменившем его правительстве коалиционера Рафаэла Эриха приняли участие представители всех четырех буржуазных партий. Второе правительство Веннолы, назначенное в апреле 1921 г., вновь было правительством меньшинства: помимо представителей НПП и АС в нем участвовали только министры-специалисты, не связанные партийной ответственностью.

Для социал-демократов вхождение в правительство в начале 1920-х годов было по идеологическим причинам почти невозможным. В парламенте СДПФ все время играла решающую роль: зачастую она поддерживала центристские правительства и – услуга за услугу – получала уступки для себя в важных делах, особенно в вопросе об амнистии красногвардейцев. Закон об амнистии (июнь 1919 г.), на основании которого, в частности, 12 бывшим

депутатам от СДПФ и свыше 2 тыс. других заключенных срок пресечения был заменен на условный, не удовлетворил социал-демократов. Осенью 1919 г. они торопили с принятием нового закона. В январе 1920 г. после упорной борьбы парламент принял новый закон об амнистии, на основании которого 3,6 тыс. заключенных были освобождены условно-досрочно и свыше 40 тыс. ранее освобожденным было возвращено гражданское доверие.

В период своего нахождения у власти центристские правительства провели ряд важных социальных реформ. Некоторым из них начало было положено еще до гражданской войны. Новые законы о коммунальном самоуправлении и выборах, закон о всеобщем обязательном образовании, закон о призрении бедных и сухой закон, а также закон о землеустройстве, так называемый Закон Каллио⁷⁶, на основании которого безземельные могли выкупать землю в собственность, были приняты в 1919–1922 гг.

⁷⁶ Закон был принят в период нахождения у власти правительства К. Каллио (см. приложения).

Постактивизм

В истории независимости Финляндии активистам отведено почетное место. В Финляндии периода угнетения⁷⁷ они представляли наиболее радикальное освободительное движение, которое не гнушалось и насильственными методами в борьбе за отделение Финляндии от России. Как правило, исследователи выделяют два этапа в развитии активизма. Первый этап, начавшийся с основания партии активного сопротивления в 1901 г., закончился роспуском «Союза силы» в 1906 г. Его пиком было убийство Бобрикова в 1904 г. Второй этап охватывает егерское движение, создание шюцкора и победоносную освободительную войну весной 1918 г. Когда Финляндия стала монархией и королем Финляндии избрали германского принца, казалось, сбываются самые смелые мечты активистов.

После того как осенью 1918 г. было покончено с прогерманской ориентацией, они оказались в стороне от официальной политики. В декабре 1918 г. узкий круг активистов создал тайную боевую организацию – так называемый Центр, который поставил своей целью защиту Финляндии от Советской России, оказание помощи соплеменным народам и защиту общественного строя от опасности левого переворота. Этот менее известный, третий этап, продлившийся до 1922 г., историк Лаури Хювямяки (1971) назвал постактивизмом.

Если активизм периода угнетения вершил официальную историю Финляндии, то постактивизм, действовавший «в обход официальной Финляндии» (Хювямяки), с точки зрения законного общественного устройства был революционной деятельностью. Угроза правого переворота в Финляндии в 1919–1920 гг. и в 1929–1932 гг. была серьезной и реальной. Переворот, однако, не произошел, но остался неосуществленной альтернативой, какие всегда возникают на переломных этапах истории. В исторических исследованиях «то, что могло бы быть», чаще всего погружено во тьму: неосуществленную «историю проигравших» нет необходимости превозносить так же, как осуществленную «историю победителей».

⁷⁷ См. раздел О. Юссылы.

Активисты сознавали, что переворот означал бы ниспровержение законного общественного порядка, правительства и парламента, а также отмену конституции. Он не мог быть просто дворцовым переворотом, так как в Финляндии было достаточно противодействующих сил и факторов неуверенности. Политическая власть в первые годы существования республики принадлежала центристской буржуазии, которую поддерживала крупнейшая партия страны – СДПФ. Активисты пытались склонить ведущую монархическую партию – НКП – на свою сторону, но сторонники законности в партии – Свинхувуд, Паасикиви и Ингман – отказались от политики авантюризма.

О постактивизме, захватнических намерениях активистов и в особенности об участии в них Маннергейма – таинственно-го Андерссона – ведутся бурные дискуссии. Бесспорно то, что при всех возможных ситуациях, когда для Финляндии искали вождя, диктатора, как бы его ни называли, надежды активистов в первую очередь были связаны именно с Маннергеймом. Главнокомандующий белой армии в освободительной войне в этих планах был на голову выше других. Столь же бесспорно то, что в июле 1919 г. Маннергейм был посвящен в планы активистов по организации переворота; активисты рассчитывали на то, что Маннергейм, будучи регентом, не утвердит республиканскую Форму правления, распустит парламент и отправится в военный поход на Петроград с целью изгнания оттуда большевиков.

Роль Маннергейма в инцидентах с участием шюцкора летом 1921 г. не была столь определяющей, как в тайном союзе июля 1919 г. В любом случае, активисты хотели поставить Маннергейма во главе шюцкора и сделать шюцкор его «личной армией». Мудрость, с которой последующие поколения судят о «делах давно минувших дней», позволяет сделать вывод: будущая карьера Маннергейма – с 1931 г. – председатель Государственного совета, главнокомандующий в периоды войн 1939–1940 гг., 1941–1944 гг. и президент республики, который вывел Финляндию из войны в 1944 г., – не была бы возможна, если бы он в некоторых решающих ситуациях, предполагавших выбор, проявил чуть больше энтузиазма и дал активистам «зеленый свет».

К 1922 г. энергия авангарда активистов была уже рассеяна по разным направлениям. Все же влияние активистов в обществе не иссякло, оно даже не уменьшилось, как полагает Марти Ахди (1987), но сохранилось в рамках многих других объединений и движений праворадикального толка и тех, что руководствовались идеей родственных связей между народами, живущими на территории Финляндии и России, таких, как Охранный союз Финляндии, Виентирауха (гвардия по подрыву забастовочного движения), Академическое карельское общество, Союз независимости, Союз фронтовиков освободительной войны, Союз воинов-соплеменников, Замок Финляндии, Лапуаское движение, Патриотическое народное движение.

В поисках внешнеполитического курса

После окончания гражданской войны большинство населения Аландских островов все еще хотело присоединиться к Швеции. Весной 1919 г. Швеция неожиданно, не проконсультировавшись с Финляндией, на Парижской мирной конференции призвала разрешить вопрос об Аландских островах путем проведения референдума. Швеция обосновала свое требование тем, что острова не были связаны с Финляндией ни в историческом, ни в языковом, ни в экономическом смыслах. Правительство Финляндии отвергло требование шведов и констатировало, что жители островов не являются объектом какого-либо «языкового насилия». Мирная конференция передала дело на рассмотрение в Лигу Наций.

В мае 1920 г. парламент Финляндии принял закон о самоуправлении Аландских островов, который дал их жителям свой ландтаг и широкие привилегии. Но закон не удовлетворил местных лидеров, которые вновь обратили свои взоры к Швеции. Правительство Финляндии сочло сепаратистов виновными в государственной измене. Двое из числа лидеров сепаратистов, Юлиус Сундблом и Карл Бьёркман, были арестованы.

Осенью 1920 г. Совет Лиги Наций учредил комиссию из трех независимых членов для рассмотрения вопроса об Аландских островах. Комиссия изучила ситуацию в Финляндии, Швеции и на Аландских островах. Стороны делали все возможное, чтобы повлиять на комиссию. В рапорте, подготовленном в мае 1921 г., комиссия констатировала, что географически Аланды, бесспорно, входят в состав Финляндии. У населения островов было право на справедливое обращение с ними большинства, но оно не было равнозначно праву на отделение и присоединение к другому государству.

Вопрос об Аландских островах разрешился в пользу Финляндии в июне 1921 г. в Совете Лиги Наций в соответствии с рекомендациями комиссии экспертов. Решение, принятое в Лиге Наций, дополнила подписанная 10 державами в середине того же года конвенция о придании Аландским островам статуса нейтральной территории. Сундблом и Бьёркман, обвиненные в мятеже, были помилованы в конце декабря 1921 г.

Вопрос о вступлении Финляндии в Лигу Наций был поднят в начале 1920 г. по инициативе Англии. Правительство считало членство в Лиге Наций важным ввиду геополитического положения Финляндии, но получить согласие на принятие в члены оказалось не так легко: в Лиге Наций высказывались сомнения относительно того, что, став членом, Финляндия могла бы сослаться в вопросе об Аландских островах, все еще остававшемся нерешенным, на территориальную неприкосновенность, которой обладали страны-члены. После того как делегация Финляндии заявила, что членство никоим образом не повлияло бы на разрешение спора, заявление о вступлении в члены было единогласно одобрено в Лиге Наций в середине декабря 1920 г.

Генерал Маннергейм, потерпев поражение на президентских выборах весной 1919 г., отправился в Лондон и Париж с целью склонить западные державы к организации военного похода на Петроград. В начале марта 1919 г. было опубликовано его открытое письмо президенту Столбергу, в котором он писал, что судьба Петрограда находится в руках Финляндии: если бы стоявшие у Петрограда белые войска были разбиты, Россия, да и вся Европа возложили бы за это ответственность на Финляндию. Столберг расценил всю идею как политику авантюризма. Кроме того, ситуация у стен Петрограда менялась в пользу большевиков, и более не было никаких гарантий в том, что западные державы примут участие в этом военном предприятии.

Буржуазное коалиционное правительство Рафаэла Эриха, приступившее к своим обязанностям в марте 1920 г., вскоре пришло к заключению, что с Советской Россией следует заключить мир. Переговоры начались в Тарту в июне 1920 г. и продолжались почти пять месяцев. Делегацию Финляндии возглавлял Паасикиви. В ней были представлены все парламентские партии. Финны выдвинули крайне жесткие территориальные требования: провести границу от Ладоги через Онежское озеро до Белого моря, то есть помимо Восточной Карелии и Петсамо присоединить к Финляндии весь Кольский полуостров. Кроме того, финны требовали для Восточной Карелии права на самоопределение.

Финны надеялись, что их поддержат западные державы и Польша, но надежды оказались тщетными. Русские отвергли все претензии финнов, утверждая, что в Восточной Карелии уже была создана автономия, Коммуна трудового народа Карелии, которой руководит лидер КПФ Эдвард Гюллинг, входивший в свое время в Совет народных уполномоченных.

В вопросе о Петсамо и островах Финского залива, важных для русских с точки зрения обороны Петрограда, сторонам никак не удавалось прийти к соглашению. Президент Столберг, наблюдавший за переговорами из Хельсинки, упорствовал в своем нежелании пойти на уступки, тогда как глава мирной делегации Паасикиви был в большей степени готов к ним, чем президент. В июле переговоры полностью прервались на две недели. В конце лета стороны были готовы пойти на уступки. Принятию компромиссного решения решающим образом способствовали тайные переговоры Вяйнё Таннера с руководством советской делегации. Мирный договор был подписан 14 октября 1920 г. Тартуским мирным договором Советская Россия подтверждала свое признание независимости Финляндии. Финляндия наконец получила Петсамо, что обеспечило ей выход к Северному Ледовитому океану, но должна была возвратить пограничные Ребольскую и Поросозерскую волости, захваченные ею в 1919 г.

Тартуский договор был встречен в Финляндии крайне противоречиво. За его ратификацию высказались СДПФ и НПП, а также часть представителей НКП и АС. Крайне правые сочли договор «позорным». Ленсман⁷⁸ Ребольской волости активист Х.Н. (Боби) Сивён в знак протеста (финны должны были уйти из Реболы) застрелился, и позже его воспринимали как великомученика, отдавшего жизнь за идею родства народов.

Тартуский мирный договор заложил основу дипломатических отношений Финляндии и Советской России. Но поначалу эти отношения развивались не без многочисленных трений и обоюдного недоверия. Хотя официально Финляндия отказалась от мечты захватить Восточную Карелию, беспорядки на границе продолжались. В октябре 1921 г. в Восточной Карелии вспыхнуло вооруженное восстание против советской власти. Восставшие обратились за помощью к Финляндии, Эстонии и Польше. Правительство Финляндии не могло вмешиваться, но санкционировало вербовку добровольцев. В ноябре по ту сторону границы отправился отряд численностью примерно 500 человек. В Ухте финны присоединились к карельским партизанам (около 3 тыс. человек), которыми командовал Василий Левонен, он же «папаша Вяйнемейнен».

⁷⁸ Ленсман – чиновник, подчиняющийся губернскому правлению и находящийся на службе в ленсманском округе, образуемом одной или несколькими общинами. Ленсманом, в частности, является высший полицейский чин ленсманского округа.

Советская Россия в своей ноте в резких выражениях обвинила Финляндию в беспорядках, вспыхнувших в Восточной Карелии. Правительство Финляндии объясняло причину восстания тем, что Советская Россия не предоставила Восточной Карелии самоуправления, как было предусмотрено Тартуским мирным договором. По вопросу о Восточной Карелии Финляндия обратилась в Лигу Наций и попросила направить независимую комиссию для изучения ситуации на месте. Советское правительство отказалось от участия в каких бы то ни было совместных действиях, поскольку считало Лигу Наций организацией, оказывающей помощь империалистам.

Ответные действия Советской России в Восточной Карелии были суровыми: для подавления восстания туда ввели 13 тыс. красноармейцев. В составе советских войск также был ударный отряд, сформированный из финских курсантов Петроградской школы красных офицеров. К концу декабря 1921 г. на Карельский перешеек перебросили еще четыре советские дивизии. В конце 1921 г. – начале 1922 г. правительство Финляндии всерьез опасалось нападения Советской России, и президент Столберг даже подумывал о том, чтобы отдать приказ о мобилизации. Ситуация разрядилась в январе 1922 г., когда советское правительство заявило, что Красная Армия подавила восстание в Восточной Карелии. Финляндия обещала предотвратить вербовку новых добровольцев и разоружила добровольцев, отступивших из Беломорской Карелии.

Последним эпизодом кризиса в Восточной Карелии был так называемый сальный бунт, вспыхнувший в начале февраля в общине Савукоски на лесоразработках, которые вело акционерное общество Кеми в бассейне реки Вярриё. «Сальным» его называли потому, что руководитель восстания финский красный офицер Яхветти Мойланен (его настоящее имя было Ф.Я. (Янне) Мююрюляйнен), прошедший подготовку в Петрограде, зачитал призыв к вербовке в Северный партизанский батальон, стоя на ящике со свиным салом. Под командованием Мойланена находился отряд численностью 300 человек, который вторгся на территорию Финляндии, разоружил роту пограничников в деревне Куолаярви⁷⁹ и на обратном пути ограбил кассы, захватил рабочие инструменты и лошадей, принадлежавших сплавным конторам, а также посягнул на собственность жителей пограничной местности. За «сальным бунтом» явно прослеживалась военная линия КПФ. Стычка

⁷⁹ В районе Кандалакши.

должна была произойти именно на территории Финляндии, дабы напомнить «лахтарям белой Финляндии», что их ожидает.

Жесткие меры Советской России в период кризиса в Восточной Карелии заставили правительство Финляндии обратить свой взор на юг – к другим так называемым окраинным государствам⁸⁰. Наиболее активным сторонником «политики окраинных государств» был Рудольф Холсти (НПП), министр иностранных дел в правительствах Кастрёна, Эриха и Веннолы. Он считал «окраинные государства», или страны-лимитрофы, естественными союзниками Финляндии, поскольку Швеция и другие Скандинавские страны не хотели брать на себя обязательства за судьбу Финляндии. Особенно большие надежды Холсти возлагал на Польшу, которая еще весной 1920 г. предложила Финляндии сотрудничество.

Осенью 1921 г., во время кризиса в Восточной Карелии, правительство Веннолы всерьез задумалось о заключении оборонительного союза с Польшей. На совещании министров иностранных дел, состоявшемся в марте 1922 г. в Варшаве, Холсти подписал с Польшей, Эстонией и Латвией договор об оборонительном союзе. Литва не участвовала в совещании из-за разногласий с Польшей по территориальным вопросам. Так называемый договор окраинных государств предполагали заключить сроком на 5 лет. Его основным пунктом был § 7, согласно которому в случае превращения одной из стран в объект агрессии другие участники договора были обязаны согласовать между собой необходимые мероприятия по оказанию ей помощи.

В Финляндии проект договора вызвал противоречивые чувства. За его ратификацию высказывались только НПП и АС. Правые хотели заключить военный союз именно для противодействия советской угрозе. Зависимость от Польши вызывала сомнения, равно как и обязательства перед прибалтийскими государствами, чье международное положение было еще более слабым, чем положение Финляндии. Правительство удивили действия Холсти, хотя всего несколькими месяцами раньше оно выступало даже за более тесное сотрудничество с Польшей.

До рассмотрения «договора окраинных государств» в парламенте в мае 1922 г. правительство Веннолы вычеркнуло из проекта § 7, вокруг которого возникли споры. Этого оказалось недостаточно, и противники договора вынесли министру иностранных дел

⁸⁰ «Окраинными государствами» называют государства, образовавшиеся на западных окраинах России после Первой мировой войны. Главным образом этот термин используется применительно к Латвии, Литве и Эстонии.

Холсти вотум недоверия. Спустя две недели правительство Веннолы ушло в отставку. Таким образом, Варшавский договор не был ратифицирован, и активная «политика окраинных государств» Финляндии на этом завершилась. Финляндия и позже принимала участие в переговорах стран-лимитрофов, но сотрудничество с ними более не имело для нее большого политического значения.

И после разрешения вопроса об Аландских островах отношения между Финляндией и Швецией в течение ряда лет были прохладными. Споры по вопросу о языке, разгоревшиеся в Финляндии в 1920-е годы, еще больше ослабили предпосылки сотрудничества. Идея о военном союзе с Финляндией получила поддержку главным образом в кругах высшего армейского руководства Швеции. В октябре 1923 г. министр иностранных дел буржуазного правительства Хедершерна неожиданно выступил с предложением об оборонительном союзе Швеции и Финляндии. Заявление было поспешным и отличным от внешнеполитической линии правительства. И спустя несколько дней Хедершерне пришлось уйти в отставку.

В июне 1922 г. Финляндия и Советская Россия подписали договор о пограничном мире. В декабре того же года в Москве прошла конференция по разоружению с участием Финляндии, прибалтийских стран и Советской России, закончившаяся безрезультатно. В противовес договору, подписанному западными державами и Германией осенью 1925 г. в Локарно, СССР стремился создать на своей западной границе своего рода анти-Локарно. В марте 1926 г. он предложил Финляндии и прибалтийским государствам заключить договор о ненападении. Финляндия согласилась сесть за стол переговоров, но выдвинула такие предварительные условия, на которые СССР ни в коем случае не согласился бы. Тактика финнов возымела свое действие: переговоры, начавшиеся в конце октября в Хельсинки, не принесли результата.

В середине 1920-х годов единственной внешнеполитической альтернативой для Финляндии оставалась политика неприсоединения, которую также называют «блестящим изоляционизмом». В международных отношениях Финляндия все больше «вращалась» в систему Лиги Наций. Поэтому совершенно естественно, что Финляндия стремилась стать и осенью 1927 г. стала членом Совета Лиги Наций на следующий трехлетний период⁸¹.

⁸¹ Совет Лиги Наций состоял из четырех постоянных членов (Великобритания, Франция, Италия, Япония) и четырех стран-членов Лиги, избиравшихся на 3-летний период.

За белую Финляндию

Победителям в гражданской войне, созидателям белой Финляндии весны 1918 г., после изменения политического курса осенью 1918 г. пришлось испытать одно разочарование за другим. Мечты о монархии были похоронены, президентом республики избрали либерала Столберга, большевики упрочили свою власть в России, Финляндии пришлось отказаться от планов захвата Восточной Карелии, во внутренней политике республики доминировал центристский курс, который предусматривал предоставление социал-демократам полных прав деятельности. Кроме того, «пятая колонна» исконного врага, КПФ, начала свою подрывную работу в Финляндии. Политические разочарования усилили стремления правых отстоять завоевания освободительной войны. Крайне правые были готовы защитить белую Финляндию любыми – возможными и невозможными – средствами. Вплоть до начала 1930-х годов в стране существовала реальная угроза правого переворота.

Наиболее сильной охранной организацией белой Финляндии был шюцкор. Его статус добровольной организации, обеспечивающей оборону страны, был утвержден постановлением, принятым в 1919 г. Закон об охране 1927 г. еще больше укрепил положение шюцкора. Мировоззрение шюцкоровского движения было правого толка и крайне антикоммунистическим, но в собственно партийной политике организация не принимала участия. В политических кризисах 1920–1930-х годов шюцкор был в известном смысле латентным и непредсказуемым фактором. В отношениях между сторонниками законной и сторонниками внепарламентской деятельности преобладала явная напряженность, которая временами была весьма сильной.

Помимо обеспечения обороны страны шюцкор выполнял важную миссию, являясь инструментом политического контроля на местах. Например, в связи с призывами на военную службу при необходимости он представлял полицейским и военным властям заключение относительно политической благонадежности каждого финского юноши.

В конце 1918 г. число членов шюцкора составляло примерно 39 тыс., но уже спустя год – почти 100 тыс. человек; на этом уровне его численность затем стабилизировалась. Окружные организации (всего 22) были созданы по всей стране. Шюцкор имел свои отделения практически в каждой деревне. В 1921 г. была создана женская шюцкоровская организация «Лотта Свярд». В конце 1930-х годов она объединяла 170 тыс. женщин. В 1920-е и 1930-е годы шюцкор был крупнейшей народной организацией. Шюцкор занимался не только решением задач по обеспечению обороны страны. Интересы шюцкоровцев были многосторонними. Особое место занимали физкультура и спорт. Шюцкоровские дома, преимущественно в сельской местности, фактически были центрами культуры и занятий по интересам, в них жители деревень собирались в свободное время.

Около 50% членов шюцкора составляли крестьяне, 40% – служащие. В шюцкоровские организации входили и рабочие, но их было лишь несколько тысяч. Рабочее движение относилось к этим «классовым предателям» с осуждением. Социал-демократы постоянно выступали в парламенте с предложениями распустить шюцкор и противились предоставлению ему помощи государством.

В июне 1921 г. между шюцкором и высшим руководством республики возник серьезный конфликт. Спор начался с публикации, появившейся 9 июня в газете «Хувудстадсбладет» («Столичная газета») под псевдонимом «Ф. Г.», острие которой было направлено против сотрудничества со странами-лимитрофами и западными державами. Автор всерьез предостерегал финнов не связывать свою судьбу с Польшей и прибалтийскими государствами. Вскоре стало известно имя автора статьи: Пауль фон Герих, начальник Хельсинкского округа шюцкора.

Представители ряда иностранных государств, в частности Франции, Польши и прибалтийских стран, выразили министру иностранных дел Холсти свое неодобрение в связи с «оскорбительной публикацией». Правительство отдало распоряжение главнокомандующему шюцкором полковнику Г.Д. фон Эссену отправить фон Гериха в отставку. Тот не выполнил приказ, дав фон Гериху возможность самому подать в отставку. Тогда президент республики Столберг снял фон Эссена с поста главнокомандующего и назначил исполняющим обязанности главнокомандующего шюцкором генерал-майора Карла Э. Берга. Тот исполнил приказ, но спустя два дня, спасая честь офицера, застрелился.

Правые обвинили президента и правительство во вмешательстве во внутренние дела шюцкора. Правительство заявило, что фон Эссен более не может оставаться на посту главнокомандующего, но шюцкор имеет право предложить преемника. Инцидент дал активистам повод вновь задуматься о захвате власти. Активистам принадлежали важные позиции в высшем руководстве шюцкора. По их инициативе кандидатом на пост главнокомандующего шюцкором был назван Маннергейм, который тотчас же дал свое согласие. Военный министр Бруно Яландер решительно отверг неожиданное и, с точки зрения правительства, «досадное» предложение, заметив, что Маннергейм имел определенную политическую репутацию и президент Столберг ни в коем случае не назначил бы его.

Активисты были удивлены решительностью правительства и военного министра, которого они считали «своим человеком». Шюцкор не стал, как того хотел авангард активистов, «личной армией» Маннергейма. С точки зрения дальнейшего развития шюцкора и будущей карьеры Маннергейма этот факт был, по-видимому, большой удачей, хотя сам Маннергейм был разочарован и зол, вновь оказавшись оттесненным на задний план.

Свинхувуд, пользовавшийся доверием обеих сторон, взял на себя роль миротворца. Кризис разрешился компромиссом в середине 1921 г.: согласно изменениям, внесенным в постановление о шюцкоре, самоуправление организации расширилось, военный министр Яландер ушел в отставку и новым главнокомандующим шюцкором был назначен егерский полковник Лаури Малмберг, который оставался на этом посту до роспуска шюцкора в 1944 г.

Еще один серьезный конфликт разразился весной 1924 г. в офицерских кругах. Согласно Форме правления 1919 г., оборона страны основывалась на всеобщей воинской обязанности. Развитию вооруженных сил, однако, мешали экономические трудности и политические разногласия. Социал-демократы стремились удерживать ассигнования на оборону на возможно более низком уровне. АС вначале поддерживал милицейскую систему швейцарского образца, по которой срок службы в армии не превышал бы нескольких месяцев. Восточнокаральский кризис ускорил принятие нового закона о воинской обязанности. В 1923 г. приступили к выработке плана развития армии – так называемой ревизии обороны.

Непосредственной причиной кризиса в офицерских кругах была борьба за власть между офицерами, получившими подготовку в царской России, и молодыми егерскими офицерами, обучен-

ными в Германии. Примерно 450 егерских офицеров в конце апреля 1924 г. подали прошения об отставке, которые, правда, не были удовлетворены. Протест был направлен прежде всего против командующего армией генерал-майора К.Ф. Вилкмана (позднее сменившего фамилию на финскую – Вилкама) и других высших офицеров, ранее служивших в армии России.

Требования егерей поддержал главнокомандующий шюцкором Л. Малмберг, который в мае 1924 г. стал министром обороны в коалиционном правительстве Ингмана. Пока Малмберг занимал министерский пост (без малого год), егерские офицеры захватили руководящие посты в армии. Командующего армией Вилкмана решили на время отправить в длительную учебную командировку за границу, но ему удалось вернуться и вновь занять свою должность осенью 1925 г. Вскоре у Вилкмана возникли трения с Президентом Реландером, который в мае 1926 г. отправил Вилкмана в отставку и назначил на его место егерского генерал-майора Аарне Сихво, которому было всего 36 лет.

Хотя захват Восточной Карелии оставался мечтой, идея родства народов не умерла. В феврале 1922 г. трое студентов из числа так называемых солдат-соплеменников основали Академическое карельское общество (АКО), которое стало важнейшим поборником идеи «Великой Финляндии» и родства народов. Помимо восточной Карелии в сферу влияния финно-угорских народов, остановленную АКО, входили Ингерманландия, Лянсипохья и Руйа⁸². В течение двух первых лет АКО сосредоточилось главным образом на оказании помощи беженцам из Восточной Карелии. Начиная с 1924 г. на первый план выступили идейная работа и усилия по обеспечению политического влияния в стране, в особенности в вопросе о языке.

Согласно программе АКО, создание «Великой Финляндии» предполагало сплочение нации и выравнивание различий между общественными классами. Воззвания, с которыми выступало АКО, дышали неприкрытой ненавистью ко всему русскому. Листовка, которую распространяли «Братья по ненависти», составившие «узкий круг» АКО, была озаглавлена следующим образом: «О русских можно говорить только скрипя зубами».

АКО было студенческим объединением, которое само пополняло свои ряды и стать членом которого можно было только дав

⁸² *Лянсипохья* – территория, заселенная финноязычным населением вблизи рек Торнионйоки и Муонионйоки в финской Лапландии и в Норботтене (*шв.*); Руйа – норвежская Лапландия.

клятву. За 22 года существования в него вступили 3100 человек. Общество представляло собой студенческую элиту того времени и полностью управляло студенческой общиной. Адрес, составленный АКО в марте 1928 г. в поддержку феннизации Хельсинкского университета, подписали 90% всех финноязычных студентов мужского пола.

В Финляндии в 1920–1930-е годы национализм возник также на почве противоречий между языковыми группами. Согласно Форме правления 1919 г., оба языка, на которых говорили в стране, имели равное право на существование. Это не удовлетворяло тех, для кого родным был шведский язык. Народное собрание финских шведов (*Svenska Finlands folkting*), созданное весной 1919 г., в своей программе исходило из того, что в Финляндии не только говорили на двух языках, но в стране также жили два разных народа. Летом 1920 г. Народное собрание потребовало предоставить шведоязычному населению культурную и административную автономию в границах собственных губерний, подобную самоуправлению Аландских островов. Программа ШНП содержала пункт о праве каждого гражданина обращаться к властям на своем родном языке, независимо от того, каким был язык делопроизводства в той общине, в которой он проживал.

Шведоязычные были недовольны законом о языке, принятым парламентом осенью 1920 г. В новый закон (июнь 1922 г.) было включено предписание, которое требовало от чиновников знания, а также использования обоих языков, в частности, в суде. Кроме того, в законе содержались предписания о двуязычии общин. Реформы удовлетворили умеренное большинство шведоязычных.

После этого инициатива в борьбе по вопросу о языке перешла к финноязычным. Программной целью так называемого подлинно финского движения была одноязычная Финляндия, где шведский язык использовали бы только в органах местного управления. Вначале программу «истых финнов» наиболее последовательно поддерживал АС; НПП и НКП не являлись столь яркими сторонниками феннизации. Социал-демократы не считали вопрос о языке очень важным, хотя часть их электората составляло шведоязычное население.

Поскольку давление со стороны «истых финнов» возросло, ШНП в 1920-е годы опиралась на поддержку СДПФ в парламенте и в качестве «ответной услуги» поддерживала социал-демократов в важных для них делах. Когда парламентская фракция СДПФ

весной 1923 г. сделала запрос правительству Каллио для того, чтобы ускорить помилование арестованных за участие в восстании 1918 г., многие представители ШНП поддержали социал-демократов. Особое неодобрение у них вызвало то, что премьер-министр Каллио ответную речь произнес только по-фински.

Осенью 1922 г. началась дискуссия по проекту закона о системе организации Хельсинкского университета. Финноязычные студенты выражали недовольство тем, что преподавание в университете в основном велось на шведском языке. Наиболее энергично за финнизацию Хельсинкского университета выступало АКО. Правительство предложило изменить должностную структуру Хельсинкского университета таким образом, чтобы 72 профессора вели преподавание на финском языке, а 29 – на шведском. Во время обсуждения законопроект обрел новое содержание: язык преподавания определяло соотношение между финноязычными и шведоязычными студентами за три предшествующих года. Ввиду численного преобладания финноязычных студентов, преподавание на шведском языке сократилось. Преемственность преподавания на шведском языке была обеспечена тем, что 15 профессорам предписывалось преподавать на шведском языке. Ни одна из сторон не была удовлетворена конечным результатом.

Парламентаризм меньшинства

В первые годы существования республики многие правительства строились на сотрудничестве АС и НПП. Парламентская база центристской политики была узкой, и потому правительства были правительствами меньшинства. Поражение НПП на парламентских выборах 1922 г. еще больше ослабило предпосылки сотрудничества центристов: из 26 принадлежавших ей мест НПП уступила ни много ни мало 11, главным образом коалиционерам и аграриям.

Большие изменения произошли также в стане левых: из 80 своих мест социал-демократы из 80 мест 27 мест отдали Социалистической рабочей партии Финляндии (СРПФ), представлявшей крайне левых. Согласно инструкциям О. В. Куусинена, осенью 1919 г. коммунисты подчинили своему влиянию Социал-демократический союз молодежи и Союз женщин. Собственно, основная цель – захват СДПФ, – сформулированная на партийном съезде, прошедшем в декабре 1919 г., осталась неосуществленной мечтой, так как сторонники диктатуры пролетариата при голосовании потерпели явное поражение. Левая оппозиция в СДПФ в мае–апреле 1920 г. основала новую рабочую партию СРПФ, программу которой разработал Куусинен. Поскольку учредительный съезд имел неосторожность включить партию в Коминтерн, полицмейстер Хельсинки отдал приказ арестовать ее главных руководителей. Месяц спустя коммунисты не допустили подобной ошибки, так что упомянутая рабочая партия смогла начать свою деятельность как организация прикрытия нелегальной КПФ.

Первое правительство меньшинства Кюёсти Каллио, сформированное в ноябре 1922 г., по своему составу также было центристским, основывавшимся на сотрудничестве НПП и АС. Однако внутривластный курс явно поворачивал вправо. Буржуазные партии были абсолютно едины в том, что нужно положить предел деятельности крайне левых. Охранный союз Финляндии, созданный в январе 1923 г. для защиты белой Финляндии, призвал всех фалодан-патриотов к антикоммунистическим действиям. В числе

тех, кто первыми подписали манифест об основании Союза, были Маннергейм и Свинхувуд.

Правительство Каллио вцепилось в коммунистов железной хваткой. Социал-демократический союз молодежи, оказавшийся в руках коммунистов, был запрещен в апреле 1923 г. СРПФ попыталась спастись, изменив в мае 1923 г. свое название на более нейтральное – Рабочая партия Финляндии (РПФ). Это не помогло: в августе министр юстиции Отто Окессон отдал приказ об аресте более 200 активистов партии и конфисковал типографии РПФ. В связи с этой операцией, названной «хирургической операцией Каллио», были задержаны все 27 депутатов парламента от РПФ. Надворный суд Турку присудил 189 человек к различным срокам лишения свободы по подозрению в государственной измене и постановил запретить деятельность РПФ, но для конфискации типографий крайне левых не нашлось законных оснований.

СДПФ настаивала на роспуске нового «урезанного» парламента. На этой позиции стоял и президент республики Столберг, но премьер-министр Каллио был с ним не согласен. Правительство вынуждено было уйти в отставку в январе 1924 г. Столберг распустил парламент и временно назначил, за короткий срок уже второе, «правительство чиновников»⁸³ А.К. Каяндера.

На выборах президента республики, состоявшихся весной 1925 г., Столберг не баллотировался, несмотря на попытки склонить его к этому шагу. НПП выдвинула своим кандидатом директора Финляндского банка Ристо Рюти, СДПФ – Вяйнё Таннера, коалиционеры – ректора Хельсинкского университета Хуго Суолахти, а ШНП отправилась на выборы, не назвав кандидата. Кандидатом от АС стал губернатор Выборгской губернии Лаури Кристиан Реландер, что стало для всех полной неожиданностью.

Во втором туре социал-демократы проголосовали за Рюти, который получил 104 голоса. На третий тур в качестве его соперника вышел Реландер, так как большинство выборщиков от ШНП проголосовало за него, а не за кандидата от НКП Суолахти. На последнем этапе Реландер победил 172 голосами против 109, обойдя Рюти, которого по-прежнему поддерживали выборщики от СДПФ и НПП. Голоса коммунистов были аннулированы, поскольку они и в третьем туре проголосовали – вопреки закону об избирательном праве – за председателя ОПФ Матти Вяйсянена, который

⁸³ «Правительства чиновников» назначаются президентом, а не избираются обычным, парламентским путем. См. также примеч. 132.

отбывал в то время наказание в работном доме в Таммисаари, будучи осужден по подозрению в государственной измене.

Формирование правительства большинства предполагало в 1920-х годах сотрудничество вначале четырех, а после потери НПП мест в парламенте трех буржуазных партий. Отношения между ШНП и АС осложняли разногласия в вопросе о языке. В 1920-е годы обе эти партии участвовали только в двух правительствах: в правительстве Эриха (1920–1921) и втором правительстве Ингмана (1924). Это были единственные правительства большинства того нестабильного с точки зрения внутривнутриполитической ситуации десятилетия.

Во втором правительстве Лаури Ингмана (Н КП), сформированном после парламентских выборов 1924 г., поначалу участвовали все четыре буржуазные партии. В ноябре 1924 г. АС вывел своих представителей из правительства из-за разногласий, возникших по поводу закона о пенсиях чиновников, и правительство Ингмана превратилось в правительство меньшинства и как таковое продолжало работу до конца марта 1925 г.

В течение следующих пяти лет страной управляли одно за другим шесть правительств меньшинства. Первое из них – правительство Ахти Туленхеймо (Н КП) и второе – правительство Кюёсти Каллио (АС) были правительствами, строившимися на сотрудничестве Н КП и АС. Четыре следующих кабинета были главным образом правительствами меньшинства с преобладанием в них представителей одной партии. Правительство Вейнё Таннера (декабрь 1926 г. – декабрь 1927 г.) было чисто социал-демократическим. В следующее за ним правительство Ю.Э. Сунилы (1927–1928) помимо аграриев входили два министра-специалиста.

Беспрецедентно узкой была парламентская база правительства Оскари Мантере (НПП), сформированного в декабре 1928 г. На парламентских выборах 1927 г. НПП из своих 17 мест сохранила 10. Особенность правительства Мантере состояла в том, что входившие в него три коалиционера были министрами-специалистами, так как Н КП не признала их своими представителями. В назначенное в августе 1929 г. третье правительство Кюёсти Каллио (АС), которое было очередным правительством меньшинства, помимо аграриев входили два члена НПП в качестве министров-специалистов.

На парламентских выборах 1929 г. НПП потеряла еще три места. АС, завоевавший 60 мест, впервые опередил по числу представителей в парламенте СДПФ, получившую 59 депутатских мандатов.

Правых потрясло назначение в декабре 1926 г. социал-демократического правительства меньшинства – всего через восемь с небольшим лет после окончания отмеченной горечью гражданской войны. И для самих социал-демократов приход в правительство был непростым делом. Первоначально Вьяйнэ Таннер стремился сформировать правительство большинства, в котором помимо СДПФ участвовали бы также НПП, АС и ШНП. После того как это не удалось и ни одна из названных буржуазных партий не захотела войти в правительство в качестве «присяжной» СДПФ, Таннер в декабре 1926 г. сформировал социал-демократическое правительство меньшинства.

То, что предприятие оказалось удачным, свидетельствует о реальной руководящей роли Таннера в СДПФ, хотя его противники всего за несколько месяцев до этого убрали его с поста председателя партии. В правительство в качестве второго так называемого социального министра входила первая финская женщина-министр Миина Силланпяя. Правительство меньшинства получило в парламенте поддержку главным образом от ШНП и вначале также от финноязычных буржуазных партий. Зато, как и следовало ожидать, крайне левые относились к правительству в высшей степени негативно.

Таннер, исполнявший обязанности президента республики во время длительного отпуска Реландера в связи с болезнью, оказался в весьма сложном положении, поскольку должен был принимать парад в честь победы белых в освободительной войне, организованный 16 мая 1927 г. на Сенатской площади в Хельсинки. Партийный комитет СДПФ пытался заставить Таннера отменить празднование или не присутствовать на нем. Таннер и сам вначале колебался, но в итоге победило чувство долга, и он принял парад, стоя на ступенях Кафедрального собора и наблюдая за тем, как проходят торжественным маршем войска шюцкора. Левые обвинили Таннера в том, что тот «опозорил» рабочий класс; правые были раздражены тем, что шюцкоровцы должны были отдать честь самому известному красному вождю Финляндии. Зато в кругах прогрессивной буржуазии уважение к Таннеру возросло.

Трудности правительства Таннера возросли осенью 1927 г. в связи с обсуждением проекта бюджета на следующий год. Уверенное в своей линии правительство составило проект бюджета, в котором помощь государства шюцкору вовсе не предусматривалась и было предложено резко сократить ассигнования на оборону.

Однако в качестве вопроса о доверии, или «сука, на котором оно хотело повеситься», правительство избрало вопрос о снижении пошлин на хлеб. Фракция ШНП отказала правительству в поддержке, и судьба его, таким образом, была предрешена.

Лапуаское движение делает, что хочет

Жесткие меры правительства Каллио не обуздали крайне левых. Напротив, общественная деятельность коммунистов стала более активной и число сторонников крайне левых к концу 1920-х годов возросло. Социалистический избирательный блок рабочих и мелких земледельцев получил дополнительные места на парламентских выборах 1927 и 1929 гг.

На протяжении 1920-х годов коммунисты вели упорную борьбу с социал-демократами за лидерство в рабочих организациях. В ОПФ коммунисты получили большинство еще в 1920 г. Уровень профессиональной организованности рабочего класса был очень низким, хотя вслед за наметившимся в 1926 г. экономическим ростом и начался приток новых членов в ОПФ. Работодатели не признавали договорного права профсоюзных объединений и оказывали нажим на входивших в них рабочих. Для подрыва забастовочного движения работодатели использовали созданное в 1920 г. акционерное общество «Виентирауха». В эту «гвардию по подрыву забастовочного движения», во главе которой стоял старый активист и вербовщик егерей Мартти Пихкала, входило по большей мере 34 тыс. человек. Рабочие считали, что «штрейкбрехеры» сводят на нет их усилия в борьбе за улучшение условий жизни; те же считали, что, защищая права желающих трудиться «белых рабочих» от коммунистического террора на рабочих местах, они тем самым действуют во благо отечества. Некоторые работодатели настаивали на вступлении своих наемных работников в шюккор. Профсоюзы же требовали от своих членов, вступивших в шюккор, чтобы те принесли публичное извинение. И работодатели, и профсоюзы характеризовали действия противной стороны как террор на рабочих местах.

Обострение отношений на рынке труда привело в 1927–1928 гг. к широкомасштабным забастовкам, которые работодатели пытались подавить при помощи гвардии Пихкалы. Забастовка портовых рабочих, охватившая все порты страны, продлилась десять

месяцев, а начавшаяся с верфи Криктон-Вулкан забастовка металлистов и последовавший за ней локаут – семь месяцев. Забастовкам тотчас же было найдено политическое объяснение: забастовку портняжников трактовали как организованную в поддержку СССР, который тем временем «отобрал» у финских фирм часть рынка пиломатериалов; поговаривали также о том, что на верфи намеревались строить подводные лодки для флота Финляндии.

Действия коммунистов заставляли власти быть бдительными. Центральная сыскная полиция, узнав об организации нелегальной КПФ, направляемой из СССР, на пасхальной неделе 1928 г. произвела крупные аресты. Была арестована основная часть руководства «Финляндского бюро» КПФ. Обвинение предъявили 49 коммунистам, которых надворный суд Турку приговорил по подозрению в государственной измене к содержанию в рабочном доме в Таммисаари. Аресты почти полностью парализовали деятельность нелегальной КПФ.

В конце 1920-х годов отношения внутри рабочего движения обострились до крайности. VI Всемирный конгресс Коминтерна, состоявшийся в Москве в июле–сентябре 1928 г., заклеил социал-демократов как пособников фашистов, «социал-фашистов». Социал-демократы в свою очередь были готовы в интересах нормализации ситуации согласиться с ограничением прав деятельности коммунистов законодательным путем.

В мае 1929 г. социал-демократы вышли из руководящих органов ОПФ и в октябре следующего года основали новую головную организацию профсоюзов – Центральное объединение профсоюзов Финляндии (ЦОПФ). Старая ОПФ осталась в руках так называемых колеблющихся. Эта отделившаяся от КПФ «право-оппортунистическая» группа стремилась, вопреки инструкциям Коминтерна, по-прежнему сотрудничать с социал-демократами. ОПФ была распущена в июле 1930 г. на основании решения суда.

Верные КПФ «москвиты» в свою очередь основали Организацию красных профсоюзов, которая в начале августа 1929 г. попыталась организовать забастовки по случаю международного «красного дня»⁸⁴. Эти забастовки, как и всеобщая забастовка, объ-

⁸⁴ В этот день по инициативе и под патронажем Коминтерна и Профинтерна во всем мире проходили массовые акции протеста, участники которых призывали к солидарности трудящихся перед опасностью развязывания новой мировой войны. Международный «красный день» был приурочен к началу Первой мировой войны – 1 августа.

явленная в ноябре коммунистами в поддержку голодовки политических заключенных работного дома в Таммисаари, потерпели полную неудачу. Наибольшее влияние они оказали на противника, которого выступления крайне левых провоцировали на более жесткие, чем раньше, ответные действия.

В 1929 г. возникли многочисленные антикоммунистические организации, в том числе Союз Лалли и Союз фронтовиков освободительной войны. Инцидент в местечке Лапуа (конец ноября 1929 г.), когда были сорваны красные рубахи с молодых коммунистов, стал началом направленного на подавление крайне левых наступления, которое вскоре получило название «Лапуаское движение». Центр движения находился в провинции Похьянмаа, но оно пользовалось поддержкой по всей стране. В начале декабря в Лапуа состоялось большое собрание граждан, избравшее депутацию, которая отправилась в Хельсинки для вручения правительству Каллио петиции с требованиями народного движения. Она заканчивалась откровенной угрозой: если государственная власть не примет достаточных мер для подавления коммунизма, это сделают сами жители провинций. В январе 1930 г. парламент принял поправку к закону об объединениях, которая сделала возможными запрет и роспуск объединений, действовавших «вопреки законам и добрым обычаям». Теперь запрещать, а затем распускать объединения, возникшие на месте прежних в обход закона, стало значительно легче. Зато предложение правительства об ужесточении закона о свободе печати было отвергнуто голосами левых и ШНП.

В марте 1930 г. народное движение провело в Лапуа новое собрание, на котором была создана антикоммунистическая боевая организация «Суомен Лукко» («Замок Финляндии»). Поскольку парламент не принял вышеупомянутую поправку к закону о свободе печати, на основании которой можно было бы запретить левые газеты, лапуасцы перешли к непосредственным действиям: в конце марта их ударный отряд разбил кувалдами печатные станки, на которых печаталась левосоциалистическая газета «Тюён Ээни» («Голос труда»), выходившая в Ваасе.

Когда в июне 1930 г. Ваасский городской суд выдвинул обвинение против погромщиков типографии, о своей причастности к акции заявили 72 человека. Лапуасцы окружили здание суда и насильно увезли в Лапуа представителя потерпевшей стороны – депутата Ассера Сало. Это было первое из похищений, совер-

шенное лапуасцами. Зачастую жертв похищений усаживали в машины и отвозили к восточной границе, чтобы они могли попасть в «свое идеальное государство». Всего было совершено 254 похищения. Большая часть их произошла в середине лета 1930 г. Три похищения закончились смертью жертв, многие из похищенных подвергались избиениям. Когда против похитителей были организованы судебные процессы, о своей причастности заявили сотни лапуасцев. Так им удалось парализовать работу суда, и в итоге лишь незначительное число похитителей удалось привлечь к ответственности за содеянное.

Правительство Каллио оказалось безоружным перед требованиями лапуасцев. Переход к ответным действиям вызывал сомнения, так как не было уверенности в лояльности шюцкора. По просьбе правительства Свинхувуд вновь взял на себя миссию посредника. Обещание окончательного запрета коммунизма заставило лапуасцев отказаться от переворота. Свинхувуд тщетно пытался склонить руководителей лапуаского движения к отмене запланированного крестьянского марша на Хельсинки, с помощью которого те стремились вынудить правительство уйти в отставку.

В начале июля 1930 г. правительство Каллио представило собравшемуся на внеочередную сессию парламенту законопроект о предоставлении президенту широких полномочий по ограничению гражданских свобод в чрезвычайной ситуации⁸⁵, а также пять так называемых антикоммунистических законов, предусматривающих ужесточение наказаний за нарушение свободы печати, облегчение закрытия коммунистических газет и предотвращение избрания коммунистов в парламент, а также в выборные коммунальные органы. После этого правительство подало в отставку.

В июне 1930 г., еще за две недели до того, как правительство Каллио подало в отставку, президент Реландер поручил Свинхувуду сформировать новое правительство. Следует особо отметить то, что парламентские фракции вовсе не могли участвовать в переговорах, зато руководство Лапуаского движения оказало влияние на программу и на состав правительства. В кабинет министров Свинхувуда вошли представители от всех четырех буржуазных партий, а также 3 министра-специалиста. Уже в первый день работы нового правительства Лапуаское движение подвергло его тесту: депутаты от социалистической фракции рабочих и мелких земле-

⁸⁵ Так называемый чрезвычайный закон был принят в 1930 г.

дельцев Эйно Пеккала и Ялмари Рёткё были похищены с заседания конституционной комиссии парламента и увезены в Лапуа. Их освободили только после того, как правительство пообещало арестовать всех депутатов-коммунистов.

Лапуаское движение смогло навязать властям свою волю. Поэтому крестьянский марш, организованный 7 июля 1930 г., прошел спокойно. Президент республики Реландер в сопровождении высшего государственного руководства, стоя на ступенях Кафедрального собора в Хельсинки, наблюдал за двенадцатитысячным маршем крестьян, прибывших из провинций, и дружески поприветствовал за руку их вожака Вихтори Косолу.

Несмотря на угрозы со стороны Лапуаского движения, парламент не принял предложенные правительством Каллио антикоммунистические законы как таковые. Некоторые из них, например чрезвычайный закон и законы, признававшие недействительным право коммунистов участвовать в выборах и быть избранными, по итогам голосования были отложены на рассмотрение их парламентом нового созыва. В отместку лапуасцы увезли в провинцию Похьянмаа вице-председателя парламентской фракции СДПФ Вяйнё Хаккилу. Чтобы ускорить рассмотрение антикоммунистических законов, президент по предложению премьер-министра распустил парламент и назначил новые выборы на 1–2 октября 1930 г.

Предвыборная борьба проходила в обстановке давления и угроз со стороны Лапуаского движения. Губернаторы получили от правительства широкие полномочия на подавление предвыборных действий крайне левых. Граждане последовали призыву президента Реландера и проголосовали за те партии, которые были готовы одобрить антикоммунистические законы. Наибольшего успеха на выборах добилась НКП, которая получила 42 депутатских мандата (фракция партии пополнилась 14 депутатами). Социал-демократы получили 7 дополнительных мест, но, поскольку коммунисты совсем исчезли с политической арены, 66 депутатов от СДПФ оказалось недостаточно, чтобы составить так называемое решающее меньшинство в 1/3. В конце октября 1930 г. парламент принял антикоммунистические законы, после чего Лапуаское движение отказалось от своего плана: путч предполагалось организовать в том случае, если бы законы не были приняты.

В Лапуаском движении объединились крестьянский популизм и национализм, не имеющий классовых оттенков. Поначалу в руководстве большинство принадлежало земледельцам и учителям,

но по мере радикализации движения его лидерами становились известные бизнесмены, промышленники, офицеры и священнослужители. Среди сторонников Лапуаского движения было много земледельцев и предпринимателей, которые оказались в трудном положении в связи с кризисом, вспыхнувшим в конце 1920-х годов. Активисты движения при необходимости были готовы пойти на любую крайность, даже прибегнуть к путчу. Если бы пришлось выбирать между родиной и законностью, наиболее радикальное крыло движения считало, что тогда можно было бы поступиться законностью и что «патриотичный мятеж» был лучше «непатриотичной законности».

Лапуаское движение не имело программы, изложенной на бумаге, но его цели ни для кого не составляли секрета: нацию следовало сплотить, при необходимости даже насильно, устранить губительные классовые и групповые привилегии и, отказавшись от «застоявшегося» парламентаризма, установить в стране сильную власть. Первый удар Лапуаское движение нанесло по главной угрозе согласию – по крайне левым. Коммунисты были сломлены уже к лету 1930 г., но наступление лапуасцев на этом вовсе не закончилось.

Лапуаское движение следует рассматривать как попытку защитить завоевания освободительной войны и «вернуть» белую Финляндию 1918 г. Активисты движения считали, что продолжают борьбу за независимость с того этапа, на котором она остановилась весной 1918 г. В этом смысле Лапуаское движение было одним из звеньев в борьбе финнов за независимость, которая началась с активистов периода угнетения, создала егерское движение, породила шюцкор и продолжалась как защита белой Финляндии после гражданской войны 1918 г. Патриотизм этого движения был крайне националистическим, но собственно правый радикализм и позднее, в 1930-е годы, фашизм представляло только происходившее из интеллигенции основное ядро, ставшее идейным наследником активистов.

Движения, порожденные кризисом

И Финляндия не избежала влияния «великой депрессии» конца 1920-х – начала 1930-х годов, прервавшей экономический рост, который после гражданской войны был в стране особенно быстрым. Наивысшей отметки уровень безработицы достиг в конце 1932 г., тогда зарегистрировали 91 тыс. безработных, однако их фактическая численность была значительно больше.

В начале 1930-х годов почти 2/3 финнов получали доход, занимаясь сельским хозяйством. Из-за кризиса цены на сельскохозяйственные продукты снизились почти на 20%, а стоимость леса на корню – на 50%. Масштабы лесозаготовительных работ сократились, и уровень заработной платы резко снизился. Больше всего от кризиса страдали земледельцы, влезшие в долги под доходы от лесозаготовок, и сельская беднота, для которой работа на заготовках леса являлась существенным подспорьем. В 1928–1936 гг. свыше 15 тыс. хозяйств Финляндии были выставлены на продажу с аукциона. С молотка пошли не только мелкие, но и крупные фермы. Разрыв крестьянской круговой поруки оставил во многих местностях тяжелый след.

Кризис породил в сельских районах Финляндии политические движения протеста, называемые кризисными. Они были нацелены против банков, местных властей и правительства. Кризисные движения возникли в трех регионах – в провинциях Похьойс-Похъянмаа и Варсинайс-Суоми и на Карельском перешейке. В Южной Финляндии движения объединили влезших в долги земледельцев из зажиточных деревень, многие из которых были участниками Лапуаского движения. В Северной Финляндии в кризисных движениях участвовали также мелкие земледельцы и безземельная беднота.

Первый заметный съезд участников кризисных движений прошел в местечке Лоймаа в январе 1931 г. Среди них было много тех, кто разделял идеи Лапуаского движения. Съезд принял программу, разработанную с помощью профессора Юрьё Янссона, в которой, в частности, выдвигалось требование понизить процентную ставку, отсрочить платежи и приостановить продажу земельных участков с аукциона. «Провинциальное

движение», немногим позже зародившееся на Карельском перешейке, на своем съезде потребовало освободить задержанных за похищения и навсегда покончить с коммунистами. Требования же основанной в декабре 1931 г. так называемой Мухосской кризисной партии⁸⁶ по своему духу были левого толка. На нее значительное влияние оказала нелегальная КПФ (Лакман, 1985).

Первое столкновение участников кризисного движения с полицией произошло в общине Пииккиё в июне 1931 г., где торги были прерваны исполнением национального гимна «Наша страна». Подобные же столкновения происходили во многих местностях. Представители ряда общин, что находились в долине реки Калайоки, весной 1932 г. обратились к председателю парламента Кюёсти Каллио с просьбой созвать парламент для рассмотрения вопроса о бедственном положении, в котором находилась финская деревня. Однако Каллио не внял призыву своих земляков.

В поселке Юливиеска съезд прошел в июне 1932 г. Его участники приняли решение основать свою партию. Вскоре ситуация вылилась в открытый конфликт, который получил название «Нивальский лошадный бунт». Дело было в следующем. Некому мелкому земледельцу по фамилии Рууттунен ветеринар велел отвести кобылу Хилппу⁸⁷ на бойню, поскольку та якобы была больна опасной болезнью, распространившейся в Финляндии. Так как Рууттунен отказался, его приговорили к штрафу. Штраф заплатить он оказался не в состоянии, тогда ему вынесли наказание в виде отбывания срока в губернской тюрьме Оулу. Провожавшие, собравшиеся на станции Нивала, пытались помешать отправке старика в тюрьму и обещали собрать деньги для уплаты штрафа. Начальник полиции не согласился, тогда началась драка. Толпа освободила Рууттунена и избила начальника полиции и полицейских.

Власти прибегли к суровым мерам: в Навалу из Хельсинки прибыл отряд мобильной полиции (50 человек) и, кроме того, из Оулу пришла воинская часть (70 человек) из состава

⁸⁶ *Мухос* – община в провинции Похьойс-Похьянмаа.

⁸⁷ Чучело кобылы, ставшей невольной виновницей конфликта, и сейчас можно увидеть в местном музее.

Похьянмааского егерского батальона, которой командовал Никке Пярми, известный своей жестокостью. Однако вмешательства войск не потребовалось, так как полицейские усмирили бунтарей и в свою очередь избили их. Два руководителя «бунта» были приговорены к тюремному заключению сроком на два года.

Кризисные явления на селе привели к возникновению трех партий мелких земледельцев. Первой из них была Финляндская партия мелких земледельцев, основанная весной 1929 г. в Тампере. На выборах 1930 г. от нее в парламент был избран один депутат, а на выборах 1933 г. – три. В некоторых общинах губернии Оулу эту партию поддерживали 40–60% населения. Вскоре после стычки в Нивале на севере была основана Народная партия. Наибольшую поддержку ей оказывали жители долины реки Калайоки. На выборах 1933 г. партия завоевала два места в парламенте. Число сторонников АС настолько сократилось, что даже Кюёсти Каллио едва не лишился депутатского мандата. Зато третья партия, Мухоская кризисная партия, не смогла провести в парламент ни одного из своих кандидатов.

На выборах 1936 г. Финляндская партия мелких земледельцев получила два места в парламенте, а Народная партия – одно. Вскоре после выборов все три партии мелких земледельцев объединились в Партию мелких земледельцев и сельских жителей, которая на выборах 1939 г. получила два депутатских места. После войн 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг. часть отделений партии объединилась с ДСНФ, часть продолжила свою деятельность до 1958 г. Некоторые из ветеранов кризисных движений вошли в отпочковавшуюся от АС в 1959 г. Партию мелкого крестьянства, которая с 1966 г. стала называться Сельской партией Финляндии (СПФ).

Законность побеждает

Виновность Лапуаского движения в насильственных действиях осенью 1930 г. привела к тому, что общественное мнение обернулось против него. Похищение лидера фронта законности, бывшего президента республики К.Ю. Столберга и его супруги, которые были увезены из Хельсинки в Йюенсуу в октябре 1930 г., глубоко оскорбило чувство справедливости граждан. Пролапуаски настроенная офицерская клика, организовавшая эту операцию, тем самым нарушила данный руководством движения несколькими неделями раньше запрет на похищения. Так пришел конец успеху народного движения: оно более не смогло создать единого фронта правых сил.

Кандидатура Столберга была выдвинута от НПП на президентских выборах 1931 г. АС при выборе кандидатов обошел занимавшего президентский пост Реландера, которого в партии считали слишком пролапуаски настроенным, и назвал своим кандидатом Кюёсти Каллио. В этой ситуации Свинхувуд дал согласие на выдвижение своей кандидатуры от НКП. «Старика Пекку» поддерживало также Лапуаское движение, поскольку он «осмеливался говорить правду даже без ножа, приставленного к горлу».

Столберг во втором туре получил 149 голосов или голоса меньшинства, объединившего представителей СДПФ, НПП и ШНП. Попытки социал-демократов не допустить Свинхувуда на третий тур провалились, так как часть аграриев отказалась голосовать за Каллио и отдала голоса Свинхувуду. В третьем туре ему удалось привлечь на свою сторону и остальных аграриев, правда, после применения мощного прессинга. Особенно энергично «сколачиванием» блока в поддержку Свинхувуда занимался Юхо Ниукканен. В этой закулисной игре принимал участие также главнокомандующий войсками шюцкора Лаури Малмберг. В итоге Свинхувуд победил, обойдя Столберга с минимальным перевесом – 151 голос против 149.

Результаты выборов удовлетворили пролапуаски настроенных, но в дальнейшем предоставили законной власти большие возмож-

ности для защиты правового и общественного порядка. При формировании нового правительства вновь удалось вернуться к парламентской практике: второе правительство Ю.Э. Сунилы (АС), правительство большинства, образованное на основе коалиции четырех буржуазных партий, приступило к работе в конце марта 1931 г.

Помимо Свинхувуда в высшее руководство республики вернулся еще один государственный деятель, вынужденно оставшийся в тени. Новый президент едва ли не в качестве своего первого шага после вступления в должность предложил генералу Маннергейму пост председателя реформированного Совета обороны. В случае войны Маннергейм к тому же должен был встать во главе вооруженных сил. Весной 1933 г. Маннергейм получил звание маршала. Кроме того, Свинхувуд дал главнокомандующему вооруженных сил тайное распоряжение следовать инструкциям председателя Совета обороны до тех пор, пока Маннергейм будет оставаться на этом посту.

Новое выступление лапуасцев, на этот раз против социал-демократов, имело драматическое начало: в сентябре 1931 г. был заколочен рабочий дом в Лапуа. Вновь начали распространяться слухи о готовящемся государственном перевороте. Открытый мятеж вспыхнул в конце февраля 1932 г. в деревне Мянтсяля. Вооруженные шюцкоровцы, около 300–400 человек, окружили рабочий дом в местечке Охкола, в котором выступал с речью депутат от СДПФ доктор Микко Эрих. Шюцкоровцы потребовали от начальника полиции закрыть собрание, но, поскольку тот сразу не согласился на это, шюцкоровцы открыли огонь по рабочему дому. Разогнав собрание, они ушли в дом шюцкора в Мянтсяля. В течение нескольких следующих дней в Мянтсяля из различных частей страны прибыли руководители Лапуаского движения и сотни вооруженных шюцкоровцев.

На съезде, состоявшемся 29 февраля в Хямеенлинне, руководство Лапуаского движения отдало шюцкору приказ о мобилизации: шюцкоровцы должны были прибыть в важнейшие центры провинций в полном снаряжении, имея при себе сухой паек на четыре дня. В некоторых местностях приказу последовали, например в Ювяскюле, однако численность мятежников по всей стране не превысила 5–6 тыс. человек.

Правительство действовало быстро и решительно: уже спустя два дня после стычки в Охколе оно отдало распоряжение об аресте

руководителей Лапуаского движения на основании чрезвычайного закона. Таким образом, правительство применило против мятежников то же оружие, которое парламент, под давлением самих лапуасцев, дал ему для подавления крайне левых. В состоянии боевой готовности были приведены также армейские подразделения. В одно мгновение могла возникнуть ситуация, в которой армия и шюцкор выступили бы друг против друга. Генерал Малмберг обуздал порывы как своих шюцкоровцев, так и командующего армией Ларне Сихво, который предлагал принять жесткие меры для подавления мятежа.

Вожди Лапуаского движения потребовали от Свинхувуда отставки правительства. Президент не подчинился их требованиям, но в своей речи по радио (2 марта) призвал шюцкоровцев отправиться по домам, пообещав, что вступившие на «скользкий путь мятежа» рядовые шюцкоровцы не будут наказаны. На следующий день призыв Свинхувуда был опубликован в газетах. Под ним также поставил свою подпись главнокомандующий войсками шюцкора Малмберг. Через пару дней руководители мятежа сдались. В марте 1932 г. министр внутренних дел распустил Лапуаское движение. В мае президент помиловал рядовых членов шюцкора, примкнувших к мятежу.

Правый путч не мог иметь успеха в Финляндии, поскольку шюцкор основательно не занимался его подготовкой. В Мянтсяля был окончательно дан отрицательный ответ на вопрос, который волновал активистов и другие круги, лелеявшие надежды на правый переворот: присоединятся ли к мятежу провинции? Решающим обстоятельством стало то, что шюцкоровцы вняли призыву президента и остались дома. Буржуазная законность окончательно покончила с мечтами о перевороте, которые известные правые круги вынашивали с 1918 г. Финляндская демократия становилась достаточно сильной, чтобы существовать, опираясь на собственные возможности.

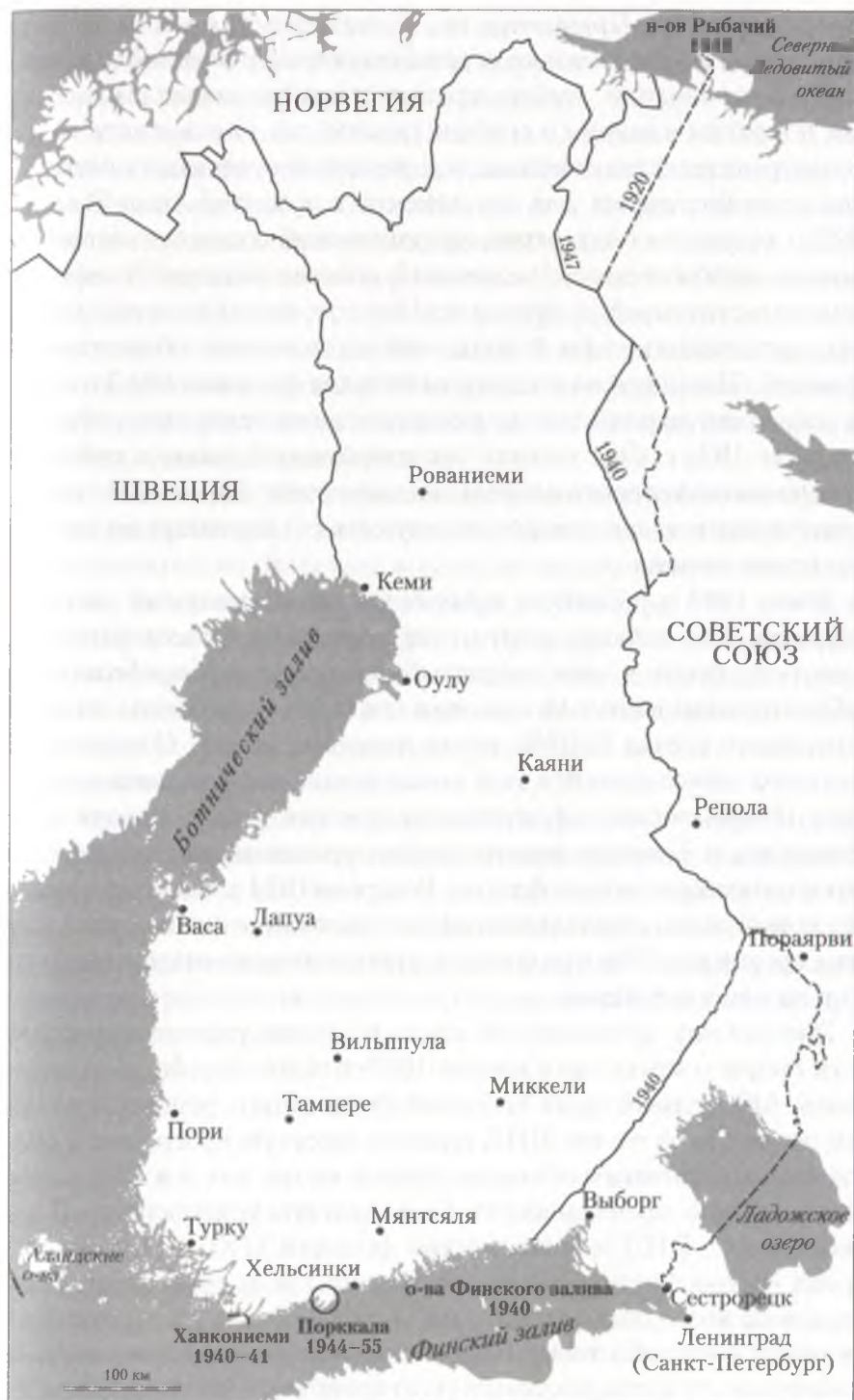
Лидеры Лапуаского движения основали в июне 1932 г. в Хяме-енлинне организацию под названием Патриотическое народное движение (ПНД). В своем программном манифесте ПНД заявило, что оно продолжит борьбу Лапуаского движения в защиту завоеваний освободительной войны и за окончательный разгром крайне левых. ПНД не хотело выступать именно как партия, но как народное движение в «чистом виде», исходя из того, что «партийные интриги» причинили вред патриотизму.

ПНД отличалось от Лапуаского движения тем, что читло законный порядок, но в отличие от своего предшественника проводило особо жесткую линию в области языка. ПНД стремилось положить конец «марксистской отраве», настаивая на роспуске СДПФ. Оно пыталось сблизиться с рабочим движением и предлагало покончить с социальными различиями и противоречиями при помощи радикальной социально-политической программы. Социал-демократы со своей стороны настаивали на запрете ПНД, поскольку оно открыто выступало как продолжатель деятельности запрещенного Лапуаского движения.

Программа, организация и внешние атрибуты ПНД во многом были заимствованы у итальянских фашистов и немецких национал-социалистов; униформой была черная рубашка, к которой полагался синий галстук. Еще дальше в подражании фашистским движениям пошла молодежная организация ПНД – «Сине-черные», которая ввела в свою практику, в частности, нацистское приветствие. Помимо ПНД в Финляндии в 1920–1930-е годы под различными названиями действовало несколько фашистских организаций, общее число членов которых не превышало 2 тыс. человек.

Правительство четырех буржуазных партий Ю.Э. Сунилы пало в декабре 1932 г. из-за споров относительно регулирования банковского процента. Свинхувуд попросил Т.М. Кивимяки (НПП), министра юстиции в правительстве Сунилы, сформировать правительство буржуазного большинства. С НКП у Кивимяки были старые разногласия, и АС на том этапе не испытывала особого желания участвовать в правительстве. Кивимяки пришлось сформировать правительство меньшинства на основе сотрудничества НПП и ШНП, в которое вошли также 4 коалиционера и 2 агрария в качестве министров-специалистов. С самого начала парламентская база правительства была узкой: оно могло рассчитывать на поддержку только 32 депутатов. Если бы социал-демократы из опасений худшей альтернативы не поддерживали правительство, срок его существования был бы недолгим.

На парламентских выборах 1933 г. социал-демократы одержали сокрушительную победу: 78 мест (прирост 12 мест). Избирательный блок НКП и НПД получил всего 32 места, на 10 мест меньше, чем было у НКП в предыдущий срок полномочий. После выборов ПНД сформировало собственную фракцию, в которую вошли 14 депутатов. Таким образом, фракция НКП сократилась

Независимость

до 18 депутатов. Правительство Кивимяки в срочном порядке приступило к действиям по ограничению политической агитации, которую проводили крайне правые и крайне левые. На основании поправки к закону о свободе печати, так называемого закона о подстрекательстве, пресекалось появление печатных материалов, оскорбительных для парламента и правительства. В апреле 1933 г. вступил в силу закон, запрещающий создание военизированных политических объединений, а также ношение униформы, свидетельствующей о принадлежности к той или иной партии или организации, при исполнении их членами общественных функций. Несмотря на это, парламентская фракция ПНД входила на заседания парламента маршевым строем в черных рубашках. В апреле 1934 г. был принят так называемый закон о рубашках, на основании которого запрещалось ношение форменной одежды и аксессуаров к ней, свидетельствующих о партийно-политической принадлежности.

В мае 1933 г. в Тампере произошел так называемый инцидент с флагом. Он начался с того, что городские власти запретили поднимать флаги в день, в который отмечалась победа белых в освободительной войне, 16 мая, но дали такое разрешение во время партийного съезда СДПФ двумя неделями позже. Однако отряд шюцкора, находившийся под командованием начальника округа Ааро Паяри, сорвал с флагштоков красные флаги. Вскоре после инцидента в Тампере правительство временно ввело запрет на использование красных флагов. В апреле 1934 г. вступил в действие новый закон, ограничивший использование флагов политических организаций на праздниках, проводимых на открытом воздухе, и на демонстрациях.

Лапуаскому движению на какое-то время удалось приостановить споры о языке, но в начале 1930-х годов борьба разгорелась вновь. АКО, самый ярый поборник феннизации, решающим образом повлияло на то, что ПНД приняло жесткую программу в области языка. Основным объектом споров вновь, как и в 1923 г., стал вопрос о языке преподавания в Хельсинкском университете. В парламенте АС, ПНД и большинство фракции НКП сформировали фронт «истых финнов», который выступал за полную феннизацию Хельсинкского университета. АКО поддержало их, организовав в университете забастовку. Наиболее радикально настроенные финноязычные студенты выразили свою позицию, в частности, тем, что замазали смолой таблички на дверях с шведскими именами. Шве-

доязычные, которых поддержали преподаватели университетов Скандинавских стран, собрали под адресом в защиту своего права учиться на родном языке 150 тыс. подписей.

Доклад правительства был подготовлен в конце 1934 г. В соответствии с ним по всем предметам должно было быть введено преподавание на финском языке. Но, так как не удалось полностью передать преподавание на шведском языке в ведение Абоской академии⁸⁸, правительство предложило учредить в Хельсинкском университете 12 штатных и 9 других профессорских должностей с преподаванием на шведском языке. В окончательном варианте было предложено учредить 15 штатных профессорских должностей для преподавания на шведском языке. Ни одну из сторон это предложение не удовлетворило.

Парламент не успел рассмотреть законопроект на осенней сессии, но правительство хотело, чтобы этот щекотливый вопрос был окончательно разрешен, и созвало чрезвычайную сессию парламента, которая начала свою работу 22 января 1935 г. «Истые финны» резко протестовали против процедуры: ведь предписание о так называемом решающем меньшинстве не касалось чрезвычайных сессий парламента и поэтому проголосовать за перенос законопроекта на рассмотрение парламентом нового состава было невозможно.

У «истых финнов» не осталось иного средства помешать принятию закона, как начать тормозить его прохождение в парламенте. Студенты писали длинные речи депутатам, с которыми те в течение многих часов выступали в парламенте. «Словесная мельница вращала крыльями» без остановки 5,5 суток⁸⁹ и дала результат: президент пришел к заключению, что чрезвычайную сессию парламента следует закрыть.

⁸⁸ Университет в Турку, основан в 1918 г. по большей части на пожертвования; с 1981 г. – государственный университет; преподавание осуществляется на шведском языке.

⁸⁹ Согласно парламентской практике, принятой в Финляндии, речи депутатов в парламенте нельзя прерывать.

Скандинавская ориентация и «красно-зеленое» сотрудничество

На протяжении 1920-х годов в своих отношениях с иностранными государствами Финляндия следовала принципу неприсоединения, что называли так называемым блестящим изоляционизмом. В 1928 г., после двух лет молчания, СССР начал прилагать усилия по созданию системы безопасности на своей западной границе. Эту работу возглавил заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов. Несколько неожиданно СССР присоединился к подписанному 15 странами пакту Келлога–Бриана⁹⁰, который запрещал войну как средство национальной и международной политики (и одновременно обязал договаривающиеся стороны в разрешении взаимных споров прибегать только к мирным средствам. – Т.А.). Одной из первых пакт подписала Польша, другие страны-лимитрофы также присоединились к нему. Однако Финляндия заняла выжидательную позицию.

Поскольку вступление в силу пакта Келлога–Бриана, казалось, откладывалось, Литвинов предложил вначале Польше (декабрь 1928 г.), а затем и другим странам-лимитрофам подписать совместный особый протокол. Московский протокол («протокол Литвинова») предусматривал вступление в силу обязательств по пакту Келлога–Бриана, не дожидаясь ратификации пакта всеми его участниками. Польша, Румыния, Латвия и Эстония 9 февраля 1929 г. подписали «протокол Литвинова». Единственной не подписавшей протокол страной из тех, с которыми у СССР была общая граница, была Финляндия⁹¹.

⁹⁰ СССР не входил в число стран, подписавших 27 августа 1928 г. в Париже пакт Келлога–Бриана (в Москве считали, что пакт «отдавал» «пацифизмом Лиги Наций» и «буржуазной фразеологией»), однако была предусмотрена возможность для его последующего присоединения к пакту.

⁹¹ Финляндия в целом положительно относилась к содержанию пакта Келлога–Бриана, хотя его практическое значение и не представлялось ей сколько-нибудь существенным. Внешнеполитическое руководство Финляндии также с самого начала надеялось, что СССР подпишет пакт. В то же время оно отрицательно относилось к «протоколу Литвинова», опасаясь, что он нацелен на создание силового блока, руководимого и направляемого Москвой, и, возможно, на то, чтобы поме-

Похищения и увозы коммунистов к восточной границе, организованные лапуасцами, осенью 1930 г. вызвали трения в финляндско-советских отношениях. За этим так называемым кризисом похищений зимой 1931 г. последовал «ингерманландский кризис». Правительство Финляндии в своей ноте подвергло критике принудительное переселение ингерманландцев, проводившееся в СССР, и обратилось с этим вопросом в Лигу Наций. С особой несприимчивостью протестовало в Финляндии против репрессивных действий в отношении родственного финнам народа АКО. СССР в своей ответной ноте в первую очередь обвинил Финляндию – без всяких на то оснований – в строительстве военных укреплений на островах Финского залива. Все же кризис вскоре разрешился, так как СССР боялся потерять свой авторитет тогда, когда первая пятилетка была уже на финишной прямой.

В августе 1931 г. Финляндия и СССР начали взаимный зондаж относительно заключения договора о ненападении. Теперь, в отличие от того, как это было пятью годами ранее, Финляндия хотела подписать такой договор. В итоге она, в частности, одобрила пункт, который предполагал нейтралитет в случае нападения третьей стороны на одного из участников договора. Договор о ненападении был подписан в январе 1932 г. Подобные договоры СССР подписал в 1929 г. с Германией и в 1931 г. с Францией и Польшей.

Насильственные методы, к которым прибегало Лапуаское движение, и угроза правого переворота в Финляндии вызывали беспокойство в Скандинавских странах. Отношения Финляндии со Швецией осложнял также вопрос о языке, который вновь обострился в начале 1930-х годов. Норвегию испугали выдвигавшиеся Финляндией требования, касавшиеся Руйя (норв. Финнмарк, губерния в Северной Норвегии. – Ю.Д.) из-за проживавшего там финского населения (квенов). С другой стороны, значение сотрудничества верных стран возрастало по мере того, как авторитет Лиги Наций ослабевал. Осенью 1933 г. Финляндия присоединилась к так называемым государствам группы Осло, в число которых входили Швеция, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия и Люксембург. Договор, подписанный в Осло в 1930 г., касался главным образом таможенных и торговых отношений, но имел

шать стремлению Финляндии установить более тесные связи со Скандинавскими странами. Финляндия, отказавшись подписать протокол в феврале 1929 г., и позже не изменила своей точки зрения. Что же касается пакта Келлога–Бриана, то он был ратифицирован парламентом Финляндии в конце марта того же года.

также и политическое значение. Страны-участницы надеялись, что при помощи сотрудничества они смогут обеспечить свой нейтралитет.

Баланс в европейской политике безопасности был нарушен в конце января 1933 г. с приходом к власти в Германии национал-социалистов. Уже в октябре того же года Германия заявила о выходе из Лиги Наций. В сентябре 1934 г. 30 стран – членов Лиги предложили СССР войти в состав этой организации. В Финляндии возможное членство СССР в Лиге пробудило противоречивые чувства. Как и другие северные страны, Финляндия сама документ с предложением, обращенным к Советскому Союзу, не подписала, но проголосовала в Женеве за принятие СССР в члены Лиги Наций.

Предпосылки сотрудничества северных стран значительно улучшились в течение 1934 г., когда Швеция, разочаровавшись в возможностях разоружения, перенесла центр тяжести своей политики безопасности на развитие собственно системы сохранения мира. В Финляндии помимо ШНП линию на «северное сотрудничество» активно проводили председатель совета обороны Маннергейм, премьер-министр Т.М. Кивимяки и Ю.К. Паасикиви, ставший в 1934 г. председателем НКП. (Спустя два года Паасикиви отбыл в Стокгольм в качестве посланника Финляндии.) Важную роль играли также связи социал-демократов по ту сторону Ботнического залива, прежде всего дружеские отношения Вяйнё Таннера с Пером Альбином Ханссоном, который в 1932 г. стал новым премьер-министром Швеции.

На встрече в Осло в августе 1935 г. министры иностранных дел северных стран достигли договоренности о совместных действиях на Ассамблее Лиги Наций, которая должна была обсудить санкции против Италии в связи с ее нападением на Абиссинию.

Летом 1935 г. правительство Финляндии встало на позиции «северного сотрудничества». Премьер-министр Кивимяки провел переговоры по этому вопросу с председателями парламентских фракций, за исключением председателя фракции ПНД. В начале декабря 1935 г. Кивимяки в связи с обсуждением статьи расходов государственного бюджета на нужды министерства иностранных дел заявил, что внешнеполитической целью правительства является «достижение сотрудничества между Финляндией и Скандинавскими странами для обеспечения общего северного нейтралитета». На практике одностороннее заявление правительства значило

темного, и было бы преувеличением говорить о «коренном повороте» в так называемой скандинавской ориентации.

Во время разразившейся в 1936 г. в Испании гражданской войны Финляндия приняла участие в работе Международного комитета по невмешательству в дела Испании в качестве наблюдателя, что стало нашим первым шагом на пути к операциям по сохранению мира. Начальником по мобилизации добровольцев, сражавшихся на стороне Республики, был генерал-майор Бруно Йеландер. Среди добровольцев было также около 200 финнов.

Недеспособность Лиги Наций вывела малые государства во второй половине 1930-х годов на позиции нейтралитета. То, что война между Италией и Абиссинией закончилась весной 1936 г. оккупацией Абиссинии, по существу, нанесло последний, смертельный удар по Лиге Наций. Страны Северной Европы полностью утратили веру в Лигу Наций. В июле 1936 г. «государства группы Осло» издали манифест, оставлявший за ними право в каждом конкретном случае решать, участвуют они в санкциях Лиги Наций, предусмотренных в ст. 16 Устава, или нет.

Парламентская база правительства Кивимяки, уже год находившегося у власти, еще больше сузилась, когда в феврале 1936 г. ушли в отставку министры от ШНП. После этого правительство могло опираться только на поддержку 11 представителей от НПП. На парламентских выборах в июле того же года фракция НПП потеряла 4 депутатских мандата. Социал-демократы завоевали дополнительно 5 мест, так что СДПФ повысила уровень своего представительства до 83 голосов.

Последовавшие одна из другой победы СДПФ на выборах (в 1933 и 1936 гг.), отмежевание НКП от крайне правых и то, что ПНД оставалась небольшой по численности партией, обеспечили сохранение в Финляндии демократической системы. Изменения в расстановке политических сил в пользу сторонников демократии способствовали также улучшению отношений между социал-демократами и аграриями. Межпартийные переговоры о возможном сотрудничестве на правительственном уровне начались в сентябре 1936 г. Проект программы был готов незадолго до падения правительства Кивимяки.

Судьбу правительства Кивимяки поставили под угрозу просочившиеся в печать в сентябре 1936 г. материалы Центральной сыскальной полиции, в которых говорилось о так называемой политике народного фронта. Премьер-министр хотел выяснить, насколько

ко широко коммунистам удалось проникнуть в различные «казавшиеся безобидными» гражданские организации. В материалах полиции поименно были названы даже члены правительства и другие известные общественные деятели, за которыми велось наблюдение.

Социал-демократы планировали сделать запрос по материалам сыскной полиции, но правительство само избрало причину, по которой оно «захотело пасть». Кивимяки, предложив изменить уголовно-процессуальный и военно-уголовный кодекс (его предложения включали, в частности, пункт о введении смертной казни за государственную и военную измену), тем самым поставил вопрос о доверии правительству. При обсуждении этих предложений даже представители правительственной партии не поддержали их. При голосовании они были отвергнуты большинством лишь в один голос: за отклонение проголосовали 94, против – 93 человека. Примечательно то, что два депутата от НПП отсутствовали во время голосования. Правительство Финляндии, находившееся у власти дольше, чем все предыдущие, 3 года 9 месяцев и 21 день, пало в начале октября 1936 г.

В соответствии с парламентской практикой Вяйнё Таннер заявил президенту Свинхувуду, что социал-демократы хотят принять участие в переговорах о формировании правительства большинства. Поначалу Свинхувуд ничего против этого не имел, но уже через полчаса весьма сухо заявил Таннеру, что социал-демократам нечего делать в правительстве, пока он является президентом. На изменение его позиции повлияло решительное сопротивление со стороны НКП: по мнению руководства партии, участие социал-демократов в правительстве имело бы для страны фатальные последствия. НКП предложила АС сотрудничество для создания прочного буржуазного правительства, которое пользовалось бы возможно более широким доверием. Однако АС на это не пошел. Свинхувуд поручил формирование правительства Кюёсти Каллио.

Четвертое правительство Каллио, приступившее к работе в октябре 1936 г., опиралось главным образом на АС: 10 министров представляли партию премьер-министра (плюс два министра от НКП и два – от НПП). По требованию Каллио Рудольф Холсти (НПП) вернулся на пост министра иностранных дел (после перерыва в 14 лет). Свинхувуд назначил Холсти с неохотой, так как считал его слишком антигермански настроенным. Министром внутренних дел стал член АС 36-летний доктор права Урхо Кекконен.

Правые широким фронтом выступили в поддержку избрания Свинхувуда на новый срок на президентских выборах 1937 г. Контркандидатами вновь выступили Столберг, Каллио и Таннер. Уже на третьих подряд президентских выборах социал-демократы свою основную цель видели в том, чтобы помешать избранию Свинхувуда. В проводимой ими предвыборной кампании лозунг в поддержку Свинхувуда «Старика Пекку снова» получил ироническую приписку: «В Луумяки» (т.е. отправить старика на отдых в его родное поместье Котканиemi, в деревне Луумяки).

Социал-демократы пытались обеспечить избрание Столберга уже в первом туре и поэтому сразу отказались от кандидатуры Таннера. Едва не произошло непредвиденное: Столберг получил 150 голосов, или на один голос меньше того числа, которое обеспечило бы ему большинство. Избрание Столберга провалилось потому, что часть членов ШНП проголосовала за Свинхувуда. Во втором туре социал-демократы, согласно своему обещанию, проголосовали за Каллио, который и был избран президентом республики 177 голосами. За Каллио, помимо выборщиков от СДПФ и АС, проголосовала также часть представителей НПП.

Смена президента устранила последнее препятствие на пути сотрудничества АС и СДПФ на правительственном уровне. Партии договорились, что портфель премьер-министра достанется «нейтральной» стороне в правительстве – НПП. В качестве кандидатов были названы, в частности, Каяндер и Рюти. Последний отказался, и социал-демократы поддержали кандидатуру Каяндера. АС передал вопрос на разрешение президенту Каллио. Тот поручил сформировать правительство Каяндеру, который в 1920-е годы возглавлял два «правительства чиновников». В третьем правительстве Каяндера, так называемом красно-зеленом⁹², другим представителем от НПП был Рудольф Холсти, вернувшийся на пост министра иностранных дел. Влиятельная фигура в СДПФ, Вьяйнё Таннер получил портфель министра финансов.

Парламентская база «красно-зеленого» правительства была шире, чем у любого из ранее существовавших. Серьезный экономический кризис, разразившийся в начале 1930-х годов, шел на убыль, популярность правительства в народе росла, и старые споры были похоронены. Так, законопроект о языке преподавания

⁹² Правительство получило название по партийным цветам: красный – СДПФ, зеленый – АС.

в Хельсинкском университете был одобрен в 1937 г. в основном в той форме, протестуя против которой «истые финны» устроили obstruction в парламенте двумя годами раньше.

В 1930-х годах число сторонников сил, находившихся на крайних политических полюсах, явно сократилось. Нелегальная КПФ, сильно ослабленная антикоммунистическими законами и последствиями собственных неверных политических оценок, в 1934 г. взяла на вооружение так называемую коминтерновскую тактику народного фронта, которая предполагала сотрудничество с социал-демократами и прогрессивной буржуазией. Руководство СДПФ категорически отвергло эти стремления. В 1937 г. из партии были исключены поборники идеи народного фронта – студенческое Общество академических социалистов и оппозиция, сгруппировавшаяся вокруг издаваемой им газеты «Сойхту» («Факел»).

Правительство в свою очередь пыталось окончательно обуздать крайне правых. Министр внутренних дел Кекконен осенью 1938 г. начал проводить линию на запрет ПНД. Действовавшая в рамках ПНД молодежная организация, «Сине-черные», которая участвовала в попытке государственного переворота в Эстонии, была запрещена в мае 1938 г. В ноябре того же года Кекконен получил от правительства полномочия распустить ПНД на основании того, что эта организация была основана с целью продолжить дело запрещенного Лапуаского движения. Городской суд Хельсинки, однако, отменил решение министерства внутренних дел. Кекконен продолжил борьбу против ПНД, но обострение отношений с СССР осенью 1939 г. помешало ему довести дело до конца.

Уровень жизни граждан быстро повышался после сложных кризисных лет начала 1930-х годов. Независимая Финляндия с первых своих шагов вступила на путь создания «государства всеобщего благоденствия» скандинавского типа; из числа социальных реформ, проведенных в конце 1930-х годов, упомянем, например, законы о народных пенсиях и ежегодных отпусках. Нация сплотилась. Росту национального самосознания способствовали победы финнов в спорте и достижения во многих областях культуры.

Политическое развитие Финляндии в 1930-е годы было иным, чем многих других ставших самостоятельными после Первой мировой войны стран Центральной и Восточной Европы, которые одна за другой скатились к правой диктатуре. В Финляндии парламентская система сохранила свою дееспособность и демократия даже укрепилась. Однако национальное сплочение произошло не на условиях,

предлагавшихся правыми, путем принуждения рабочего движения к исполнению общей повинности, а через признание за социал-демократическим рабочим движением права на существование.

Великая вражда к КПФ

Нелегальная КПФ в начале 1930-х годов утратила в Финляндии остатки своего политического влияния. Партия превратилась в преследуемую Центральной сыскной полицией тайную субкультуру нескольких сотен активных членов, о которой простые рабочие знали очень мало. Бежавшие из Финляндии после гражданской войны 1918 г. руководители восстания образовали ядро КПФ, действовавшей в изгнании в СССР. Наиболее известным из них был О.В. Куусинен, который уже в 1920 г. играл заметную роль в Коммунистическом Интернационале.

В Советской Карелии коммунисты с 1920 г. получили право развивать под руководством Эдварда Гюллинга финноязычную культуру. В Школе красных офицеров в Ленинграде прошли подготовку в общей сложности 1,6 тыс. финнов. В Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада и Международной Ленинской школе постоянно обучались сотни финских коммунистов.

Из Финляндии в СССР перебрались тысячи финских рабочих, особенно много этих так называемых перебежчиков было в кризисный период начала 1930-х годов. Тогда же в СССР прибыло много эмигрантов из числа американских финнов. Все они думали, что попадут в рай для рабочих, но реальность, с которой они столкнулись в СССР, была полной противоположностью рая.

Сталинские чистки конца 1930-х годов предрешили судьбу КПФ. «Левооппортунистическая группа», руководимая Эйно Рахьей, была оттеснена на задний план еще в 1925 г. Следующими на очереди оказались Куллерво Маннер и его сторонники: в 1934 г. их привлекли к ответственности за то, что деятельность нелегальной КПФ в Финляндии не имела успеха.

После убийства в декабре 1934 г. руководителя Ленинградской партийной организации С.М. Кирова чистки переросли в слепой террор. В течение следующих трех лет Сталин устранил почти всех своих противников, соперников и коллег. Две трети членов ЦК ВКП(б) расстались с жизнью.

В Советской Карелии в августе 1935 г. началась кампания против «финских националистов». Руководитель республики

Эдвард Гюллинг и партийный лидер Кустаа Ровно были отстранены со своих должностей и позже казнены. Финнов обвиняли в шпионаже в пользу «белофиннов» и в планах, нацеленных на присоединение Советской Карелии к Финляндии. КПФ и все созданные ею финноязычные институты уничтожались как в Москве, Ленинграде, так и в Петрозаводске. Учредители КПФ были истреблены почти все до единого.

Из примерно 200 активистов, действовавших в 1935 г. в СССР по заданию КПФ, спустя три года в живых остались считанные единицы. Среди них – О.В. Куусинен, член секретариата Коминтерна, и два функционера из финляндской секции⁹³ Коминтерна. Куусинен порой ощущал свое положение настолько шатким, что у него – на случай внезапного отъезда – всегда были наготове пакет с провизией и упакованный вещмешок.

Многие уцелели по счастливой случайности. Например, Тойво Антикайнен, который был послан в Финляндию для нелегальной работы, подобно сотням своих товарищей, попал там в тюрьму, Тууре Лехён вернулся в Москву с гражданской войны в Испании, когда худшее было уже позади. Арво (Пойка) Туоминен летом 1937 г. возвратился из Москвы в Стокгольм, где он руководил шведским бюро КПФ. Во время Зимней войны Туоминен полностью отошел от партии.

Хотя целью сталинских чисток было удушение «национального коммунизма», в том, что касалось Финляндии, конечный результат оказался обратным. Оставшиеся в живых коммунисты, сидевшие в тюрьмах в Финляндии, думали о своей будущей миссии. Сталинские чистки привели к почти полному прекращению деятельности КПФ также в СССР. Во время Зимней войны и Войны-продолжения партия была довольно беззубой, и нехватка людских ресурсов решающим образом подорвала ее возможности также в 1944–1948 гг., так называемые годы опасности.

Изучение сталинских чисток стало возможным только после распада СССР, начиная с 1991 г., но вопрос о судьбе финских коммунистов до сих пор остается не до конца ясным.

⁹³ Имеется в виду финляндская секция Польско-прибалтийского лендер-секретариата Коминтерна.

В сталинском ГУЛАГе умерло 20 тыс. финнов: столько же, сколько было убито в Зимней войне или «пало жертвой» среди красных в гражданской войне 1918 г. Однако сталинский террор происходил словно бы в семейном кругу. Историк Киммо Рентола сравнил следы «великой вражды» в отношении КПФ с инцестом, о котором впоследствии неудобно говорить.

Воздействие чисток на коммунистов было странным, в сущности противоречащим здравому смыслу: родственники жертв и те, кто остался в живых, только утвердились в коммунистических, скорее даже сталинистских, убеждениях, которые, по мнению К. Рентолы, стали в каком-то смысле «бесповоротными». Поскольку страдания были невыносимо тяжкими, верили, что принесенные жертвы не напрасны и что дело, которое требует таких мучений, не может быть малозначащим.

Обманчивая безопасность

В период нахождения у власти «красно-зеленого» правительства отношения Финляндии с другими странами Северной Европы развивались благоприятно. Примерами такого тесного сотрудничества были, в частности, установление безвизового режима и введение туристической карточки, дававшей право беспрепятственного передвижения в пределах региона. В конце мая 1938 г. на совещании министров иностранных дел стран Северной Европы в Осло был подписан манифест об общем нейтралитете, в основе которого лежало заявление Скандинавских стран от 1912 г.

С обострением международной обстановки статус Аландских островов вновь стал темой, внушавшей беспокойство как Финляндии, так и Швеции. Финляндия считала, что наибольшая опасность на Балтике исходит от СССР, тогда как Швеция опасалась главным образом Германии. В кризисной ситуации великие державы могли легко оккупировать архипелаг. Маннергейм еще в 1934 г. обращал на это внимание общественности. В мае 1937 г. министр иностранных дел Холсти представил своему шведскому коллеге, министру иностранных дел Рикарду Сандлеру, разработанный финляндским генеральным штабом план, в котором предлагалось начать совместные военные приготовления для защиты Аландских островов.

Швеция поначалу колебалась. Сандлер, с симпатией относившийся к Финляндии, считал, что статус Аландских островов нельзя изменять без согласия СССР. После того как в феврале 1938 г. Германия аннексировала Австрию, Швеция начала опасаться, что Финляндия в вопросе об Аландах может прибегнуть к помощи Германии, расширявшей свою территорию. Усиление Германии беспокоило также СССР. Антикоминтерновский пакт, подписанный в ноябре 1936 г. Германией и Японией, которые быстро наращивали свою военную мощь, был направлен именно против СССР.

В середине апреля 1938 г. – в обход обычных дипломатических каналов – для беседы с Холсти прибыл второй секретарь полпредства СССР в Финляндии Борис Ярцев. Как выяснилось впоследствии

вии, он был руководителем службы безопасности советского полпредства в Хельсинки*. Ярцев пояснил, что в Москве абсолютно уверены в нападении со стороны Германии, при котором была бы задействована также территория Финляндии.

Летом 1938 г. состоялась беседа Ярцева с премьер-министром Каяндером и министром Таннером. Ярцев заявил, что СССР предоставит Финляндии любую возможную помощь, если та воспротивится замыслам Германии. СССР был готов согласиться со строительством военных укреплений на Аландских островах, но при условии, что будет принимать в нем участие и контролировать работы по оснащению укреплений военным оборудованием. Кроме того, Финляндия должна была согласиться с тем, что СССР возведет укрепления на острове Суурсаари (Гогланд), принадлежавшем Финляндии, но важном с точки зрения безопасности Ленинграда. Ответ финляндского правительства на все предложения Ярцева был безусловно отрицательным: «Предложение означало бы нарушение суверенитета Финляндии и противоречило бы финляндской политике нейтралитета».

В начале июля 1938 г. военное руководство Финляндии и Швеции подготовило план обороны Аландских островов. Межправительственное соглашение, так называемый Стокгольмский протокол, было подписано на уровне министров иностранных дел в начале января 1939 г. От имени Финляндии документ подписал Эльяс Эркко, назначенный на должность министра иностранных дел вместо Холсти, отстраненного осенью 1938 г. Здоровье Холсти начало сдавать. На дипломатическом обеде в Женеве он допустил оскорбительный выпад в отношении Гитлера, и Германия заявила резкий протест в связи с поведением Холсти.

В марте 1939 г. для беседы с министром иностранных дел Эркко в Хельсинки прибыл посол Борис Штейн, один из наиболее опытных советских высокопоставленных дипломатов. Он привез

*В действительности же, он – Борух Аронович Рыбкин. А оперативный псевдоним у него был «Кин». В Хельсинки была направлен как руководитель резидентуры НКГБ. После возвращения в СССР Ярцев был назначен начальником отдела 4-го управления НКГБ СССР, курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы. Погиб, согласно официальной версии, в автомобильной аварии 27 октября 1947 г. в возрасте 48 лет и звании полковника во время спецкомандировки в Чехословакию. Этой версии его жена Зоя Ивановна Воскресенская, тоже разведчица, не верила. – *Прим Ю.С. Дерябина.*

новое предложение Сталина, которое касалось аренды Советским Союзом островов Финского залива на 30 лет. В обмен Финляндия получила бы территории в Восточной Карелии. Эркко в резкой форме заявил, что государственная территория Финляндии не является предметом купли-продажи.

Вступление в силу вышеупомянутого Стокгольмского протокола зависело от согласия Лиги Наций и государств, подписавших в 1921 г. Женевскую конвенцию о демилитаризации Аландских островов. Кроме того, Финляндия и Швеция решили предложить СССР выступить гарантом этой Конвенции. Все страны, подписавшие Конвенцию 1921 г., – Великобритания, Франция, Германия, Италия, Дания, Польша, Латвия и Эстония – в течение весны 1939 г. заявили о своем одобрении совместного плана Швеции и Финляндии в отношении Аландских островов, но СССР отнесся к нему резко отрицательно. Это привело к тому, что Лига Наций не приняла никакого решения.

В начале июня 1939 г. правительство Швеции заявило о своем отказе от плана по Аландам ввиду отрицательной позиции СССР. Столь же осторожной Швеция была в вопросе о военных материалах. После длительных переговоров в августе 1939 г. она заявила, что готова на условиях взаимности уступить излишки своего военного снаряжения Финляндии или любой другой северо-европейской стране, если эти страны в случае войны останутся нейтральными.

С осложнением международной обстановки военное руководство Финляндии выражало беспокойство по поводу оснащения армии. Совет обороны, возглавляемый маршалом Маннергеймом, в феврале 1939 г. предложил выделить значительные ассигнования на нужды армии. Однако «красно-зеленое» правительство держало «государственную мошну завязанной накрепко». Особенно отрицательно к увеличению ассигнований на вооружение относились премьер-министр Каяндер и министр финансов Таннер. Когда и министр обороны Ниукканен в июне 1939 г. предложил существенно урезать разработанную Советом обороны программу, терпение Маннергейма лопнуло и он подал в отставку.

Каяндер и Эркко считали, что уже пришло время старому маршалу уйти. Однако, по мнению президента Каллио, отставка Маннергейма могла поколебать патриотический дух граждан. Тем временем на Карельском перешейке силами добровольцев возводились противотанковые и другие укрепления, которым с нача-

лом войны дали величественное название «линия Маннергейма». На этих работах, начатых по инициативе АКО, летом 1939 г. было занято 60 тыс. добровольцев.

Спор между Маннергеймом и правительством закончился компромиссом: маршал в отставку не ушел, а правительство согласилось выделить дополнительные средства на вооружение. Все же от репутации «прижимистого» правительство так и не избавилось. Обмундирование солдат времен Зимней войны, отличавшееся от гражданской одежды только кокардой и ремнем, в шутку называли «фасон под Каяндера».

Информационная бомба лета 1939 г. взорвалась 23 августа: министры иностранных дел Германии и СССР, Иоахим фон Риббентроп и В.М. Молотов, подписали в Москве Пакт о ненападении. Тогда не было известно, что к пакту прилагался Секретный дополнительный протокол, в котором стороны договорились о разделе сфер своего влияния. СССР получил свободу действий в Финляндии, Прибалтике, восточных областях Польши и в Бессарабии, входившей в состав Румынии. «Греховный альянс» фашистов и коммунистов поверг в изумление весь остальной мир.

Советский Союз хотел выиграть время, чтобы успеть как можно лучше подготовиться к войне. Его силы годом раньше, весной 1938 г., связал вооруженный конфликт с японцами, вторгшимися на Дальний Восток из Маньчжурии. Весной 1939 г. японцы напали на Монголию, куда были направлены значительные силы Красной Армии. Осенью Япония под давлением Германии пошла на перемирие, но СССР не мог доверять его надежности.

Первого сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Спустя два дня вначале Франция, а затем Великобритания объявили Германии войну. Финляндия и Скандинавские страны заявили о своем нейтралитете по отношению ко всем участникам «большой войны». Польша была сломлена за две недели, и вся кампания закончилась в течение месяца. Семнадцатого сентября СССР начал «взыскивать свое» и оккупировал восточные области Польши. Потом пришла очередь Прибалтики: в конце сентября – в начале октября СССР вынудил Эстонию, Латвию и Литву согласиться с созданием на своей территории военных баз и подписать договоры о взаимной помощи.

Пятого октября 1939 г. правительство Финляндии получило приглашение прислать в Москву своих представителей для обсуждения «конкретных политических вопросов». События в При-

балтике показали, что ожидает Финляндию. Как только было получено приглашение прибыть на переговоры, по предложению Маннергейма части регулярной армии были переброшены на Карельский перешеек и приданы пограничным войскам. Десятого октября начались чрезвычайные учебные сборы резервистов, что по сути означало мобилизацию всей армии. Трудно переоценить значение этих учений для обеспечения успеха в будущих оборонительных сражениях.

Правительство назначило своим представителем на переговоры в Москве опытного политика Ю.К. Паасикиви, хорошо знавшего Россию. Двенадцатого октября он встретился в Москве со Сталиным и Молотовым и услышал требования СССР: для обеспечения безопасности Ленинграда Финляндия должна была сдать Советскому Союзу в аренду полуостров Ханко под военную базу и уступить острова Финского залива, значительную часть Карельского перешейка и принадлежавшую Финляндии часть полуострова Рыбачий в районе Петсамо. В качестве компенсации СССР обещал Финляндии в два раза превосходившие по площади, но почти необжитые территории в Восточной Карелии. В соответствии с инструкциями правительства Паасикиви отверг все требования советского руководства и возвратился в Хельсинки.

Ю.К. Паасикиви вновь отправился на переговоры в Москву 21 октября, на этот раз вместе с Вяйнё Таннером, министром финансов. Инструкции правительства были столь же жесткими: ни в коем случае не идти на уступки. Можно было только говорить о «выпрямлении» Куоккальской⁹⁴ излучины на Карельском перешейке и о некоторых мелких отдаленных островах Финского залива. Сталин жестко заметил, что требования СССР минимальные и из-за них не стоило бы торговаться.

По возвращении в Хельсинки Ю.К. Паасикиви надеялся, что правительство пойдет на некоторые послабления в территориальном вопросе. Маннергейм был того же мнения, так как считал, что втягивание в войну с СССР означало бы верный конец независимости Финляндии. Но правительство не уступило. Особенно резко выступали министр иностранных дел Эркко и министр обороны Ниукканен, который сам был карелом. Они возлагали большие надежды на помощь Швеции, однако в том, что она будет предоставлена, не было никаких гарантий. На встрече глав госу-

⁹⁴ Куоккала – с 1948 г. п. Репино.

дарств и министров иностранных дел стран Северной Европы в Стокгольме 18–19 октября 1939 г. президент Каллио и министр иностранных дел Эркко получили от премьер-министра Ханссона однозначный ответ: в конкретной ситуации Швеция не сможет помочь Финляндии.

31 октября Паасикиви и Таннер вновь отправились в Москву. Последним наставлением, которое Эркко дал Паасикиви, было следующее: «Забудь, что СССР – великая держава!» Это показывает, сколь азартную игру вело высшее внешнеполитическое руководство Финляндии. С другой стороны (и так, вероятно, можно было бы впоследствии и расценивать), согласие с территориальными претензиями СССР имело бы фатальные последствия.

Когда Паасикиви и Таннер уже находились в поезде на пути в Москву, была обнародована речь Молотова, в которой тот дал детальное разъяснение территориальным претензиям СССР и, таким образом, поставил весь свой авторитет на кон. Эркко хотел сразу же отозвать участников переговоров, но те решили продолжить свой путь до места назначения.

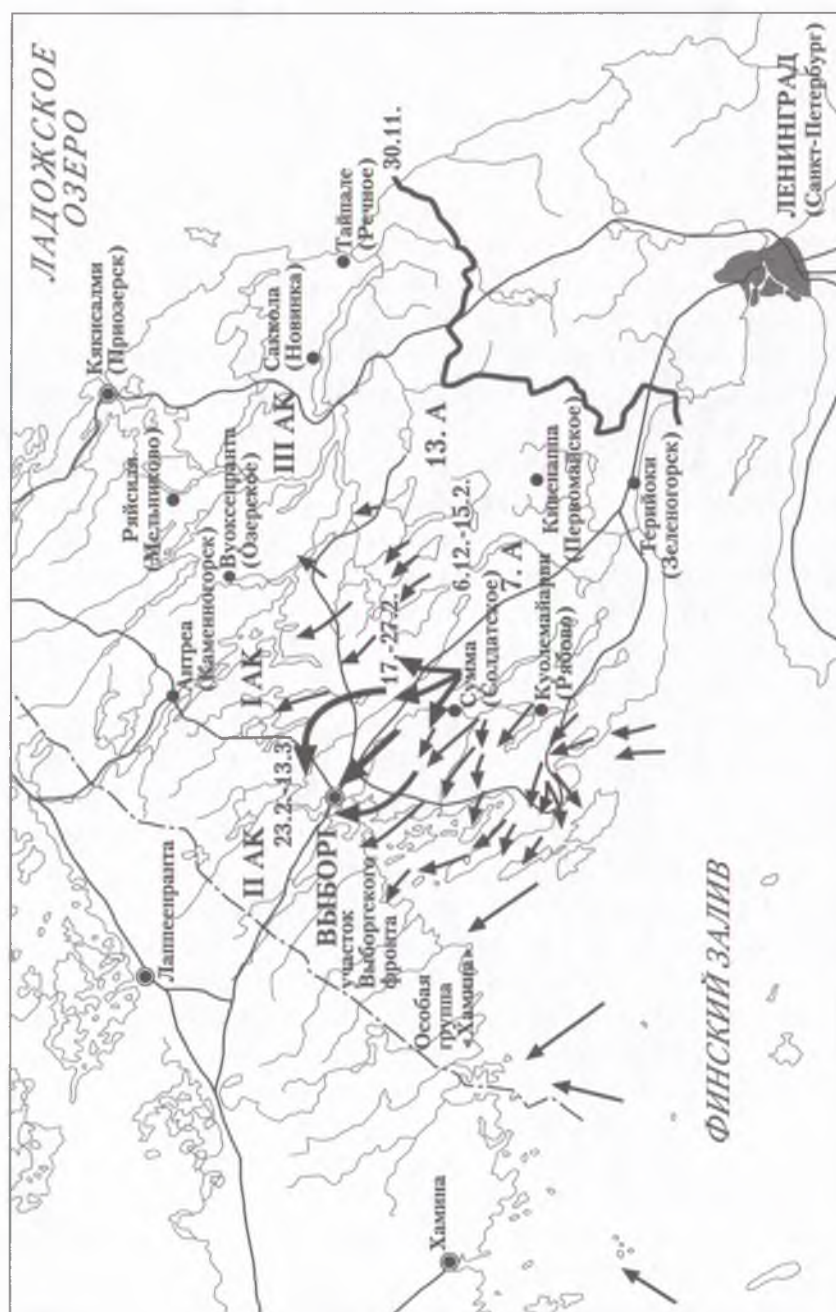
Когда Паасикиви и Таннер встретились в Москве со Сталиным, тот неожиданно сказал, что готов отказаться от требований по изменению границы на Карельском перешейке и от Ханко. Вместо этого он предложил Финляндии предоставить СССР якорную стоянку в Лаппохья, неподалеку от Ханко, и один из близлежащих островов. И эти предложения Паасикиви пришлось отвергнуть, так как Эркко в своих инструкциях, отправленных в Москву, запретил договариваться как о ближних к Ханко островах, так и о создании советских военных баз в любых других местах. Последнее совещание, на котором присутствовали Сталин и Молотов, состоялось 9 ноября. Спустя четыре дня переговоры были окончательно прерваны.

Чудо Зимней войны

После того как в середине ноября 1939 г. были прерваны московские переговоры, политическое руководство Финляндии вздохнуло с облегчением. Многие члены правительства думали, что СССР просто-напросто блефует. Поэтому, по их мнению, прекращение переговоров скорее уменьшило, чем увеличило непосредственную военную угрозу. Эркко и Таннер считали, что в поддержании повышенной готовности к обороне более не было смысла и по крайней мере часть призванных в октябре на чрезвычайные учебные сборы могла бы вернуться домой к осенним работам. Премьер-министр Каяндер в своей речи 23 ноября выразил предположение, что жизнь в Финляндии возвращается в нормальное русло. Станный, нереалистичный оптимизм правительства на мгновение заставил граждан поверить, что худшее действительно позади.

Маннергейм считал политику правительства безответственной. Требования Эркко и Таннера снизить готовность Финляндии к обороне настолько вывели маршала из себя, что он вновь подал прошение об отставке. Маннергейм обосновал свое решение в длинной памятной записке, в которой он критиковал правительство за плохое руководство внешней политикой и пренебрежительное отношение к поддержанию готовности к обороне. На этот раз и президент Каллио был готов заменить «старого и сварливого» маршала кем-нибудь более молодым. Отправке Маннергейма в отставку помешал кризис, вызванный событиями в деревне Майни-ла. Нарком иностранных дел Молотов в своей ноте от 26 ноября обвинил Финляндию в том, что ее артиллерия подвергла обстрелу деревню Майни-ла, находившуюся на советской части Карельского перешейка. Молотов потребовал от финнов отвести свои войска от границы на расстояние 20–25 км.

Финляндия в ответной ноте поясняла, что у нее вблизи границы нет артиллерии, которая могла бы произвести обстрел Майнилы, и предложила отвести войска с обеих сторон границы. Молотов в очередной ноте советского правительства обвинил Финляндию в крайнем обострении отношений между двумя странами и заявил

Наступление Красной Армии на Карельском перешейке (1939–1940)

о денонсации Советским Союзом договора о ненападении, заключенного в 1932 г. Ответ правительства Финляндии, в котором оно предлагало учредить конфликтную комиссию, даже не дошел до адресата, так как СССР разорвал дипломатические отношения.

Утром 30 ноября Красная Армия начала наступление на Финляндию на широком фронте – с суши, моря и воздуха. Хотя с момента обретения независимости внешняя и оборонная политика Финляндии основывалась исключительно на отражении опасности, исходящей с Востока, война застала правительство врасплох. С началом военных действий Маннергейм забрал свое прошение об отставке и президент Каллио передал ему командование вооруженными силами. Уже в первый день войны русские подвергли Хельсинки сильным бомбардировкам с воздуха. Парламент отправился в эвакуацию в Каухайоки.

Силы агрессора во всех отношениях были превосходящими. Уже в первые дни войны Красная Армия бросила в бой 19 пехотных дивизий и 7 танковых бригад, всего около 450 тыс. человек. Еще более подавляющим было превосходство СССР в тяжелом вооружении: в его распоряжении находилось 2 тыс. танков, столько же артиллерийских орудий и 1 тыс. боевых самолетов. Армия Финляндии насчитывала 300 тыс. человек, но даже стрелкового оружия не всем хватало. На главном направлении, на Карельском перешейке, у финнов помимо войск прикрытия, образованных в составе регулярной армии, было задействовано шесть дивизий. На фронте протяженностью почти в тысячу километров, от Ладоги до Северного Ледовитого океана, стояли только две дивизии и несколько отдельных батальонов. В резерве главнокомандующего было оставлено две дивизии. Финляндия располагала самое большее около 100 пригодными к использованию самолетами. Танков практически не было. Наиболее мощным оружием была береговая артиллерия, которая в Выборгском заливе и в западной части Карельского перешейка могла поддерживать операции сухопутных войск.

Первого декабря Московское радио заявило, что в Терийоки (Зеленогорск) создано Народное правительство финляндской демократической республики, премьер-министром и министром иностранных дел которой являлся О.В. Куусинен. На следующий день СССР подписал с правительством Куусинена договор о дружбе и взаимной помощи, на основании которого «были окончательно разрешены территориальные вопросы, осложнявшие отношения между Финляндией и СССР». Советский Союз уступил территорию

площадью 70 тыс. кв. км в Восточной Карелии и «удовлетворил вековую национальную надежду финляндского народа на воссоединение с ним карельского народа»⁹⁵. Народная армия, спешно набранная для поддержки правительства Куусинена, формально включала три дивизии, но их личный состав не превышал 10 тыс. человек. Треть из них составляли русские; остальные были карелами и ингерманландцами. Армию Куусинена держали в резерве для того, чтобы затем использовать как оккупационные войска. Она участвовала в боях только на завершающем этапе Зимней войны на Выборгском направлении.

Известие о создании Терийокского правительства вызвало негодование и упрочило национальное единство в Финляндии. Это «предприятие» не имело успеха еще и потому, что сталинские чистки 1930-х годов уничтожили почти всех до единого руководителей КПФ. Показательно то, что никак не удавалось найти достойных кандидатов финского происхождения в «министры» правительства Куусинена.

С началом войны произошла смена правительства также и в Хельсинки. Это было неизбежно уже хотя бы потому, что СССР заявил о своем отказе от переговоров с правительством «Каяндера–Эркко». В Финляндии наиболее настойчиво требовали сменить правительство Маннергейм и Таннер. В формировании нового правительства приняли участие все партии, за исключением ПНД. Пост премьер-министра был доверен Ристо Рюти, министром иностранных дел был назначен Таннер. Третьей сильной фигурой в правительстве был Паасикиви – министр без портфеля.

СССР, используя в качестве своего дипломатического щита правительство Куусинена, поначалу отказывался от переговоров и с правительством «Рюти–Таннера». Во время Зимней войны Финляндия получала от иностранных держав дипломатическую поддержку и гуманитарную помощь, а также пользовалась огромным сочувствием и восхищением зарубежной общественности. Поскольку развитие событий «большой войны» в других регионах

⁹⁵ В своем договоре с «народным» правительством О.В. Куусинена СССР отказывался не только от районов Реболы и Поросозера (следует отметить, что именно на их присоединении к Финляндии до последнего настаивала финляндская мирная делегация на переговорах в Тарту в 1920 г. на том основании, что этого хотело местное население), но от всей территории, заселенной родственным финнам карельским народом.

приостановилось, внимание всего мира было приковано к оборонительной борьбе, которую вели финны.

Финляндия надеялась прежде всего на военную помощь Швеции, но та отказалась послать подкрепление даже для защиты Аландских островов. Тогда министру иностранных дел Швеции Сандлеру, активному стороннику предоставления помощи Финляндии, пришлось выйти из правительства. Общественное мнение в Швеции, однако, было в большой степени на стороне Финляндии. Комитет, учрежденный для оказания помощи соседней стране, взял себе девиз «Дело Финляндии – наше дело». В целом более 8 тыс. шведов записались добровольцами на войну в Финляндию, но на фронт попали лишь два усиленных батальона и одна авиаэскадрилья.

В начале декабря правительство Финляндии обратилось в Лигу Наций, хотя и считало ее возможности вмешательства ничтожными. СССР отказывался от всякого посредничества, поскольку у него уже были хорошие отношения с «Народным правительством» Финляндии. Генеральная Ассамблея Лиги Наций осудила СССР как агрессора, и Совет Лиги 14 декабря 1939 г. лишил его членства в этой всемирной организации. Решение было принято только семью странами – членами Совета, так как скандинавские и прибалтийские государства воздержались от голосования.

Во время Зимней войны Великобритания и Франция давали повод правительству Финляндии надеяться на посылку экспедиционного корпуса в страну через Скандинавию. Эта идея основывалась на рекомендации Лиги Наций, принятой в декабре. Общественное мнение, прежде всего во Франции, склонялось в основном на сторону Финляндии, но планы союзников были продиктованы отнюдь не стремлением помочь ей. Западные державы были заинтересованы главным образом в побережье Норвегии и железной руде Северной Швеции. Они опасались, что Германия или СССР, захватив вначале Финляндию, приберет их к рукам. Поэтому затягивание Зимней войны было выгодно Франции и Великобритании. Для Швеции ситуация была не из простых: ей угрожала оккупация с трех сторон. Хотя западные державы были более предпочтительной альтернативой, чем Германия или СССР, в течение всей войны Швеция относилась к транзиту экспедиционного корпуса через свою территорию отрицательно.

Советское руководство считало, что Красная Армия сможет сломить сопротивление финнов за две недели. Незадолго до

Дня независимости финны отошли на Карельском перешейке на 20–50 км от государственной границы к «линии Маннергейма», укрепленной летом 1939 г. Первая атака советских войск 7 декабря на главную оборонительную позицию финнов в восточной части перешейка в районе Тайпале (Речное) была отбита. Десять дней спустя Красная Армия предприняла попытку танкового прорыва у деревни Сумма (Солдатское) в центральной части перешейка, но и эту атаку финны сумели отразить. В канун сочельника финны попытались контратаковать и окружить русских на участке Суммы, но ввиду больших потерь в тот же день операция была прекращена. В конце года интенсивность боевых действий на Карельском перешейке снизилась и противостояние на фронте приобрело характер позиционной войны.

В середине декабря финнам удалось остановить на рубеже реки Коллаанйоки наступление советских войск, опасно выдвинувшихся вперед на северном побережье Ладожского озера. Одновременно чуть севернее особая группа под командованием Пааво Талвелы смелой контратакой разбила русских в районе населенного пункта Толваярви. Первые крупные победы по отражению наступления противника значительно подняли настроение граждан. В сражениях в глухих лесах на восточной границе финны с успехом использовали тактику окружения. В большом «котле» севернее Ладожского озера оказались две советские дивизии, которые продолжали сражаться и тем самым сковывали значительные силы финляндской армии.

В первые дни войны 163-я дивизия Красной Армии заняла деревню Суомуссалми. Эта дивизия должна была наступать далее на Оулу и рассечь Финляндию в самом узком месте (в так называемой талии). В середине декабря бригада под командованием полковника Ялмара Сииласвуо перешла здесь в контрнаступление. После упорных двухнедельных боев остатки разбитой под Суомуссалми советской дивизии были обращены в бегство. Другая, продвигавшаяся по Раатскому шоссе на Суомуссалми 44-я моторизованная дивизия Красной Армии (44. Д) в результате фланговых контратак была окружена по частям и полностью уничтожена в начале января 1940 года. В том же месяце финны отразили контратаками попытки прорыва советских частей у населенных пунктов Лиекса, Кухмо, где в окружение попала целая дивизия, а также у поселка Кемиярви и в общине Пелкосиенниemi. Понеся тяжелые потери, дивизии противника были вынуждены отступить.

Действия советских войск в первый месяц Зимней войны велись в рамках местной операции Ленинградского военного округа, целью которой был захват и советизация Финляндии. Достичь этой цели намечалось в том числе используя правительство Куусинена. Ограниченные успехи в начале военной кампании заставили руководство СССР заново оценить ситуацию. В начале января Кремль взял бразды правления в свои руки: на Карельском перешейке был образован Северо-Западный фронт в непосредственном подчинении наркому обороны К.Е. Ворошилову. Численность войск была удвоена. Командовать ими был назначен маршал С.К. Тимошенко.

Пока военные успехи Красной Армии были незначительными, Москва – по соображениям престижа – не могла согласиться на мирные переговоры. В начале января министр иностранных дел Таннер при посредничестве писательницы Хеллы Вуолийоки установил контакт с полпредом СССР в Стокгольме Александрой Коллонтай. Постепенно зондаж принес результаты. В конце января В.М. Молотов через Коллонтай сообщил правительству Финляндии, что СССР в принципе не возражает против заключения договора с правительством Таннера–Рюти. Это свидетельствует о том, что в правительстве Куусинена, которому была отведена особая роль в операции Ленинградского военного округа, после ее провала Кремль больше не нуждался.

В начале февраля 1940 г. советские войска начали тщательную подготовку к общему наступлению на Карельском перешейке. Одиннадцатого февраля они осуществили прорыв главной линии финской обороны на участке Суммы. Маннергейм, прибывший сюда для личного ознакомления с обстановкой, отдал приказ отойти с основной оборонительной позиции на промежуточную. В конце февраля финнам пришлось оставить и ее, отступив на линию Выборг–Купарсаари (около 18 км к юго-востоку от Каменногорска) – Вуокса–Тайпале.

Двадцать третьего февраля правительству Финляндии через Стокгольм из Москвы были переданы условия, на которых советское правительство было готово заключить мир. Территориальные претензии были жесткими: следовало передать в аренду на 30 лет полуостров Ханко и уступить весь Карельский перешеек с Выборгом, а также западное и северное побережье Ладожского озера. Эти требования, означавшие по сути возврат к «границе Петра Великого», казались финнам несправедливыми, поскольку линия фронта

тогда проходила намного дальше к югу и востоку. Правительство Финляндии не согласилось с условиями мира, выдвинутыми СССР, и обратилось за помощью к Швеции и западным державам. Франция и Великобритания обещали послать экспедиционный корпус численностью более 10 тыс. человек к середине апреля, но правительство Швеции все еще было против его транзита через шведскую территорию. Таннер вновь отправился в Стокгольм, чтобы склонить премьер-министра Ханссона, но Швеция твердо стояла на своем.

Группа министров посетила также Ставку главного командования финляндской армии в Миккели для того, чтобы узнать мнение Маннергейма относительно обстановки на фронте. Главнокомандующий отказался ответить на вопрос о том, следует или нет принять условия мира, но после его неутешительной оценки ситуации напрашивался только один вывод: продолжать борьбу далее невозможно. 29 февраля правительство Финляндии решило начать мирные переговоры. Министр просвещения Ханнула (АС) настаивал на продолжении военных действий. Министр обороны Ниукканен соглашался на заключение мира только при условии, что СССР существенно ограничит свои территориальные притязания.

Западные державы, осознав, что Финляндия на самом деле подпишет мирный договор, в конце февраля направили в Хельсинки новое предложение о предоставлении помощи: они обещали послать экспедиционный корпус численностью 50 тыс. человек, если Финляндия обратится за помощью до 12 марта. На мгновение возникло ощущение, что правительство «ухватится за эту соломинку», но уже через два дня стало ясно, что самое большее, на что Финляндия может рассчитывать, – это 6 тыс. человек. Большая часть осталась бы в Норвегии и Швеции. Тогда правительство приняло решение не обращаться к западным державам за помощью. Во Франции провал планов оказания помощи Финляндии вызвал в конце марта правительственный кризис, когда правительство Даладье получило от палаты депутатов вотум недоверия.

Согласно одной из интерпретаций событий, правительство Финляндии отказалось от предложений помощи от стран Запада и согласилось заключить мир с СССР, поскольку получило от Германии секретное обещание компенсировать утраты после того, как та окончательно победит СССР. Убедительных подтверждений этой версии нет. Напротив, предложения Запада о помощи

Финляндии оказали влияние на решение, принятое Сталиным заключить мир с Финляндией и не портить из-за этого отношения с Западом.

29 февраля советские войска возобновили наступление, стремясь овладеть Выборгом, но город остался в руках финнов и государственный флаг Финляндии продолжал развеваться над выборгским замком. В первые дни марта частям Красной Армии удалось по льду Выборгского залива выйти к западному предместью города. 5 марта была предпринята яростная атака северо-восточнее Выборга – в Тали (Пальцево). На следующий день в Москву отправилась мирная делегация во главе с премьер-министром Рюти. Во время переговоров, 9 марта, была прорвана тыловая оборонительная полоса финляндских войск в Тали и над Выборгом нависла угроза окружения. В условия мира не были внесены какие-либо послабления. Напротив, финнам пришлось согласиться на новое условие: уступить территории в общинах Куусамо и Салла. Мирный договор был подписан 13 марта в 01.00 по финляндскому времени, и на следующее утро в 11 часов боевые действия прекратились.

Единодушие Зимней войны

Зимняя война оказала и продолжает оказывать на наше историческое сознание и национальную идентичность влияние более сильное, чем любой иной переломный этап недавней истории. Опыт Зимней войны и память о ней отображают такие высокие понятия, как «чудо», «дух» и «единодушие». Восприятие Зимней войны как чуда основывается на итогах войны: нация справилась с труднейшей задачей, предотвратив оккупацию и сохранив свою независимость. Дух Зимней войны родился из общих усилий и настойчивости всех граждан. Потрясение и неверие первых дней войны вскоре сменились мужеством и решимостью. Каждый понимал, что нет иного пути, как сражаться не на жизнь, а на смерть.

Единодушие Зимней войны означало, что нация сплотилась и раны, нанесенные гражданской войной 1918 г., затянулись: в Зимней войне «лахтари» и «красные», как братья по оружию, защищали общую родину и отражали нападение неприятеля, которое считали несправедливым. После победы финнов в середине декабря под Толваярви шведские газеты напомнили, что героями сражения были молодые ребята из рабочих семей Писпалы (район в Тампере). Многие из них лишились отцов весной 1918 г., когда после взятия Тампере красные были расстреляны. Сыновьями красных в боях за Толваярви командовал подполковник Ааро Паяри, который в июне 1933 г. отдал приказ шюцкоровцам сорвать красные флаги на мосту Хямееенсилта в Тампере.

Упорство, с которым сражались рабочие, явилось полной неожиданностью для буржуазии. Почти в такой же мере были поражены руководители СДПФ: они опасались, что некоторые рядовые члены партии откажутся воевать. Однако этого не произошло, за оружие взялись даже коммунисты.

Дух Зимней войны был порожден не только внезапной внешней угрозой, но также явился следствием сплочения общества изнутри, в достижении которого в конце 1930-х годов был сделан большой шаг вперед. В годы нахождения у власти «красно-зеленого» правительства, бесспорно, был заложен фундамент согласия. Воспоминания рабочих полны ссылками

на счастливые годы, предшествовавшие Зимней войне: тогда уровень жизни вырос, была работа, были деньги.

В дни Зимней войны о сплочении нации было заявлено в двух символических манифестах. В январе 1940 г. головная профсоюзная организация рабочих, Центральное объединение профсоюзов Финляндии (ЦОПФ) и Центральный союз финляндских работодателей (ЦСФР) признали друг друга в качестве сторон на переговорах на рынке труда. Этот манифест называют «январским обручением»: 16 февраля руководство СДПФ заявило, что более не существует препятствий для вступления социал-демократически мыслящих рабочих в шюцкор. Одновременно командующий шюцкором советовал при наборе новых членов относиться по-деловому и без предубеждения к тем членам СДПФ, которые стремятся вступить в шюцкор.

Точные данные о том, сколько членов СДПФ вступило в шюцкоровские отряды отсутствуют. В целом их число было незначительным и соглашение с шюцкором было для социал-демократов скорее символическим и принципиальным, чем конкретным и имеющим практическое значение. Однако среди рядовых членов партии было и много таких, кто резко критиковал это соглашение:

«Я отнесся с недоверием к вступлению рабочих в шюцкор. Пожалуй, в этих условиях, в сущности, я был бы готов принять добровольную военную организацию как таковую. Но шюцкор? Нет, черт побери, ни за что. Да и мой отец перевернулся бы в гробу, если бы я присоединился к его убийцам!.. Было ли это ограниченностью, об этом я тогда не задумывался. Для меня такой резкий поворот был невозможен, памятуя о моем опыте общения с этой организацией. И поэтому я вздохнул с облегчением, когда шюцкор распустили, по крайней мере это было победой для Финляндии» (воспоминания жителя общины Нумми).

Несмотря на известный диссонанс, рабочее движение внесло весьма значительный совокупный вклад в созидание явления, которое привыкли называть «единодушием Зимней войны». Все же позиция рабочего движения была явно отличной от того фанатичного, исполненного пафоса патриотизма,

который культивировали во время войны буржуазия, шюцкор, да и руководство СДПФ. Патриотизмом рабочих управляли реализм будней и примирение с ситуацией, с которой ничего нельзя было поделать. О позиции рядового члена рабочего движения можно судить по нижеследующему:

«Когда началась война, на рабочих местах стали набирать добровольцев в пулеметчики. Хозяева решили организовать отряды пулеметчиков в разных частях деревни, эти отряды потом должны были попытаться отбить возможные атаки с воздуха. Мы подшучивали: с таким оружием с самолетами не справишься – это все равно что бросать камнем по летящей вороне, но ведь хозяева умнее. Мы, самые молодые в бригаде, пять или шесть мужчин, вызвались добровольцами. Решили, что нам все равно прикажут, если добровольцы не найдутся» (воспоминания жителя г. Оутокумпу).

Вооруженное перемирие

Московский мирный договор еще до его подписания получил неофициальное название – перемирие. Финны верили (или по крайней мере надеялись), что мирный договор будет носить временный характер и условия его заключения, которые они считали неприемлемыми, можно будет пересмотреть на мирной конференции, которая должна была состояться по окончании мировой войны. Когда 13 марта в 12 часов стали известны условия мирного договора, в Финляндии были приспущены флаги. Министры Ниукканен и Хаттула вышли из состава правительства. Четыре члена комиссии по иностранным делам парламента проголосовали против заключения мира. Среди них – Урхо Кекконен (АС). В парламенте мирный договор был одобрен 145 голосами против 3. Незаполненные бюллетени подали 9 депутатов, при голосовании отсутствовало 42 депутата, в их числе Урхо Кекконен. Можно с уверенностью говорить о том, что многие из отсутствовавших были против заключения мира.

В Зимней войне Финляндия потеряла убитыми около 22 800 человек, сражавшихся на фронте, и около тысячи гражданских лиц. В боях было ранено 44 тыс. человек; из них каждый четвертый остался инвалидом. Согласно цифрам, обнародованным в докладе наркома иностранных дел В.М. Молотова на 6-й сессии Верховного Совета СССР (март 1940 г.), общие потери СССР, согласно его собственному заявлению, составили 220 тыс. человек, из них убитыми 49 тыс. По оценкам финнов, фактические потери Красной Армии были по крайней мере в четыре раза больше. Потери Финляндии, вызванные передачей СССР территорий, не только были тяжелыми в хозяйственном отношении, но действовали угнетающе и на моральное состояние граждан. Более 400 тыс. беженцам нужно было помочь начать новую жизнь в «урезанной Финляндии».

Несмотря на тяжелые потери, в Зимней войне Финляндия все же добилась своей наиважнейшей цели: страна сохранила свою независимость. Конечно, современники не могли понять, насколько

огромным окажется значение опыта Зимней войны для последующего развития Финляндии. Нация внутренне сплотилась. В глазах внешнего мира авторитет Финляндии возрос. Особое значение упорная оборонительная борьба финнов имела с точки зрения будущих отношений между Финляндией и Советским Союзом. СССР вынес из Зимней войны важную истину, что за захват Финляндии и владение ею придется платить дорогой ценой.

Спустя две недели после подписания Московского мирного договора Ристо Рюти сформировал на старой основе новое правительство. Наиболее значительная перемена была связана с назначением на пост министра иностранных дел Рольфа Виттинга (ШНП). Таннер получил портфель министра народного снабжения. Министром обороны стал генерал-лейтенант Рудольф Вальден, доверенное лицо Маннергейма. Ю.К. Паасикиви назначили посланником Финляндии в Москву, а бывшего премьер-министра Т.М. Кивимяки – посланником в Берлин.

Во время мирных переговоров в Москве Швеция и Норвегия относились к идее заключения оборонительного союза северных стран положительно. После подписания мирного договора те, кто занимал ключевые министерские посты в правительстве Швеции, были настроены уже не столь благосклонно. Последний, смертельный удар по планам создания оборонительного союза нанес Молотов в конце марта 1940 г., заявив, что проект противоречит Московскому мирному договору и имеет исключительно антисоветскую направленность.

Ввиду угрожающей ситуации готовность Финляндии к обороне поддерживали на высоком уровне. В течение всего периода действия перемирия численность находившихся под ружьем в три раза превышала личный состав армии мирного времени. Финны начали спешно укреплять новый пограничный рубеж. Летом 1940 г. на фортификационных работах было занято 30 тыс. человек. Маннергейм остался на посту главнокомандующего.

Хорошо организованное гражданское общество во многих отношениях компенсировало недостатки государственного управления в Финляндии. Гражданские организации в военное время почти полностью были сосредоточены на решении различных задач в тылу. Их вклад в обустройство пострадавших в результате войны, в обеспечение предприятий рабочей силой, а также в дела, связанные с пропагандистской работой и работой с людьми, в военные годы трудно переоценить. Например, в рамках государственной

организации «Суомен Хуолто» объединились свыше 30 гражданских организаций. Организации рабочих также принимали активное участие в этой деятельности.

Наиболее значимой из добровольных организаций, порожденных духом Зимней войны, был основанный в начале августа 1940 г. Финляндский союз братьев по оружию (SAL), покровителем которого предложили стать маршалу Маннергейму. Социальная база, политический состав и сама деятельность Братьев по оружию отражали созданную Зимней войной новую расстановку политических сил. Попытка правых основать при Союзе фронтовиков освободительной войны организацию ветеранов Зимней войны не удалась. Союз братьев по оружию был прежде всего союзом молодых социал-демократов и коалиционеров. В процессе национального сплочения он представлял совершенно новый этап: исконно финский национализм, «ура-патриотизм», на позиции которого в 1920–1930-е годы встали АКО и шюцкор, не получил распространения в движении Братьев по оружию. В конце 1940 г. Союз объединял уже 80 тыс. человек, а в 1944 г. – почти четверть миллиона.

Единство нации, однако, не было абсолютно незыблемым. Весной 1940 г. на левом фланге СДПФ возникло массовое движение, самое широкое после 1917 года. Из социал-демократической парламентской фракции выделилась «группа шести», которой руководил бывший секретарь партии К.Х. Виик. Члены этой группы считали, что таннеровское руководство взяло на себя обязательства в отношении достижения национального согласия исключительно на условиях, предложенных буржуазией. Тираж основанной «шестеркой» весной 1940 г. газеты «Вапаа сана» («Свободное слово») за несколько дней достиг тиража основного печатного органа СДПФ – газеты «Суомен социалидемократатти». «Вапаа сана» была запрещена в июле, а «шестерку» исключили из партии в сентябре 1940 г.

Еще более опасным официальная Финляндия считала основанное крайне левыми в мае 1940 г. Общество дружбы Финляндии и СССР, в котором в течение двух месяцев объединились 10 тыс. членов. Общество не скрывало своих контактов с советским полпредством в Хельсинки; оно открыто поддерживало, в частности, оккупацию СССР Прибалтики. В декабре 1940 г. на основании решения суда Общество было распущено. Сообщалось, что на тот момент в нем насчитывалось 40 тыс. членов.

Как столь широкое левое движение могло возникнуть? Ведь всего несколькими месяцами раньше даже коммунисты с оружием в руках защищали независимость Финляндии! Дело в том, что лишь немногие члены Общества были коммунистами. Да и то, что сразу после Зимней войны в Финляндии нашлись десятки тысяч «друзей СССР», выглядит не очень правдоподобным. Скорее всего Общество состояло в основном из рядовых членов СДПФ, которые через него выражали свое недовольство политикой партийного руководства. Самую резкую критику членов партии в период перемирия вызвало заявление партийного комитета в феврале 1940 г., согласно которому препятствий для вступления членов СДПФ в шюккор больше не существовало.

Расширение масштабов мировой войны весной и летом 1940 г. носило драматический характер. В апреле 1940 г. Германия оккупировала Данию и Норвегию, с побережья которой, значительного по своей протяженности, она могла угрожать морскому судоходству Англии. В июле 1940 г. Швеции пришлось согласиться на транзит германских войск через свою территорию в Норвегию. В мае 1940 г. Германия начала наступление на Западном фронте. Голландия, Бельгия и Люксембург капитулировали в течение двух недель, а Франция – в конце июня 1940 г. Англичане едва успели эвакуировать свои войска через Ла-Манш.

Тем временем СССР извлек пользу для себя из того, что Германия сосредоточила свои силы на Западе, и в июне 1940 г. оккупировал прибалтийские страны, сделав их советскими республиками. Отношения Финляндии с СССР в тот период, летом 1940 г., были крайне напряженными. Постоянно возникали разногласия относительно толкования Московского мирного договора. Вызывало беспокойство и постоянное вмешательство восточного соседа во внутренние дела Финляндии. СССР требовал от нее демилитаризации Аландских островов, сдачи в концессию никелевого рудника в Петсамо, неограниченного транзита на Ханко и отставки Вяйнё Таннера. Правительство согласилось со всеми требованиями, кроме тех, что касались никеля Петсамо. Оно предложило продать половину запасов никеля Советскому Союзу, но право покупки не удовлетворило СССР. На самом деле он хотел заполучить территорию Петсамо, стратегическое значение которой возросло после того, как немцы оккупировали Северную Норвегию.

Интерес Германии в отношении Финляндии решающим образом возрос с июля 1940 г., когда Гитлер начал втайне готовить

военный поход против СССР. Для его осуществления Гитлеру была нужна и территория Финляндии. Таким образом, Финляндию *de facto* перетянули из сферы интересов СССР в сферу интересов Германии.

В середине августа 1940 г. в Финляндию прибыл представитель рейхсмаршала Германа Геринга полковник Йозеф Вельтенс. Результатом поездки явился договор о транзите германских войск в Норвегию, положивший начало сближению Финляндии и Германии. Этот договор был подписан 12 сентября; за 6 дней до этого правительство подписало договор с СССР о транзите на Ханко. Переброска людей и грузов на Ханко началась 25 сентября, но еще тремя днями ранее первый германский транспортный корабль прибыл в Ваасу. Это стало неожиданностью и для многих членов правительства; таким образом, принятие решений в правительстве полностью находилось в руках тех, кто составил «узкий круг» – Рюти, Маннергейма, Вальдена и Виттинга. Даже президент Каллио, не говоря уже о других членах правительства и комиссии по иностранным делам парламента, не имели представления о происходящем.

Транзит немцев не ограничивался перевозками отпускников; в течение нескольких недель из Германии в Финляндию морем было доставлено значительно больше военных материалов, чем то количество вооружения, которое западные державы ввезли в страну за все время Зимней войны.

Швеция, оказавшись летом 1940 г. между двумя тоталитарными великими державами, ощущала потребность в сотрудничестве с Финляндией. В середине октября 1940 г. шведский министр иностранных дел Кристиан Гюнтер предложил образовать конфедерацию Швеции и Финляндии, которая сохраняла бы нейтралитет и оставалась в стороне от «большой войны». В правительствах обеих стран широкую поддержку получила идея унии, в которой общими должны были быть внешняя и оборонная политика. На приеме в Москве по случаю Дня независимости Финляндии Молотов заявил Паасикиви, что конфедерация аннулировала бы Московский мирный договор. Спустя две недели Германия также не оставила «камня на камне» от плана создания конфедерации.

В конце августа 1940 г. с президентом Каллио случился удар, и спустя три месяца он оставил свой пост по состоянию здоровья. Молотов вмешался в процесс выдвижения кандидатов в президенты, заявив Паасикиви (тогда же, когда высказался против сою-

за Швеции и Финляндии), что Таннер, Кивимяки, Маннергейм и Свинхувуд не пользуются доверием СССР. НКП хотела выдвинуть своим кандидатом Свинхувуда, но тот отказался. 19 декабря почти единогласно президентом на период до истечения срока президентства Каллио был избран премьер-министр Ристо Рюти. Выборы в порядке исключения провели выборщики 1937 г. В тот же день президент Каллио скончался от удара на перроне железнодорожного вокзала в Хельсинки по дороге домой в Нивалу на Рождество.

После президентских выборов Йохан В. (Юкка) Рангель (НПП) сформировал новое правительство. Он собрал свой кабинет, не заслушав парламентские фракции, переговорив лишь непосредственно с теми лицами, которых он хотел видеть членами Государственного совета. В правительство вошли представители всех партий, в том числе ПНД. На посту министра иностранных дел остался Рольф Виттинг, который, как и прежде, считал своей важнейшей задачей улучшение отношений Финляндии с Германией.

Новые планы Германии в отношении Финляндии стали окончательно ясны Москве в середине ноября 1940 г., когда Молотов встретился в Берлине с Гитлером. Молотов заявил, что СССР достиг границ сферы интересов, оговоренной летом 1939 г., везде за исключением Финляндии. По существу Молотов просил у Гитлера согласия на оккупацию Финляндии. Однако Гитлер недвусмысленно потребовал не начинать новой войны на финляндском направлении. Молотов понял, что СССР не сможет получить «причитавшегося ему в Финляндии», не оказавшись в конфликте с Германией.

В середине декабря 1940 г. Гитлер утвердил в окончательном варианте секретный план похода Германии на Восток под условным названием «Операция “Барбаросса”». Известная роль в нем была отведена и финнам, о которой они сами поначалу знали очень немного.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер попросил в декабре 1940 г. в Берлине генерал-майора Пааво Талвелу, курьера Маннергейма, выяснить, сколько времени займет мобилизация финляндской армии. Ставка быстро подготовила ответ, который начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс представил Гальдеру в Берлине в январе 1941 г.

Кризис в отношениях между Финляндией и СССР в связи с вопросом о никеле Петсамо достиг своего апогея в середине января 1941 г. СССР отозвал своего полпреда из Хельсинки, аннулировал торговый договор и увеличил численность своих войск на Карельском перешейке. Маннергейм уже настаивал на проведении частичной мобилизации, но Рюти опасался, что это приведет к еще большему обострению ситуации. Паасикиви хотел, чтобы правительство пошло на уступки, и, когда этого не произошло, он оставил пост посланника в Москве, формально сославшись на свой преклонный возраст. Паасикиви боялся повторения катастрофы осени 1939 г., так как не знал о гарантиях безопасности, полученных правительственным «узким кругом» от Германии.

Весной 1941 года 1400 финских добровольцев были зачислены в ряды элитной группы немецких войск Ваффен СС. И хотя финны не были причислены к истинным арийцам, их признали достойными быть в этих войсках за храбрость, проявленную в Зимней войне. Финское правительство пошло на вербовку, поскольку хотело сделать все возможное для улучшения отношений с Германией. В 1942 г. финский батальон был направлен на немецкий Восточный фронт. Он прошел от Украины до Кавказа, потеряв в ходе ожесточенных боев около 250 человек. Германия была заинтересована в продлении контрактов с добровольцами, но Финское правительство потребовало возвращения батальона на родину. В июне 1943 г. по возвращении в Ханко, батальон был расформирован, а личный состав отправили сражаться в рядах вооруженных сил Финляндии.

Финляндия и Германия – «соратники по борьбе»

В конце мая 1941 г. высокопоставленная военная делегация Финляндии, возглавляемая генерал-лейтенантом Хейнрикомсом, по приглашению Гитлера посетила Зальцбург и Берлин. Самое позднее во время этой поездки финнам стало ясно, что уже в июне 1941 г. Германия нападет на СССР. В этой ситуации высшее руководство Финляндии сделало осознанный выбор: оно решило принять участие в военном походе Гитлера. Другой возможный вариант, то есть отказ от сотрудничества, в худшем случае предусматривал превращение Финляндии в поле битвы между Германией и СССР. Кроме того, тесное военное сотрудничество с Германией в последние месяцы и осведомленность относительно ее военных секретов сделали отказ настолько гипотетическим, что о нем всерьез и не задумывались. В начале июня Финляндия сообщила Германии условия своего участия в войне: сохранение независимости, Германия должна напасть первой, Финляндии не следовало начинать военные действия до тех пор, пока их не начнет СССР. «Узкий круг» в правительстве имел основания надеяться на то, что общественное мнение поддержит вступление Финляндии в войну на стороне Германии.

Немцы приступили к переброске своих войск в Северную Финляндию в первых числах июня. Финляндия начала выводить на позиции свои войска прикрытия 10 июня 1941 г. Неделью спустя главные силы армии получили приказ о мобилизации. Уже 14 июня немцы полным ходом вели работы по минированию акватории Финского залива, в которые финны включились еще до Иванова дня⁹⁶.

Двадцать второго июня 1941 г. в 4 утра Германия напала на СССР. В своей речи по радио Гитлер с пафосом заявил, что германские солдаты борются на берегах Северного Ледовитого океана «в союзе (*im Bunde*) со своими финскими товарищами». Финляндское политическое руководство поспешило опровергнуть это сообщение, заявило о нейтралитете Финляндии и заняло выжида-

⁹⁶ Иванов день отмечается 24 июня.

тельную позицию в отношении действий СССР. После того как 25 июня русские нанесли по многочисленным объектам в Финляндии жестокие бомбовые удары, спровоцированные действиями германской авиации, премьер-министр Рангель констатировал, что страна вновь находится в состоянии войны с СССР.

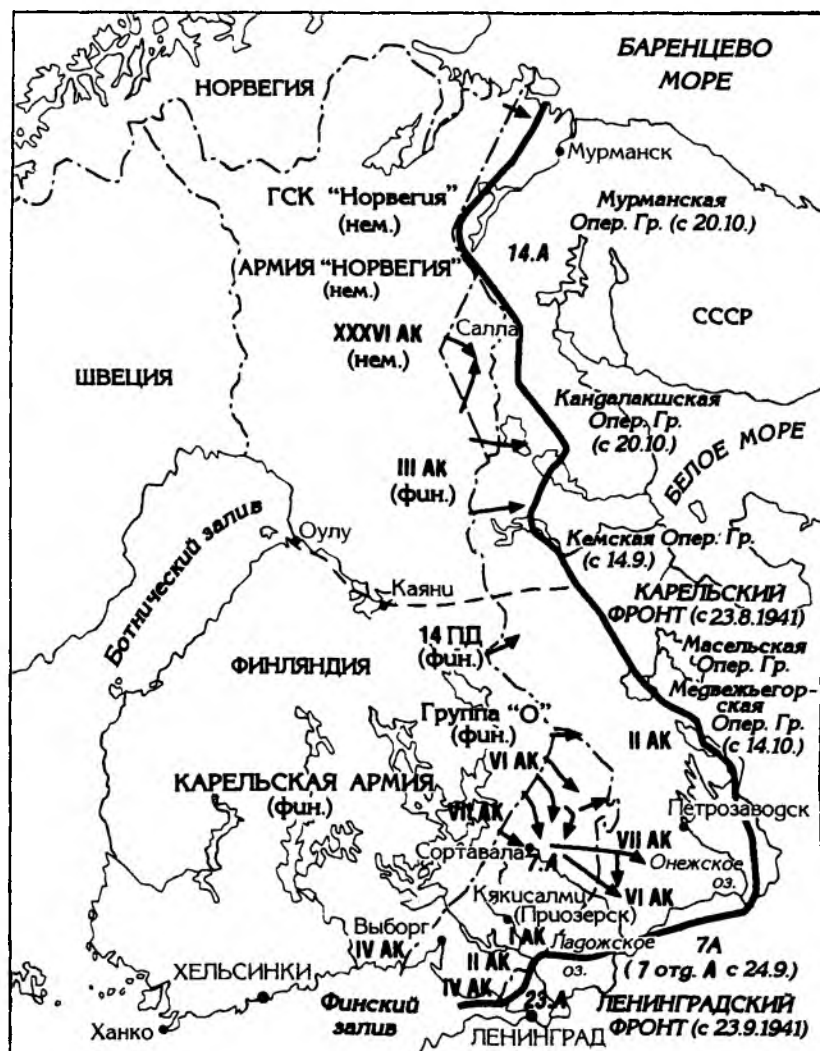
Боеспособность финляндской армии, оснащенной германским оружием, летом 1941 г. была совершенно иной, чем осенью 1939 г. В Финляндии была проведена мобилизация относительно более широкая, чем в какой-либо из участвовавших во Второй мировой войне стран.

На наступательном этапе Войны-продолжения под ружьем находилось полмиллиона мужчин. Это оказалось возможным потому, что на различных вспомогательных работах и работах по обслуживанию и снабжению армии было занято почти 150 тыс. членов женской шюцкоровской организации «Лотта Свярд». На гражданской службе также по большей части были заняты женщины.

В течение всей Войны-продолжения правительство придерживалось тезиса об «отдельной» войне: Финляндия не была союзницей Германии, но «соратницей по борьбе». Во всяком случае, неприятель у них был общий и нападение они подготовили совместно. Линия фронта была поделена по водной системе реки Оулуйоки. В Северной Финляндии ответственность за ведение боевых действий взяла на себя Лапландская армия немцев (позднее 20-я Горная армия)⁹⁷, которая состояла из шести дивизий. Финляндские войска (две дивизии), расположенные в Северной Финляндии, в оперативном отношении были подчинены немецкому командованию.

В конце июня главные силы финляндской армии были вновь перегруппированы, в результате в Северном Приладожье была сформирована Карельская армия, которая включала пять дивизий и три бригады. Командование этим соединением главнокомандующий поручил генерал-лейтенанту Эрику Хейнриксу. На Ладоге у финнов было три, а на Карельском перешейке четыре дивизии. У СССР в июне 1941 г. на Финляндском фронте было задействовано всего 17 дивизий (на Карельском перешейке семь, в Приладожской Карелии четыре и на Беломорско-Мурманском участке

⁹⁷ На момент описываемых событий в Северной Финляндии действовала армия «Норвегия» (сформированная в декабре 1940 г. в Норвегии), из немецких частей которой 21 января 1942 г. была сформирована Лапландская армия. 22 июня 1942 г. она была переименована в 20-ю Горную армию.

Война-продолжение. Наступление финских войск летом и осенью 1941 г.

шесть). На момент наступления финны даже имели на своем участке фронта перевес в живой силе.

Правительство не делало официальных заявлений, что Финляндия преследует в войне свои особые цели, отличные от целей Германии. В любом случае финны как минимум стремились вернуть территории, утраченные по Московскому мирному договору. Поэтому в целом войну считали «войной-искуплением» и «продолжением» Зимней войны, или Войной-продолжением. Еще до начала военных действий в кругах как политического, так и военного руководства обсуждались различные варианты будущей восточной границы Финляндии. Из пяти вариантов, намеченных Генеральным штабом, самая дальняя граница была проведена восточнее Онежского озера. Наилучшей со стратегической точки зрения альтернативой считали границу, идущую через три перешейка между Финским заливом, Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

Совместные военные действия финнов и немцев начались в Северной Финляндии уже в конце июня – начале июля 1941 г. В районе Петсамо финны нарушили границу, установленную Тартуским мирным договором, уже 29 июня. Однако наступление немцев на Мурманск застопорилось еще в первые дни войны. В начале июля 3-я дивизия из состава армейского корпуса генерал-майора Сииласвуо, перейдя границу, повела наступление двумя группами – из Куусамо и Суомуссалми – в направлении Лоухи и Ухты. Группа, развивавшая наступление севернее, устремилась к Мурманской дороге. Финны быстро захватили Кестеньгу и, продвинувшись оттуда вперед вдоль железнодорожной ветки, подошли к Лоухи на расстояние примерно в 60 км. Однако в августе наступление остановилось, когда противник ввел свежие силы и нанес финнам серьезное поражение. Четырнадцатая дивизия полковника Эркки Рааппаны, наступавшая в начале июля на широте Лиекса, стремительно продвигалась в направлении деревни Рукаярви (Ругозеро) и захватила ее в сентябре.

Согласно планам германского военного командования 10 июля 1941 г. Карельская армия начала наступление вдоль восточного побережья Ладожского озера, стремясь выйти к реке Свирь, от которой ее отделяло 300 км. Немцы должны были наступать с юга на соединение с финнами. Однако к Свири они так и не вышли. В конце августа 1941 г. немцы дважды просили финнов принять участие

во взятии Ленинграда, оказавшегося в блокадном кольце. Маннергейм наотрез отказался, сказав, что возложил на себя обязанности главнокомандующего на том условии, что ему не придется «иметь дела с Петербургом»⁹⁸.

Гитлер упрекал Финляндию в том, что она не захотела сразу же порвать с Великобританией. С другой стороны, Сталин критиковал Великобританию за то, что та поддерживала отношения с врагом СССР. После того как в конце июля Великобритания подвергла бомбардировкам Петсамо, Финляндия разорвала с ней дипломатические отношения. Поскольку Финляндия в сентябре 1941 г., продолжая наступление на Восточную Карелию, нарушила границу 1939 г., Великобритании предоставился повод объявить Финляндии войну. Это произошло 6 декабря 1941 г. – в День независимости Финляндии.

СССР, оказавшийся в крайне сложном положении из-за нападения Германии, хотел заключить с Финляндией сепаратный мир еще в начале августа 1941 г. Сталин просил президента США Франклина Д. Рузвельта оказать на Финляндию давление с тем, чтобы она согласилась на это. Соединенные Штаты довели до сведения правительства Финляндии предложение Сталина, но дальше этого дело не пошло.

В начале июля 1941 г. финны перешли в наступление в Северной Финляндии, нарушив границу 1939 г. Маннергейм 10 июля отдал исполненный пафоса приказ по армии, в котором повторил обещание, данное им в феврале 1918 г., заявив, что он не вложит клинок в ножны до тех пор, пока Восточная Карелия не будет свободной. Правительство было раздосадовано тем, что главнокомандующий, не проконсультировавшись с ним, сделал заявление в духе идеи «Великой Финляндии», что многие члены кабинета считали излишним.

Министры от СДПФ угрожали отставкой, поскольку призыв к белым участникам войны 1918 г. был оскорбительным для рабочих. Между тем положение СДПФ в правительстве на наступательном этапе Войны-продолжения было сложным. Большая часть сторонников партии считала возврат отчужденных территорий морально оправданным, но не одобряла захватнической войны. Таннер, вернувшийся в начале июля 1941 г. в правительство

⁹⁸ Имея в виду возможное развитие событий на фронте, Маннергейм предпочел не участвовать в операции против Ленинграда, проявив тем самым разумную осторожность и политическую дальновидность.

на пост министра торговли и промышленности, резко критиковал вторжение в Восточную Карелию в нарушение старой границы.

Левые относились к Войне-продолжению намного более критично, чем к Зимней войне. Однако антивоенная деятельность в Финляндии была крайне незначительной. Сопротивление оказывали лишь несколько групп, сражавшихся в лесах и не имевших общего руководства. Еще летом 1941 г. власти арестовали примерно 500 коммунистов. Члены социал-демократической оппозиции, «группа шести», были посажены в тюрьму в конце августа 1941 г. Кроме того, в период Войны-продолжения было арестовано около 2 тыс. противников войны.

Карельская армия достигла старой государственной границы на северном побережье Ладоги 23 июля. На Карельском перешейке финны начали наступление в конце июля. Выборг был взят в конце августа. В начале сентября Карельская армия вторглась в Олонецкую Карелию, и 7 сентября передовые части финнов вышли к Свири. Отсюда наступление повернуло на север. Петрозаводск был взят в начале октября, и ему было дано новое название – Ээнислинна. В октябре финны закрепились на южном берегу Свири. Советские войска оставили военную базу на Ханко, которая с начала войны-продолжения находилась в окружении, в том числе шведскими волонтерами, только в начале декабря 1941 г. После взятия 5 декабря 1941 г. Медвежьегорска, находившегося на северной оконечности Онежского озера, наступление финских войск остановилось. Наступательный этап Войны-продолжения унес жизни 25 тыс. человек. Число погибших превысило потери в Зимней войне, но жертвы, принесенные на алтарь войны осенью 1941 г., финны не считали столь уж большими. Общие потери в Войне-продолжении составили 66 тыс. убитыми и 145 тыс. ранеными.

Политическое и военное руководство обосновывало захват Восточной Карелии тем, что это стало бы хорошим козырем на будущих мирных переговорах. Финны считали себя освободителями Восточной Карелии: казалось, наконец-то, идея родства народов обретает реальное воплощение. Часть русского населения Восточной Карелии (максимум 20 тыс. человек) была отправлена в концентрационные лагеря, в которых временами питание было особенно плохим.

Во время Войны-продолжения в руках финнов оказалось около 67 тыс. русских военнопленных. Из них почти треть умерла

в результате болезней, вызванных истощением. Примерно 1200 военнопленных были расстреляны без суда и следствия. Финских плен-ных, взятых Красной Армией, было только около шести тысяч. И из них примерно треть умерли в плену.

В ходе Войны-продолжения из оккупированной немцами Ингерманландии более 50 тыс. человек были перемещены в Финляндию. После окончания войны их передали Советскому Союзу. Однако на родную землю они не попали, а были прямым направ-лены в лагеря для военнопленных, часть даже за Урал в Сибирь.

Позиционная война и зондаж с целью заключения мира

В декабре 1941 г. на всех фронтах в Финляндии началась позиционная война. Примерно треть личного состава действующей армии была демобилизована; 1942 г. прошел на фронте главным образом под знаком ожидания.

Маннергейм начал сомневаться в победе Германии уже в конце 1941 г., когда советские войска вновь взяли Тихвин и помешали выходу немцев к Свири по южному побережью Ладожского озера. В середине декабря 1941 г. США вступили в войну против Германии и Японии. Финляндия пыталась избежать разрыва отношений с США, так как Вашингтон, помимо Стокгольма, был для финнов важнейшей «отдушиной» на Западе.

Пробуксовка операций Германии на северных фронтах на начальном этапе войны способствовала росту военного значения Финляндии. В июне 1942 г. Гитлер неожиданно прибыл поздравить Маннергейма с его 75-летием. Визит вежливости германского диктатора к маршалу Финляндии показал, что Финляндия все еще обладала политическим весом. Три недели спустя Маннергейм отправился в Германию с ответным визитом. В августе 1942 г. он заявил немцам, что начнет наступление в направлении Мурманской железной дороги только после того, как Германия возьмет Ленинград.

Новейшие исследования показывают, что сотрудничество финских военных и полицейских с немцами было в начале Войны-продолжения более тесным, чем предполагалось ранее. Немцам было выдано восемь евреев, приехавших в Финляндию как беженцы. Значительно больше – около 3 тыс. – русских военнопленных были переданы Финляндией Германии. Находившиеся среди них так называемые политкомиссары и евреи почти наверняка были обречены на смерть. В обмен финны получили от немцев примерно 2 тыс. пленных из родственных финнам народов. Из них большая часть добровольно вступила в созданный в финской армии так называемый батальон соплеменников. В Финляндию прибыли также добровольцы из Эстонии, так называемые сыновья Суоми, из которых был создан отдельный пехотный полк.

Немцы использовали десятки тысяч русских военнопленных в качестве бесплатной рабочей силы в Северной Финляндии. Государственная полиция Финляндии помогала в немецких концлагерях специальному лагерному подразделению гестапо, задачей которого было выявление и убийство евреев и руководящих коммунистических элементов. Поскольку сотрудничество финнов с немцами зашло так далеко, то что тогда остается от чтимого в Финляндии тезиса об «отдельной» войне. Финляндия – не единственная страна, где пытаются скрыть жестокость во время войны. Обсуждение их является по-прежнему болезненным, несмотря на то, что со времени войны уже прошло более шестидесяти лет.

Развязка мировой войны зрела на Восточном фронте в ходе второй военной зимы. В начале февраля 1943 г. немцы, попавшие в окружение под Сталинградом, капитулировали. Главные силы в правительстве и высшее военное руководство Финляндии на совещании в Ставке в Миккели, состоявшемся 3 февраля 1943 г., поставили целью выход страны из войны. Рюти направил Рузвельту письмо, в котором изложил условия правительства Финляндии для заключения мира. За основу переговоров была взята граница 1939 г., но Финляндия была готова к уточнениям на Карельском перешейке. Восточная Карелия должна была быть демилитаризована до тех пор, пока будущая мирная конференция не решила бы судьбу территории.

В марте 1943 г. США предложили себя в качестве посредника в поисках путей заключения мира. СССР направил свои условия в Вашингтон. Требования были более жесткими, чем предполагалось: Финляндия должна была отвести войска к границе, установленной на Московских переговорах 1940 г., и возместить 50% военного ущерба, причиненного ею СССР. Стороны были настолько далеки друг от друга в своем видении разрешения вопроса, что США отказались от роли посредника.

Коллегия выборщиков 1937 г. собралась 15 февраля 1943 г. для выборов президента уже в третий раз. Уверенности в том, что вновь будет избран Рюти, не было, так как у Маннергейма тоже были сторонники. После того как маршал снял свою кандидатуру в пользу Рюти, выборы вновь прошли почти при полном единодушии. Примерно 20 социал-демократов, которые изначально поддерживали Столберга, опустили в урны пустые бюллетени. В начале марта 1943 г. профессор Эдвин Линкомиес (НКП) сформировал новое правительство, причем партии, принимавшие участие в его форми-

ровании, воспротивились вхождению в него представителей ПНД. Симптомом изменения курса, постепенно вызревавшего в Финляндии, явилась также смена министра иностранных дел: Виттинга, связанного обязательствами с Германией, сменил Хенрик Рамсай, директор-распорядитель акционерного общества «Хёрюлайва», у которого – как у поставщика судов – издавна были хорошие связи на Западе.

Наиболее сложным препятствием на пути стремления Финляндии к миру была Германия. Новое правительство получило от нее полезный урок, когда министр иностранных дел Рамсай в ходе своего визита в Берлин в марте 1943 г. рассказал о планах Финляндии заключить сепаратный мирный договор. Немцы знали вопрос в деталях, так как у них были свои «очень откровенные источники» в правительственных кругах Финляндии. Министр иностранных дел фон Риббентроп в приступе бешенства потребовал от финнов немедленно прекратить переговоры с США. Финляндии с трудом удалось отклонить договор о политическом союзе, на котором настаивала Германия.

Правительственный «узкий круг» проводил мирный зондаж столь скрытно, что даже члены парламентской комиссии по иностранным делам, не говоря уже о других депутатах, ничего об этом не знали. В течение 1943 г. в парламенте упрочилось представление о том, что правительство ничего не делает для заключения мира. В конце августа 33 общественных деятеля, в том числе 20 депутатов парламента, главным образом из парламентских фракций СДПФ и ШНП, направили президенту докладную записку, в которой содержалось обращенное к правительству требование изменить курс с «политики войны на политику мира». По существу они просто более рьяно, чем правительство, поддерживали выход Финляндии из войны. Было устроено так, что информация, содержавшаяся в записке, стала известна шведской печати. Оппозиция, изначально считавшаяся лояльной, таким образом, сообщила миру, что фронт в Финляндии начал рушиться.

Осенью 1943 г. к политике мира склонились также Паасикиви и Кекконен, резко протестовавший против заключения мира во время Зимней войны. На смену заметкам, которые Кекконен писал в журнале «Суомен кувалехти» (финский иллюстрированный журнал) под псевдонимом Пекка Пейтси, – откровенно антирусским и антисоветским, – после разгрома немцев под Сталинградом пришли публикации, отличавшиеся взвешенным анализом

и с дальним прицелом поддерживавшие стремление к миру. В декабре 1943 г. Кекконен выступил с речью в Стокгольме, в которой схематично описал будущее положение Финляндии, которому следовало основываться на сотрудничестве североевропейских государств, на нейтралитете и, возможно, на вхождении Финляндии в одну с СССР систему безопасности.

В коммюнике, опубликованном по итогам конференции министров иностранных дел союзных держав, которая состоялась в начале ноября 1943 г. в Москве, содержалось требование безоговорочной капитуляции Германии и ее сателлитов. Уже спустя две недели правительство Финляндии получило из Стокгольма от Александры Коллонтай сообщение о том, что требование безоговорочной капитуляции не касалось Финляндии.

На первой конференции глав трех великих держав, Сталина, Черчилля и Рузвельта, состоявшейся в конце ноября – начале декабря 1943 г. в Тегеране, Сталин сказал, имея в виду финнов, что народ, который так героически сражался за свою независимость, следует принимать всерьез. Однако его мирные предложения Финляндии были жесткими: граница 1940 г., военная база на Ханко или в Петсамо, изгнание германских войск с территории Финляндии, демобилизация армии и военные репарации, но не безоговорочная капитуляция. В Тегеране союзники признали *de facto* «отдельную войну» Финляндии.

В январе 1944 г. Ленинградская блокада была окончательно прорвана и стратегическое положение Карельского перешейка стало с точки зрения Финляндии угрожающим. Зимой 1944 г. США вторично потребовали от Финляндии начать мирные переговоры. СССР «нажал» на Финляндию, подвергнув жестоким бомбовым ударам гражданские объекты в феврале 1944 г. В результате трех – с интервалом в 10 дней – бомбардировок Хельсинки погибли 146 человек, а городу был причинен большой материальный ущерб. Разрушения могли бы быть еще большими, если бы не успешные действия противовоздушной обороны: из сброшенных русскими 16 тыс. (по оценкам) бомб на город упала только малая часть.

В начале февраля 1944 г. правительство Финляндии сообщило в Стокгольм Коллонтай, что хочет проконсультироваться относительно заключения мира. Вновь понадобились услуги Паасикиви: его направили в Стокгольм забрать у Коллонтай перечень условий, на которых СССР был готов заключить мирный договор

с Финляндией. Условия были те же, что Сталин назвал главам западных держав в Тегеране двумя месяцами раньше. В конце марта 1944 г. СССР заявил, что примет двух финляндских экспертов для обсуждения условий мирного договора. В компаньоны Паасикиви правительство выбрало Карла Энкеля, последнего министра статс-секретаря финляндского и бывшего министра иностранных дел. Молотов был неприветлив со «старыми господами». Он заявил, что помимо ранее выдвинутых условий СССР требует от Финляндии репарации на сумму 600 млн ам. долл.

Реакция Германии на мирный зондаж Финляндии вновь обернулась крутыми мерами против последней: в апреле 1944 г. она прекратила поставки зерна и запретила экспорт оружия в Финляндию. В худшем случае Финляндии угрожала та же участь, что постигла Венгрию, которую Германия оккупировала двумя неделями раньше – после того, как та попыталась выйти из войны. Правительство Финляндии считало, что, имея в виду характер военной ситуации, оно не будет в состоянии осуществить разоружение германских войск, как того требовал СССР. Заключение мира на условиях, выдвинутых СССР, было невозможно также по внутриполитическим причинам. В парламенте почти единодушно против него выступали фракции АС, НКП и ПНД. Тур мирного зондажа весны 1944 г. завершился в середине апреля отрицательным ответом Финляндии.

Победа в оборонительных боях и перемирие

После того как была прорвана блокада Ленинграда, СССР стремился выйти через Финский залив к Балтийскому морю. С этой более важной стратегической целью Советский Союз связывал вывод Финляндии из войны. Когда весной 1944 г. Финляндия не пошла на заключение мира, СССР решил свести счеты с своим упрямым соседом военными средствами. 9 июня 1944 г. Красная Армия начала на Карельском перешейке тщательно подготовленное генеральное наступление.

Силы противника были превосходящими. В районе Белоострова на участке прорыва шириной почти в 6 км вдоль полотна железной дороги Выборг–Ленинград было сосредоточено по 200 артиллерийских орудий на каждый километр фронта. Превосходство Красной Армии в живой силе было шестикратным. Генеральное наступление началось с того, что советская артиллерия и авиация в течение суток вели массированный огонь по финским позициям. На следующий день ударные группы стремительным приступом выбили финнов с их позиций⁹⁹.

Финны, пораженные силой атаки, в панике отошли на отдельных участках на 20–30 км на «линию ВТ». Противник следовал за финнами по пятам и уже 16 июня прорвал «линию ВТ» в Куутерселкя (Лебяжье). После этого финны в течение нескольких дней отошли на 50–80 км в направлении «линии ВКТ». Оборону Выборга не успели подготовить должным образом, и город был сдан 20 июня почти без боя.

Прорыв финской обороны и последовавший за ним «бег через весь перешеек» вызвали резкую критику в адрес Главного командо-

⁹⁹ К лету 1944 г. финская оборона на Карельском перешейке представляла собой три укрепленные полосы общей глубиной 100 км. Первая проходила вдоль линии фронта, вторая (основная) – «линия ВТ» – от района Ваммелсуу (Черная речка) у Финского залива до Тайпале у Ладожского озера, в 20–30 км от первой оборонительной полосы. В 30–40 км южнее Выборга начиналась третья оборонительная полоса – «линия ВКТ», шедшая по течению реки Вуокса через Купарсаари до Тайпале.

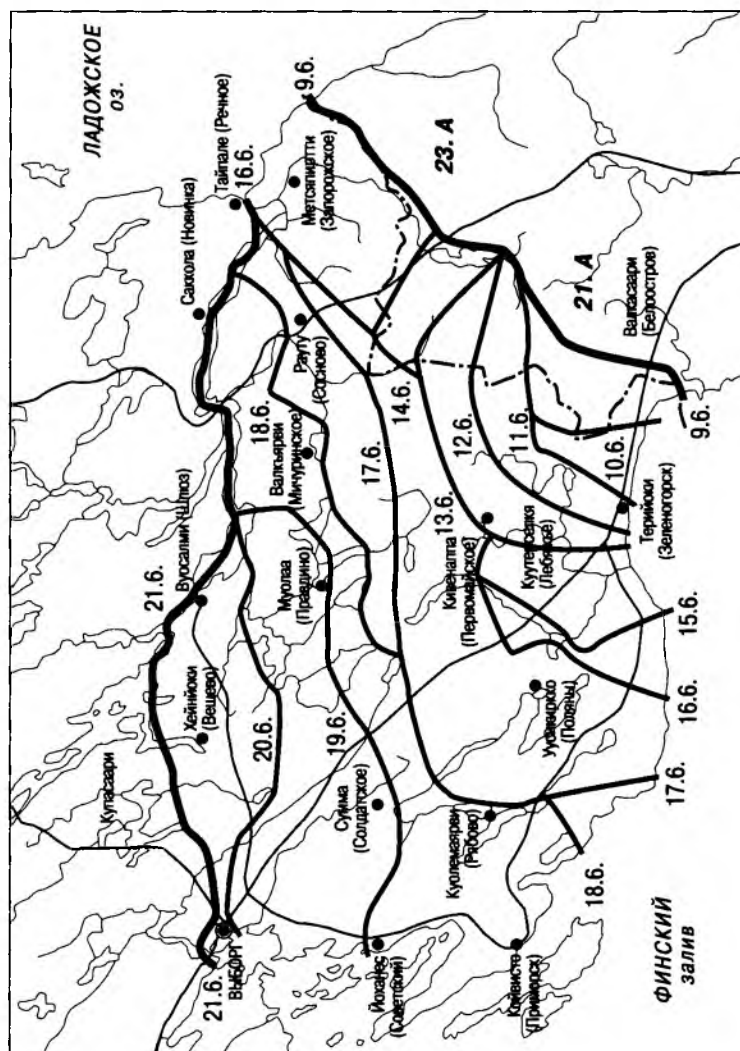
вания. Конечно, нельзя сказать, что наступление советских войск явилось для финнов полной неожиданностью; уже в течение весны были получены разведданные о том, что нечто подобное готовится. В любом случае мощь наступления поразила фронтовые части, одуревшие от позиционной войны, длившейся 2,5 года.

Маннергейм и генералы из его ближайшего окружения до лета 1944 г. считали оккупацию Восточной Карелии важной с точки зрения будущих мирных переговоров. Во время Зимней войны на Карельском перешейке находилось около 200 тыс. человек; в июне 1944 г. там на позициях стояли войска численностью 75 тыс. человек, или только 1/4 всего личного состава действующей армии. Построение Красной Армии на начало генерального наступления было обратным построению финляндской армии; на направлении главного удара, на Карельском перешейке, противник сосредоточил 2/3 своих сил, что к началу генерального наступления составляло по меньшей мере 50 дивизий.

Во время позиционной войны финны сосредоточили главные усилия на возведении укреплений также в Восточной Карелии. По мере того как обивали железом «черный ход», «парадная дверь» превращалась в труху. Укрепления «линии ВТ» и «линии ВКТ» на Карельском перешейке в июне 1944 г. были весьма далеки от завершения.

Первые части, переброшенные из Восточной Карелии, прибыли для оказания помощи защитникам Карельского перешейка в середине июня. Маннергейм получил от Рюти полномочия обратиться за помощью к Германии. Уже до Иванова дня немцы поставили Финляндии дополнительное количество легкого противотанкового оружия и отправили в помощь финнам сильный авиационный отряд. Кроме того, в конце июня Германия «одолжила» финнам бригаду самоходных орудий и пехотную дивизию.

Германия воспользовалась затруднительным положением, в котором оказалась Финляндия, и в качестве условия предоставления помощи потребовала от Финляндии не заключать сепаратный мир. Министр иностранных дел фон Риббентроп 22 июня неожиданно прилетел в Хельсинки и потребовал от Рюти подписать договор, содержащий вышеупомянутое условие. На следующий день СССР направил в Хельсинки новое мирное предложение, которое было истолковано как требование безоговорочной капитуляции. Хотя Рюти, Маннергейм и Линкомиес понимали, что Финляндии не выпутаться из создавшегося положения без воен-

Генеральное наступление Красной Армии на Карельском перешейке в июне 1944 г.

ной помощи Германии, они всеми средствами пытались избежать привязки Финляндии к Германии путем заключения пакта.

В течение трех дней «узкий круг» в правительстве был занят поисками выхода из создавшегося положения. В итоге пришли к согласию относительно того, что собственно пакт Финляндия не подпишет, но Рюти от своего имени даст обязательство, на котором настаивала Германия. В личном письме, которое было адресовано Гитлеру и которое Риббентроп получил 26 июня, Рюти пообещал, что он не заключит сепаратный мир и не позволит назначенному им правительству начать переговоры о перемирии или мире без согласия на то Германии. Давая обязательство, президент знал, что он серьезно болен, на основании чего при необходимости он мог бы оставить свой пост.

После потери Выборга финны отвели свои войска на «линию ВКТ». Решающие оборонительные сражения начались на следующей после Иванова дня неделе в Тали и Ихантале (Бородинское), находившихся к северо-востоку от Выборга. Финнам удалось разбить атакующие порядки советских войск, нанося массированные артиллерийские удары, зачастую уже по их исходным позициям.

Финские войска, отходившие из Восточной Карелии в конце июня 1944 г., в течение четырех недель вели с частями Красной Армии упорные сдерживающие бои. В середине июля финны встали на оборонительную U-образную позицию севернее Ладожского озера на широте Питкяранта–Лоймола–Толваярви. Последнее крупное сражение в Войне-продолжении произошло в первые дни августа в лесах Иломанси. Особая группа под командованием генерал-майора Эрkki Рааппаны остановила продвижение противника яростным контрнаступлением, в ходе которого две советские дивизии оказались в «котле» и лишились всего своего тяжелого вооружения, которое досталось финнам.

В первые дни июля финское оружие вновь подверглось испытанию на прочность в Вуосалми (Шлюз). Отчаянно сражаясь, части Красной Армии форсировали Вуоксу и в первые дни июля захватили небольшой плацдарм на ее северном берегу. Неделю спустя финская разведка обнаружила, что противник отводит свои войска. Бои на Карельском перешейке закончились в середине июля 1944 г. неоспоримой победой финнов в обороне.

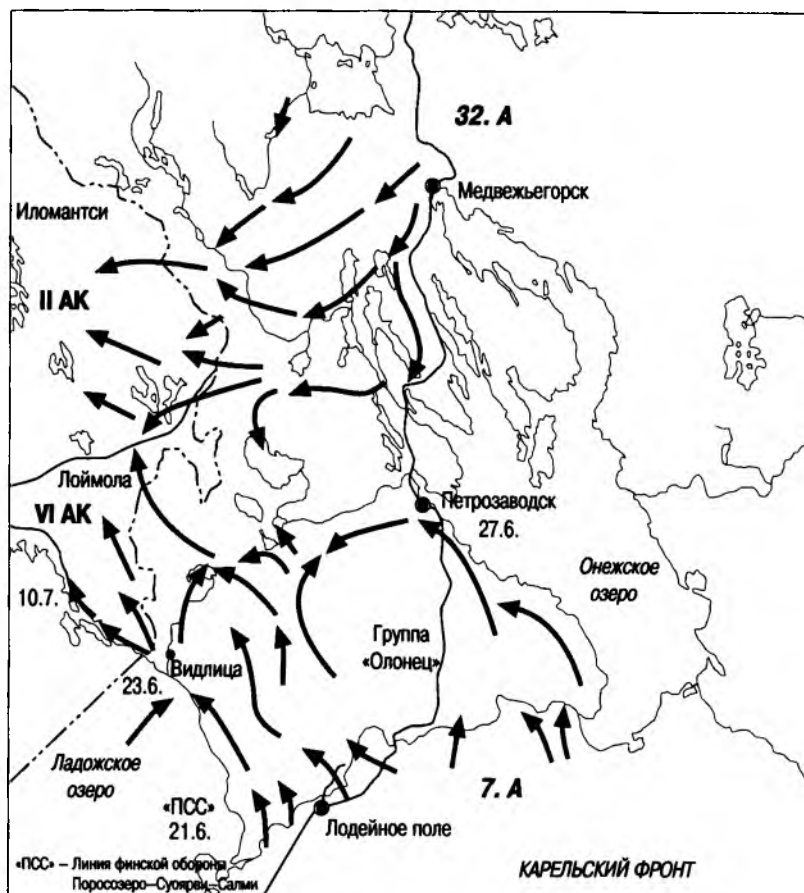
Оборонительные бои Войны-продолжения завершились почти на тех же позициях, что и сражения Зимней войны. Итоги обеих войн были весьма схожими: победа в оборонительных боях

позволила Финляндии выиграть время, причем столько, что СССР посчитал, что не следует более затягивать военные действия. Сталин принял такое решение, хотя военное руководство упорно настаивало на прорыве через Карельский перешеек для того, чтобы заставить Финляндию капитулировать. Это означало бы оккупацию страны и подчинение ее российской военной администрации. В конце концов судьбу Финляндии решило то, что Красной Армии нужны были все имеющиеся ресурсы для окончательного разгрома Германии. В середине июля 1944 г. СССР сообщил Финляндии через Стокгольм, что готов сесть за стол переговоров. Он больше не требовал от Финляндии безоговорочной капитуляции и не собирался ее оккупировать. СССР надеялся, что в Финляндии будет сформировано новое правительство, которое попросит мира.

У маршала Маннергейма временами были серьезные разногласия с его генералами. Однако «узкий круг» в финляндском правительстве уже весной 1944 г. был убежден, что только Маннергейм обладает достаточным авторитетом, чтобы вывести Финляндию из войны. После того как полпред СССР в Стокгольме А.М. Коллонтай сообщила, что мир с Рюти и его правительством более не является возможным, Маннергейм согласился взять на себя ответственность за руководство страной. В последний день июля 1944 г. президент Рюти ушел в отставку, уступив место миру и Маннергейму. Парламент за три дня подготовил чрезвычайный закон, на основании которого Маннергейм был избран президентом республики.

После того как правительство Линкомиеса подало в отставку, поиск премьер-министра оказался затруднительным. Вальден, Рамсай, Таннер, Хаккила и Кивимяки отказались занять этот пост. В конце концов Маннергейм уговорил директора-распорядителя Центрального союза финляндских работодателей (ЦСФР), бывшего министра иностранных дел Антти Хакцеля взять на себя эту неблагодарную миссию. В формировании правительства приняли участие представители всех партий, кроме ПНД. Министром иностранных дел президент назначил Карла Энкеля. Из числа тех, кто в предыдущем правительстве входил в «узкий круг», на посту остался только министр обороны Вальден.

Сразу после смены президента немцы поняли, что Финляндия подпишет сепаратный мир так скоро, как только возможно. Маннергейм не скрывал этого при встрече в середине августа 1944 г. с прибывшим в Финляндию представителем Гитлера фельдмар-

Отступление финских войск из Восточной Карелии летом 1944 г.

шалом Вильгельмом Кейтелем. Он заявил, что частное обязательство Рюти никоим образом не связывает его. Однако Маннергейм выждал более трех недель, прежде чем попросил СССР представить условия мира. Правительство получило предварительные условия через Стокгольм в конце августа 1944 г. СССР был готов принять делегацию Финляндии только при условии, если Финляндия открыто заявит о разрыве дипломатических отношений с Германией и потребует от последней вывести свои войска с территории Финляндии до 15 сентября. Великобритания и США согласились

с предварительными условиями, выдвинутыми Советским Союзом.

2 сентября правительство спешно созвало парламент и сообщило ему о своем решении разорвать отношения с Германией. Действия правительства были одобрены собравшимся в неполном составе парламентом 113 голосами против 43. О разрыве отношений Германии было заявлено в тот же день. Находившиеся в Хельсинки немецкие дипломаты и военные представители были огорчены и разочарованы. Однако Германия не прибегла к силовым методам в отношении Финляндии. СССР обещал прекратить военные действия 4 сентября 1944 г. в 8 часов утра, если Финляндия сразу обнародует информацию о разрыве отношений с Германией. Финляндские фронтовые части получили приказ прекратить огонь и последовали ему, но советские войска продолжали вести огонь еще в течение суток. Финны с горечью думали, что русским верить нельзя. Однако думается, что истинная причина была в том, что СССР не получил вовремя подтверждения о том, что Финляндия обнародовала вышеупомянутую информацию. Министр иностранных дел Энкель просто забыл сообщить в Москву об этом, а премьер-министр Хакцель, выступая с речью по радио, случайно пропустил абзац, в котором говорилось о разрыве отношений с Германией.

**ОТ ВОЙНЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ
ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.
1944–2009**

Юкка Невакиви

От войны к миру

Финляндия согласилась на мир как раз вовремя. Только сутки минули после принятия 24 августа 1944 г. президентом Маннергеймом окончательного решения о переговорах, как Румыния заключила с СССР перемирие и повернула штыки против Германии. После выхода Финляндии из войны на стороне Германии оставалась одна Венгрия, но и она в середине октября заявила о капитуляции. Отступление немцев из Эстонии началось еще 17 сентября, и спустя 10 дней побережье Финского залива по всей его протяженности находилось под контролем Советской армии. Ситуация не могла не нести в себе серьезной угрозы для военно-политического положения Финляндии.

Немцы вместо того, чтобы согласиться с требованием Финляндии вывести свои войска с ее территории, в ночь на 15 сентября, накануне установленного срока вывода, неожиданно предприняли попытку захватить остров Суурсаари, который имел важное значение для блокирования советского флота у входа в Финский залив, высадив на нем десант численностью более 2 тыс. человек. Финский гарнизон острова сумел постоять за себя и уничтожил или вынудил сдаться большую часть нападавших. Спустя два дня немецкие войска, уходившие из Беломорской Карелии, совершили очередное преступление на территории Финляндии, спалив дотла село Хюрюнсальми.

Осложнения, однако, возникли в связи с тем, что против немцев, нарушивших сроки вывода своих войск, не были приняты меры, предусмотренные условиями перемирия. Хотя к тому времени уже успели очистить от немцев Южную Финляндию, 20-я Горная армия (20.А) численностью более 214 тыс. человек, находивша-

яся к северу от водной системы реки Оулуйоки, не подчинилась требованию покинуть пределы Финляндии. Во многом это было следствием того, что ей было предписано вывезти в Норвегию тяжелое вооружение и складские запасы. Главное командование финляндской армии в Миккели, опасавшееся новой войны против боеспособного и хорошо вооруженного противника, успело тайно согласовать со штабом Горной армии порядок вывода немецких войск: немцы должны были вывести свои войска в соответствии с утвержденным обеими сторонами графиком, причем финны следовали бы за ними на известном расстоянии, дабы избежать столкновений. Чтобы помешать преследованию и поставить советских наблюдателей в тупик, немцы минировали за собой дороги и взрывали мосты.

Эта лжевойна, или «осенние маневры», как назвал ее главный квартирмейстер генерал-лейтенант А.Ф. Айро, даже не успела начаться, поскольку мирной делегации Финляндии, еще 7 сентября отправившейся через линию фронта на Карельском перешейке в Москву, но вынужденной в течение недели томиться там в ожидании, пришлось держать ответ: почему немцев не начали изгонять или интернировать?

Финны полагали, что СССР в соответствии с обещаниями, переданными через Стокгольм, при необходимости поможет в изгнании немцев, поэтому поначалу на север не были направлены достаточные силы. Кроме того, финны бывшему противнику не доверяли и основную часть своих войск предпочитали держать на восточной и юго-восточной границах для защиты внутренних районов страны. В Ставке финляндской армии не знали о том, что после переброски войск на Прибалтийский фронт у советской стороны на границе с Финляндией осталось даже меньше соединений, чем имелось у финнов. Финское командование не особенно было в курсе того, что эти части были измотаны настолько, что были не в состоянии изгнать немцев откуда либо еще, кроме как с территории Петсамо, переданной СССР по Соглашению о перемирии, заключенному в сентябре. Советская авиация, со своей стороны, успела помочь финнам уже в боях за Суурсаари и вмешалась в ход войны, начавшейся в Лапландии, но и ее операции не принесли видимой помощи.

Советские офицеры из Союзной Контрольной Комиссии (СКК), прибывшие в Хельсинки вскоре после заключения Соглашения о перемирии, не были намерены наблюдать издали за

промедлением финнов, но отправились в Миккели¹⁰⁰, дабы потребовать от них перейти к непосредственным действиям. Маннергейм тотчас решил усилить войска, сосредоточенные на севере, увеличив их численность до 60 тыс. человек, и поручил командование ими генерал-лейтенанту Я. Сииласвуо. Последнему было приказано начать преследование немцев, несмотря на согласованный с ними ранее график отхода.

В соответствии с этим танковая дивизия, сосредоточенная на южном берегу реки Оулуйоки, сначала выдвинулась к общине Пудасъярви, где 28 сентября произошло первое вооруженное столкновение с немцами. Отсюда при поддержке одной пехотной дивизии (6.Д), продвигавшейся со стороны поселка Каяни, наступление далее продолжалось через общину Рануа на поселок Рованиеми. Дорога вдоль берега реки из города Оулу в город Кеми после того, как были взорваны с полдюжины больших мостов, находилась в таком состоянии, что наступать по ней на север можно было только силами одной бригады (15.Б). Чтобы ускорить операцию, Сииласвуо решил направить свои главные силы морем прямо из Оулу в город Торнио, который был взят после дерзкой высадки 1 октября, в срок, установленный СКК для начала активных военных действий. Ситуация характеризовалась тем, что, поскольку Советский Союз не разрешил финнам использовать на этом этапе авиацию и боевые корабли, операцию пришлось проводить без них, пользуясь лишь зафрахтованными судами, почти не имевшими вооружений.

После того как контратаки немцев в окрестностях Торнио были отбиты, одна из финских дивизий, участвовавших в высадке морского десанта (3.Д), блокируя противника с севера, вынудила его оставить город, не причинив ему больших разрушений. Взяв 17 сентября при поддержке частей, продвигавшихся по дороге из Рануа, Рованиеми, который немцы успели полностью разрушить, совместно с дивизией (11.Д), двигавшейся вдоль западной границы из Торнио, она продолжила наступление в направлении общины Муонио, где вновь произошло ожесточенное сражение. Егеря танковой дивизии, в свою очередь, гнали немцев по старой полярной дороге в Ивало, центр общины Инари, и оттуда далее по дороге, поворачивавшей на север, к Каригасниеме¹⁰¹. К границе с Норвегией в районе Каригасниеме финны вышли 21 ноября, но в районе

¹⁰⁰ Советские офицеры посетили Ставку в Миккели 23 сентября.

¹⁰¹ Пункт перехода на границе с Норвегией.

Кясиварси¹⁰², где полку, укомплектованному молодыми призывниками (ПП 1), пришлось действовать в сложных зимних условиях, – только 26 апреля 1945 г.

Требование о преследовании немцев, если судить по публикациям в советской печати, было выдвинуто с той целью, чтобы финны оказались в кровавой схватке со своим бывшим соратником по оружию и окончательно порвали с Германией. На прибалтийском направлении Финляндию не принуждали к проведению ответственных операций на море, хотя советская эскадра в соответствии с Соглашением о перемирии использовала базы военно-морского флота Финляндии. От Финляндии не особенно требовали объявлять войну Германии, хотя позднее, с приближением окончания мировой войны, правительство констатировало, что начиная с 15 сентября 1944 г. немцы провоцировали войну между обеими странами. Андрей Жданов, прибывший в Хельсинки в качестве председателя СКК, камня на камне не оставил от выдвинутой крайне левыми идеи объявить в Финляндии набор добровольцев для борьбы против Германии.

Сталин также отверг предложенный Маннергеймом порядок освобождения Лапландии от немцев, в соответствии с которым советская армия должна была заняться этим на востоке, а армия Финляндии – на западе Лапландии. Вместо этого СССР придал ускорение операциям финнов тем, что позволил своим войскам вторгнуться в находившиеся по ту сторону границы общины Суомуссалми, Куусамо и Ивало. Прибывшие сюда советские войска наблюдали со стороны, как выдвинувшаяся вперед на крайнем восточном фланге финская Пограничная бригада¹⁰³ развивает наступление в северном направлении. Они не пытались блокировать немцев на южной стороне Ивало, где те встали против финнов на глубоко укрепленные позиции. В ноябре советские войска вернулись из приграничных волостей губернии Оулу на территорию СССР. Воинская часть, занявшая позиции в Ивало (задача которой, очевидно, состояла в обеспечении южного фланга советских войск, находившихся в Норвегии), оставила территорию Финляндии только в сентябре 1945 г.

Армия Финляндии, измотанная годами Войны-продолжения, достойно справилась и с последней своей задачей – изгнанием

¹⁰² Территория на границе с Норвегией.

¹⁰³ Пограничная бригада состояла из мобильных егерских частей, основными боевыми единицами которых были самокатные взводы.

немцев. Во многом благодаря авторитету главнокомандующего части, откомандированные для участия в последнем военном походе, за исключением очень немногих перебежчиков, лояльно относились к полученным ими приказам. Горечь от схватки усиливал тот факт, что многие подразделения армии Финляндии, участвовавшие в войне в Лапландии, в начале Войны-продолжения сражались на тех же участках фронта, что и преследуемые ими теперь немцы, а также то, что люди были лично знакомы с теми, кто сражался в стане недавних «братьев по оружию».

Число финнов, погибших и пропавших без вести на войне в Лапландии (немногим больше тысячи человек), несколько превышало потери немцев. Из-за большого числа подорвавшихся на минах раненых было вдвое больше, чем у противника (около 4 тыс. человек). Было «интернировано», взято в плен и передано СССР 1,3 тыс. немцев. Отступая, Горная армия следовала тактике «выжженной земли», уничтожая мосты, дороги и линии телефонной связи. Кроме того, она разрушила почти все строения в селе Хюрюнсальми, общинах Куусамо и Тайвалкоски, а также повсюду в Лапландской губернии, за исключением прибрежных районов Ботнического залива.

Мирная делегация Финляндии приступила к исполнению своей миссии в Москве в драматической ситуации: ее председателю, премьер-министру Хакцелю, после случившегося с ним удара пришлось еще до первого заседания отказаться от ведения переговоров. У финнов же помимо Хакцеля в составе делегации не было другого такого авторитетного руководителя высокого ранга, если это вообще могло помочь делу. Хотя в переговорах принимал участие посол Великобритании в Москве (как представитель находившихся в состоянии войны с Финляндией Великобритании и доминионов), вновь речь шла о мире «под диктовку». Единственное послабление, достигнутое благодаря его присутствию, состояло в том, что вначале был заключен не окончательный договор, как было предложено советской стороной, но Соглашение о перемирии.

Финскую делегацию вместо Хакцеля возглавил министр иностранных дел Карл Энкель, прилетевший из Хельсинки в Москву. Соглашение о перемирии было подписано 19 сентября 1944 г. Финны уже были готовы к тому, что им в итоге придется согласиться на территориальные условия Московского мирного договора 1940 г. и, кроме того, уступить территорию Петсамо. Вместо этого неожиданно им было заявлено, что теперь они должны сдать

в аренду СССР территорию Порккала на полуострове Ханко, которая находилась к западу от Хельсинки «на расстоянии пушечного выстрела». Другим внушавшим опасения предписанием было то, что Финляндия, несмотря на задачи по выдворению со своей территории немцев, должна была в течение 2,5 месяцев перевести армию на мирное положение, что означало более чем 93-процентное сокращение личного состава от уровня августа 1944 г.

В процессе обмена военнопленными, следовавшем за Соглашением о перемирии, вскрылись факты, которые действовали гнетуще на обе стороны. Из 64 тыс. человек, взятых в плен финнами, смогли возвратить только 43 тыс., так как почти треть погибла в госпиталиях и лагерях. Советский Союз, в свою очередь, вернул около 1,9 тыс. военнопленных, хотя по подсчетам, произведенным в Финляндии, их должно было быть почти на 2,5 тыс. больше. Согласно официальным заявлениям, в лагерях для военнопленных умерло не более 500 финнов. Позднее, со слов вернувшихся из СССР 237 финнов, стало известно о многих, все еще остававшихся в живых военнопленных, не возвращенных по той или иной причине.

Члены делегации Финляндии могли только догадываться, что в числе «прогитлеровски настроенных организаций», которые подлежали роспуску согласно статье 21 Соглашения о перемирии, кроме АКО также окажутся насчитывавшие десятки тысяч членов шюцкор и «Лотта Свард», которые приобрели значение едва ли не главной опоры вооруженных сил. И она вряд ли могла представить, что придется распустить также Финляндский союз братьев по оружию, который пестовал дух солидарности, окрепший во время войн 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг.

В Швеции к условиям перемирия, особенно к требованию передать СССР территорию Порккала, отнеслись с испугом, свойственным застигнутому врасплох. В Великобритании же требования СССР, в том числе касавшиеся военных репараций, считали скорее мягкими, поскольку по настоянию британцев сумма репарационных платежей была урезана наполовину (до 300 млн ам. долл.) по сравнению с предъявленной к оплате весной 1944 г. Финнов, разоренных войной, и это новое требование повергло в ужас: ведь для них сумма, назначенная к выплате, – в расчете на душу населения, – превышала военные репарации, которые немцам пришлось выплатить после Первой мировой войны.

Все же в Финляндии, как и в других странах, с окончанием войны пробудилась вера в будущее. Депутат парламента Урхо Кек-

конен, фигурировавший в числе первых оптимистов, выступая с речью по радио спустя неделю после подписания Соглашения о перемирии, сказал, что, по его мнению, «Советскому Союзу от независимой, жизнерадостной Финляндии должна быть большая польза, чем от сломленной, осужденной на зависимое существование». Мало кто осмеливался радоваться будущему, не считая освобожденных из тюрем и лагерей на основании статьи 20 Соглашения о перемирии, так называемой статьи о дискриминации, «друзей СССР» – коммунистов, только что обретших свободу действий, и, несомненно, также обычных дезертиров с фронта.

Еще задолго до наступления мира в кругах Главного командования финляндской армии были предприняты меры на случай оккупации страны, когда в борьбе за ее освобождение пришлось бы опираться на нелегальную организацию сопротивления. Одним из основных организаторов этой деятельности был тогдашний начальник разведки, полковник Аладар Паасонен. Уже в 1943 г. вместе со шведами была задумана секретная сеть радиостанций, которая передавала бы сведения из оккупированной Финляндии руководству разведкой, штаб-квартира которой находилась в Швеции. План не успели осуществить в первоначальном варианте, но после подписания Соглашения о перемирии из Ставки через Ботнический залив были немедленно тайно переправлены основные архивы разведки, технические материалы, а также 700–800 сотрудников разведывательного отдела (некоторые выехали с семьями). Однако прибывшие на место были интернированы, а доставленные вместе с ними материалы либо конфискованы, либо куплены для вооруженных сил Швеции.

Помимо этой операции, известной под названием «Стелла Поларис», повлекшей за собой бесчисленные выяснения на политическом и правовом уровнях, в Ставке был разработан проект организации тайных складов оружия, которые должны были быть созданы почти по всей стране, включая губернию Оулу. На этапе демобилизации и тогда, когда война в Лапландии еще продолжалась, из армейских передвижных складов тайно было вывезено большое количество военных материалов, в частности пехотного оружия и патронов к нему. Оружие было спрятано при помощи надежной организации связников в считавшихся безопасными местах в различных частях Финляндии с таким расчетом, чтобы спрятанного в одном месте хватило для вооружения одного батальона. Всего в подпольной армии должно было быть сформировано 38 таких батальонов – по

одному в каждом из шюцкоровских округов. После того как весной 1945 г. об этом стало известно, большая часть связников была выявлена и задержана. В ходе следствия было обнаружено около двух третей спрятанных военных материалов.

После этапа демобилизации до лета 1945 г. полковник Паасонен руководил иностранным отделом Генерального штаба и наладил агентурную сеть по прослушиванию телефонных разговоров и контроль за телеграфной связью в гостинице «Торни» («Башня»), которая была отведена под штаб-квартиру СКК в Хельсинки. По-видимому, одной из заслуг агентуры Паасонена можно считать то, что ей удалось добыть для руководителей государства сведения, согласно которым СКК не занималась подготовкой оккупации страны и не планировала положить конец ее независимости. Хотя маршала Финляндии, как и генерала Айро, официально держали в стороне от этих проектов, Маннергейм многое о них знал. Паасонен по совету маршала перебрался за границу. Впоследствии Маннергейм, когда писал в Швейцарии свои мемуары, взял его себе в помощники. После смерти Маннергейма¹⁰⁴ в 1951 г. Паасонен уехал в США и перешел на службу к американцам, как и группа прибывших туда из Финляндии офицеров, участвовавших в организации тайных складов оружия.

¹⁰⁴ К.Г.Э. Маннергейм умер в Лозанне 28 января 1951 г. – в годовщину начала гражданской войны 1918 г.

В тени «Башни»

Союзники договорились, что в Финляндии, как и в других неприятельских странах, должна быть создана особая военная комиссия для контроля за выполнением Соглашения о перемирии и что ее председателем должен стать представитель СССР, отвечавший за непосредственные военные действия против Финляндии. По предложению советского правительства на этот пост был назначен член Военного совета Ленинградского фронта, генерал-полковник Андрей Жданов, который подписал Соглашение о перемирии с Финляндией, будучи уполномоченным как правительством СССР, так и правительством Соединенного Королевства.

В свое время Жданова считали первым кандидатом в преемники Сталина, но диктатор, казалось, был недоволен ореолом святости, который тот обрел при обороне Ленинграда. Кроме того, у Жданова в борьбе за власть были опасные соперники. Поскольку уже забрезжила победа над Германией, у них был повод убрать его подальше от театра военных действий. Перевод Финляндии, считавшейся «неудобной», на мирное положение в этой ситуации стал для него личной – трудной и интересной – задачей, в решении которой нельзя было потерпеть неудачу.

Финнам Жданов внушал страх: в Финляндии знали о его злой роли в сталинских чистках, в агрессивной антифинляндской политике и советизации Эстонии. Тогдашнее правительство, включая президента, поначалу отнеслось к нему с подозрением и после того, как внутривластная атмосфера успела накалиться уже осенью 1944 г., вовсе не было убеждено в том, что у СКК помимо заявленных задач не было определенных политических целей.

Однако деятельность Жданова оказалась на удивление корректной. Уже война в Лапландии показала ему, что руководящий страной авторитетный маршал Финляндии лучше, чем кто-либо другой, мог бы склонить финнов на сторону нового внешнеполитического курса и предотвратить возникновение беспорядков. Хотя в стране имелись более значительные, чем когда-либо ранее, запасы незаконно укрываемого оружия, образовавшиеся вслед-

ствие тайно вывезенных с фронта трофеев, роспуска шюцкора и создания Ставкой тайных складов оружия, никаких признаков кровавых деяний, подготовки к восстанию или вооруженному захвату власти не отмечалось. Советское руководство в особенности отдавало должное тому, что в Финляндии промышленные предприятия работали без помех и поставки по военным репарациям, которые были важны для России, превращенной военными действиями в руины, не были сорваны.

Чтобы понять, что значили для СССР военные репарации, которые должна была выплатить Финляндия, следует вспомнить, что после войны промышленное производство в европейской части СССР составляло менее 1/3 от предвоенного уровня и что Советский Союз, пока в Румынии, Венгрии и Германии продолжалась война, мог получить репарации только из Финляндии. После того как уже осенью 1945 г. США прекратили оказывать СССР помощь, значение поступавших из Финляндии репараций, в сущности скромных, возросло еще больше.

Стремясь сохранить доверие государственного руководства Финляндии, к чему его подталкивала и Москва, Жданов остерегался превышать полномочия Комиссии. Страна не была оккупирована, и СКК не имела права вмешиваться в управление ею иначе как официальным путем, через посредство финляндского правительства. По существу, Жданов нарушил это правило только раз, когда в апреле 1945 г. вынудил Юрьё Лейно (КПФ), только что назначенного на пост министра внутренних дел, выдать в обход правительства примерно 20 эмигрантов русского происхождения, которых затем втихую вывезли в СССР. Тремя годами позже парламент осудил Лейно за это, и президент Паасикиви поспешил отправить его в отставку¹⁰⁵.

Во всех других случаях Жданов, стремясь воздействовать на руководство страны, ограничивался лишь словесными внушениями, хотя зачастую и делал их в жесткой форме. СКК при помощи своих «друзей», крайне левых, прибегала также к психологическому террору. Еще осенью, особенно на кризисном этапе войны в Лапландии, по стране поползли слухи о готовящейся оккупации

¹⁰⁵ При проверке в 1948 г. парламентом годового отчета правительства за 1945 г. министру внутренних дел Ю. Лейно был вынесен вотум недоверия, когда конституционная комиссия констатировала, что он превысил свои полномочия, выдав Советскому Союзу граждан Финляндии. Поскольку сам Лейно не подал в отставку, Паасикиви лишил его членства в Государственном совете.

Финляндии Советским Союзом. Выполнение Соглашения о перемирии стремились ускорить, намекая на то, что финнов ждут наказания, если они не будут повиноваться. Объектом запугивания стали также 55 тыс. ингерманландцев, добровольно приехавших в Финляндию в военное время; большинство из них под давлением СКК возвратились в СССР, не представляя, куда в итоге попадут. Наиболее суровым было требование вернуть в СССР военнопленных, главным образом тех примерно 1,2 тыс. человек, которые перешли на службу в армию Финляндии в силу причин этнического или иного характера. На этапе демобилизации примерно ста из них удалось бежать и в конце концов перебраться в Швецию.

В то же время атмосферу запугивания усугубляло то, что СКК, не сформулировав еще вопроса о виновниках войны, на основании статьи 13 Соглашения о перемирии представила список – из 61 фамилии, – в котором были упомянуты те, кого финляндским властям надлежало задержать на основании обвинений в военных преступлениях. Большинство подозреваемых находилось в плену. В числе тех, кого могли опознать по списку, были два генерала. По инициативе Маннергейма их отпустили на свободу, но других задержанных отправили в созданный в общине Миехиккеля особый лагерь, где им предстояло ожидать разбирательства и суда. Следствие затянулось, и суд над содержащимися в Миехиккеля в итоге состоялся спустя три года. Все это время большинству из них пришлось ни за что ни про что провести в предварительном заключении: 2/3 из 45 задержанных были освобождены без предъявления обвинения и суда.

Казалось, советское руководство поначалу и само не знало, как можно применить статью 13, касающуюся только военных преступлений, для осуждения лиц, ответственных за милитаристскую политику правительства Финляндии. К делу приступили, собственно, после того, как в августе следующего, 1945 г. в Лондоне на совещании министров иностранных дел союзных держав было принято решение о применении принципов виновности в военных преступлениях. Было согласовано, что к этой категории будут отнесены и те лица кто, не будучи виновен собственно в действиях, противоречащих правилам ведения войны, отвечал за начало и ведение наступательной войны. Англичане проявили солидарность со своим союзником по войне и не вмешивались в ход процесса над виновниками войны.

По требованию СКК правительству Финляндии в итоге пришлось согласиться представить на утверждение парламента име-

ющий обратную силу – что противоречило правовым нормам североευропейских стран – закон о военных преступниках, на основании которого могли быть осуждены обвиняемые в развязывании войны и затягивании заключения мира. СКК вмешивалась также в процедуру ведения судебных процессов и вынесение приговоров. Восьми политикам, обвиненным на процессе, начавшемся в середине ноября 1945 г. в Доме сословий в Хельсинки, по мнению СКК, были вынесены слишком мягкие приговоры. Больше всего русских возмутило то, что Вяйнё Таннер был осужден всего на 3,5 года лишения свободы. Такой приговор считали мягким, хотя Таннер и не был членом правительства тогда, когда Финляндия оказалась в Войне-продолжении. Жданов считал, что Таннер вообще пользовался таким влиянием, что, не будь Таннера, рабочий класс Финляндии не был бы вовлечен в войну.

Правительство, принимая во внимание авторитет СССР, теперь должно было заставить суд, состоявший из профессиональных юристов и представителей различных партий, пересмотреть приговоры. В результате 21 февраля 1946 г. были вынесены приговоры тем, кто, как считали в широких общественных кругах, только искупал чужую вину. Сроки варьировали от 10 лет исправительной тюрьмы (Ристо Рюти) до двух лет тюремного заключения (министры Антти Кукконен и Тюко Рейникка, обвиненные как члены комиссии по иностранным делам в правительствах военного времени). Премьер-министры Й.В. Рангель и Эдвин Линкомиес были осуждены на 6 и 5,5 лет соответственно, министр Вяйнё Таннер, тоже входивший в комиссию по иностранным делам, – на 5,5 лет, Т.М. Кивимяки, посланник Финляндии в Берлине в военное время, – на 5 лет и министр иностранных дел Хенрик Рамсай – на 2,5 года лишения свободы.

Жданов хотел, чтобы финны сами позаботились о выполнении статьи 13, как и других статей Соглашения о перемирии. Он предлагал крайне левым прибегнуть и к внепарламентским средствам нажима, не понимая того, что даже министр внутренних дел Лейно боялся, что такие методы, как незаконные, нанесут ущерб коммунистам. Хотя судебный процесс глубоко противоречил правовому мышлению финнов, приговоры, вынесенные обвиняемым, в итоге оказались намного мягче тех, что были вынесены на аналогичных политических процессах как на Востоке, так и на Западе.

В Финляндии опасались, что афера с организацией тайных складов оружия, раскрытая в начале лета 1945 г., вызовет со стороны

СКК серьезную ответную реакцию. Хотя следствие по делу, принятие закона, на основании которого можно было бы привлечь обвиняемых к судебной ответственности, и сам процесс были отложены до 1947 г., вмешательство со стороны СКК оказалось, к удивлению финнов, умеренным. Даже окончательные приговоры – из 1,6 тыс. привлеченных к суду приговорены были только 400, из них около десяти человек к наказаниям, варьировавшимся от 6 месяцев тюремного заключения до 5 лет лишения свободы с пребыванием в исправительной тюрьме, – не вызвали в СССР особо резких комментариев. Объяснить это можно тем, что СКК не сумела выявить действительных масштабов подготовки финнов к сопротивлению и предпочла в отношении дела о тайных складах оружия остаться на осторожно-выжидательной позиции.

Статью 11, о военных репарациях, которую Жданов считал особенно важной, в СКК с самого начала применяли так, чтобы поставить внешнюю торговлю и экономику Финляндии в зависимое от СССР положение. На это указывает то обстоятельство, вскрывшееся только в связи с соглашением о поставках, подписанным в рамках выполнения Финляндией военных репараций 17 декабря 1944 г., что основная часть репараций, которые СССР хотел получить от Финляндии, должна была состоять не из товаров традиционных для Финляндии бумажной и деревообрабатывающей промышленности¹⁰⁶. Это оказалось на пользу Финляндии. В последующие годы именно на изделия этих отраслей на мировых рынках был хороший спрос, и финны смогли прибегнуть к их для экспорта.

С большой досадой финны реагировали на то, что СССР совершенно неожиданно для них на переговорах по заключению соглашения о репарационных поставках потребовал от Финляндии выплатить военные репарации по ценам 1938 г., намного более низ-

¹⁰⁶ В конечном счете в отношениях с Финляндией СССР заботило обеспечение собственной безопасности. К упреждающим мерам по предотвращению «чрезмерного смещения Финляндии в западном направлении» Москва приступила еще в период перемирия 1944–1947 гг. Уже в октябре 1944 г. А.А. Ждановым была сообщена советскому штату СКК стратегическая цель – превратить хозяйственную жизнь Финляндии в придаток советской экономики. Договор о репарационных поставках понимался Москвой как прообраз будущих экономических отношений. При выработке структуры репарационных поставок от финнов хотели получить не конъюнктурный, а постоянный интерес с тем, чтобы завязать крепкие хозяйственные связи и уже на их основе обеспечить стабильное влияние СССР в Финляндии. Договором о репарационных поставках предусматривалось, что доля продукции различных отраслей машиностроения, изделий кабельной промышленности, турбин, а также судов составит 2/3 всех репарационных товаров с последующим ее повышением.

ким по сравнению с действовавшими на тот момент. Таким образом, стоимость военных репараций, рассчитанная в долларах по курсу 1952 г., последнего года выполнения репарационных поставок, возросла почти в два раза по сравнению с их стоимостью, оговоренной в Соглашении о перемирии, или была примерно той же, что и затребованная на Московских переговорах весной 1944 г.

Финнов буквально ошеломило предъявленное им позже дополнительное требование о погашении сумм, причитавшихся Германии от Финляндии за период войны и которые по решению Потсдамской конференции (июль 1945 г.) она должна была выплатить СССР. После продолжительных торгов они были оценены в 6,5 млрд финских марок (по тогдашнему курсу около 48 млн ам. долл.) и должны были быть выплачены по совокупности, без учета сумм, причитавшихся Финляндии от Германии. Финнам не особенно помогло то, что ущерб, причиненный немцами в Северной Финляндии в 1944 г., был оценен в сумме, более чем вдвое превышавшей назначенную к выплате, и которая так и не была возмещена. Поскольку экономические возможности Финляндии были крайне слабыми, в договоре о возвращении германских активов, подписанном в феврале 1947 г., пришлось прибегнуть к самым различным срочным расчетам, в числе которых была передача броненосца «Вяйнемейнен», представительской недвижимости в Таллине и Ленинграде, а также порожистых территорий в долине реки Паатйюки, лежавших прямо на новой границе против Петсамо. «Русские хотят сорвать с нас последнюю рубашку», – с горечью заметил Паасикиви в письме Ээро А. Вуори¹⁰⁷.

Годы, прожитые в тени «Башни», были для Финляндии исключительно тяжелыми. Помимо выплаты военных репараций и перевода германских активов на основании Соглашения о перемирии от Финляндии потребовали возвратить вывезенные из СССР и с уступленных территорий движимое имущество и военные трофеи. Кроме того, были предъявлены многочисленные претензии по компенсациям. Расчеты по счетам, контролируемым СКК, вкупе с задачами по послевоенному восстановлению хозяйства и с мероприятиями по изменению условий землевладения легли столь тяжким грузом на экономику страны, что возвращение к нормальной жизни пришлось отложить надолго – на 1950-е годы.

¹⁰⁷ Вуори, Ээро Аарне (1900–1966) – дипломат и политик. В 1938–1945 гг. председатель ЦОПФ, член социал-демократической мирной оппозиции, министр, посланник.

Финляндии пришлось также нести расходы на нужды СКК. Затраты на содержание советского штата СКК (вначале 280 человек, в конце чуть больше половины от этого числа) все же были несравнимы с потенциальными расходами на содержание оккупационных войск, как это было в Болгарии, Румынии и Венгрии.

В отличие от ситуации этих странах, в Финляндии у британских членов СКК сложились хорошие отношения с советским руководством Комиссии и имелась возможность оказывать влияние на те методы, к которым оно прибегало в своей деятельности в Финляндии. В период работы СКК в Финляндии не было такого произвола в отношении государственной администрации либо частных лиц, какой имел место в упомянутых странах, оккупированных СССР. СКК запретила до лета 1945 г. воздушное сообщение с Швецией и лишила немногие находившиеся в Хельсинки иностранные представительства, а также министерство иностранных дел Финляндии права на передачу зашифрованных донесений. Но Комиссия не вмешивалась в такие важные с точки зрения независимости страны области, как почтовая, телефонная и телеграфная связь, программы радиовещания, репертуар театров и кинотеатров и даже дела печати. Эти вопросы находились исключительно под контролем внутренней цензуры, которая была отменена только после вступления в силу в 1947 г. окончательного мирного договора. СКК также не касалась вопросов внутреннего общественного порядка, которые полностью находились в компетенции финляндских властей.

На пути к «народной демократии»

Послевоенный период, продолжавшийся еще около года после подписания в 1947 г. окончательного мирного договора, в Финляндии называют «годами опасности», имея в виду как внешнюю, так и внутреннюю угрозу. Финляндию тех лет, заново родившуюся в процессе выбора нового внутри- и внешнеполитического курса, также называют «второй республикой».

И то и другое является преувеличением в том смысле, что в 1944–1948 гг. в действительности не возникло революционного кризиса, и на государственно-правовом уровне не произошло особых изменений по сравнению с предшествовавшими этапами: в отличие от всех других ставших самостоятельными после Первой мировой войны стран, политические системы которых претерпели кардинальные изменения. В Финляндии не была изменена политическая система, и конституция страны, принятая в 1919 г., еще долго действовала в прежней форме и после этого.

Маннергейм был готов ввести в назначенный в сентябре 1944 г. (после правительства Хакцеля) кабинет министров, который возглавил У.Й. Кастрэн, также К.-А. Фагерхольма, бывшего во время войны министром по социальным вопросам, и председателя ЦОПФ Ээро А. Вуори. Оба эти социал-демократа представляли мирную оппозицию, хотя и не подписали так называемое Письмо 33. Ссылаясь на трудности, возникшие в отношениях с СКК в связи с выполнением Соглашения о перемирии, они уже в начале ноября констатировали, что правительство Кастрёна неспособно справиться с поставленными перед ним задачами. После того как Фагерхольм и Вуори заявили, что оставляют свои министерские посты, правительство распалось и президент поручил государственному советнику Ю.К. Паасикиви сформировать новый кабинет. Паасикиви с весны 1944 г. не доверяли ответственным постов в правительстве, и контакта с ним искала мирная оппозиция, в особенности Вуори и Кекконен. Поощряемые сотрудниками СКК, они вместе с некоторыми другими разделявшими их взгляды деятелями начали «протаскивать» Паасикиви в премьер-министры.

Правительство Паасикиви, назначенное Маннергеймом, после многоэтапного сопротивления 17 ноября 1944 г. ознаменовало историческую победу над политиками военного времени. Более половины новых министров были назначены впервые. Помимо Вуори в правительство вошла группа политиков, близких к мирной оппозиции, первым – Кекконен, получивший портфель министра юстиции. Из семерых социал-демократов, ставших членами нового кабинета, четверо входили во внутрипартийную оппозицию к Таннеру. Среди них был один из членов «шестерки», сидевших во время войны в тюрьме. По предложению группы Кекконена и Вуори в правительство взяли также представителя только что легализованной КПФ – Юрьё Лейно, получившего портфель министра по социальным вопросам.

Жданов сразу по прибытии в Хельсинки довел до сведения как коммунистов, так и «шестерки», что им следует приспособиться к общей политике, провозглашенной СССР с роспуском в 1943 г. Коминтерна. Жданов считал желательным объединить усилия всех финнов, согласных с требованиями Соглашения о перемирии и поддерживающих новый внешнеполитический курс, и не хотел поощрять насильственное изменение существующей политической системы. Самым примечательным является то, что он также не поддержал идею создания и вооружения добровольческого движения для изгнания немцев. В Финляндии, таким образом, и после войны с СССР не возник антифашистский фронт в форме движения сопротивления, который в других воевавших европейских странах допустил объединение коммунистов с социал-демократами и либеральной буржуазией.

КПФ, вынужденная в своей деятельности опираться на парламентские методы борьбы, должна была начинать почти с нуля. Партия понесла тяжелые потери за длительный период пребывания в подполье, особенно в военные годы. На момент заключения перемирия в КПФ состояло менее 2 тыс. человек. Хотя, после того как в ноябре партия была зарегистрирована и начался массовый приток новых членов в местные организации, у коммунистов не хватало людей для занятия ответственных постов и даже для выдвижения кандидатов в депутаты парламента.

Положение коммунистов, получивших доступ к легальной деятельности, на начальном этапе облегчалось тем, что в Финляндии для подкрепления нового политического курса почти в одно время с регистрацией КПФ были созданы две широкие общественные

организации: Общество дружбы «Финляндия–СССР» и Демократический союз народа Финляндии (ДСНФ). Некоторые ветераны Общества дружбы 1940 г. хотели, чтобы Общество дружбы «Финляндия–СССР» выступило продолжателем их движения, левого по сути. Все же в руководство Общества удалось привлечь также заинтересованных в улучшении отношений с восточным соседом представителей буржуазии, прежде всего Паасикиви, избранного почетным председателем. Тем не менее Общество (особенно издавая свою газету) в обозримом будущем служило и внутривнутриполитическим целям коммунистов.

ДСНФ, созданный в конце ноября, через 10 дней после создания Общества дружбы, Жданов хотел видеть головной организацией нового направления, которая объединила бы всех финнов, желающих сотрудничать в духе Соглашения о перемирии. Сначала он предполагал привлечь к работе в Союзе Урхо Кекконена. Позднее, когда ДСНФ стал политической партией, Жданов рекомендовал держать его в жестком подчинении КПФ. «Шестерка», заинтересованная в роспуске СДПФ, в свою очередь, давно уже хотела превратить Союз в рабочую партию, которая объединила бы всех левых, чему Жданов противился, опасаясь, что она окажется в руках сил, находившихся вне КПФ.

Жданов, делясь с «друзьями» своими соображениями относительно будущего политического развития Финляндии, обещал не вмешиваться во внутренние дела страны; тем не менее председатель СКК хотел направлять финнов в их выборе направления развития страны, поначалу возлагая надежды на изменение курса крупнейшей партией, СДПФ. Оппозиционное движение, зародившееся в социал-демократических кругах еще до съезда партии в ноябре 1944 г., все же не было достаточно сильным для того, чтобы нарушить прежнюю властную структуру. «Шестерку» не восстановили в партии. Вайнё Таннеру, в свою очередь, удалось протолкнуть в партию своих кандидатов, которые категорически отвергли предложения ДСНФ о сотрудничестве. Новое партийное руководство допустило деятельность оппозиции, сплотившейся вокруг Фагерхольма, но исключило из СДПФ тех, кто не устоял перед посулами народных демократов¹⁰⁸ и на следующих выборах оказался в списках кандидатов от ДСНФ. Исключенные, в том числе Мауно Пеккала, занимавший в начале Войны-продолжения пост министра

¹⁰⁸ Народные демократы – члены ДСНФ.

финансов, но затем представлявший мирную оппозицию, позднее присоединились к народным демократам.

Ээро А. Вуори никогда не покидал своей партии, но вызвал раздражение у таннеровского большинства тем, что, пользуясь своим положением, ввел коммунистов в руководство ЦОПФ. До своего ухода с поста председателя ЦОПФ он добился того, что в качестве международной организации, с которой сотрудничало ЦОПФ – вместо Международной федерации профсоюзов (МФП), считавшейся антикоммунистической, – была избрана Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), учрежденная в 1945 г. при содействии СССР.

На первых послевоенных парламентских выборах, организованных в марте 1945 г., ДСНФ все еще выступал с антимилиитаристскими и антифашистскими лозунгами, обращенными ко всем левым силам. Полученная Союзом поддержка превзошла даже ожидания самих его членов. Хотя премьер-министр Паасикиви, которого поддерживал Вуори, еще до выборов призвал тех, кого отождествляли с политикой войны, впредь не стремиться стать парламентариями, нажим едва ли оказал влияние на соотношение сил между партиями. Спонтанный успех крайне левых был еще более заметным на фоне того, что полученный ими процент голосов (75%) был выше, чем когда-либо ранее в истории Финляндии.

ДСНФ, получивший четвертую часть от всех мест в парламенте, одним рывком поднялся на один уровень с СДПФ и АС. Когда Сюльви-Кюлиikki Килпи¹⁰⁹, избранная по списку кандидатов от СДПФ, позднее перешла в ряды ДСНФ, парламентская фракция народных демократов (50 мест) в итоге получила на один мандат больше, чем фракции обеих других «больших партий»¹¹⁰.

Как в СССР, так и на Западе результаты выборов считали показателем того, что Финляндия по собственной воле избрала новый политический курс, как рекомендовала в своей «Декларации об освобожденной Европе» конференция глав правительств трех союзных держав, состоявшаяся месяцем раньше в Ялте.

Жданов тоже был доволен и видел в результатах выборов явный признак того, что Финляндию можно вывести парламентскими методами на путь «народной демократии» – системы, наме-

¹⁰⁹ Килпи, Сюльви-Кюлиikki (1899–1987) – политик, депутат парламента в 1934–1958 гг. (вначале от СДПФ, после Второй мировой войны от ДСНФ), председатель Общества дружбы «Финляндия–СССР» в 1946–1951 гг.

¹¹⁰ «Большие партии» – АС, СДПФ и ДСНФ.

чавшейся в сфере влияния СССР. Как показывают документы из российских архивов, договор о сотрудничестве, заключенный ДСНФ после выборов с двумя другими «большими партиями», по мнению Жданова, имел основополагающее значение. Жданов усматривал в «блоке» возможность для народных демократов, которым принадлежала четвертая часть мест в парламенте, перетянуть на свою сторону социал-демократов и аграриев, что в итоге позволило бы им завоевать большинство в 2/3. Он ошибся, думая, что тогдашняя социал-демократическая оппозиция или Кекконен, вокруг которого сплотилось большинство в АС, могли бы или даже захотели вывести свои партии на этот путь.

Жданов также обманулся в своих надеждах на то, что КПФ сможет быстро разработать программу, с помощью которой можно было бы изменить парламентскую общественную систему. КПФ, страдающая от нехватки кадров, по горло загруженная партийно-административными делами, задачами коммунального и общегосударственного масштаба, просто не успела заняться программой. Жданов, долгое время оставляя партию в неведении относительно целей СССР и предостерегая ее, например, от экспериментов в области социализации и проведения аграрной реформы, сам в 1944–1945 гг. удерживал финских коммунистов от революционных методов борьбы. Когда в 1946 г. КПСС наконец дала «зеленый свет» и рекомендовала братской партии в Финляндии обратиться к внепарламентской деятельности, прежде всего для проведения чистки государственного аппарата, КПФ оказалась не на уровне поставленных задач.

Председатель СКК подчеркивал, что финским коммунистам не следует стремиться к власти до тех пор, пока у них не будет достаточного опыта и сил для управления государством. В то же время, руководствуясь собственными интересами (интересами СССР. – Т.А.), Жданов затягивал срок президентства Маннергейма, хотя коммунисты жаловались, что тот препятствовал занятию коммунистами ключевых постов, например, в полицейском и оборонном ведомствах. Маннергейму не дали уйти в отставку, пока не подошел к концу процесс над виновниками войны, хотя в правительстве уже давно этого добивались. Особенно рьяно старались Паасикиви и Кекконен, у которых были свои виды на будущее.

Политика восстановительного периода

Росту национального самосознания способствовали организованные в Хельсинки уже в 1946 и 1947 гг. массовые спортивные мероприятия – праздники Рабочего спортивного союза и «большие игры» Центрального спортивного союза Финляндии, для участия в которых съехались физкультурники со всей страны. Широкое распространение физкультуры и спорта, несомненно, имело важное значение для восстановления психического здоровья нации. Это нашло свое выражение в том, что финны относительно быстро оправились от травм, причиненных войной.

На пользу Финляндии пошло то, что ей удалось отделаться от непосредственных военных действий раньше других покинувших лагерь Германии стран, – за восемь с лишним месяцев до краха Германского Рейха. Хотя Финляндия понесла относительно более тяжелые, чем другие страны германского блока, военные потери – погибло в общем почти 90 тыс. финнов – ни одна из стран, воевавших против СССР, не вышла из войны со столь незначительными потерями гражданского населения и материальных ценностей. Таким образом, когда демобилизованные вернулись к трудовой жизни, производство быстро набрало темпы и уже в 1948 г. достигло довоенного уровня.

Финляндия лучше, чем какая-либо другая страна, преуспела в «погашении счетов, выставленных войной». Переселенцев, потерявших кров на уступленных СССР территориях, пришлось расселить в пределах новых границ. Хотя многие из них обосновались в городах, находившихся в тисках жилищного кризиса, большинство следовало расселить в сельской местности. «Прикрепление» избыточного населения к земле понималось как первостепенная по значимости социальная и политическая задача. После того как стихли языковые споры, это не вызвало особых протестов со стороны шведоязычного населения, хотя границы заселяемых им территорий оказались под угрозой. Людские утраты в результате войн увеличивались и в связи с тем, что примерно 15 тыс. финнов,

оказавшихся в Швеции в 1939–1944 гг., в основном дети, не вернулись на родину.

То, что рабочим, включая тех, кто исповедовал крайне левые взгляды, сразу после подписания Соглашения о перемирии позволили интегрироваться в общество и через своих политических представителей взять на себя долю ответственности за политику правительства, имело крайне важное значение для послевоенного восстановления страны. В ситуации периода 1944–1945 гг. ключевым был вопрос о том, как направить мобилизованное на войну общество в русло мирного труда. Когда в сентябре 1944 г. на удивление быстро – еще до демобилизации – было принято решение об отказе от трудовой повинности, начал расти необоснованный страх перед массовой безработицей. Но после того как страна приступила к решению задач по послевоенному восстановлению экономики, ситуация на рынке труда быстро приобрела противоположный ожидаемому характер: в Финляндии ощущалась нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной.

Вначале трудности возникли на лесозаготовках, которые в первую послевоенную зиму 1944/45 г. поначалу не удалось обеспечить достаточной рабочей силой. Не только работы по восстановлению народного хозяйства, а также отопление зданий, поездов и газогенераторных автомобилей, но и экспортный сектор экономики плюс обязательные поставки лесоматериалов Советскому Союзу, – все зависело от лесозаготовителей и возчиков леса. Министр Вуори, отвечавший за лесное хозяйство, должен был зимой 1944/45 г. найти для лесозаготовок 100 тыс. мужчин, или 1/5 всех демобилизованных из армии. Летом 1945 г. понадобилось 50 тыс., а зимой 1945/46 г. даже 150 тыс. добровольцев. Чтобы лесозаготовители могли нормально работать, их нужно было обеспечить полноценным питанием, хорошей одеждой и жильем.

Правительство, даже если бы и захотело, не обладало политическими средствами для возврата к трудовой повинности, отсутствовали также достаточные возможности для повышения производительности труда, снизившейся за годы долгой войны. Стремительный рост цен, чему способствовал черный рынок, привел к необходимости повысить уровень заработной платы, что, в свою очередь, привело к расширению спроса и очередному повышению цен. В 1947 г. произошло наибольшее число забастовок за весь послевоенный период. В результате простоев на рабочих местах в общей сложности было потеряно 479 416 рабочих дней. Власти

предостерегали: забастовки в случае их продолжения могут привести к срыву графика поставок по военным репарациям и это обернется для страны штрафом, превышающим 1 млрд финских марок.

Хотя Контрольная комиссия в принципе была против забастовок, по большей части простои на рабочих местах носили политический характер и во многом проистекали из соперничества социал-демократов и коммунистов в профсоюзах. Число членов профсоюзного движения за последние три года стремительно возросло: в крупнейшей организации, ЦОПФ, в конце 1944 г. насчитывалось более 100 тыс. человек, в середине 1945 г. было уже вдвое, а в конце года – втрое больше. Наибольшее число членов было в 1947 г. – 341 600 человек.

Правительство пыталось обуздать инфляционный рост, учредив весной 1945 г. Совет по ценам и заработной плате – орган контроля за ценами, арендными платежами и заработной платой, но он потерпел почти тотальную неудачу. В процессе общего повышения заработной платы, естественно, нельзя было обойти и служащих, что в результате привело к резкому увеличению расходов государства. Забастовочное движение распространилось и на такие сектора экономики, к нарушению нормального ритма работы которых общество особенно чувствительно. Примером тому была угроза забастовки, с которой осенью 1945 г. выступили машинисты паровозов; правительству удалось предотвратить ее заявлением о том, что военнообязанные паровозники будут призываться на внеочередные учебные сборы.

Ресурсы, которыми располагало общество, были столь скудными, а спрос на них столь высок, что в 1945–1948 гг. стоимость жизни в Финляндии возросли в 4 раза: рост цен, таким образом, составлял в среднем до 50% в год. Несмотря на это, дисконтный процент Финляндского банка вплоть до 1947 г. удерживался на уровне 4%, установленном в 1934 г. Затем он был поднят более чем на 3%, после чего инфляционный рост прекратился. Ю.К. Паасикиви, испытывший на себе влияние кейнсианства, еще в бытность свою премьер-министром шутил: «Инфляция – дар, ниспосланный небом для сокращения государственного долга». Из финансово-политических мероприятий правительства, пожалуй, наименее популярным было отданное в новогоднюю ночь 1946 г. распоряжение о 50-процентном понижении стоимости всех находившихся в обращении денежных купюр. Был объявлен принудительный заем, который государство пообещало погасить к концу 1949 г.

В 1946 г., когда бремя выплат военных репараций и погашения германских долгов было наиболее тяжелым для истощенной войной страны, государственный сектор экономики оказался на грани банкротства. Министр финансов Ральф Тёрнгрен представил парламенту бюджет следующего года как «бюджет человека, который сам беднее бедного». Компенсационные расходы, вызванные войной, и погашение военных долгов все еще составляли 2/3 расходной части этого бюджета. В то же время центральное место в экономической политике в 1946–1948 гг., когда у власти находилось правительство Пеккалы¹¹¹, занимали вопросы о заработной плате и ценах. Попытки их решить раз за разом делали все более зыбкой возможность стабилизировать государственную экономику.

Правительство Пеккалы в любом случае проделало исключительную по своим масштабам законодательную работу. Помимо задач по возмещению убытков и наделению земель переселенцев и пр., являвшихся прямым следствием войны, законодателей ожидало множество реформ, отложенных в военные годы. Рост влияния левых и профсоюзов привел к исключительно активному развитию социального, в особенности трудового законодательства. Так, в 1946 г. в парламент был представлен ряд законопроектов, в том числе о ежегодных отпусках для трудящихся, о рабочем времени, об условиях заключения коллективных договоров, о суде по трудовым спорам и трудовом совете, о разрешении трудовых споров и производственных комитетах. В июле 1948 г. правительство представило в качестве последнего из подготовленных им крупных нововведений законопроект о государственном пособии на каждого несовершеннолетнего ребенка. Соответствующий закон парламент принял в период работы следующего кабинета.

В отличие от этих законопроектов, ни одно из предложений о внесении послаблений в окончательный мирный договор, которые правительство Пеккалы подготовило с большими надеждами на успех, принято не было. Правительство больше всего хотело вернуть уступленные территории, ведь в стране возникли серьезные проблемы с переселенцами. Кроме того, в результате установления новой границы Финляндия утратила значительные материаль-

¹¹¹ Правительство народного демократа М. Пеккалы было сформировано после избрания президентом Ю.К. Паасикиви 26 марта 1946 г. на базе «трех больших». В него вошли 6 представителей от ДСНФ, по 5 – от АС и СДПФ, один представитель ШНП и один министр-специалист – Карл Энкель, занявший пост министра иностранных дел.

ные ценности, например 1/4 мощностей деревообрабатывающей и бумажной промышленности. Однако СССР наотрез отказался от пересмотра границ и снижения размеров военных репараций. Некоторые положения, например касавшиеся военных статей Мирного договора, подписанного в Париже 10 февраля 1947 г., уточненных главным образом по требованию Великобритании, были даже более суровыми, чем условия Соглашения о перемирии. Однако окончательный мир возвратил Финляндии ее полное право на самоопределение. В знак признания за Финляндией такого права в сентябре, после того как СССР ратифицировал договор, ССК покинула страну.

Народно-демократическая печать в Финляндии вначале с удовлетворением отмечала предложение по внесению послаблений в условия мира, с которым финляндская делегация выступила на Парижской мирной конференции. Однако Москва с раздражением реагировала на это предложение, и тогда ДСНФ пересмотрел свою точку зрения и начал резко критиковать поведение финнов на мирной конференции. По инициативе КПФ по всей стране были организованы демонстрации с требованием к правительству отказаться от пересмотра условий мира. Нелояльная деятельность коммунистов была воспринята в обществе с негодованием, и их партнеры в правительстве, которые и раньше считали коммунистов орудием в руках СССР, стали относиться к ним еще более критично.

Похоже, уже в мае 1947 г., за 15 месяцев до своего окончательного падения, правительство Пеккалы производило впечатление «созревшего для отставки». Хотя к этому моменту министры от АС и СДПФ уже успели выйти из него, их вернули к своим обязанностям по желанию ССК. Поскольку в июле Паасикиви должен был принять в Государственном совете решение об отказе от помощи по «плану Маршалла», реанимирование правительства Пеккалы могло облегчить разрешение вопроса¹¹².

В оценках, которые впоследствии были даны «годам опасности», репутация правительства Пеккалы не осталась незапятнанной. Сам Лаури Хювямяки, давший жизнь этому историческому названию, которого едва ли можно заподозрить в симпатиях

¹¹² Финляндия в итоге отказалась от помощи по "плану Маршалла" под давлением СССР, который действовал через ССК и представителей ДСНФ в правительстве и парламенте.

к левым, в «Истории Государственного совета» пишет: «Мауно Пеккале достало доброй воли для того, чтобы вывести страну из состояния перемирия к более свободным условиям существования, и готовности нести личную ответственность». Однако он осуждает премьер-министра за шаткость позиции и беспорядочный образ жизни. То же самое можно сказать почти о всем тогдашнем правительстве. Большинство членов кабинета министров бескомпромиссно исполняло свои служебные обязанности, крайне обременительные уже хотя бы потому, что физические возможности человека не беспредельны. Шаткость позиции в известных ситуациях мог вызывать нажим со стороны СКК, беспорядочный образ жизни – в особенности злоупотребление алкоголем, что встречалось после войны во всех кругах, в правительственных в неменьшей степени.

Послевоенные мероприятия по изменению условий землевладения

Далеко не все земледельцы (лишь менее тысячи), получившие наделы под ферму на основании чрезвычайного закона об изменении условий землевладения (1940 г.), остались на новых местах поселения. Большая часть карельских переселенцев во время Войны-продолжения вернулась назад в свои родные края. В июне 1944 г. началась новая, для многих из них уже вторая, эвакуация из Восточной Карелии в другие районы Финляндии. По условиям Соглашения о перемирии, заключенного в сентябре 1944 г., Финляндия потеряла 12% своей территории. Четыреста двадцать тысяч переселенцев, из них около 7 тыс. с территории Порккала, сданной в аренду, нужно было расселить в пределах новых границ. Поскольку все население с уступленных территорий переехало в Финляндию, отчужденная Карелия перестала быть финской.

В декабре 1944 г. комитет, во главе которого стоял советник земледелия Тату Ниссинен, подготовил заключение, содержавшее руководство по расселению двух основных групп – переселенцев и фронтовиков. Принятию закона об изменении условий землевладения предшествовала жесткая политическая борьба. Вопреки точке зрения большинства в правительстве премьер-министр Ю.К. Паасикиви высказался за введение так называемого параграфа о языке, который освобождал шведоязычных земледельцев от обязанности отчуждать землю в пользу финноязычных переселенцев и фронтовиков. Паасикиви хотел сохранить территории, заселенные финскими шведами, едиными, а Финляндию – двуязычной.

Парламент, избранный в 1939 г., так называемый долгосрочный парламент, в качестве своего последнего шага в апреле 1945 г. принял закон о наделении земель, на основании которого переселенцы, фронтовики, инвалиды войны, вдовы и дети погибших на войне получили землю. В первую очередь земля отчуждалась у государства, общин, церковных приходов, фирм и различных товариществ. Частные усадьбы площадью менее 25 га были освобождены от обязанности отчуждать землю. Соппротивление землевладельцев было сильным, так как земли

отчуждались по цене 1944 г. – так называемой цене братьев по оружию. Те, у кого отчуждали землю, в виде компенсации получали облигации, которые были погашены через 15 лет. Тем временем инфляция приобрела галопирующий характер, так что облигации, несмотря на «золотую» кромку и 4% годовых, утратили большую часть своей стоимости.

До конца 1950-х годов, в период действия закона о наделении земель, было основано примерно 150 тыс. новых ферм. После двух войн интенсивно проходило также освоение новых посевных площадей: в результате распашки целины к началу 1950-х годов были полностью возмещены потери в посевных площадях, вызванные тем, что Финляндии пришлось уступить СССР территории на Карельском перешейке. Мероприятия по изменению условий землевладения оказали влияние на жизнь 700 тыс. человек, или каждого пятого. Кроме того, свыше 100 тыс. переселенцев обосновались в городах и в других крупных населенных пунктах. Во многих городах фронтовики образовали целые районы – так называемые деревни братьев по оружию.

Послевоенные мероприятия по изменению условий землевладения с экономической точки зрения были деятельностью даже более масштабной, чем выплата военных репараций. Обустройство переселенцев на новых местах прошло на удивление быстро; в течение 1947 г. уже половина, а к концу следующего года почти все желающие были расселены. Финляндская модель решения проблемы переселенцев в послевоенной Европе не имела аналогов. Принимая во внимание масштабы страны, задача была грандиозной; в какой-то степени ее можно сравнить с той, что пришлось решать Западной Германии: к 1948 г. она должна была расселить свыше 11 млн немцев, изгнанных с так называемых восточных территорий – из Польши, СССР и Чехословакии.

Политика 1940-х годов по изменению условий землевладения была направлена не только на преодоление последствий Зимней войны и Войны-продолжения, как это часто утверждают. Она была связана с более глубокой проблемой, касавшейся положения безземельного населения. Начало ее решению положил Закон об освобождении торпарей, принятый 1918 г.

и так называемый Закон Каллио (1922). Реформы не смогли полностью утолить «земельный голод», который до войны был особенно сильным в финской глубинке. Костяк рядового и младшего офицерского состава армии Финляндии составляли молодые мужчины из сельской местности. Многие из них мечтали обзавестись с наступлением мира своим хозяйством. Обещание государства дать каждому желающему пусть маленький, но свой надел земли было одним из основных факторов, поддерживавших в войсках боевой дух.

Переселенцы из Карелии, в числе которых было 150 тыс. достигших возраста, позволявшего избирать и быть избранным¹¹³, объединенные в союзы, составляли существенную группу давления. Увеличение числа крупных ферм также значительно усилило позиции Центрального союза предпринимателей сельскохозяйственного производства (ЦСПСХП), который в довоенный период был главным образом организацией давления¹¹⁴ крупных производителей Южной Финляндии. Число членов ЦСПСХП после войн 1939–1940 и 1941–1944 гг. возросло за пять лет в семь раз и в начале 1950-х годов составляло примерно 250 тыс. человек.

Вейкко Веннамо, который проделал огромную работу в качестве руководителя учрежденного в рамках министерства сельского хозяйства отдела, ведавшего вопросами передела земли, утверждал, что быстрые успехи в проведении мероприятий по изменению условий землевладения фактически избавили Финляндию от коммунизма. Благодаря этим мероприятиям силы, находившиеся на крайних политических полюсах, не получили сколько-нибудь существенной поддержки среди карельских переселенцев. В то же время приход переселенцев к руководству во многих общинах Южной Финляндии позволил АС потеснить НКП с позиций правящей партии в сельских волостях.

Политику изменения условий землевладения позже критиковали за то, что она закрепила мелкоземелье и создала в сельском хозяйстве положение, преодоление которого впоследствии дорого обошлось налогоплательщикам. Значительная часть ферм,

¹¹³ Установленный в 1906 г. возрастной ценз (24 года) впоследствии трижды понижался: в 1944 г. – на три года, в 1969 г. – на один и в 1972 г. – на два года.

¹¹⁴ См. примеч. 125.

основанных на неплодородных землях в отдаленных сельских районах, была «заморожена» еще в конце 1960-х годов, когда с целью ограничения перепроизводства сельскохозяйственных продуктов приступили к так называемому пакетированию полей¹¹⁵. Незавершенность структурных преобразований в сельском хозяйстве напомнила о себе при обсуждении в 1994 г. вопроса о членстве Финляндии в ЕС. Наиболее активно вступлению Финляндии в ЕС противодействовали именно в тех местностях, которые были главными объектами послевоенных мероприятий по изменению условий землевладения.

Однако в 1945 г. реальные альтернативы политике, серьезно критиковавшейся впоследствии, отсутствовали. Об эмиграции, которая на рубеже XIX–XX вв. стала каналом разрешения проблемы избыточного аграрного населения речь не шла, так как после окончания «большой войны» мир был переполнен беженцами.

Количество финнов, переселившихся в конце XIX – начале XX в. в Северную Америку, прежде всего в Соединенные Штаты, увеличилось до уровня, сопоставимого с переселением из Карелии несколько десятилетий спустя – примерно 400 тыс. человек. Но связи переселенцев с родиной продолжались, а часть из них вернулась домой. При их посредничестве «большой мир» оказал огромное влияние на многие общественные организации, такие как движение за трезвость, движение пробуждения и рабочие движения. Одним из наиболее известных людей, поживших в Америке, был Оскар Токои, который в 1907 г. стал первым председателем Центрального объединения профсоюзов Финляндии, в 1916 г. – заместителем председателя сената (что соответствовало премьер-министру), а в 1918 г. – членом красного правительства, или «Совета народных уполномоченных». После гражданской войны Токои вернулся в Соединенные Штаты. В 1944 г. сейм снял с него ответственность за события 1918 г.

¹¹⁵ «Пакетирование полей» предполагало выплату государством компенсации, в сущности весьма скромной в условиях бурного инфляционного роста, за отказ земледельца от возделывания своей земли. Решения в области сельского хозяйства привели к значительной активизации внутренней и внешней миграции населения.

Поворотный 1948 год

На 1948 г. пришелся серьезный поворот в холодной войне. Смена власти в Чехословакии в последние дни февраля – коммунисты изгнали буржуазные и социал-демократические партии из правительства и захватили государственный аппарат – встревожила западные державы и подала сигнал к созданию Североатлантического союза. Расширение НАТО, военной организации стран – участниц Североатлантического договора, на Скандинавию решающим образом повлияло и на положение Финляндии в системе международных отношений. После вступления в следующем году других североευропейских государств, Дании, Исландии и Норвегии, в НАТО Швеция и Финляндия остались на «ничейной земле» между Западом и Востоком, первая в качестве нейтрального государства, склоняющегося к Западу, вторая – к Востоку.

Этот год был для Финляндии во многих отношениях поворотным. Почти в тот же день, когда начались Пражские события, Сталин прислал Паасикиви письменное предложение заключить «советско-финляндский пакт о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» и начать переговоры по этому вопросу. Приглашение было принято, еще до истечения года в Финляндии был положен убедительный конец внутривполитическому развитию, которое могло бы вывести страну на путь Чехословакии и «народной демократии».

Идея подписания с Финляндией договора о дружбе и взаимной помощи возникла в СССР еще до Второй мировой войны. Она обсуждалась уже на советско-финляндских переговорах 1939 г. Вместе с тем позднее СССР не навязывал его Финляндии, даже при заключении перемирия 1944 г., хотя Молотов успел в декабре 1941 г. заявить своему британскому коллеге, что такой договор входит в цели советского правительства.

Президент Маннергейм, приведший Финляндию к миру, не будучи осведомлен о беседах Молотова и Э. Идена, предложил подписать такой договор председателю СКК Андрею Жданову в январе 1945 г., после того как тот потребовал от Финляндии убрать тяжелую артиллерию, находившуюся в западной части

южного побережья. Маннергейм, ссылаясь на все еще актуальную угрозу со стороны Германии, предлагал организовать оборону Финляндии с моря совместными усилиями, чтобы артиллерию можно было оставить там, где она и была. По словам Жданова, маршал заявил, что «оборонительные мероприятия, организуемые финнами, лишены какого-либо значения, если у нас нет хороших отношений с СССР»¹¹⁶.

Однако советское правительство на основании договоров, заключенных с союзниками военного времени, откладывало решение вопроса о заключении договора о дружбе и взаимной помощи с Финляндией до тех пор, пока Финляндия не подписала в 1947 г. окончательный мирный договор. Президент Паасикиви поставил с ног на голову старый девиз финляндских борцов за законные права («Наше право есть наша лучшая внешняя политика») и начал говорить о легитимном, продиктованном целями безопасности, обоснованном интересе СССР на финляндском направлении. После подписания Парижского мирного договора он дал по этому поводу газете Общества «Финляндия – СССР» многообещающее интервью, в котором утверждал, что Финляндия, не жалея сил, будет сражаться с возможным агрессором, стремящимся напасть на СССР через Финляндию.

Советскому правительству этого заявления оказалось недостаточно, но оно вернулось к вопросу о заключении договора в конце 1947 г., во время визита финляндской правительственной делегации в Москву. После обострения международной обстановки Паасикиви, однако, стал опасаться, как бы договор об оборонительном союзе не связал Финляндию с Востоком против Запада. Вместе с премьер-министром Пеккалой он с неприятием отнесся к инициативе, с которой Москва выступила в ноябре 1947 г. В начале следующего года он и сам отказался от поездки в Москву, хотя прибывший в Хельсинки новый советский посланник генерал Савоненков приглашал его туда.

22 февраля 1948 г. Паасикиви наконец получил письмо за подписью самого генералиссимуса И.В. Сталина с предложением заключить договор. Но, казалось, он все еще воздерживался от того, чтобы принять его. Паасикиви представил дело парламентским фракциям так, что все они, за исключением народ-

¹¹⁶ Цитаты выверены по документам Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, РЦХИДНИ (с. 252–253, 256) и Архива внешней политики Российской Федерации, АВП РФ (с. 262, 267, 274, 290).

ных демократов, порекомендовали дать отрицательный ответ. Это оказалось тактическим приемом, при помощи которого финны стремились показать советскому руководству, что парламент не удастся легко склонить к подписанию договора. Паасикиви, однако, без промедления ответил Сталину и принял приглашение, предложив провести переговоры в Москве. Одновременно, используя свои личные связи, он оказал давление на общественность, пытаясь склонить ведущую ежедневную газету страны «Хелсингин саномат» отнестись более положительно к инициативе Москвы, подобно тому как это уже сделала выходившая на шведском языке «Хувудстадсбладет». Одновременно, несмотря на мнение парламентских фракций, он провел через правительство решение о вступлении в переговоры и назначил членов делегации, представлявших различные партийные точки зрения. Предназначенные для участников переговоров инструкции были детально разработаны на заседаниях Государственного совета и делегации. Они были жесткими и запрещали делегации выходить за их рамки без разрешения президента. Сам Паасикиви остался в Хельсинки, поручив руководство делегацией премьер-министру и министру иностранных дел и одновременно опираясь на Урхо Кекконена, которого считал своим доверенным лицом.

Как явствует из документов, хранящихся в российских архивах, информация о содержании инструкций просочилась в Москву, так что МИД СССР почти досконально был в курсе того, какие позиции финны займут на переговорах. Сталина, стремившегося как можно скорее решить этот вопрос, подстегивали напряженная международная обстановка и, соответственно, необходимость завершить цепь договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (к этому времени СССР уже подписал такие договоры с соседними государствами Восточной Европы. – Т.А.). Финляндии, которая была последней в этой цепи, были предложены в качестве модели договоры, заключенные с Венгрией и Румынией. Но когда советскому руководству стало ясно, что Финляндия не готова пойти столь далеко, оно еще до начала переговоров, проходивших 22 марта – 5 апреля, согласилось с основными пожеланиями финнов. В них содержалась – включенная в преамбулу договора – ссылка на то, что Финляндия стремится оставаться вне противоречий между великими державами.

Условия договора, подписанного 6 апреля 1948 г., были для Финляндии, таким образом, исключительно выгодными, настолько,

что Кекконен осмелился в присутствии Сталина в шутку назвать результат переговоров «диктатом Паасикиви». Сам президент взял на себя обязательство сделать все возможное, чтобы договор был ратифицирован в парламенте, где его рассмотрение началось 28 апреля. Так что у СССР не было прямой выгоды вмешиваться во внутренние дела Финляндии до тех пор, пока, казалось, существовали явные возможности для того, чтобы Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи мог быть окончательно принят законным путем. Это существенный отправной момент, если задуматься о том, имелось ли на самом деле у коммунистов намерение, как о том ходили слухи, захватить власть в апреле 1948 г.

Интерес к Договору, проявляемый КПФ с 1947 г., с внутриполитической точки зрения проистекал из того, что в конфликтной ситуации этот договор предоставил бы возможность для оккупации Финляндии и насильственного изменения ее политической системы. Коммунисты отдавали себе полный отчет в том, что они не могли прийти к власти без согласия и поддержки СССР. Ратификация Договора в парламенте относилась к числу их жизненно важных интересов, и они стремились обеспечить ее при помощи широких внепарламентских действий и были даже готовы взять в кольцо здание, в котором проходили заседания парламента, подобно тому, как это было сделано в 1906 г.

Сценарий захвата власти был обнародован в статье, появившейся в воскресном номере «Суомен социалистидемокраатти» 25 апреля 1948 г. Главный редактор газеты Унто Варьонен впоследствии отмечал, что написал его еще на второй неделе марта, собираясь опубликовать позднее. Со своей стороны министр внутренних дел Лейно, впавший в немилость как советского руководства, так и КПФ, к тому времени уже предупреждал командующего армией генерала Арне Сихво о проектах захвата власти, которые, как он говорил, имелись «справа». Ведь руководство Государственной полиции (Валпо)¹¹⁷, контролируемой коммунистами, уверяло Лейно, что обнаружило бумаги годичной давности, в том числе об организации движения сопротивления.

Генерал Сихво отказался от своего уже согласованного участия в Московских переговорах о заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и остался в Хельсинки для осуществления контроля за предписанными вооруженным силам

¹¹⁷ Государственная полиция (Валпо – Valttiollinen poliisi) до своего роспуска в 1948 г. осуществляла контроль за внутренней и внешней безопасностью страны.

мероприятиями по переходу в состояние боевой готовности. Как отмечал и президент после окончания Московских переговоров, имелись опасения, что законному порядку угрожали скорее всего коммунисты. Страх усиливали Пражские события. Хертта Куусинен обратилась к этим событиям в своей речи 24 марта в Мессухалли¹¹⁸, а редактор народно-демократической газеты «Вапаа сана» самочинно озаглавил посвященную ее выступлению публикацию – «Путь Чехословакии – наш путь». В атмосфере напряженности, созданной Московскими переговорами, угроза была воспринята всерьез и вызвала неадекватную реакцию.

Сихво, в числе первых предупредительных мер, должен был усилить охрану арсеналов вооруженных сил, на что обращал внимание и министр внутренних дел. В духе предписаний Соглашения о перемирии о принятых мерах было также сообщено военному атташе СССР, у которого не нашлось на этот счет никаких замечаний. Позднее, в апреле, командующий организовал в Хюрюля, в окрестностях столицы, усиленную танками и пушками «экспериментальную группу», отрабатывавшую, в частности, тактику боевых действий в условиях крупных населенных пунктов. В момент, когда кризис достиг своей кульминации, к президентскому дворцу были направлены канонерские лодки «Уусимаа» и «Хямеенлинна», которые оставались там до тех пор, пока ситуация с ратификацией в парламенте не прояснилась. Со своей стороны, полиция Хельсинки в ночь с 26 на 27 апреля была переведена на режим повышенной готовности, а склад оружия мобильной полиции, считавшейся неблагонадежной, был перемещен в бомбоубежище под Кафедральным собором.

Как рассказал Жданову генеральный секретарь КПФ Вилле Песси, неожиданно объявившийся в мае в Москве, руководство Государственной полиции сообщило руководству партии, что правые вместе с иностранными пособниками планировали захват власти, чтобы не допустить ратификации Договора. В ЦК КПФ уже пришли к мысли о необходимости задержать кого-либо из наиболее видных участников заговора, за которыми, по мнению начальника Государственной полиции, стоял сам Паасикиви. От плана, однако, пришлось отказаться, как полагал Песси, потому, что «заговорщики узнали, что за ними следят».

¹¹⁸ *Мессухалли* – крытый павильон для проведения ярмарок и спортивных состязаний в Хельсинки.

Генеральный секретарь сообщил, что центральный комитет его партии предложил предотвратить угрозу захвата власти путем организации митингов и проведения арестов «заговорщиков», но он (ЦК) не был уверен в успехе и просил СССР прибегнуть к «возможным мерам давления». Жданов передал эту просьбу Сталину, прокомментировав ее в весьма беспощадных выражениях: «ЦК КПФ, как и прежде, занимает во всех важных вопросах неуверенную, оборонительную позицию, недооценивает силы своей партии и массового демократического движения, переоценивает реакционные силы, не стремится использовать по-настоящему имеющиеся внутренние возможности и чрезмерно уповает на внешнюю помощь со стороны СССР». Песси пришлось вернуться домой ни с чем, поскольку Москва, по сути дела, не вмешалась в ситуацию.

Авторы многочисленных публикаций, рассматривающие проекты захвата власти, которые, как утверждают, имели место весной 1948 г., не смогли представить ничего конкретного ни о планах крайне левых, ни о планах правых. Если дымовая завеса слухов о планах захвата власти и скрывала за собой огонь, то можно сказать, что речь шла скорее о небольших очагах сопротивления, чем о действительных попытках. Осуществление подобной попытки коммунистами было невозможно хотя бы потому, что к СССР министр внутренних дел Лейно, которого соратники по КПФ обвиняли в бездействии, на самом деле, предпочитал уделять больше внимания алкоголю, чем помогать революционно настроенным членам своей партии в ниспровержении существующей общественной системы.

Кульминацией событий стало то, что на основании вотума недоверия, вынесенного парламентом 19 мая, Юрьё Лейно был снят с поста министра внутренних дел из-за передачи СССР в 1945 г. заключенных. Впрочем, коммунисты, которым Лейно порядком надоел, стали требовать заменить его другим представителем от КПФ. По всей стране были организованы демонстрации и забастовки. Опасались, что они даже приведут к переносу или отмене назначенных на июль парламентских выборов. Забастовочному движению, к удивлению организаторов, пришлось положить конец по совету из Москвы. Спустя два дня СССР заявил, что сокращает остававшуюся к выплате по военным репарациям сумму (147 млн долл. США) наполовину.

Это послабление следует рассматривать как уступку потерпевшим неудачу народным демократам, которые при подготовке

к выборам выступили с предложением о сокращении военных репараций. Таким образом, СССР внес свой вклад в предвыборную борьбу, которая велась в атмосфере слухов о захвате власти, в большей степени, чем когда-либо, при содействии иностранных представительств и печати. Например, посланник Великобритании в Хельсинки признался своему министерству, что персонал посольства распространял среди рабочего населения пропагандистские материалы, но добавил при этом следующее: «Разбирательство, происходящее между коммунизмом и социал-демократией, нельзя считать сугубо внутривнутриполитическим делом».

Процент участвовавших в июльских парламентских выборах 1948 г. (78,2%) вновь побил все ранее достигнутые рекорды. В свою очередь, это повлияло на то, что народные демократы потерпели сокрушительное поражение. Правда, доля ДСНФ от всех поданных голосов сократилась только на 3,5% (т.е. до 20%), но число его депутатских мест уменьшилось на четверть и в новом парламенте составляло только 38. Победителями на выборах стали социал-демократы, коалиционеры и прежде всего АС, который увеличил число своих депутатских мандатов на 7. НПП продолжала терять места в парламенте, число которых сократилось до 5.

Народных демократов не захотели убрать из правительства, основанием для чего могли бы послужить результаты выборов, но вначале президент Паасикиви планировал вновь создать коалицию «трех больших партий», в которой премьер-министром, однако, был бы социал-демократ. Кроме того, СДПФ считала нежелательным участие в правительстве НКП и не хотела даже думать о правительстве двух партий, отказываясь от сотрудничества как с АС, так и с ДСНФ. Очевидно, социал-демократам в предшествовавшие годы надоели оба союза и они хотели сформировать правительство меньшинства, как еще зимой президенту предлагал Карл-Август Фагерхольм. Народных демократов погубила собственная алчность, которой оказалось достаточно, чтобы оставить их вне правительства: они не удовлетворились бы менее чем пятью министерскими постами, как максимум рассчитывая на то, что пост министра внутренних дел будет зарезервирован для них, а министром иностранных дел назначат Хертту Куусинен. Президент отверг предложение, сказав, имея в виду премьер-министра правительства в Терийоки, что это означало бы «то же самое, как если бы пост министра иностранных дел занял ее отец».

Правительство К.-А. Фагерхольма, сформированное 31 июля после трех недель переговоров, было воспринято как сенсация прежде всего потому, что в нем не было ни одного представителя от крайне левых. На Западе это сочли гарантией того, что Финляндия ушла с пути, ведущего к «народной демократии». Западные державы стали с большей лояльностью относиться к идее развития с Финляндией торговых отношений и предоставления ей кредитов. Как в Вашингтоне, так и в Лондоне впредь проводили четкое различие между ней и «странами-сателлитами». Теперь стремились к тому, чтобы Финляндия смогла полностью погасить свои долги по военным репарациям, не испытывая при этом более никаких трудностей. Как уверял президента посланник США в Хельсинки: «Нам сейчас кажется, что особенно важно постоянно обращать внимание на благосостояние Финляндии».

На «линию Паасикиви»

Критика коммунистами правительства, прямо и через Москву, произвела на президента Паасикиви закаляющий эффект. Излагая в доверительном порядке 13 сентября в узком правительственном кругу свои соображения о принципах, которыми в будущем следовало руководствоваться в финляндской политике, он подчеркнул, что «прежде всего нам следует придерживаться того, что мы сами, то есть парламент и президент, но не Москва, определяем, кто станет членом правительства».

«Хотя в будущем коммунистов можно было бы принять в состав коалиционного правительства, – продолжал Паасикиви, – их больше не следует допускать к ключевым постам». Таких постов было пять: пост премьер-министра, министра внутренних дел, министра обороны, министра иностранных дел и министра торговли. «Коммунист на посту министра иностранных дел, – пояснял он, – был бы единственно представителем СССР, но не Финляндии... коммунист на посту министра торговли мог бы влиять в том направлении, чтобы Финляндия стала зависимой от СССР».

Отметим, что и позже, когда ДСНФ вернулся в правительство почти через 18 лет, у него не было возможности завладеть этими министерскими портфелями. Когда в 1975 г. народный демократ был назначен во второе правительство Миеттунена вторым министром внутренних дел, его полномочия не предполагали руководства отделом по делам полиции¹¹⁹. В своей памятной записке Паасикиви выражал сожаление по поводу того, что в присутствии не внушавших доверия министров «в правительстве и в комиссии по иностранным делам нельзя было открыто говорить о делах, поскольку всегда следовало опасаться, что сказанное будет доведено до сведения русских». Президент проводил прямую аналогию с ситуацией в Свеаборге в 1808 г., когда «секреты» покидали стены крепости и становились известны командующему российскими войсками, взявшими ее в кольцо. Хотя Паасикиви считал

¹¹⁹ Отдел по делам полиции при Министерстве внутренних дел Финляндии.

само собой разумеющимся, что Финляндия в своих отношениях с СССР должна точно следовать линии, вытекающей из ее договорных обязательств, эти отношения, по его мнению, не предполагали внутриполитических уступок ни в какой форме.

И президент твердо стоял на стороне правительства Фагерхольма в его стремлении исполнить свою деликатную миссию – убрать коммунистов и их союзников с ключевых постов в обществе. Спустя почти три недели после своего назначения правительство обнародовало доклад комитета Альбэка, в котором говорилось о том, что Государственная полиция, защищавшая интересы коммунистов, оказалась не на уровне своих задач и что следует подвергнуть основательному изучению вопрос о том, нужна ли она в будущем. Уже 23 октября 1948 г. правительство было готово предложить парламенту распустить «особую полицию»¹²⁰, деятельность которой представляла опасность для правопорядка, и заменить ее новой охранной полицией.

Задачи охранной полиции, призванной обеспечить независимость страны, а также законный государственный и общественный порядок, с начала следующего года состояли прежде всего в контроле и сыске. При окончательном голосовании большинство в парламенте высказалось за то, что охранная полиция (в отличие от Валпо) не должна иметь полномочий на задержание и допрос, но эти полномочия следует передать Криминальной полиции. Против этого предложения возражали только народные демократы. Другим институтом, раздражавшим антикоммунистические силы, было Юлейсрадио¹²¹. Писательнице Хелле Вуолийоки, назначенной в его руководство в 1945 г., пришлось оставить свой пост по решению административного совета, в отношениях с членами которого у нее не раз возникали серьезные разногласия.

Более сомнительным с внешнеполитической точки зрения был вопрос об амнистии находившихся в заключении виновников войны. Паасикиви считал амнистию необходимой ввиду того, что общественное мнение с осуждением относилось к вынесенным виновникам войны наказаниям. Трех, которым были вынесены более мягкие приговоры, к тому времени уже выпустили из

¹²⁰ Имеются в виду те особые задачи по контролю за внутренней безопасностью страны, которые были возложены на Государственную полицию.

¹²¹ *Юлейсрадио* – государственная акционерная радио- и телевещательная компания, осуществляющая свою деятельность в Финляндии с разрешения Государственного совета.

тюрьмы, и Паасикиви сразу же, как только произошла смена правительства, поставил вопрос об освобождении остальных. В мае 1949 г. здоровье Ристо Рюти, осужденного на самый долгий срок, ухудшилось настолько, что президент при единодушной поддержке правительства принял решение о его помиловании. Одновременно были освобождены четверо последних еще находившихся в тюрьме виновников войны.

В своем письме Ээро А. Вуори Паасикиви охарактеризовал помилование как «наиблагороднейшую акцию», в которой он принимал участие после окончания войны. «Оно отчасти искупило то позорное деяние, которое мы были принуждены (в сущности, мы считали, что мы были принуждены) совершить в 1945 г.» В народно-демократической печати освобождение заключенных сочли непростительным актом. Критика усилилась, когда один из освобожденных, Вйяньё Таннер, в отличие от других, предпочитавших не показываться на публике, уже тем же летом вернулся к политической деятельности, чем привлек внимание к своей особе.

Крайне левые силы при помощи забастовочных действий стремились показать, что кабинет Фагерхольма не является рабочим правительством. Изначальная цель их состояла в том, чтобы вынудить правительство уйти в отставку. Уже через пять недель после его формирования на фарфоровом заводе «Арабия» в Хельсинки начался первый из простоев на работе. Приобретая затяжной характер, он вначале привел к тому, что ЦОПФ объявило рабочую территорию, охваченную «дикой» забастовкой, «открытой». После того как пикетчики помешали проникновению на завод посторонней рабочей силы, министр внутренних дел Аарре Симонен, известный своей жестокостью, направил туда полицию. О столкновении конной полиции с забастовщиками позднее говорили неоднократно.

Еще более драматический характер приобрели забастовки, прошедшие летом следующего года в городе Кеми. Их кульминацией стала остановка работ на сортировочной рабочей площадке в устье реки. Она началась как рядовой трудовой конфликт, поводом для возникновения которого послужил вопрос о заработной плате. Гигантская моль, образовавшаяся на реке из-за скопления бревен после того, как была перегорожена рабочая площадка, и опасность наводнения, угрожавшая городу, дали правительству основание потребовать прекращения забастовки. Рабочая комиссия ЦОПФ одобрила действия правительства, объявив и этот забастовочный объект «открытой рабочей территорией». Когда на сортировочной

площадке начала появляться посторонняя рабочая сила, Союз рабочих-лесосплавщиков, находившийся под влиянием коммунистов, призвал 18 августа 1949 г. к демонстрации протеста. После попытки участников акций (около 2 тыс. человек) прорваться на сортировочную площадку и «сбросить штрейкбрехеров в море» полиция открыла оружейный огонь. В результате два человека погибли, один из забастовщиков в панике оказался под колесами грузовика.

«Кровавый четверг» в Кеми вызвал политическое брожение крайне левых по всей стране, направленное против социал-демократического правительства меньшинства и его «негибкого» министра внутренних дел, прозванного «сабля Симонен». Его акции не особенно поднялись в глазах протестовавших после того, как чуть позднее по просьбе социал-демократов полиция вторглась в помещение, где проходил съезд работников лесной промышленности, чтобы вывести оттуда делегатов, которые, как утверждалось, находились там, не имея на то полномочий. В конце концов социал-демократическое руководство ЦОПФ жестоко подавило забастовочное движение, исключив из рядов ЦОПФ бастовавшие профсоюзы – Союз рабочих-транспортников и Союз рабочих-лесосплавщиков.

Генерал Савоненков охарактеризовал действия правительства Фагерхольма как противоречащие мирному договору. Не только амнистия виновников войны, считавшаяся нарушением статьи 13 Соглашения о перемирии, но и все мероприятия, направленные против народных демократов (чистка государственного аппарата и меры дисциплинарного воздействия «вплоть до заранее организованного кровопролития в Кеми»), были истолкованы как нарушение статьи 20 упомянутого Соглашения, так называемой статьи о дискриминации, и подвергнуты резкому осуждению. Все же в этой ситуации Москва избрала осторожную линию поведения и не заявила официального протеста, как то предлагал сделать посланник СССР в Хельсинки. Когда Савоненков попросил разрешения выразить протест в Хельсинки в связи с отставкой Х. Вуолийоки, тогдашний министр иностранных дел А.Я. Вышинский приказал передать Савоненкову, что «это означало бы вмешательство во внутренние дела Финляндии».

Собственно, единственным протестом, выраженным по инициативе Савоненкова, была нота, которую заместитель министра иностранных дел Андрей Громыко вручил в последний день 1949 г. посланнику Финляндии в Москве. В ней утверждалось, что СССР все еще «хочет получить» 300 с лишним своих виновных

в военных преступлениях граждан, которых следовало выдать на основании статьи 9 Соглашения о перемирии. Речь скорее шла о сотрудничестве финнов в выдаче во время войны ингерманландцев и восточных карел. Отмечалось, что своим «недобросовестным отношением» Финляндия нарушила также Договор 1948 г., в котором она взяла на себя обязательство действовать «в духе сотрудничества и дружбы».

Советская миссия в Хельсинки внимательно следила за внешними контактами Фагерхольма и других социал-демократов и усматривала, в особенности в их связях со скандинавскими и британской братскими партиями, подозрительные признаки прозападной политической ориентации. Причина для беспокойства была понятной, ведь рабочие правительства Норвегии и Дании, вступивших в НАТО при посредничестве британцев, начиная с 1948 г., еще до того, как присоединились к западному блоку, вели переговоры о военном сотрудничестве с социал-демократическим правительством Швеции.

Правительство реагировало на это арестом и выдачей советским властям группы объявленных в розыск. По некоторым оценкам, в стране все же укрылись как минимум 50–100 советских граждан, которые никогда не были найдены.

В своих отчетах за 1949–1950 гг. советская миссия в Хельсинки резко критиковала рост западного влияния, который был замечен ею в Финляндии. Свидетельством тому считали, например, сотрудничество североευропейских стран и достигнутую между ними договоренность о безвизовом передвижении в границах региона. Советские наблюдатели недоумевали: как это в течение года Финляндию посетили 40 тыс. туристов из Скандинавских стран!

Миссия сообщала, что западные державы, в особенности США, постоянно проявляют активность, преследуя главную цель – оторвать Финляндию от СССР и включить ее в сферу влияния англо-американского империалистического блока. В качестве примеров указывалось на прямое воздушное сообщение, установленное между Финляндией и Америкой, возросшие деловые контакты и в особенности развитие «туризма» в Северную Финляндию. По мнению миссии, угрожающее значение имели культурная экспансия, направленная с Запада на Финляндию, обмен стипендиатами, который финансировало правительство США, популярность американской литературной и кинопродукции, гегемония прессы, настроенной доброжелательно по отношению

к Америке, прежде всего газетного концерна, которым руководил Эльяс Эркко.

Репутация социал-демократического правительства меньшинства ухудшалась в глазах московского руководства по мере того, как Фагерхольму удавалось раз за разом завоевывать доверие парламента, опираясь на поддержку буржуазных оппозиционных фракций. Вначале экономическая политика правительства имела своей основой конъюнктуру, державшуюся на высокой отметке с 1947 г. Торговый баланс был благоприятным, и это способствовало также увеличению импорта предметов потребления. Поскольку 1948 год оказался более урожайным, кабинет Фагерхольма приступил к работе, о которой правительства, существовавшие до него, могли только мечтать, – к демонтажу системы нормирования военного времени.

К числу исторических достижений первого правительства Фагерхольма следует отнести также Арава-закон¹²² 1949 г., на основании которого финансировалось строительство жилья. Этот закон был проникнут идеей общей пользы, поскольку жилищный голод в стране ощущался чрезвычайно остро. Кроме того, социал-демократическое правительство меньшинства проявило готовность помочь мелким земледельцам, продолжив практику выплаты дотаций на возделывание зерновых культур, начатую прежним кабинетом министров, и направив еще большие средства на строительство, предусмотренное законом о наделении земель 1945 г. Согласно своей программе правительство также стремилось к введению налоговых льгот.

Последствия щедрой бюджетной политики социал-демократов сказались в связи с внезапным ухудшением экспортной конъюнктуры на товары лесной промышленности в 1949 г. К лету уровень безработицы, которая после войны была незначительной, превысил 50 тыс. человек. Для развития экспортной торговли финскую марку девальвировали во второй половине года в два приема, в результате ее стоимость понизилась более чем на 60%. Рост цен на импортные товары и возросшие в 1948 г. социальные расходы привели к тому, что при составлении основного и дополнительного бюджетов на следующий год доходы государства оказались на 20% меньше расходов.

¹²² Государственный комитет по жилищному строительству «Арава». В его задачу входила забота о строительстве жилья в соответствии с так называемыми арава-законами, на основании которых население могло покупать у государства квартиры в кредит. Упразднен в 1966 г.

Частично из-за нехватки средств, частично из-за сопротивления аграриев и народных демократов правительство потерпело неудачу во многих своих социально-политических начинаниях. Провалился и проект, которым лично занимался Фагерхольм и который предполагал создание шведоязычной Корсхольмской губернии из общин Ваасской губернии, заселенных финскими шведами. Та же судьба постигла инициативу, которую поддерживали социал-демократы – карелы, но против которой выступал Фагерхольм, – инициативу, предполагавшую создание на территории общины Перная, где проживали финские шведы, общины Мерикойвисто, которая должна была быть заселена финноязычными переселенцами. Оба эти примера являются яркими, хотя, в сущности, редкими, свидетельствами внутренних противоречий в вопросах языка в двуязычной левой партии.

Дебют Кекконена

В дебатах, предшествовавших проведенным в начале 1950 г. президентским выборам, которые были первыми регулярными выборами после 1937 г.¹²³, средства массовой информации участвовали активнее, чем когда-либо ранее. Главным кандидатом был Паасикиви, в избирательный блок которого входили только НКП, ШНП и НПП (а также имевшая в то время влияние в границах того же политического пространства группа «Независимый средний класс»). Социал-демократы еще опасались открыто объединяться с правыми и вышли на выборы с «погашенным фонарем» – поддерживали Паасикиви, не называя его. АС впервые выдвинул своим кандидатом в президенты Урхо Кекконена. Кандидатом от ДСНФ был Мауно Пеккала.

Выборы отличала резкая критика народных демократов, направленная против Паасикиви с весны 1948 г., а также – как ее отражение – критика со стороны СССР. В первый и последний раз крайне левые осмелились в связи с президентскими выборами поставить

¹²³ Регулярными, или нормальными выборами, вплоть до изменения в 1991 г. процедуры избрания Президента Финляндской Республики, являлись выборы, осуществляемые коллегией выборщиков. Процедура, в свое время зафиксированная в Конституции, была запутанной и требующей значительного времени. Впрочем, от нее неоднократно отступали. Выборы первого президента, в виде исключения, доверили парламенту, аналогичная ситуация имела место после отставки К.Г.Э. Маннергейма в 1946 г. Во время войны, в 1940 и в 1943 гг., президентские выборы проводили выборщики 1937 г. Относительно процедуры избрания первого президента в 1919 г. в Акте о форме правления (один из законов, составляющих Конституцию Финляндии) сделано соответствующее упоминание, но в других случаях парламент должен был принять закон, позволявший отступить от Конституции. Помимо названных можно привести еще два характерных примера. После отставки Р. Рюти в 1944 г. Маннергейма назначили на пост президента специально принятым для этой цели законом, а в 1973 г. президентский срок У.К. Кекконена был продлен на четыре года (1974–1978) на основании чрезвычайного закона. Процедура опосредованных выборов президента вполне отвечала характеру многопартийной системы Финляндии, но ее постоянно критиковали за то, что она была не способна в полной мере отразить волю народа. В 1994 г. на основании поправки к Конституции в Финляндии впервые были проведены прямые двухступенчатые всенародные выборы главы государства.

под вопрос внешнюю политику, которой Финляндия следовала после войны.

Урхо Кекконен провел подчеркнуто динамичную предвыборную кампанию. Он стал первым кандидатом в президенты Финляндии, который объехал всю страну, везде выступая с речами. Однако он не критиковал тогдашнего президента. Для сторонников традиционной внешней политики, стоявших за Паасикиви и подтвердивших его избрание на новый президентский срок уже при первом голосовании коллегии выборщиков (171 голос против 67 голосов за Пеккалу и 62 – за Кекконена), то, что Паасикиви останется в президентском кресле, было гарантией того, что Советскому Союзу не будут сделаны «ненужные уступки». В стане тех, кто выступал против его избрания, в том числе среди сторонников Кекконена, линию Паасикиви считали слишком осторожной. Более активный Кекконен уже в те времена развивал идеи о том, что предпосылки, созданные Договором 1948 г., следует использовать не только в интересах укрепления безопасности обеих сторон, но и для упрочения отношений, основанных на стремлении к дружбе и сотрудничеству.

Социал-демократы, не добившиеся успеха на выборах, выступали с антикоммунистическими лозунгами. Они считали, что крайне левые стремятся использовать Кекконена, чтобы вернуться к власти. Горечь, которую социал-демократы испытывали по отношению к Кекконену, искавшему ответной поддержки у коммунистов, была глубокой и неподдельной. «Суомен социалидемократти» озаглавила статью, которая была опубликована незадолго до выборов и в которой была представлена политическая карьера Кекконена, следующим образом: «Кандидат в президенты от коммунистов и аграриев». На позицию СДПФ наложило отпечаток то, что напряженность между Востоком и Западом еще более обострилась и первую попытку Кекконена прийти к власти пришлось отражать в разгар «холодной войны».

В соответствии с тогдашней практикой после президентских выборов правительство должно было уйти в отставку. Это дало возможность правительству меньшинства Фагерхольма завершить свою деятельность без проявлений смирения и покорности. Однако надежды на создание правительства большинства не оправдались. Формирование нового кабинета было поручено Кекконену, но он не захотел включать в него только представителей АС и СДПФ. Социал-демократы позже отказались войти в правитель-

ство, коалиционеров не смогли взять в него по внешнеполитическим причинам, а народных демократов – в силу противодействия других партий. В итоге в первое правительство Кекконена, назначенное 17 марта 1950 г., вошли только представители АС, НПП и ШНП, а также один министр-специалист – Оке Гарц, сменивший Карла Энкеля, в течение долгого времени занимавшего пост министра иностранных дел.

На начальном этапе своего сотрудничества со Ждановым, в 1945 г., Кекконен, бывший тогда министром юстиции, пояснял, что независимость Финляндии не является предметом торга. В отличие от многих своих соотечественников он все же был готов на далеко идущие уступки в выполнении условий Соглашения о перемирии и в укреплении нового правительственного курса, дружественного по отношению к СССР. Однако коммунисты не доверяли Кекконену и противились тому, чтобы он стал премьер-министром в 1946 г., после того как Паасикиви избрали президентом.

В записках МИД СССР, составленных в связи с первым официальным визитом Кекконена в Москву в 1950 г., отмечалось, что в свое время он, «являясь одним из лидеров Аграрного союза, придерживался антисоветской военной политики», но с заключением перемирия, подобно Паасикиви, начал проводить политику сотрудничества с СССР. Нового премьер-министра характеризовали следующим образом: «Кекконен – энергичный, умный, хитрый деятель и трезвый политик».

В печати отмечали, что Кекконен уже менее чем через месяц после того, как было сформировано его правительство, в отношении международной политики занял позицию, единственную в своем роде: в отличие от президента Паасикиви он подписал воззвание Международного Совета Мира, спонсором которого являлся СССР, о запрещении атомного оружия. Еще до этого премьер-министр впервые организовал прием по случаю годовщины Договора 1948 г. и направил приветственную телеграмму Сталину. В июне 1950 г. он вызвался поехать в Москву для подписания долгосрочного торгового соглашения между обеими странами, которое Москва не захотела подписать с прежним правительством. Посланник СССР рекомендовал Кекконену эту поездку, поскольку она могла бы «поддержать его правительство». Довольный оказанным ему приемом, Кекконен по возвращении в Финляндию направил благодарственную телеграмму Сталину, который дал

обед в его честь и «выказал понимание и дружбу в отношении нашей страны». В Москве сочли важным опубликовать в порядке исключения эту благодарственную телеграмму.

Пятилетнее соглашение имело решающее значение для развития «восточной торговли»¹²⁴ Финляндии, так как им обеспечивался экспорт продукции новой для Финляндии отрасли промышленности – металлообрабатывающей – и после того, как в течение двух лет должны были быть завершены поставки по военным репарациям. Соглашение заключили на клиринговой основе так, что с его помощью могли осуществлять долгосрочный импорт в Финляндию различных жизненно важных для нее товаров: зерна, сахара, удобрений и топлива. Это было и для самого Кекконена весьма желательным, так как уже в первые недели существования своего правительства он столкнулся с необходимостью решать серьезные экономические проблемы. Часть из них была унаследована от прежнего кабинета министров: правительство Фагерхольма в качестве одного из последних своих мероприятий в феврале 1950 г. отменило регулирование заработной платы и отказалось от принципа автоматической индексации заработной платы в связи с ростом стоимости жизни, которому в Финляндии следовали в течение предыдущих трех лет. Право согласования уровня заработной платы было предоставлено организациям рынка труда. Эти организации со своей стороны сожалели о принятом решении и считали отмену регулирования заработной платы преждевременной ввиду нестабильного экономического положения в стране.

В связи с тем, что уровень жизни повышался медленно, главной темой внутренней политики стала борьба за распределение доходов общества. Влияние организаций рынка труда и других так называемых экономических организаций особых групповых интересов, или организаций давления¹²⁵, в конце 1940-х годов значительно возросло. В ЦОПФ в 1950 г. состояло более 250 тыс. человек. К этому времени он объединял в своих рядах уже 30% всех трудящихся; в Центральном союзе (первичных) организаций

¹²⁴ Термины «восточная торговля», «восточная политика» и т.п. используются применительно к отношениям Финляндии с СССР.

¹²⁵ Имеются в виду экономико-политические организации, создаваемые гражданами в различных сферах общественной жизни. Они не ставят своей целью участие в государственной деятельности, что существенно отличает их от политических партий. В то же время посредством давления на федеральные и муниципальные власти, а также партии они оказывают влияние на характер принимаемых экономических решений.

служащих и чиновников (ЦСОиСЧ), составляло на тот момент более 60 тыс. человек, или 20% всех служащих.

Центральный союз предпринимателей сельскохозяйственного производства (ЦСПСХП) с 1917 г. выступая в качестве организации защищавшей интересы своей отрасли производства, объединял свыше 200 тыс. членов, почти четверть населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве. В своей политике давления на правительство и общество ЦСПСХП после войны был столь же активен, как и рабочие организации. К 1950 г. он успел – по крайней мере трижды – заявить, что начнет забастовку, если не будут выполнены его требования о повышении закупочных цен на продукты сельского хозяйства, и в феврале того же года отказался повысить заработную плату работникам на своих предприятиях в соответствии с соглашением об общем повышении заработной платы, если цены на зерно и молоко не будут подняты. ЦОПФ еще раньше, в 1947 г., сделало предупреждение о начале всеобщей забастовки и дважды прибегало к этому оскорбительному средству давления в период работы первого правительства Кекконена. Организации чиновников со своей стороны выдвинули требование об общем повышении заработной платы сразу, как только правительство приступило к своим обязанностям.

Война в Корее, вспыхнувшая в Иванов день 1950 г., положила начало новому инфляционному развитию, на первом этапе которого в Финляндии вновь пришлось прибегнуть к регулированию цен. После того как экономическая ситуация была признана настолько сложной, что согласованное повышение заработной платы нельзя было провести в жизнь, правительство на основании чрезвычайного закона запретило повышение индекса заработной платы, повысило арендную плату и внесло предложение о принятии закона о гарантированном уровне заработной платы служащих, связанных частноправовыми трудовыми отношениями. После принятия этих решений, вызвавших раздражение организаций давления, правительство устояло только благодаря поддержке народных демократов в парламенте. Премьер-министр достаточно натерпелся из-за того, что правительственная база была узкой, и в конце 1950 г. предпринял активные действия по ее расширению.

Понимание Кекконеном того, что внутренняя и внешняя политика Финляндии (особенно связи с СССР) находятся в активном взаимодействии друг с другом, еще не нашло отклика в иных кругах, помимо его собственной партии и народных демократов. Группа

поддержки, постепенно формировавшаяся вокруг Кекконена в АС, названная впоследствии К-линией, оставалась ограниченной, но ее действительный инициатор Арво Корсимо, еще в бытность свою секретарем партии по организационным вопросам, занимался планированием кампании в поддержку Кекконена. Когда в 1951 г. Корсимо стал секретарем партии, уже никто из старого консервативного руководства АС не протестовал против нового курса. Однако сторонники К-линии еще не могли пойти настолько далеко, чтобы согласиться с участием народных демократов в правительстве.

После возвращения из Москвы в 1950 г. Кекконен поделился своими наблюдениями с президентом, обратив внимание Паасикиви на «ненависть», которую советское руководство испытывало по отношению к финским социал-демократам, и одновременно предположив, что вряд ли удастся и дальше оставлять народных демократов вне правительства, поскольку, как он понял, это не устраивает восточного соседа. Кекконен даже угрожал остаться в стороне при формировании следующего кабинета, если народным демократам не предложат посты в правительстве. Однако в период существования своего первого правительства Кекконен приобрел опыт, который свидетельствовал о том, что в существующей ситуации страной нельзя было управлять без социал-демократов. После того как их, как и другие партии, за исключением АС, не удалось привлечь в одно с крайне левыми правительство, ему пришлось забыть ранее сказанное о необходимости покончить с изоляцией ДСНФ. В дальнейшем Кекконен, не считаясь с «изжогой», которую вызывало такое его поведение у Москвы, согласился участвовать в трех следовавших одно за другим и – после короткого перерыва – в четвертом и пятом правительствах, для участия в которых народные демократы по-прежнему не были признаны «годными».

Сотрудничество Аграрного союза с СДПФ

Второе правительство Кекконена, сформированное в январе 1951 г., возобновило сотрудничество аграриев и социал-демократов, прерванное еще до проведения предыдущих парламентских выборов. У обеих партий было в парламенте равное число мест, но благодаря тому, что три министерских поста в правительстве заняли представители других буржуазных центристских партий, перевес получил АС. Опираясь на широкую парламентскую поддержку, кабинету министров удалось в условиях повышающейся экономической конъюнктуры, сопутствовавшей войне в Корее, провести долговременную программу стабилизации.

В период работы второго правительства Кекконена был принят новый закон о самоуправлении Аландских островов, в связи с которым был отменен старый так называемый закон о гарантиях¹²⁶ с его ссылками на международные гарантии. Премьер-министр увязал отмену старого закона с заявлением советского правительства о том, что международные гарантии плохо согласуются с мирными договорами Финляндии, которые основывались на том, что эта страна имела суверенное право на Аландские острова.

На парламентских выборах 1951 г. ДСНФ неожиданно увеличил число своих голосов и отвоевал, главным образом у АС, пять депутатских мест. Хотя АС позднее и оказывал давление с тем, чтобы связать правительственной ответственностью и народных демократов, из-за противодействия других партий их не взяли в третий кабинет Кекконена, который он сформировал осенью того же года. Соотношение сил и даже персональный состав были теми же, что и в предыдущем правительстве. Представителя НПП заменили директором Финляндского банка Сакари Туомией, ставшим министром иностранных дел (он представлял Либеральный союз, созданный после развала НПП). Народная партия Финляндии (НПФ), основанная для того, чтобы представлять генеральную линию НПП, добилась успеха на выборах за счет того, что коали-

¹²⁶ Так называемый закон о гарантиях предполагал предоставление шведоязычному населению Аландских островов культурной автономии.

ционеры потеряли часть своих мест, но она еще не была признана «годной» для участия в формировании правительства, несмотря на свои 10 мест в парламенте.

Третье правительство Кекконена оставалось у власти почти два года, хотя и подверглось с самого начала испытаниям в связи с ухудшением экономической ситуации в стране, оказавшимся для него слишком трудными. Кризис, последовавший за благоприятной экспортной конъюнктурой, созданной войной в Корее, привел к сокращению экспорта настолько, что производство деревообрабатывающей промышленности кое-где упало почти на 50% и число безработных зимой 1952 г. превысило 100 тыс. человек. Вместо девальвации было принято решение о проведении программы снижения издержек производства.

Росту авторитета премьер-министра в глазах социал-демократов способствовало то, что в разгар этого так называемого кризиса расходов ему удалось спасти правительство, выступив против интриг со стороны ЦСПСХП. В организации предпринимателей сельскохозяйственного производства считали, что для сельского хозяйства было бы полезным учесть – в соответствии с прошлогодним соглашением о стабилизации – как повышение уровня заработной платы в других отраслях, так и рост производительности в самом сельском хозяйстве. В итоге, под давлением правительства, заявившего о своем уходе в отставку, Союз согласился с тем, что цены должны определяться на основании чрезвычайного закона на год вперед.

Наиболее эффективно сотрудничество Кекконена с социал-демократами развивалось при разработке проектов индустриализации. В 1952 г. центральным стал проект об использовании порогов рек Северной Финляндии, прежде всего реки Кемийоки, для производства электроэнергии. В том же году Кекконен опубликовал брошюру «Есть ли у нашей страны самообладание, чтобы разбогатеть?», которая в основном была посвящена этому вопросу. В ней он предлагал после окончания выплат по военным репарациям сосредоточить возможные государственные инвестиции на развитии Северной Финляндии. Хотя в СДПФ считали, что эта идея служит собственным политическим целям премьер-министра, социал-демократы по примеру народных демократов были готовы поддержать государственную политику индустриализации. В буржуазных партиях, в том числе в АС, сближение Кекконена с народными демократами породило разговоры о стремлении к социализации.

Однако Кекконен оказался в тупике, когда попытался, вместо программы снижения издержек производства предложить свою К-программу, о которой общественности стало известно благодаря стараниям левых в правительстве и на которую социал-демократы и ЦОПФ навесили пропагандистский ярлык, назвав «программой обнищания». Поскольку никакие согласованные решения более не были возможными, Кекконен в конце июня 1953 г. объявил об отставке своего правительства.

После тщетных попыток сформировать буржуазное правительство с целью разрешения кризиса расходов и «залучить» в него социал-демократов обещаниями не понижать заработную плату Кекконен решил остаться на посту премьер-министра, несмотря ни на что. Он отказался одобрить предложения президента о проведении досрочных парламентских выборов и вновь принял решение сформировать правительство меньшинства. В его работе помимо аграриев участвовали представители ШНП и министры-специалисты.

Бюджет, разработанный в рамках программы снижения расходов под руководством нового министра финансов Юхо Ниукканена, так называемый бюджет Ниукканена¹²⁷, тщательно пытались провести через «парламент гнилого месяца»¹²⁸, созданный в чрезвычайном порядке на август. Расходы по всем основным статьям были сокращены на 15%, помимо этого в рамках так называемого закона об общей ответственности, предложенного в той же связи, предлагалось, в частности, сократить срок обучения в народной школе¹²⁹ на один год. В парламенте было замечено, что сокраще-

¹²⁷ Такое неофициальное название вполне отражало характер бюджета, поскольку «niukka» по-фински значит «скупой», «скудный» и т.п.

¹²⁸ «Гнилой месяц» – время года, способствующее порче продуктов (23 июля – 23 августа).

¹²⁹ В Финляндии начало народному образованию положила Реформация. В XVII в. были основаны школы канторов и введена проверка познаний прихожан в катехизисе и священной истории. Конфирмационные школы стали обязательными в XVIII в. На принятие закона о народных школах 1866 г. оказал сильное влияние Уно Сигнеус (1810–1888), которого называют «отцом народной школы Финляндии». Он настаивал на составлении разносторонней программы как для мальчиков, так и для девочек. Закон 1866 г. во многом основывался на его идеех. Народное образование секуляризовалось, когда города обязали содержать школы четырех ступеней. В 1898 г. в сельских районах было введено деление на учебные округа. На основании закона об обязательном обучении 1921 г. народные школы стали создавать повсеместно. Впоследствии народное образование пытались разными способами усовершенствовать, пока в 1968 г. народную школу, гражданские училища (дополнительная ступень к народной школе) и среднюю школу не объединили в рамках основной школы (девятилетка; обязательный образовательный цикл в Финляндии).

ния в большей степени затрагивали расходы на социальные нужды и в меньшей – на нужды сельского хозяйства. Главную роль в отклонении предложений правительства сыграла не принимавшая участия в его формировании НПФ, на этом этапе сотрудничавшая с левыми.

Когда четвертое правительство Кекконена в 1954 г. после долгих дискуссий решило продлить полномочия парламента с трехлетнего периода до четырехлетнего и внесло соответствующий законопроект, оно вновь мотивировало это необходимостью снижения расходов на выборы.

В тот период и в Москве Кекконена не считали абсолютно незаменимым. Кекконена, неоднократно занимавшего пост премьер-министра, критиковали там более явно, чем раньше, за то, что он руководствовался соображениями «чисто партийной тактики и интересами своей личной карьеры», используя свои связи с советскими представителями в Финляндии для различного рода «политических маневров». После смерти Сталина советские представители в Хельсинки развивали связи с социал-демократами и умеренной буржуазией с большей беспристрастностью, чем раньше. Поскольку кампания, начавшаяся осенью 1953 г. с тем, чтобы сместить Кекконена с поста премьер-министра, вела к смене правительства, из советской миссии пришло сообщение, что Москва была бы даже готова предоставить Финляндии долгосрочный заем и вести взаимные расчеты по торговле в западной валюте, «если Урхо Кекконен останется премьер-министром Финляндии».

На этом этапе президент Паасикиви делился со своим ближайшим окружением опасениями относительно того, что в своей экономической зависимости от СССР Финляндия заходит слишком далеко. Для разрешения кризиса расходов он считал необходимым сформировать правительство большинства и поручил это Сакари Туомие. Однако в результате в ноябре был сформирован правый кабинет министров (характеризовавшийся как «свободный от обязательств»), в формировании которого впервые после правительства Кастрёна 1944 г. участвовала и НКП. После того как АС и ШНП официально остались в оппозиции, изменился и характер большинства в правительстве, и президент вскоре был готов распустить парламент и назначить новые выборы на следующий март.

Удивительно, но в Москве не отказались от данного Финляндии обещания предоставить ей заем, хотя переговоры, касавшиеся этого вопроса и 5-летнего торгового соглашения, пришлось вести по ини-

циативе правительства, во главе которого стоял уже не Кекконен, а новый премьер-министр. Туомиоя с успехом справился с руководством правительством, просуществовавшем недолгое время. В частности, то, что в бытность Туомиои премьер-министром была окончательно демонтирована система регулирования экономики, впоследствии позволило ему составить конкуренцию Кекконену на президентских выборах 1956 г.

На досрочных парламентских выборах, проведенных в 1954 г., противники Кекконена поставили своей целью нанести поражение АС. На выборах был установлен новый рекорд – к избирательным урнам пришло 79,9% избирателей, но выборы не привели к большим изменениям и не способствовали улучшению взаимоотношений между обеими ведущими политическими партиями. Компромиссным вариантом стало правительство социал-демократов и аграриев. Премьер-министром назначили Ральфа Тёрнгрена (ШНП), в двух предыдущих кабинетах занимавшего пост министра иностранных дел. Кекконен, получивший портфель министра иностранных дел, вновь стремился отличиться при помощи восточной политики и в июне 1954 г. посетил Москву для подписания нового долгосрочного торгового соглашения. Одновременно он договорился о преобразовании миссий обеих стран в посольства. Президент Паасикиви отказался принять сделанные СССР в этой связи предложения о более тесном внешнеполитическом сотрудничестве.

Срок пребывания у власти правительства Тёрнгрена оказался коротким: оно просуществовало лишь с мая по октябрь. Когда кабинет министров столкнулся с растущими трудностями в преодолении экономических проблем в стране, оба компаньона, АС и СДПФ, приняли решение отказаться от услуг Тёрнгрена в качестве премьер-министра и сформировать новое правительство под руководством Кекконена, показавшего на этот раз большую готовность к сотрудничеству. Немаловажной чертой пятого правительства Кекконена было растущее влияние профсоюзного крыла в СДПФ в границах сотрудничества социал-демократов с АС на правительственном уровне, что явилось одним из факторов, приведших к расколу партии, наметившемуся в 1956 г. Поддержку социал-демократов «купили» при помощи новой программы дотаций, которая оказалась для государства чрезвычайно дорогой и, несмотря на рост национального дохода, создала трудности для общественного сектора экономики. Как «новую политику распре-

деления доходов» ее особенно критиковали в правых кругах и в руководстве СДПФ.

Пятое правительство Кекконена, оказавшееся самым устойчивым правительством 1950-х годов, в итоге потерпело фиаско из-за того, что парламент нового состава не согласился продлить срок действия чрезвычайного закона (он истек в конце 1955 г.), на основании которого осуществлялось регулирование заработной платы и цен. Не имея экономической власти, правительство, будучи бес- сильным что-либо предпринять, вынуждено было следовать за расту- щими требованиями организаций давления. Особенно удивила премьер-министра активность ЦСПСХП: еще до президентских выборов, во время празднования, устроенного по случаю возврата Финляндии территории Порккала-Удд, ему пришлось признать, что из-за забастовки предпринимателей сельскохозяйственного производства его правительство разваливалось и проводимая им политика стабилизации не удалась.

Кекконен, которого уже двумя годами раньше АС вновь выдви- нул своим кандидатом в президенты, обошел своих конкурентов в январе 1956 г. на выборах выборщиков, получив явное преимущ- ество в 200 тыс. голосов. У Кекконена было 88, у следовавшего вторым Фагерхольма – 72 и у замыкавшего тройку лидеров Туоми- ои – 57 выборщиков. Остальные выборщики разделились между добившимся большого успеха ДСНФ (56), ШНП (20) и НПФ (7). Кекконену удалось привлечь на свою сторону выборщиков ДСНФ, НПФ и даже от СДПФ. Некоторые из них, главным обра- зом народные демократы, были «завербованы» при содействии советского посольства.

Возврат Порккала-Удд, членство в ООН, куда Финляндия, наконец-то, была принята, и еще возможность, на которую не пере- ставали намекать, – что «игра Урхо Калевы на кантеле» очарует советское руководство и оно, пожалуй, согласится вернуть Фин- ляндии «прекрасную Карелию» (текст под карикатурой в газете «Мааканса» (орган АС. – Т.А.), 05.01.56) – все это в искусно органи- зованной предвыборной кампании вменялось в заслугу Кекконену.

Окончательный исход выборов, согласно заранее существовав- шей договоренности, решили народные демократы. Их выборщи- ки проголосовали против президента Паасикиви (правые не ожи- данно выдвинули его своим кандидатом на второе голосование) из опасений, что он мог выйти в решающий тур как главный соперник Кекконена и одержать над ним верх. В итоге на послед-

нем этапе против Кекконена выступил Фагерхольм, для победы над которым Кекконену оказалось достаточно всего одного голоса. Как и предвидели, вышедший вместо него в решающий тур Фагерхольм, не смог победить Кекконена, и неизвестно кому принадлежавший голос, оказавшийся достаточным для победы, едва ли был решающим. Выборщиков, тайно проголосовавших «за» и «против» Кекконена по всему избирательному фронту, могло быть и больше.

Начало президентства Кекконена

Урхо Калева Кекконен (род. в 1900 г.) до того, как в 1936 г. стал членом парламента и правительства, успел поднатореть на общественном поприще – не только как студенческий политик, спортивный руководитель¹³⁰ и юрист, но также в практических делах Центральной сыскной полиции. После 10 лет службы в министерстве сельского хозяйства в период Зимней войны и в первые годы Войны-продолжения он руководил Центром помощи переселенцам, в 1943–1945 гг. являлся уполномоченным министерства финансов в делах, связанных с созданием более рациональной структуры государственного управления.

Кекконен приобрел богатый опыт в том, что касалось деятельности тайной полиции, вначале благодаря своим связям с Центральной сыскной полицией и позднее, в 1930-е годы, когда работал в министерстве внутренних дел. Это впоследствии помогло Кекконену, когда как политику ему приходилось иметь дело как с восточной, так и с западными разведывательными службами. Связи с американскими и британскими спецслужбами, которые Кекконен завязал еще в военное время, позднее были уравновешены и дополнены его контактами с представителями советской разведки, которые работали в Финляндии под дипломатической крышей. В этом обмене информацией, происходившем, по существу, в рамках закона и оказавшемся исключительно важным для политической карьеры Кекконена, ему помогали многие доверенные лица. Из них после Войны-продолжения главным был доктор Кустаа Вилкуна.

Кекконен уже в молодые годы отличался сильной волей, и его отношение к фашизму сформировалось как резко отрицательное, особенно в начале 1930-х годов, когда он работал над диссертацией в Германии. В свое время он был ярким сторонником АКО, но в 1932 г. покинул его вместе с теми, кто противостоял крайне

¹³⁰ Председатель Спортивного союза Финляндии (1931–1947), председатель Олимпийского комитета (1938–1946).

правым, хотя в непрестанной борьбе по вопросу о языке выступал как активный «истый финн».

В период работы в министерстве внутренних дел Кекконен вызвал раздражение правых радикалов тем, что пытался распустить ПНД. После Войны-продолжения его с еще большим усердием клеймили как «просоветски настроенного перевертыша», поскольку как депутат парламента он выступал против заключения мира в период Зимней войны, а в 1941–1942 гг. в своих статьях, особенно в тех, что печатались в «Суомен кувалехти» под псевдонимом Пекка Пейтси, вплоть до поворотного момента в войне – разгрома немцев под Сталинградом – придерживался прогерманских взглядов. Позднее и в более широких кругах финляндского общества Кекконена критиковали за то, что в 1945–1946 гг. он, в то время министр юстиции, постарался довести судебный процесс над виновниками войны до желаемого СКК результата.

Еще со времен молодости взгляды Кекконена отличал большой патриотизм. Он также считал, что следует защищать жизненные условия малообеспеченных слоев народа. Он убедился и в том, что общее направление политики первых десятилетий независимости – стремление строить оборону Финляндии при помощи оружия и с опорой на поддержку извне – не имело успеха, и впредь считал, что в основе политики безопасности должна лежать дипломатия. Как и его предшественник, главную цель он видел в том, чтобы сохранить хорошие, строящиеся на доверии отношения с великим восточным соседом.

Новый президент признавался, что он был настолько политически активным человеком, что не мог оставаться, как того требовало его положение, вне игрового поля внутренней политики. Положение Кекконена отличалось от положения его предшественников тем, что после смерти Паасикиви, последовавшей в декабре 1956 г., не осталось никого, кто мог бы поддержать его, хотя бы морально.

Внешним связям, которые Кекконен с успехом использовал, расчищая себе дорогу к высшему посту в государстве, он и впоследствии, уже будучи президентом, отдавал безусловное предпочтение. Все было подчинено руководимой и диктуемой им восточной политике. Каждый, кто выступал против него, рисковал получить клеймо противника СССР, что в период его президентства означало отлучение от политической деятельности. «Изгнание» стало уделом не только представителей других партий, но и членов АС: уже в самом начале президентства Кекконена подверглись опале

его старые товарищи по партии – Вильями Каллиокоски, Вейкко Веннамо и Виено Сукселяйнен.

Кекконен, который всегда был уверен в своей правоте и которого нельзя было заставить отказаться от своей точки зрения, уже начиная со второй половины 1940-х годов всерьез верил, что со стороны СССР Финляндии грозит оккупация. Он не избавился от этих опасений и позднее и, казалось, не доверял иным средствам обеспечения обороны страны, кроме как собственной дипломатии, направленной на то, чтобы умиловить восточного соседа. Не являясь в полном смысле слова другом СССР, он питал такое уважение к восточной сверхдержаве, что был готов прислушиваться к мнению ее руководства, заходя в этом, пожалуй, дальше, чем кто-либо из тогдашних членов правительства. Кекконен действительно верил, что Третья мировая война будет развязана германскими реваншистами. С другой стороны, как видно из его архивного наследия, в период правления Хрущева он начал сомневаться в конкурентоспособности Запада и верил, что Советский Союз выйдет победителем в «холодной войне».

Став президентом, Кекконен сделал свои контакты с советским руководством более тесными, развивая их на уровне личных связей. Одновременно он допускал далеко идущее вмешательство во внутренние дела Финляндии. Грань между внутренней и внешней политикой утратила четкие очертания. Так, например, после избрания в 1957 г. Таннера председателем СДПФ раскол партии был поддержан извне на том основании, что восточный сосед просто не выносил политика, который был осужден как виновник войны.

После президентских выборов 1956 г. отношения между Кекконеном и социал-демократами уже никогда не были прежними. ЦСПСХП и ЦОПФ, в свою очередь, после неудавшейся попытки согласовать интересы организации рабочих и организации предпринимателей сельскохозяйственного производства оказались по разные стороны баррикады после забастовки 1 марта.

Первый президентский срок Кекконена, вступившего в должность в тот же день, начался, таким образом, в исключительно драматической ситуации. Поручив К.-А. Фагерхольму, своему сопернику, которого он обошел на президентских выборах с минимальным перевесом, сформировать новый кабинет, он сделал это не только в знак уважения к своему предприимчивому конкуренту, но с тем, чтобы связать его ответственностью за решения правительства. Момент был сложным, и, чтобы пресечь забастовочное

движение, нужен был человек, способный повлиять на руководство как ЦОПФ, так и ЦСПСХП. Положение Фагерхольма не облегчало и то, что до конфликта он выступал как главный посредник в отношениях между обеими организациями давления. И после того, как всеобщая забастовка давно закончилась, трудности напрямую увязывали с конфликтом на рынке труда, обвиняя попутно и посредника, не преуспевшего в его урегулировании. Позднее средства массовой информации отвели главную роль в разрешении проблем Кекконену, который одновременно предстал в глазах общественности «козлом отпущения».

Забастовку, объявленную ЦСПСХП, смогли остановить уже через день после того, как новое правительство приступило к работе. Однако с забастовочным движением, начатым ЦОПФ, оказалось сладить не так-то просто. Стремление ЦОПФ поддержать свой авторитет и внутренняя борьба в его руководстве мешали лидерам забастовщиков начать переговоры. ЦСФР со своей стороны не спешил идти на уступки, так как видел в инциденте возможность избавиться от господствовавшей системы, предполагавшей индексацию заработной платы. Победа, одержанная ЦОПФ, досталась слишком дорогой ценой, поскольку длительная забастовка дала весьма незначительные результаты.

Хотя речь шла не о всеобщей забастовке в полном смысле слова, а о широком забастовочном движении, охватившем всю страну, события марта 1956 г. в истории независимой Финляндии были уникальными. Во время забастовочного движения не удалось избежать столкновений бастующих с полицией и опасных ситуаций, но человеческих жертв не было. Положительной стороной инцидента, который дорого обошелся обществу и последствия которого долго сказывались на экономике, следует, пожалуй, считать тот важный факт, что страна выдержала и это испытание, несмотря на его огромное разрушительное воздействие.

Всеобщая забастовка 1956 г.

Производственная жизнь в Финляндии почти совсем замерла 1 марта 1956 г., когда ЦОПФ начало забастовку в масштабе всей страны. В тот же день объявил забастовку ЦСПСХП, требуя повысить закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Трудовыми спорами были охвачены почти пол-миллиона рабочих. В промышленности забастовка не захватила только отрасли с непрерывным процессом производства. Почти столь же всеобъемлющей была забастовка и в сфере услуг. Общественный транспорт оказался почти полностью парализован. Из газет выходил только «Палккатюёляйнен» («Наемный рабочий»), издававшийся ЦОПФ, однако радио, несмотря на забастовку, продолжало свои трансляции.

Непосредственной причиной забастовки был демонтаж системы, в результате чего возобладали противоречия между организациями давления. В 1955 г. из-за сопротивления парламента не удалось продлить срок действия временного чрезвычайного закона, на основании которого с 1941 г. регулировались цены и заработная плата. ЦОПФ и ЦСФР в ноябре 1955 г. договорились об условиях индексации на случай отмены регулирования. Таким образом, организация рабочих и организация работодателей выступили единым фронтом против требования о повышении цен, которое выдвинула третья крупная организация давления – ЦСПСХП.

Переговоры относительно доходов сельского хозяйства, которые велись в январе 1956 г., зашли в тупик, и цены на сельскохозяйственную продукцию подскочили, ЦОПФ настаивало на возврате к уровню цен предыдущего года или приведении заработной платы в соответствие с ростом стоимости жизни, требуя повысить оплату за один час рабочего времени на 12 марок (32 ам. цента в деньгах 2007 г.) Несмотря на угрозу ЦОПФ начать забастовку, работодатели не согласились повысить заработную плату.

Пятое правительство Кекконена, в котором сотрудничали аграрии и социал-демократы, из-за выборов президента республики утратило свою политическую дееспособность: Кекконен, после того как 15 февраля его избрали президентом, отказался от функций премьер-министра. Более того, смена власти решающим образом ослабила дееспособность всей политической сис-

темы: в январе – феврале 1956 г. в стране не было ни активного правительства, ни президента¹³¹.

ЦОПФ угрожало забастовкой после окончания войны уже четыре раза, столько же раз собирался бастовать ЦСПСХП. Вопрос об авторитете, всплывший на фоне забастовки, имел большое значение: организации давления испытывали пределы сетей власти. Накались и отношения между ЦОПФ и СДПФ, поскольку раскол в СДПФ уже наметился, ЦОПФ оказалось способным на удивление умело руководить забастовщиками. Более половины рабочих, участвовавших в забастовке, не состояли ни в одном из профессиональных союзов, но так называемое штрейкбрехерство почти совсем не имело места. Митинги также проходили мирно; в крупнейшем из них, состоявшемся 16 марта в Хельсинки на Сенатской площади, приняли участие 50 тыс. человек.

Наиболее сильно накалила страсти так называемая бензиновая война. На некоторых бензозаправочных станциях в Хельсинки произошли столкновения забастовщиков (они пытались помешать отпуску бензина владельцам частных автомобилей) с клиентами и полицией. Особенно бастовавших разозлило то, что в «бензиновой войне» была задействована конная полиция. По истечении первой недели забастовки ЦОПФ согласилось с предложением правительства, в котором определялось, какое количество бензина должно отпущаться через распределительную сеть.

На второй неделе забастовки ЦОПФ угрожало остановить также отрасли с непрерывным процессом производства, ЦСФР согласился с требованиями ЦОПФ о повышении заработной платы только тогда, когда правительство пообещало уменьшить размер отчислений с работодателей на выплату государственных пособий на детей. Забастовка, продлившись почти три недели, закончилась 20 марта 1956 г. и обернулась для страны потерей 7 млн рабочих дней. После забастовки реальная заработная плата снова снизилась и повышение оплаты труда, которого удалось добиться, вскоре было «съедено». Только в 1961 г. реальная заработная плата рабочих достигла уровня 1955 г.

¹³¹ Фактически этот период продолжался до 1 марта, то есть до вступления Кекконена в президентскую должность.

Всеобщая забастовка, заставившая руководство ЦОПФ уступить посулам государственной власти и отдалившая его от СДПФ, оказала существенное воздействие на раскол партии, который в следующем году уже не вызывал сомнений. Парадоксально то, что по мере развития забастовки на сторону АС переходили члены социал-демократической оппозиции: среди них было много профсоюзных деятелей, которые на момент начала забастовки находились с предпринимателями сельскохозяйственного производства по разные стороны баррикады.

Помимо социал-демократов в новое правительство Фагерхольма вошли министры от обеих народных партий; от НПФ (позднее Либеральная народная партия, ЛНП) – главным образом потому, что она оказала решающую фланговую поддержку при избрании Кекконена президентом. Возможность для маневра социал-демократов сужало то, что большинство в правительстве принадлежало центристам. И ЦОПФ, ослабленное забастовкой, больше было не в состоянии заставить как ЦСПСХП, так и ЦСФР пойти на заключение уже запланированного договора о стабилизации.

Инфляция, растущая безработица и то, что платежный баланс имел отрицательное сальдо, следующей весной вовлекли правительство в ситуацию, в которой оно было вынуждено сдаться. Настоящей причиной отставки Фагерхольма и поддерживавших его социал-демократов было то, что при избрании председателя СДПФ премьер-министр выступил как соперник В. Таннера и затем проиграл ему, не добрав при голосовании одного голоса.

После падения второго правительства Фагерхольма последовал сложный с внутривнутриполитической точки зрения период, когда в стране не удавалось сформировать правительство большинства. Для участия в своем первом правительстве, приступившем к своим обязанностям в конце мая 1957 г., В.Й. Сукселейнен вновь выбрал в партнеры АС обе народные партии. Когда позднее представители ШНП вышли из правительства в знак протеста против того, что оно не взялось с удвоенной энергией за исправление экономической ситуации в стране, Сукселейнен заделал брешь, образовавшуюся в его кабинете, введя в него социал-демократов, входивших в оппозицию, которая сформировалась вокруг бывшего председателя СДПФ Эмиля Скуга и противостояла Таннеру. Впредь «пасынки», участвовавшие в правительстве без разрешения СДПФ, играли в нем роль основной фланговой поддержки АС.

Парламент вновь был созван в чрезвычайном порядке в августе 1957 г., чтобы противодействовать приобретшему опасные черты спаду производства и кризису государственных финансов. Несмотря на принятые меры (правительство разработало «чрезвычайную» программу, при помощи которой предполагалось разрешить наиболее сложные финансовые проблемы, был также составлен дополнительный бюджет), уже в следующем месяце ситуация вынудила девальвировать марку на целых 39%, что было своеобразным рекордом.

Несмотря на помощь скуговцев, правительство пользовалось столь незначительной поддержкой, что оказалось неспособным справиться с ситуацией, возникшей после девальвации, и в октябре ушло в отставку. Очередной правительственный кризис, оказавшийся в Финляндии наиболее продолжительным, удалось разрешить через шесть недель: коалиционное правительство, сформированное под руководством председателя правления Финляндского банка Райнера фон Фиандта, смогло начать свою работу только в конце ноября 1957 г.

Новый кабинет не был правительством только чиновников и специалистов, в него входили также аграрии, связанные партийной ответственностью, и социал-демократы, вошедшие в него без разрешения руководства СДПФ¹³². Его не совсем типичное с точки

¹³² До 1950-х годов в Финляндии было сформировано только два «правительства чиновников» – первое и второе правительство Кааяндера, в которых министерские посты занимали чиновники государственного аппарата, не имевшие ничего общего с партийной политикой. Правительства послевоенного времени, применительно к которым использовался термин «правительство чиновников», за исключением правительства Лехто, сформированного в конце 1963 г. из управленцев высшего ранга, уже не являлись «правительствами чиновников» в чистом виде (поэтому некоторые финские авторы предпочитают называть их «неполитическими правительствами»), поскольку партийные функционеры и даже депутаты парламента составляли в них значительную часть членов. При том, что партии и не признавали полномочий своих «представителей» в «правительствах чиновников», «скрытое партийное влияние» на деятельность таких правительств было весьма ощутимым. «Правительства чиновников», возглавляемые фон Фиандтом, Куускоски, Аурой и Лиinamaа, были по существу правительствами буржуазного меньшинства. «Правительство чиновников» не следует отождествлять с так называемым «деловым министерством», хотя члены и того, и другого открыто не представляют ни одну из политических партий. Для разграничения этих понятий предлагается считать отправным моментом то, что правительство превращается в «деловое министерство» в результате отставки части членов кабинета, как это было с правительством «ночных заморозков» 1958 г., тогда как так называемое «правительство чиновников» назначается президентом в тех случаях, когда сотрудничество партий в парламенте оказывается невозможным и когда формирование правительства из представителей одной партии не рассматривается как реальная альтернатива.

зрения принципов парламентской системы положение характеризовало и то, что оно, по сути, не имело программы. Правительство потерпело неудачу в своих попытках установить предел росту цен и заработной платы и ограничить рост государственных расходов или хотя бы рост массовой безработицы, ускорение которому придала девальвация. В январе 1958 г. возник невиданный ранее финансовый кризис, так что пришлось отсрочить все платежи государства на сутки. Нехватку средств не удавалось покрыть иначе, как за счет срочных кредитов, полученных у коммерческих банков под высокие проценты. Правительство фон Фиандта, отвергнутое и аграриями, пало в апреле следующего года.

Поскольку до следующих парламентских выборов оставалось меньше трех месяцев, президент принял решение о назначении нового «неполитического правительства». На этот раз его удалось сформировать в течение недели после отставки предыдущего кабинета – под руководством Рейно Куускоски, тогдашнего директора Ведомства по народным пенсиям. Некоторые его члены, например находившийся на пенсии посол П.Ю. Хюнинен, назначенный министром иностранных дел, успели поработать в правительстве фон Фиандта. Несмотря на «деловой» характер кабинета, многие его члены, в том числе премьер-министр и министр просвещения Кустаа Вилкуна, были аграриями из числа доверенных лиц Кекконена. Важную роль в правительстве Куускоски играла социал-демократическая оппозиция. Тьюне Лейво-Ларссон доверили самый важный министерский пост из тех, на которые были назначены члены оппозиции в СДПФ. Ей пришлось в качестве заместителя премьер-министра как-то раз руководить правительством, чего до нее не доводилось делать ни одной женщине-политику в странах Северной Европы.

Следующие выборы, состоявшиеся в июле, были омрачены расколом в СДПФ. По оценкам, 100 тыс. из отданных за социал-демократов голосов были «пущены на ветер». ДСНФ воспользовался ситуацией и, «сопутствуемый счастьем избирательной техники»¹³³, обошел СДПФ. Семнадцать тысяч голосов, полученных им дополнительно, оказалось для этого вполне достаточно. ДСНФ завоевал 50 мест, и его парламентская фракция стала крупнейшей. Фракция СДПФ распалась в новом парламенте на две при следу-

¹³³ С началом летних отпусков многие сторонники других партий, буржуазных и СДПФ, не участвовали в голосовании.

ющем соотношении сил: 38 против 13 представителей левой оппозиции. Поскольку левые чуждались сотрудничества с правыми, большинство, достигнутое социал-демократами благодаря потере одного места в парламенте буржуазными партиями, оказалось чисто теоретическим.

От кризиса к кризису

Результаты выборов пробудили у народных демократов ожидания, что наконец их признают «годными» для участия в правительстве. И в советском посольстве считали, что АС смог бы вместе с ними и с социал-демократической оппозицией завоевать достаточное парламентское большинство, которое встало бы на сторону правительства, поддерживающего президента Кекконена. В Москве были удивлены тем, что Кекконен, перебрав многих кандидатов в премьер-министры, в том числе и представителя ДСНФ, позволил К.-А. Фагерхольму сформировать правительство, в которое не взяли ни народных демократов, ни представителей социал-демократической оппозиции. Отказ в визе О.В. Куусинену, приглашенному в Финляндию на празднование 40-летия основания КПФ, к чему на самом деле новое правительство, назначенное 29 августа 1958 г., не имело никакого отношения, усилил раздражение советского руководства.

В Москве исходили из того, что с созданием третьего правительства Фагерхольма было связано стремление определенных кругов привлечь АС к действиям, направленным против Кекконена с целью изменить внешнеполитический курс Финляндии. В то же время в сентябре 1958 г. советское руководство считало, что в ФРГ находились в стадии подготовки планы политико-экономического давления на ГДР. В противовес им Н.С. Хрущев 10 ноября потребовал от западных держав вывести свои оккупационные войска из Западного Берлина и угрожал передать полномочия¹³⁴ СССР, касающиеся города, правительству Восточной Германии. Таким образом, направленные против Финляндии меры давления, принятые в период так называемых ночных заморозков, можно было бы связать с берлинским кризисом, при помощи которого, по словам руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта, намеревались «держать противника в течение известного времени в состоянии напряжения».

¹³⁴ Речь идет о контроле над коммуникациями между Западным Берлином и ФРГ.

Правительство Фагерхольма долгое время опиралось на парламентское большинство более чем в 2/3, и у него, казалось, были неплохие возможности продолжить свою работу до следующих парламентских выборов. Однако Москва вполне определенно продемонстрировала, что оно ей не нравится: советское руководство отложило переговоры о Сайменском канале и взаимной торговле, относительно которых была достигнута договоренность, утверждало, что Финляндия не импортирует из СССР товары в объеме, определенном торговым соглашением, не спешило делать собственные заказы и одновременно позволило своим средствам массовой информации открыто критиковать финляндское правительство. Кроме того, посол В.З. Лебедев уехал на родину¹³⁵, что в Финляндии расценили как симптом обострения отношений.

По несчастливому стечению обстоятельств в Хельсинки попытались опубликовать чересчур пикантные мемуары бывшего министра внутренних дел Юрьё Лейно, содержащие утверждения о нажиме Москвы, что было расценено советскими представителями как провокация. Правительству удалось помешать выходу книги Лейно, и она была опубликована только в 1991 г., после того как Советский союз прекратил свое существование.

Нажим АС на своих представителей в правительстве возымел действие, и они подали в отставку (первым это сделал министр иностранных дел Виролайнен – 4 декабря). Когда аграрии вышли из правительства, премьер-министр, оценив ситуацию, попросил отставки для всего правительства. С формированием нового правительства вновь возникли затруднения. Фагерхольму пришлось руководить своим правительством, которое превратилось в «деловое министерство» (см. примеч. 132), значительно больше месяца.

Кризис 1958 г., странный и до сих пор продолжающий оставаться загадкой, завершился актом, заслуживающим внимания. В январе 1959 г. президент Кекконен с супругой был приглашен с визитом в Ленинград, куда прибыл также Хрущев в сопровождении министра иностранных дел и министра внешней торговли. Уже сам факт встречи свидетельствовал о том, что недавний кризис пройден. Итоговый комментарий к нему, однако, сделал советский руководитель, сказав в речи на обеде, что «внутренним делом Финляндии является то, как она организует свои общественные

¹³⁵ Лебедев отбыл из Финляндии в СССР без соблюдения формальностей, которых требовал протокол.

условия», но «для СССР важно, что соседняя с ним страна, Финляндия, следует той политике, которая подтверждена в нашем Мирном договоре и Договоре 1948 г.».

Кризис должен был помешать созданию в Финляндии сильного, независимого от Кекконена правительства большинства, с помощью которого можно было бы помешать его избранию на новый срок. Таким образом, устранив своего соперника, Фагерхольма, президент привел к власти безобидное центристское правительство меньшинства под руководством В.Й. Сукселяйна.

Срок существования второго правительства Сукселяйна оказался дольше ожидаемого. Президент не дал согласия на проведение новых парламентских выборов, на которых настаивала оппозиция, так что поддерживавшие правительство аграрии, скотоводы и народные демократы при голосовании в парламенте по вопросу о доверии могли составить достаточное большинство. С другой стороны, затянувшийся экономический кризис постепенно ослабевал. Основной программный вопрос для Финляндии заключался в том, чтобы не остаться полностью в стороне от развития интеграции в Европе. С этой целью Финляндия искала пути к сотрудничеству с остававшейся за пределами Общего рынка Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ). Таким образом, для оппозиции, выступавшей за положительное решение вопроса о вступлении Финляндии в ЕАСТ, было выгодным особо не мешать работе правительства. Отставка правительства в июле 1961 г. произошла не по политическим причинам: премьер-министру Сукселяйнену пришлось отказаться от занимаемого поста потому, что в деятельности руководимого им Ведомства по народным пенсиям были обнаружены нарушения.

Кабинет министров Мартти Миеттунена, сформированный после отставки правительства Сукселяйна за неполные две недели, стал вторым подряд аграрным правительством меньшинства. Хотя и оно оказалось слишком слабым, чтобы управлять внутренними делами страны, в дальнейшем в Финляндии не стремились к созданию правительств большинства. Вопрос о формировании правительства был отодвинут на второй план предстоявшими президентскими выборами.

В 1960 г. посол СССР сообщил в Москву о том, что Кекконен рассказал ему о «завещании Паасикиви», согласно которому действовавшего президента следовало переизбрать «два и даже три раза». По словам Кекконена, он узнал об этом от госпожи Алли

Паасикиви. Чтобы обеспечить себе переизбрание, он вначале планировал привлечь на свою сторону, помимо собственной партии и скуговцев, народные партии и НКП. Однако в феврале 1961 г. СДПФ успела назвать своим кандидатом бывшего Канцлера юстиции¹³⁶ Олави Хонку. На его сторону, войдя в так называемый блок Хонка, позднее встала большая часть буржуазных партий, в том числе отпочковавшаяся от АС Партия мелких земледельцев Финляндии Вейкко Веннамо. Хрущев со своей стороны уже в 1960 г. в речи по случаю дня рождения Кекконена, успел публично пожелать ему быть переизбранным на новый президентский срок.

В 1959 г. Кекконен поспешил обратиться к Москве с предложением оказать поддержку его предвыборной кампании, заключив двусторонние советско-финляндские проекты, важнейший из которых касался восстановления и аренды Сайменского канала. После создания «блока Хонка» в Москве, однако, начали сомневаться в возможностях Кекконена вновь быть избранным. По этой причине возникла идея использовать внешнеполитическое оружие: сославшись на обострение международной ситуации, потребовать проведения военных консультаций в рамках Договора 1948 г. Таким образом, Кекконену предоставился бы повод распустить парламент. И тогда, в ситуации предвыборной борьбы, единодушные участники «блока Хонка» оказалось бы под угрозой. Существенным моментом плана было то, что Кекконену позволили бы лично урегулировать отношения с советским руководством и создать, таким образом, представление о способном вести переговоры президенте как о «спасителе отечества».

Для привлечения к инициативе возможно более широкого внимания за границей СССР приурочил ее к последнему дню октября 1961 г., когда на Новой Земле была взорвана ядерная бомба мощностью 50 мегатонн. Кекконену, который тогда завершал свой официальный визит в США, пришлось сразу же после возвращения с Гаваев, самой южной точки своего путешествия, проделать долгий путь в заснеженную Сибирь, где его ждали переговоры с Хрущевым. Это было расценено как стремление опровергнуть

¹³⁶ Канцлер юстиции, член Государственного совета, контролирует законность действий властей, включая правительство, и вообще соблюдение законодательных норм (обязанности Канцлера юстиции во многом совпадают с обязанностями Генерального прокурора России, но компетенция Канцлера гораздо шире). Канцлер юстиции, являющийся высшим государственным обвинителем, назначается президентом и продолжает занимать свою должность даже при смене правительства.

утверждение о том, что кризис был «заказан». Так полагали противники Кекконена.

В Финляндии «нотный кризис», продлившийся почти месяц, «сделал свое дело». Президент в своих заявлениях, с которыми он выступил в США и позднее в Финляндии, получил возможность дать заверения в том, что он способен справиться с ситуацией. После того как министр иностранных дел Карьялайнен 11 ноября провел переговоры со своим советским коллегой А.А. Громыко, Кекконен был готов распустить парламент и назначить новые выборы на февраль, через неполные 3 недели после президентских выборов.

Встреча с главой советского государства, организованная для Кекконена 24 ноября в Новосибирске, началась с переговоров с глазу на глаз, в которых не участвовали другие финны, даже переводчики. Последовавшие за тем переговоры, проведенные в более широком кругу, вновь были рассчитаны прежде всего на то впечатление, которое они должны были произвести на заграницу. Хрущев обосновал предложение о проведении консультаций ссылками на обострение международной ситуации. Кекконен, в свою очередь, указал, что они могли бы вызвать, особенно в Скандинавских странах, беспокойство и сомнения относительно финляндского нейтралитета и дали бы повод даже для начала военных приготовлений. От консультаций отказались после того, как Финляндское правительство пообещало наблюдать за политическим развитием на севере Европы и в бассейне Балтийского моря. Из-за этого критически настроенная финская пресса начала использовать термин «сторожевой пёс».

К началу переговоров в Новосибирске «блок Хонка» был уже в состоянии развала, и его кандидат в тот же день заявил о своем отказе от притязаний на президентское кресло. Возвращение президента Кекконена домой от самой восточной границы походило на торжественную процессию. Его избирательный блок расширился, включив в себя все буржуазные партии, и на январских выборах выборщиков одержал победу с преимуществом в 145 голосов. Кекконен был переизбран уже при первом голосовании 199 голосами, поданными от всех избирательных блоков.

Парламентские выборы, рекордные по числу избирателей (82,4%), прошли по той же схеме. АС получил на них мандатов больше, чем когда-либо (53), и его фракция в парламенте стала крупнейшей. СДПФ отвоевала у скуговцев только два места, и ее

фракция, имея всего 38 мест, стала третьей по величине парламентской фракцией. Бывшей социал-демократической оппозиции, зарегистрированной как самостоятельная партия в 1959 г. под названием «Социал-демократический союз рабочих и мелких земледельцев» (СдСРиМЗ), пришлось довольствоваться двумя местами. Результаты выборов, которые подвели черту под «нотным кризисом», закрепили за правительственной политикой на следующие четыре года курс, избранный АС.

Умело сыгранная Кекконеном президентская игра, кульминацией которой стал «нотный кризис», как в Финляндии, так и за границей заставила задуматься о том, что ждет финляндскую демократию. Хотя даже и помыслить не могли о том, что Кекконен просил советское руководство поддержать столь прямым путем его повторное избрание президентом, многие аспекты, связанные с кризисом, вызывали сомнения.

Вскоре отношения президента и средств массовой информации вновь подверглись испытанию. В дальнейшем глава государства неоднократно прибегал к полемике с конфетными лицами, заставляя замолчать тех, кто критиковал его, язвительными сравнениями («дезориентирующие», «способные только “гнать волну”», «зашоренные»). Объектом критики стала, в частности, продемонстрированная им в толковании недавней истории – особенно это касалось его оценок развития отношений между Финляндией и СССР – крепость задним умом, в которой усматривали черты ненужного национального самобичевания.

Возвращение в Мировое сообщество

Полномочия, которыми была наделена Союзная Контрольная Комиссия, различными способами ограничивали суверенитет Финляндии. Присутствие СКК сказывалось и на связях Финляндии с границей. В конце 1944 г. в Хельсинки находились только три иностранные миссии; в 1945 г. число представительств Финляндии за границей было наименьшим – пять. Однако после окончания «большой войны» дипломатические отношения быстро восстанавливались, и в конце 1945 г. Финляндия обменялась миссиями с шестью странами, в частности с СССР, Францией и США. Вновь было открыто и представительство в Лондоне, но Великобритания четко следовала принципу, согласно которому возврат к нормальным дипломатическим отношениям стал возможен только после подписания в 1947 г. окончательного мирного договора.

Уже при подготовке Парижского мирного договора Финляндии пришлось столкнуться с послевоенной реальностью, – «холодной войной». Отказываясь в июле 1947 г. от помощи, предусмотренной программой послевоенного восстановления Европы, «планом Маршалла», инициатором которой выступили США, но которой противился СССР, правительство сослалось на стремления Финляндии оставаться вне противоречий между великими державами. Это решение было тем более понятным, если иметь в виду то, что мирный договор еще не был ратифицирован и СКК по-прежнему работала в Финляндии.

О стремлении Финляндии к нейтралитету удалось упомянуть в преамбуле к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанному с СССР в 1948 г. (Договор 1948 г.). Значение этого Договора как отправной точки для установления новых отношений между соседними государствами определялось прежде всего тем, что СССР получил гарантии безопасности своей северо-западной границы, каких до Второй мировой войны Финляндия была не способна дать. Финляндия обязалась при помощи, в случае необходимости Советского Союза, защищать всеми

силами свою территорию, если через нее совершат вооруженную агрессию против СССР (§1). Финляндия обещала также, в случае если будет констатирована угроза агрессии, начать военные консультации со своим партнером по Договору с целью отражения нападения (§2). Зато ее войска не могли быть использованы для поддержки СССР за пределами государства, и Финляндия не должна была ориентироваться на СССР в своей внешней политике.

Договор 1948 г. вместе с Парижским мирным договором четко определил принципы, в соответствии с которыми следовало развивать отношения между Финляндией и СССР. На преемственность этих отношений указывает то, что Договор был трижды заблаговременно возобновлен – в 1955, 1970 и 1983 гг. и после развала СССР он еще некоторое время оставался в силе в неизменном виде.

С наступлением мира правительство Финляндии в течение долгого времени не было осведомлено относительно своих возможностей в сфере внешнеполитических отношений. На первых порах у него отсутствовали и средства для поддержания международных контактов. Финляндии пришлось наблюдать со стороны не только за развитием сотрудничества между Скандинавскими странами, но и за работой совещаний многих международных организаций, право на участие в которых давало Финляндии ее членство в них. Так, например, она не участвовала в работе Ассамблеи Международной организации труда (МОТ), созданной осенью 1945 г., и в проходившей вскоре после нее в Женеве Европейской экономической конференции. Казалось, Финляндия проявляет чрезмерную осторожность, опасаясь негативной реакции со стороны СССР.

Сразу после ратификации Парижского мирного договора финны полагали, что Финляндия, как и другие бывшие союзники Германии, добившиеся нормализации своих отношений с союзными державами, была вправе незамедлительно стать членом ООН. Для прояснения этого вопроса МИД Финляндии вошел в непосредственный контакт с Генеральным секретарем ООН, который дал ход заявлению Финляндии с просьбой принять ее в эту организацию. Однако Восток и Запад в то время уже находились в состоянии «холодной войны», в связи с чем в ООН опасались, что появление новых членов может поставить под угрозу существующий баланс сил. Прошло целых восемь лет, прежде чем благодаря компромиссу, достигнутому между СССР и его противниками, Финляндия смогла стать членом этой всемирной организации.

Хотя после заключения Парижского мирного договора правительству удалось остаться в стороне от таких проектов сотрудничества, участвуя в которых ему пришлось бы занять определенную позицию в отношении противоречий между великими державами, постепенно Финляндия вернулась к официальным и неофициальным связям, которые она поддерживала ранее, например к работе в МОТ и Межпарламентском союзе (МС). К тому же она вошла в различные, по сути дела, во все новые подчиненные ООН организации, кроме ЮНЕСКО.

Первым крупным международным совещанием, организаторами которого выступали финны, стала III Всемирная лесная конференция, проведенная в Хельсинки в июле 1949 г. по предложению правительства Финляндии. Отмена виз в пределах североевропейского региона в том же году, со своей стороны, облегчила передвижение финнов за границы. О том, что в финляндском обществе постепенно исчезала напряженность, свидетельствовала победа финской девушки Арми Кууселы на конкурсе красоты «Мисс Вселенная» в 1952 г.

Событием, важным в политическом отношении, стали проведенные в Хельсинки Олимпийские игры 1952 г., в которых СССР участвовал впервые в истории игр. Делегация СССР также впервые приняла участие в организованном спустя три года в Хельсинки совещании Межпарламентского союза.

В сентябре того же года Финляндия – единственная страна из числа потерпевших поражение во Второй мировой войне – полностью рассчиталась со своими долгами СССР по военным репарациям. После этого в Финляндии вздохнули с облегчением, ведь нарушение обязательств, связанных с выплатой репараций, могло привести к различным ответным мерам Москвы.

Успехи, достигнутые в сфере долгов, заложили основу для новой «восточной торговли». Финнам удалось наладить поставки в СССР и другие страны социалистического лагеря продукции (особенно металлоизделий), не подчиняясь, в отличие от других нейтральных стран, указаниям секретного западного органа КОКОМ, осуществляющего контроль за торговлей стратегическими товарами.

С точки зрения международного положения Финляндии во многих отношениях поворотным был 1955 год, положивший начало первому периоду разрядки. СССР, согласившись возвратить Финляндии территорию Порккала-Удд (что, как считал президент

Паасикиви, создает предпосылки для финляндского нейтралитета), без всяких возражений отнесся к вступлению Финляндии в созданный тремя годами раньше Северный совет¹³⁷. В рамках пакета решений, принятых в декабре 1955 г., Финляндии удалось также стать членом ООН.

Одним из наиболее наглядных примеров активности Финляндии в ООН стала деятельность по сохранению мира, начавшаяся вскоре после ее вступления в ООН. Она продолжается уже более полувека, в ней, включая операции управлению кризисами, полторы тысячи финских военнослужащих. Из финских офицеров, приглашенных на службу в ООН, первый и наиболее высокий пост получил генерал-майор А.Е. Мартола, который вначале был военным советником Генерального секретаря ООН.

В силу своих обязательств по Договору 1948 г. уже спустя год после его заключения Финляндия оказалась в щекотливой ситуации, когда Норвегия и Дания присоединились к военной организации Североатлантического договора (НАТО). Швеция решила остаться нейтральной и укреплять свою оборону собственными силами. В кругах политологов долгое время говорили о так называемом северном балансе, согласно которому «смещение СССР на финляндском направлении» к западу вызвало бы в качестве ответной реакции присоединение Швеции к НАТО, и наоборот. Шведские документы, ныне опубликованные, свидетельствуют о том, что Швеция имела готовые планы сотрудничества с западными державами и отреагировала бы именно так, как того опасались, если бы стала объектом угроз со стороны СССР.

Казалось, что Финляндия в этой ситуации была заинтересована в возврате к соотношению сил, доминировавшему на севере Европы до 1949 г., как то было предложено Кекконеном, в ту пору премьер-министром, в его так называемой речи из кармана пижамы, проект которой он набросал в январе 1952 г., находясь в больнице. В этой речи Кекконен, преследуя собственные внутриполитические цели, по сути, впервые прибег к внешнеполитическим средствам (как он признавался президенту Паасикиви, «речь, касающаяся мира, могла бы отвлечь умы от цен на хлеб»). Картину

¹³⁷ *Северный совет* – консультативная региональная организация сотрудничества государств Северной Европы. Учреждена в 1952 г. по инициативе Дании. Финляндия стала членом Совета, сделав оговорку, что не будет участвовать в рассмотрении военно-политических вопросов, а также вопросов, требующих определения позиций в отношении противоречий между великими державами.

дополняет также то, что премьер-министр не осмелился выступить с нею, не обсудив вначале ее содержание с представителем СССР в Хельсинки. Со своей стороны тот понял, что предложение Кекконена о выходе Норвегии и Дании из НАТО не означало того, что Финляндия расторгла бы Договор 1948 г.

Именно то, что в Договоре 1948 г. Финляндия взяла на себя обязательство бороться против возможной агрессии со стороны своего «последнего противника времен Второй мировой войны» – Германии или «любого союзного с ней государства», сделало ее положение проблематичным позднее, когда ФРГ начали перевооружать и интегрировать с Западом. На ситуацию в Германии ссылались уже в связи с кризисом 1958 г. – «ночными заморозками». Тремя годами позже в условиях «ночного кризиса» она стала объектом еще более явного внимания: в коммюнике, принятом по итогам переговоров в Новосибирске, говорится «об отражении возможной агрессии со стороны германских милитаристов в бассейне Балтийского моря... через Финляндию».

После того как президентом стал Кекконен, отношения между Финляндией и СССР, в отличие от периода президентства Паасикиви, начали развиваться непосредственно на высшем уровне. Однако после визита в Финляндию Председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова в 1956 г. на очереди вначале был ответный визит в СССР премьер-министра К.-А. Фагерхольма. Историческое значение этого визита состоит в том, что в коммюнике, опубликованном 2 февраля 1957 г. по его итогам, СССР впервые констатировал, что «проводимая Финляндией миролюбивая и нейтральная внешняя политика, стремящаяся к миру, а также дружественные отношения, поддерживаемые ею со всеми странами, в свою очередь, ценным образом содействуют обеспечению международного мира». Эта характеристика финляндского нейтралитета, получившая признание во времена Хрущева, сохранялась в текстах коммюнике, которые принимались по итогам визитов в течение следующих 14 лет, пока, по предложению советской стороны, ее не заменили ссылкой на Договор 1948 г.

Собственно, личное взаимопонимание между Кекконеном и Хрущевым впервые было достигнуто во время визита последнего вместе с тогдашним премьер-министром Николаем Булганиным в Финляндию в июне 1957 г. Президент Кекконен в качестве «подарка», полученного во время его первого официального визита в СССР в мае следующего года, привез в страну, в частности,

известие о том, что у Финляндии есть возможность получить от восточного соседа заем на сумму 0,5 млрд руб. под низкие проценты и заказы на строительство. Наиболее важными строительными объектами должны были стать сталеплавильный завод в городе Раахе и поставляющий туда руду из Советской Карелии горнодобывающий центр в городе Костамукша.

Еще более значимым был неожиданный визит Хрущева в Финляндию в связи с 60-летием президента Кекконена в сентябре 1960 г. В ходе бесед, состоявшихся во время визита, в принципе было достигнуто взаимопонимание относительно того, как Финляндия могла бы обеспечить свои интересы на жизненно важных для нее рынках в границах интегрирующейся Европы. В итоге остановились на ассоциированном членстве в ЕАСТ на следующем условии: стабильное развитие «восточной торговли» должно быть гарантировано путем предоставления Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования, аналогичного тому, какой Финляндия предоставила странам – членам ЕАСТ. Полноправным членом ЕАСТ Финляндия стала только в 1986 г.

Как обнаружилось из дневников президента Кекконена, вопрос об интеграции был тесно связан с его переизбранием на второй срок. В Финляндии надеялись, что ассоциированное членство в ЕАСТ окажет столь же благоприятное воздействие на правые круги, противостоявшие Кекконену, как и его официальные визиты, в частности в Великобританию и США в 1961 г. В коммюнике, принятых по итогам этих визитов, подчеркивалось, что в этих странах «уяснили» политику нейтралитета, проводимую Финляндией. Признание на Западе политики финляндского нейтралитета вменялось в заслугу именно Кекконену, хотя, например, Вашингтон квалифицировал Финляндию как нейтральное государство еще в середине 1950-х годов. Первое впечатление, которое высокий финляндский гость произвел на Джона Ф. Кеннеди, оказалось весьма благоприятным, по крайней мере у него не возникло сомнений относительно способности Кекконена удерживать Финляндию на правильном курсе.

В ходе визита в США Кекконен выступил в Нью-Йорке 19 октября на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с речью, которая была исторической уже хотя бы потому, что глава финляндского государства никогда ранее не выступал во всемирной организации. Весомым было и само содержание речи Кекконена: «Наша политика нейтралитета, как мы неоднократно заявляли, нацелена на

то, чтобы вывести Финляндию за пределы внешнеполитических спекуляций. Мы благодарны за то признание, которое везде получили наше стремление к независимости, жизненная сила нашей демократии и наша любовь к миру».

В связи с расколом в стане социал-демократов также имелись явные признаки вмешательства иностранных держав во внутренние дела Финляндии.

Как подтвердил в своих воспоминаниях президент М. Койвисто, в то время как АС при содействии СССР оказывал финансовую поддержку скуговцам, Организация профсоюзов Финляндии, созданная – в противовес ЦОПФ – правым крылом в СДПФ, во главе которого стоял В. Лескинен, получала финансовую помощь от Запада. Вряд ли было случайностью что именно во время «нотного кризиса» впервые в средствах массовой информации появился термин «финляндизация». В целом под «финляндизацией» подразумевались ограничения, которые некое сильное государство устанавливает в отношении права более слабого соседнего государства на самоопределение.

«Хлюст»¹³⁸ Партии центра и выборы протеста

Сокращение доли сельского и лесного хозяйства в экономике Финляндии с начала 1950-х годов происходило более быстрыми темпами, чем когда-либо ранее. Хотя рост производства в лесной промышленности продолжался, дополнительные потребности в сырье удовлетворялись главным образом за счет более эффективного его использования и импорта. Под влиянием механизации как в лесном, так и в сельском хозяйстве требовалось все меньше работников. Особенно с начала 1960-х годов значение этих отраслей, ранее ключевых с точки зрения решения проблемы занятости, быстро убывало, так что число тех, кто получал доход в лесном и сельском хозяйстве, сократилось к концу 10-летия на целых 20%. Однако уровень занятости в этих отраслях все еще оставался высоким – 0,5 млн рабочих мест.

Уже в конце 1950-х годов сфера услуг стала ведущим сектором экономики Финляндии как по объему производства, так и по уровню занятости. Сфера услуг поглощала рабочую силу, высвобождавшуюся из лесного и сельского хозяйства. В то же время развитие сферы услуг, происходившее главным образом в густонаселенных регионах, вызвало миграцию населения из сельской местности в города. Бегство из деревни привело к увеличению доли жителей городов и поселков городского типа в общей численности населения страны. В 1970 г. эта доля превысила 50%, тогда как в 1950 г. она составляла только 32,3%. На этом переломном этапе в результате выборов, проведенных после «нотного кризиса» 1961 г., АС стал ключевым фактором финляндской политики.

Попытка сформировать правительство большинства, предпринятая после парламентских выборов февраля 1962 г., вновь оказалась сопряженной с трудностями. Правительство доктора Ахти Карьялайнена, который в течение длительного времени был коллегой Кекконена и министром, смогло приступить к работе только в середине апреля. На этот раз АС взял себе в партнеры помимо

¹³⁸ *Хлюст* – подборт карт одной масти в карточной игре (покере).

двух народных партий еще и НКП. Кроме того, правительство могло полагаться на поддержку двух представителей от СдСРиМЗ, избранных в парламент. Вместо них в правительство впервые в истории страны были взяты три министра от ЦОПФ в качестве представителей профсоюзного движения. Профсоюзы, поддерживающие линию руководства СДПФ, вышли из ЦОПФ еще за год до того, как объединение было захвачено оппозицией, и основали собственную Организацию профсоюзов Финляндии (ОПФ). То, что представители старой профсоюзной организации оказались в правительстве, в социал-демократических кругах расценили как новый маневр внешних сил с целью затянуть состояние раскола в СДПФ.

Первое правительство Карьялайнена, по сравнению со своими предшественниками, оказалось долговременным. Оно столкнулось с трудностями осенью следующего года, когда три представителя ЦОПФ ушли в отставку из-за несогласия с тем, как решались важные для них вопросы о ценах на продукты сельского хозяйства. Их места заняли аграрии, но правительству пришлось уйти в отставку еще до Рождества 1962 г., поскольку оно оказалось неспособным изыскать средства для покрытия бюджетного дефицита.

При формировании следующего правительства вновь отступили от принципа парламентаризма: уже через сутки после отставки кабинета Карьялайнена президент назначил очередное «правительство чиновников», сформированное главным образом из доводящего состава министерств; возглавил его постоянный заместитель министра торговли и промышленности Рейно Р. Лехто, поскольку переговоры о формировании нового политического правительства большинства затягивались, правительство Лехто оставалось у власти почти девять месяцев.

Правительство большинства, начавшее работу в сентябре 1964 г. под руководством Йоханнеса Виролайнена, было сформировано на той же основе, что и правительство Карьялайнена, за исключением того, что на этот раз в него не вошли ни представители ЦОПФ, ни другие представители левых. Министерские посты, отданные НКП и народным партиям, не были ключевыми, кроме поста министра финансов, который занял коалиционер. Министром иностранных дел и заместителем премьер-министра на этот стал А. Карьялайнен.

То, как АС, поменявший (в 1965 г. – Т.А.) свое название на Партию центра (ПЦ), сумел в тот период сосредоточить власть в своих

руках, не имело аналогов в истории Финляндии. Помимо правительства в так называемый хлюст ПЦ входили председатель парламента, президенты верховного и высшего административного суда и даже командующий вооруженными силами.

В период работы парламента, избранного в тени «ночных заморозков», были проведены важные реформы, например, новый закон о языке, благодаря которому все общины, население которых, говорившее на втором национальном языке, составляло не менее десяти процентов, или 5 тыс. жителей, – таким образом, и старая столица Турку, – оставались двуязычными (позднее, в 1974 г. языковый порог был еще снижен – до 8%, или 3 тыс. человек). Из других важных документов, принятых парламентом того созыва были: закон о страховании на случай болезни, закон о налоге с оборота, реформа основной школы, реформы, предполагавшие создание новых высших учебных заведений в Восточной и Северной Финляндии; было также принято законодательство в отношении развивающихся регионов.

Правительства того периода действовали в выгодных условиях, так как страна с 1962 г. испытывала благотворное влияние высокой экономической конъюнктуры. Однако они оказались неспособны навести порядок в финансовой сфере, особенно «правительство чиновников» Лехто. Следующее правительство в преддверии парламентских выборов оказалось в затруднительной ситуации, в которой ему пришлось повысить налог с оборота. Это повышение главным образом затронуло цены на автомобили и на бензин, что ударило по карману и малоимущего населения: количество личных автомобилей, в начале 1960-х годов составлявшее 40 штук на тысячу жителей, к 1966 г. выросло в 3 раза, то есть к тому времени автомобиль перестал быть роскошью, доступной лишь высшему классу, но право приобрести его получили широкие массы населения.

Для той его части, которая поддерживала социал-демократов, правительственная политика, проводимая кабинетом Виролайнена при поддержке НКП, означала «эгоистичную политику привилегий». Трудно было объяснить, почему правых взяли в правительство, тогда как социал-демократов по-прежнему обвиняли в открытом противостоянии СССР. Растущая способность левых к взаимному сотрудничеству проявлялась в парламенте в том, что им удалось перенести предложенный правительством сельскохозяйственный закон на рассмотрение парламентом нового состава, помешать планам децентрализации управления и отвергнуть предложение

о введении в действие экономического соглашения о неизменяемости нормированных цен и заработной платы до 1970 г.

Среди левых еще до выборов произошли изменения, предвосхитившие новую расстановку политических сил. Генеральным секретарем ДСНФ в 1965 г. впервые был избран некоммунист, доктор Эле Алениус. Новым председателем КПФ спустя несколько месяцев стал Аарне Сааринен, известный как реформатор, который сменил Аймо Аалтонена, занимавшего этот пост в течение 20 лет.

Главной целью Рафаэла Паасио, ставшего в 1963 г. новым председателем СДПФ, было развитие политики партии на основе принципов, отличных от тех, которыми руководствовался его предшественник, непримиримый антикоммунист Таннер. По выражению Паасио, партия могла бы взять «на два румба влево». Со своей стороны, доктор Мауно Койвисто, выступивший с речью в 1965 г. в Тампере на праздновании 1 Мая, впервые публично предложил СДПФ сделать шаг влево. Президент Кекконен успел сблизиться с социал-демократами и в речи, произнесенной им в Рабочем доме в Хельсинки на празднике по случаю 20-й годовщины заключения Соглашения о перемирии, предвосхитил окончание политической изоляции, в которой находилась СДПФ.

Темпы, с которыми СДПФ в итоге покончила со своим положением политического аутсайдера, удивили даже самих социал-демократов, хотя результаты коммунальных выборов, проведенных осенью 1964 г., давали им основание рассчитывать на крупную победу. Партия вступила в предвыборную кампанию в ситуации, крайне выгодной для оппозиции, когда правительство оказалось неспособным отстоять свою неудавшуюся экономическую политику. Учитывая, что телевидение транслировало межпартийные дебаты, объектом предвыборной пропаганды теперь стало едва ли не все население. Каарло Питцинки, сменивший В. Лескинена на посту секретаря партии, прямо накануне голосования «подкинул» для обсуждения программу ДПФ из восьми пунктов, в которой был сделан упор на решении социальных проблем и в качестве «приманки» содержались весьма далеко идущие предвыборные обещания.

Выборы носили характер протеста. Об этом свидетельствует процент участия в голосовании 1962 г., который на этот раз был лишь на 0,2% ниже рекордного показателя прошлых выборов, и то, что социал-демократы собрали на них почти на 200 тыс. голосов больше. Доля полученных ими голосов была больше, чем на всех

проводившихся после 1939 г. парламентских выборах. Число мест, полученных СДПФ в новом парламенте, равнялось 55, и было почти на 2/3 больше, чем в 1962–1966 гг.

СдСРиМЗ также удалось увеличить число своих мест (до 7), что произошло за счет потерь ДСНФ, вошедшего в единый с ним избирательный блок. Хотя в новом парламенте не возникло левого большинства, изменившаяся позиция социал-демократов предрешила то, что на следующих переговорах о формировании правительства народным демократам удалось покончить со своим положением оппозиции, в котором они находились почти 18 лет.

Переговоры о формировании правительства шли долго. Парламентская фракция СДПФ только в мае решила поддержать вместо правительства всех партий, вновь предложенного президентом, но отвергнутого коалиционерами и народными партиями, коалицию «трех больших партий». В результате давления извне социал-демократы в итоге были готовы согласиться с вхождением в правительство также представителя СдСРиМЗ. Правительство, в окончательном составе назначенное 27 мая, опиралось на поддержку 152 депутатов, чего правительства, существовавшие до него, не добивались в течение 20 лет.

Помимо поста премьер-министра, доставшегося Рафаэлу Паасио, социал-демократы получили пост министра финансов, который доверили Мауно Койвисто. Наиболее сильной фигурой от ПЦ был Ахти Карьялайнен, получивший портфель министра иностранных дел. Коммунистам не досталось ни одного из пяти наиважнейших портфелей, от чего в свое время предостерегал Паасикиви. Как представитель СдСРиМЗ пост министра юстиции унаследовал Аарре Симонен. Он сам и та должность, на которую он был назначен, вызвали раздражение, ведь ранее он был осужден государственным судом по так называемому делу о взяточничестве.

От «Радио Репо» до «тайстовцев»

В 1960-е годы в политической культуре Финляндии произошли коренные изменения. Основным фактором перемен была начатая в конце 1950-х годов трансляция телевизионных передач, что позволило практически всему населению страны наблюдать за развитием событий на политической арене. Развлекательные передачи также оказывали важное влияние на мировоззрение граждан, особенно в условиях, когда культурная деятельность рабочих организаций быстро сходилась на нет. Радикальные левые, парадоксальным образом проявившие себя в политической жизни именно в это время, со своей стороны, эффективно использовали новые технические возможности, создаваемые Юлейсрадио, для распространения своих идеи и представлений.

Новый период подъема традиционной культуры рабочего класса, начавшийся после окончания Второй мировой войны, оказался коротким конъюнктурным явлением. С одной стороны, вражда между СДПФ и ДСНФ, с другой – раскол социал-демократов, начавшийся с середины 1950-х годов, выбили идейную основу из-под единого рабочего движения. С затуханием организационной деятельности рабочие дома утратили значение мест, где люди собирались для проведения вечеринок, подготовки и показа театральных представлений и даже для обучения в кружках по интересам. В условиях нехватки средств объединения, отвечавшие за рабочие дома, перестали заботиться о поддержании зданий в хорошем состоянии или начали продавать и сдавать их в аренду, что было чуждо самой идее рабочих домов. Падение интереса к живой исполнительской музыке привело и к свертыванию деятельности кружков, объединявших любителей легкой музыки.

В результате того, что в левых партиях материальные интересы возобладали над идеологией и для достижения своих целей неидеологического характера они все активнее использовали организации давления, поддержка старых рабочих партий, СДПФ и ДСНФ, вплоть до 1980-х годов оставалась на высоком уровне. Этому, в свою очередь, способствовало и то, что первоначально совершенно иными путями распространившиеся в стране ради-

кальные поветрия, которым в массе своей была привержена образованная молодежь, получили известность благодаря средствам массовой информации и охватили своим влиянием главным образом школу и высшую школу.

До конца 1960-х годов молодежь редко выезжала за пределы страны и не чувствовала тяги к международным массовым мероприятиям. И даже образованные люди, пожалуй, за исключением культурной интеллигенции более старшего поколения, не испытывали симпатии по отношению к левым идеям. Деятельность Общества «Финляндия–СССР», на которую после заключения Соглашения о перемирии левые возлагали большие надежды, не смогла увлечь молодежь. Движения за мир особого развития в Финляндии не получили. Показательным было то, что при поддержке местных демонстрантов-антикоммунистов удалось создать трудности при проведении фестивалей молодежи, организованных в Хельсинки еще в 1962 г.

Перемены в молодежных кругах начали происходить главным образом под влиянием Великобритании и Франции. Пацифистский комитет, так называемый Саданкомитеа («Комитет ста»), учрежденный в 1963 г., и чуть позже созданное «Ноябрьское движение», социально-критическое по своему характеру, на тот момент представляли еще немарксистский радикализм. Одновременно реакция консервативных кругов на творчество писателей (например, Пааво Ринталы и Ханну Саламы), отрицавших традиционные ценности, пробудила у молодых интеллигентов глубокое неприятие той духовной ограниченности, которая все еще не была изжита в стране после войны. В Финляндии были даже организованы судебные процессы. На одном из них Салама за свой роман «Танцы на Иван-Купалу» (1964) был обвинен в богохульстве.

Письменные тексты песен протеста перекочевали из стен старого Дома студентов на Юлейсрадио – вскоре после того, как в начале 1965 г. его генеральным директором при поддержке АС/ПЦ был избран радикально настроенный литературный критик Эйно С. Репо. Партия, несомненно, стремилась к тому, чтобы держать под постоянным контролем государственные средства массовой информации. Откровенная поддержка, которую радио и телевидение оказали левым в период предвыборной кампании 1966 г., вызвала ответную реакцию в разочарованной ПЦ, и спустя 4 года ее представители в административном совете вместе с теми, кому порядком надоел Репо, высказались за его отставку.

То, что прямо накануне обнародования результатов выборов 1966 г. состоялась премьера музыкального спектакля «Лапуаская опера», было своего рода маневром, рассчитанным на избирателей: в спектакле были воссозданы события начала 1930-х годов. Автором «Лапуаской оперы» был Арво Сало, принадлежавший к новым левым и отличившийся как главный редактор «Студенческой газеты». После выборов ряды левых партий, особенно ДСНФ, начали пополняться за счет молодежи. Коммунисты поначалу чуждались новых людей, особенно потому, что зачастую они не были рабочего происхождения.

«Смещение» молодежи влево способствовало в Финляндии, как и в других странах, активизации движения протеста, возникшего в связи с войной, развязанной США во Вьетнаме. Первая демонстрация протеста была организована в Хельсинки во время визита в Финляндию государственного секретаря США Дина Раска. Визит состоялся вскоре после того, как к работе приступило «правительство народного фронта», сформированное после победы левых на выборах. Студенческие левые организации и «Комитет ста» организовали в Хельсинки демонстрации и в знак протеста против оккупации Советским Союзом Чехословакии в августе 1968 г.

Студенческие волнения, продолжавшиеся с весны 1968 г. повсюду, особенно во Франции, под знаком реформирования университетской системы, подтолкнули группу хельсинкских студентов к захвату 25 ноября 1968 г. старого Дома студентов. Своими действиями студенты первоначально хотели выразить протест против официального приема с участием членов Академии, организованного на следующий день в связи с памятной датой – 100-летием студенческой общины Хельсинкского университета. Демонстранты, ставившие своей политической целью, в частности, изменение общего направления «Студенческой газеты», заклеившей как консервативная, в течение суток удерживали здание в своих руках. В результате запланированное на вечер торжественное мероприятие пришлось перенести в другое место.

Происшедшее явно способствовало радикализации новых левых. Повсеместно критике подвергались общество в целом, культурная жизнь, даже церковь и армия. Молодые полемисты, изначально выступавшие с пацифистских позиций, начали в своих статьях высказываться в пользу права реформаторов от освободительных и революционных движений на насилие. Подобная

«острота вопросов» была присуща возникавшим в то время во множестве так называемым движениям одного дела – начиная с движений, ставивших своей целью улучшение положения женщин, до движения защитников окружающей среды.

Студенческая акция получила неожиданную поддержку с фланга, от президента Кекконена. В предшествовавшие годы он с горячим сочувствием относился к политизированной молодой интеллигенции и искал контактов с нею, в частности организуя дискуссии, так называемые детские праздники. Кекконен высказывал неприятие консервативной, так называемой высокой культуры, критикуя также тогдашний академический закон. Как следствие, еще до начала 1970-х годов началась реорганизация Финляндской академии. Он также критически отнесся к приговору суда, вынесенному Ханну Саламе и его издателям по так называемому делу о богохульстве, и поспешил воспользоваться своим правом на помилование.

Президент Республики, приглашенный на празднование 100-летия студенческой общины Хельсинкского университета – уже хотя бы потому, что в свое время он принимал активное участие в деятельности студенческого сообщества и был главным редактором «Студенческой газеты», – выступил перед облаченной в парадные одежды публикой с речью, в которой открыто выразил свое сочувствие тем, кто решился на захват старого Дома студентов. «Молодежь, свободная от предрассудков, есть идеологическая бомба будущего, – заявил он. – В ней – надежда мира».

Президент Кекконен, по сути дела, сознательно не обращал внимания на свое «правительство народного фронта» и стремился возглавить радикальную молодежь. Пример оказался заразительным и для тогдашних министров: министр просвещения Йоханнес Виролайнен высказывал далеко идущее понимание требований студентов и подготовил для парламента законопроект о реформе управления высшей школой, основывающийся на принципе «один человек – один голос», который, таким образом, должен был уравнивать в правах – при выборах правления Университета – всех членов университетской общины: студентов, молодых преподавателей и профессоров. Закон был отклонен и принят только через 20 лет, но уже на основе контингентного принципа¹³⁹.

¹³⁹ Согласно контингентному принципу правление университета формировалось из равного числа представителей сообщества студентов, молодых преподавателей и профессоров.

Процесс радикализации охватил также рабочие партии. Например, новый секретарь СДПФ Эркки Раатикайнен предлагал сделать шаг влево в области партийной идеологии; он считал, что социализм уже давно был лишь «скелетом в шкафу».

Благодаря либеральным правительствам процесс либерализации охватил в те годы все финляндское общество: в 1968–1970 гг. были пересмотрены условия реализации алкогольных напитков (продажа пива средней крепости отныне осуществлялась за пределами государственного концерна «Алко», производящего, импортирующего и обладающего монопольным правом реализации спиртного); «молитвенная суббота» стала официально разрешенным праздником¹⁴⁰; из церковной общины отныне можно было выйти на основании заявления; закон, запрещающий аборты, стал более либеральным.

Оккупация Чехословакии в 1968 г. оказала свое влияние на раскол КПФ. Реформистски настроенный лидер партии вместе со своими единомышленниками тяжело переживал интервенцию со стороны СССР. Он отменил празднования по случаю 50-летия КПФ, которые должны были состояться в Хельсинки как раз во время событий в Чехословакии, и советской делегации, прибывшей для участия в них, пришлось ни с чем вернуться домой. Ортодоксальное меньшинство в КПФ, оказавшее безоговорочную поддержку оккупации, события в Чехословакии подтолкнули к тому, чтобы начать проводить свою самостоятельную линию в партии. Меньшинство, названное «тайстовцами» по имени своего «рулевого» Тайсто Синисало, отныне во всем, как в моральном, так и материальном отношениях, опиралось на марксистско-ленинскую КПСС. По причинам, которые еще не до конца выяснены, в этой группе оказалась часть молодых людей, в 1960-е годы пробудившихся для критического осмысления действительности и остановивших свой выбор на КПФ.

По мнению профессора Ристо Алапуру, этот феномен возник потому, что в Финляндии, из-за внешнеполитических причин, не могло появиться такое же ультралевое движение, как в других странах, например во Франции или Германии. И что тайстовская идеология была для многих молодых людей последним порогом, через который нельзя переступить еще левее.

¹⁴⁰ Отныне в «молитвенную субботу» не возбранялись светские развлечения.

Прежде всего влечение молодого поколения, активно участвовавшего в культурной жизни, к коммунизму и идеализация им СССР, свидетельствовавшие о неспособности критически мыслить, указывали на неосознанную «самофинляндизацию». Народ чувствовал, что пресмыкается перед СССР, не понимая почему. Во внутренней политике соответствующее стремление разыгрывать так называемую московскую карту к концу эпохи Кекконена привело к тому, что даже на правительственном уровне это с беспечностью называли «обычаем страны».

Опубликованные дневники президента Кекконена открывают поразительную картину того давления, которое советские представители чуть ли не ежедневно оказывали на правительственные круги. Деятельность по наблюдению и оказанию влияния, осуществляемая посольством на Тэхтаанкату распространялась всюду, там, где она считалась нужной. Отсюда термин, изобретенный в те времена, – «котируюсса» («домашний русский»).

В 1970–1971 гг. достиг своей кульминации этап периода, который некоторые историки всерьез называют «годами опасности», когда Москва решительно вмешалась во внутренние дела левых и расколовшейся надвое КПФ. Направленный тогда послом в Хельсинки высокопоставленный сотрудник КПСС А.С. Беляков, забыв обычные нормы поведения дипломата, был вынужден вернуться домой в середине срока.

Взлет и падение «народного фронта»

Первое правительство Рафаэла Паасио нарушило традицию, согласно которой министры во время церемонии назначения должны были быть одеты в соответствии с протоколом. Крайне левые с воодушевлением говорили о новом «народном фронте», но в СДПФ предпочитали формулировку «правительство сотрудничества на широкой основе». Социал-демократическое руководство было не слишком довольным, считая, что правительство в своей программе дало предпринимателям сельскохозяйственного производства слишком большие обещания.

С другой стороны, СДПФ была готова защищать в парламенте идею об оказании государством финансовой поддержки партиям; она была взята на вооружение с начала 1967 г.¹⁴¹ Невзирая на расходы, правительство также провело имевшую принципиально важное значение реформу основной школы, согласно шведской модели, не считаясь с возможностями индивидуального обучения и традициями. Важным, хотя и отвлекшим значительные денежные средства был также принятый в 1967 г. закон о семейных пенсиях¹⁴², призванный поддержать семьи с низким уровнем дохода.

Как показали последующие парламентские выборы, избиратели обманулись в своих надеждах, которые они возлагали на социал-демократов. СДПФ оказалась заложницей своей программы 1966 г. из восьми пунктов в ситуации, когда возможности для проведения столь широких реформ отсутствовали. Проблемы новому правительству создавала не только государственная экономика, оказавшаяся еще слабее, чем можно было ожидать, но также то, что спрос на товары финляндского экспорта на мировых рынках понизился и сальдо внешнеторгового баланса устрашающе долго было отрицательным. Приняв решение взять за основу политики стабилизации достаточно крупную девальвацию, правительство тем самым перешло рубикон.

¹⁴¹ Многие граждане Финляндии настаивают на отказе от подобной практики.

¹⁴² Семейные пенсии выплачиваются в связи с утерей кормильца.

Левые выступали против существенного снижения стоимости марки потому, что это поставило бы под удар их собственных избирателей – малообеспеченные слои общества. Девальвация, проведенная в октябре 1967 г., – седьмая после войны, – несмотря на отчаянное сопротивление министра финансов Койвисто, составила более 30% и вызвала дебаты среди социал-демократов. Для минимизации ущерба в практику был введен метод создания резервов на случай ухудшения экономической конъюнктуры, согласно которому из доходов от экспорта, развитие которого стимулировала девальвация, было произведено 14-процентное отчисление в так называемый пакет роста для обеспечения внутреннего сбалансирования производства.

Премьер-министра Паасио, которого упрекали за медлительность в принятии решений, на этот раз критиковали за то, что во время своего визита в Москву в ноябре 1966 г. в составе правительственной делегации ему не удалось ничего сделать для улучшения отношений между его партией и КПСС. В руководстве СДПФ также считали, что премьер-министр, который одновременно являлся председателем СДПФ, оказался неспособным противостоять притязаниям на власть президента и ПЦ.

В результате Паасио заявил, что отказывается от поста премьер-министра и сосредоточит свои усилия на выполнении обязанностей председателя партии. Согласно пожеланию Кекконена в марте 1968 г. на посту премьер-министра его сменил Мауно Койвисто, назначенный тем временем генеральным директором Финляндского банка. Возглавляемое им правительство, не считая дополнительного места, отданного ШНП, по своему составу было таким же, как предыдущий кабинет министров.

В числе основных достижений первого правительства Койвисто можно назвать принятие общего решения в рамках политики доходов¹⁴³, к тому времени уже находившегося в процессе подготовки. Отступив от ранее существовавшей системы, государство проявило большую активность на переговорах по поводу заработ-

¹⁴³ *Политика доходов* – скоординированная система принятия политико-экономических решений, в рамках которой в Финляндии осуществляют всеобъемлющий контроль за формированием доходов в обществе, увязывая на договорной основе решения, ежегодно принимаемые на рынке труда, с основными экономическими и социально-политическими мероприятиями государства. Первое «общее решение» в рамках политики доходов (по сути, речь идет о целом пакете решений) было принято в марте 1968 г., когда правительство, стремясь к стабилизации экономической жизни в постдевальвационной ситуации, вступило в контакт с ЦОПФ и ЦСФР.

ной платы, проводимых между организациями рынка труда: при необходимости в рамках пакета решений следовало учесть и социально-политические реформы. План был согласован в узком кругу зимой 1967/68 г. и подписан сразу после формирования нового правительства. Согласования прошли под руководством государственного посредника¹⁴⁴ Кейо Лиинамаа. Переход к системе, которая согласно «общему решению» содержала отказ от индексации заработной платы, предполагал то, что правительство вновь получило полномочия на регулирование цен и заработной платы, которые парламент одобрил без промедления.

Договорная процедура распространялась также на чиновников; законы об условиях их труда парламент принял в 1970 г. подавляющим большинством голосов. Право государства определять в одностороннем порядке условия труда чиновников было отменено; решения относительно условий их труда, как и других категорий наемных работников, впредь принимались на переговорах между работодателями и работниками.

Период пребывания у власти первого правительства Койвисто был отмечен принятием либерального законодательства, которое в некотором смысле отвечало революционному духу 1968 г. С другой стороны, его омрачил отказ СССР от политики разрядки. Финляндским социал-демократам, со своей стороны, удалось улучшить отношения с КПСС во время визита делегации СДПФ в Москву в мае того же года. Это сказалось и на политике правительства Койвисто: премьер-министр, который и сам посетил СССР в конце года, провел решение, согласно которому первые электровозы для финляндских железных дорог были заказаны в СССР.

СДПФ уже задолго до этого отказалась от противостояния Кекконену. Предложив вначале вновь избрать президента на следующий 6-летний срок на основании чрезвычайного закона или чрезвычайных выборов, в июне 1967 г. она приняла решение о вхождении в единый избирательный блок с ПЦ, СдРСиМЗ и ДСНФК для обеспечения победы Кекконена при нормальной процедуре выборов. ЛНП для избрания Кекконена образовала собственный избирательный блок. НКП выдвинула кандидатом Мат-

¹⁴⁴ *Государственный посредник* – должностное лицо, которое помогает разрешению трудовых споров на общегосударственном или местном уровнях. В его обязанности входит поиск путей урегулирования разногласий между организациями рынка труда, возникающих при заключении коллективных договоров. Услуги государственного посредника часто необходимы, например, для отмены законов.

ти Вирккунена, генерального директора Национального акционерного банка, а партия мелких земледельцев, называвшаяся теперь Сельской партией Финляндии (СПФ), – своего председателя Вейкко Веннамо. Выборам, состоявшимся в феврале 1968 г., предшествовала активная избирательная кампания всех кандидатов, в ходе которой соперники Кекконена, в особенности Вирккунен, ссылались на опасность левого радикализма и ставили под вопрос способность президента, стремившегося быть избранным в третий раз, сохранить «финляндскую форму существования».

Хотя Кекконен вновь был избран подавляющим большинством, полученная им поддержка, немногим менее 2/3 всех голосов, оказалась меньше ожидаемой. СДПФ потеряла большое количество голосов, доставшихся главным образом кандидату в президенты от НКП. ПЦ и ДСНФ, со своей стороны, уступили часть голосов избирателей из сельской местности Веннамо. Результат, которого он добился на выборах (11,3%), стал наибольшей для всех неожиданностью.

Уже тот успех, которого СПФ добилась на коммунальных выборах 1968 г., предвосхитил результаты парламентских выборов 1970 г. Выборы прошли на фоне бурно протекавших в течение четырех последних лет структурных изменений в обществе, наиболее характерной чертой которых стала активная миграция населения из сельской местности в города. В 1960-е годы численность городского населения увеличилась более чем на 600 тыс. человек; ни в одно десятилетие до этого рост не был столь же стремительным. Сельские жители не только уходили в города, но и уезжали в Швецию. Причина заключалась в том, что принятые в период нахождения у власти правительств Паасио и Койвисто решения, направленные на ограничение перепроизводства сельскохозяйственной продукции, так называемое «пакетирование полей» (см. примеч. 115), приводили к тому, что таяли и без того скудные средства к существованию, которые земледельцу могло обеспечить возделывание неплодородных земель, распаханых во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов в отдаленных сельских районах. Об уровне заработной платы в Финляндии, существенно понизившемся под влиянием двух войн, можно судить по тому факту, что после девальвации 1967 г. он был в два раза ниже уровня заработной платы в Швеции.

Хотя при правительстве Койвисто были достигнуты значительные успехи в борьбе с безработицей, так что в 1970 г. доля безработ-

ных составила менее 2% общей численности рабочей силы, перебравшиеся в город в поисках более высокого заработка не были готовы «отблагодарить» на выборах левых, которые потеряли на них свыше 150 тыс. голосов. Наибольшие потери понес ДСНФ. На три места меньше получили в новом парламенте и социал-демократы, но СдРСиМЗ потерял все свои места. Еще большее поражение потерпела ПЦ, разделявшая правительственную ответственность с другими партиями в прежних кабинетах; она потеряла чуть ли не 70 тыс. избирателей. Основными победителями на выборах оказались НКП и СПФ, последняя была классифицирована как не левая. Благодаря СПФ, получившей свыше 200 тыс. новых голосов и имевшей всего 18 депутатских мест, в парламенте вновь возникло буржуазное большинство.

«Происходил постоянный сдвиг вправо, – констатировал Киммо Рентола, – в политику 70-годов была привнесена некоторая конвульсивность, а именно то, что правое крыло разбухло, но из-за политических структур и положения страны не смогло трансформировать поддержку избирателей в реальную власть».

Президент Кекконен, разочарованный провалом на выборах политики «народного фронта», вновь начал составлять планы создания «мудрого» – с точки зрения «восточной политики» – правительства всех партий, которое гарантировало бы представительство в нем также народным демократам. Идея не получила поддержки в основном из-за несогласия ПЦ, раздраженной поражением на выборах. На время было решено сформировать «правительство чиновников» под руководством Теуво Ауры. Примечательным в этом всего два месяца продержавшемся у власти правительстве было то, что Вяйнё Лескинену, которого относили к числу врагов Кекконена и в свое время также Советского Союза и который в предыдущем правительстве Койвисто занимал пост министра торговли и промышленности, доверили портфель министра иностранных дел. Он занимал этот пост и в следующем правительстве.

Одной из причин того, почему нужно было быстро сформировать новое политическое правительство, были предстоявшие уже в июле официальные визиты президента республики в обе сверхдержавы – СССР и США. Правительство, назначенное под руководством его ближайшего доверенного лица, Ахти Карьялайнена, строилось на прежнем сотрудничестве «трех больших партий» – СДПФ, ДСНФ и ПЦ; кроме того, народные партии получили в нем по два места каждая. Правительство, имевшее в парламенте

большинство в 142 голоса, считалось на редкость прочным. В действительности его уже при формировании разъедало несогласие, оказавшееся роковым.

Важнейшим достижением партийно-политического сотрудничества левых стало сплочение профсоюзного движения, наметившееся в конце 1960-х годов. Переговоры по этому вопросу начались под руководством профессора Хейкки Вариса и были доведены до конца общими усилиями В. Лескинена, представлявшего СДПФ, и председателя КПФ Аарне Сааринена. Переговоры привели к основанию в 1969 г. новой головной профсоюзной организации¹⁴⁵, в которой руководство поделили между собой социал-демократы и коммунисты, а члены СдРСиМЗ, заправлявшие в старой профсоюзной организации, были оттеснены на второй план; некоторые, по мере того как их партия приходила в упадок, переходили в СДПФ.

Сплочение способствовало осознанию ведущей профсоюзной организацией собственной силы и привело к тому, что на переговорах в рамках политики доходов, проведенных в условиях повышающейся экономической конъюнктуры осенью 1970 г., ни к какому решению не пришли. Меньшинство в КПФ, которое теперь имело в кабинете Карьялайнена своего представителя, осложнило принятие «общего решения», настаивая на включении в правительственную программу условия, согласно которому государство не могло активно вмешиваться в переговоры на рынке труда.

Кекконен в присущей ему беспристрастной манере дал иное толкование правительственной программе и счел уместным самому выступить в роли третьей стороны на переговорах организаций рынка труда, будучи сам «высшим государственным посредником». Программа «УКК-рекомендация», которую он набросал и которую предлагалось ввести в действие в течение 15 месяцев, была одобрена ведущими организациями, выступающими на рынке труда. В качестве дополнения социального характера программа рекомендовала установить четырехнедельный ежегодный отпуск. В качестве политического условия парламенту, в частности, было предложено продлить срок действия чрезвычайного закона.

ДСНФ выступил категорически против «УКК-рекомендации», но правительственную коалицию вторично удалось спасти, предоставив народным демократам – в виде исключения – возможность проголосовать против ее принятия. Часть профсоюзов, в том числе

¹⁴⁵ Центральная организация профсоюзов Финляндии, ЦОПФ.

профсоюз металлистов, которым руководили социал-демократы, отмежеввалась от общего решения, принятого в рамках политики доходов, и начала добиваться повышения заработной платы путем организации продолжительных забастовок. В результате этого в Финляндии 1971 г. стал, следуя за наблюдавшимся тогда общеевропейским процессом борьбы на рынке труда, самым заметным по числу забастовок после исторического 1956 г., отмеченного всеобщей забастовкой.

Несмотря на призывы президента, народные демократы все-таки не согласились остаться в правительстве и вышли из него в марте 1971 г., на этот раз ссылаясь главным образом на повышение цен на кофе, сахар и табак. После этого отразившего внутреннюю напряженность в ДСНФ инцидента, который окрестили «войной за сухари», состав правительства Карьялайнена изменился следующим образом: места, освобожденные народными демократами, заняли представители социал-демократов.

Вскоре после этого, в апреле 1971 г., правительство существенно расширило «восточную торговлю», заключив с СССР договор о поставках природного газа.

Мировой экономический кризис, охвативший в 1971 г. и Финляндию, усугубил трудности, возникшие из-за роста цен и забастовок. Сокращение экспорта и ухудшение внешнеторгового баланса пытались предотвратить путем повышения процентной ставки и взимания налога с импорта предметов потребления. Это вызвало крайнее раздражение в профсоюзах, которые считали эти меры, как и выдвинутые к тому времени ЦСПСХП требования повышения цен на сельскохозяйственную продукцию, противоречащими духу «УКК-договора». После того как ЦСПСХП установил срок выполнения своих требований, ситуация вылилась в столкновение между СДПФ и ПЦ. Тогда президент расценил ситуацию как тупиковую и заявил, что распускает парламент.

Причиной роспуска парламента помимо нежелания социал-демократов продолжать трудное сотрудничество в правительстве, по отношению к которому ДСНФ остался в оппозиции, связывали со стремлением Кекконена подготовиться к следующему президентскому сроку. Он аннулировал данные ранее обещания и счел необходимым остаться в руководстве страной, обосновав свое решение задачами по подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и организации связей Финляндии с ЕЭС на прочной основе.

От утечки информации о переговорах в Завидове до чрезвычайного закона

При правительстве Теуво Ауры, которое вновь было «правительством чиновников» и которое называли «добровольной пожарной командой», партии за короткий срок подготовились к парламентским выборам, проведенным в январе 1972 г.¹⁴⁶ Предвыборная кампания оказалась вялой и малосодержательной. Все же число принявших участие в голосовании возросло, как и на всех предыдущих парламентских выборах после 1962 г., превысив 80% всех имевших право голоса. Результаты, как это ни удивительно, ненамного изменили соотношение сил между партиями. Левые, главным образом СДПФ, завоевали столько же мест, сколько потеряли НКП и ПЦ, – всего 4. Христианскому союзу Финляндии (ХСФ), «паруса» которого наполнили ветры «мирской суеты» 1960-х годов, еще на предыдущих выборах удалось получить одно депутатское место, а теперь он пополнил свою фракцию тремя депутатами.

Зато очевидная для всех главная цель президента Кекконена – ослабить представительство в парламенте сельской партии Веннамо, доставлявшей ему одни неприятности, – не осуществилась. Правда, число сторонников СПФ уменьшилось, но при помощи избирательного блока, образованного вместе с ХСФ, партия избежала потери мест. После поражения на коммунальных выборах в октябре 1972 г. недовольство, «тлевшее» в парламентской фракции СПФ, вырвалось наружу, и 2/3 из 18 членов фракции пошли своим путем. Позже они образовали Партию единства народа Финляндии (ПЕНФ). Тот факт, что новая партия сразу же поддержала переизбрание Кекконена на основании чрезвычайного закона, дало повод председателю СПФ Веннамо обвинить в развале партии «силы, действующие извне».

Вопрос о переизбрании Кекконена на новый срок стал актуальным в период работы следующего правительства. Переговоры

¹⁴⁶ Второе правительство Теуво Ауры управляло страной чуть менее четырех месяцев, с 29 октября 1971 г. по 23 февраля 1972 г.

о его формировании затянулись на полтора месяца. Ввиду сохранявшихся внутренних разногласий в ДСНФ Кекконену не удалось оживить народный фронт, и, убедившись в том, что СДПФ и ПЦ не смогут договориться о сотрудничестве, президент в конце апреля 1972 г. поручил председателю СДПФ Паасио сформировать социал-демократическое правительство меньшинства. Пост заместителя премьер-министра и министра финансов во втором правительстве Паасио вновь предложили Мауно Койвисто, директору Финляндского банка, министром иностранных дел стал секретарь партии Калеви Сорса. В правительстве Паасио на многих министерских постах оказались новички, к тому же люди очень молодые, за что новый кабинет министров с добродушной иронией называли «детской командой».

Положение второго правительства Паасио было сложным, так как в условиях отсутствия более широкой базы оно было задумано как временное. Несмотря на это, ему пришлось решать многие непростые жизненно важные вопросы, которые не терпели отлагательства. Эти статьи расходов сделали тщетными попытки Койвисто добиться стабильного общего решения в рамках политики доходов.

Правительство не осмелилось подписать с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) договор о свободной торговле, поскольку еще оставалось неясным, как он мог бы повлиять на торговлю Финляндии с социалистическими странами. Когда переговоры относительно расширения правительственной базы наконец-то дали положительный результат, кабинет министров Паасио, просуществовав менее 7 месяцев, в начале сентября 1972 г. смог уйти в отставку.

До того, как было достигнуто взаимопонимание относительно новой программы правительства, произошел уникальный по своему характеру инцидент. Поскольку ПЦ требовала, чтобы пакет пенсионных решений, согласованных в парламенте, был как таковой включен в программу, президент Кекконен, раздраженный этим, лично отправился на заседание и, используя весь свой авторитет, склонил центристов к отказу от их требования.

Новое правительство, образованное из представителей СДПФ, ПЦ и обеих народных партий, приступило к работе в начале сентября 1972 г. под руководством Калеви Сорсы, опираясь в парламенте на поддержку 107 депутатов. Койвисто вернулся в Финляндский банк. Зато обе сильные фигуры из ПЦ, Ахти Карьялайнен

и Йоханнес Виролайнен, вошли в состав нового правительства: первый – как министр иностранных дел, второй – как министр финансов.

Первое правительство Сорсы, просуществовавшее дольше всех правительств, сформированных в эпоху Кекконена, приступило к работе, обремененное исключительно сложными задачами. Экономическая ситуация улучшилась быстрее, чем ожидалось, и у правительства поначалу не возникало проблем с проведением дорогостоящих реформ, например с принятием пакета решений по поводу пенсий и закона о народном здравоохранении. Правительство также планировало сделать большие капиталовложения в промышленность и энергетику. В частности, первая атомная электростанция (из тех, что СССР строил за рубежом) уже сооружалась в городе Ловиза, а относительно второй был уже сделан заказ. Ближневосточный нефтяной кризис, грянувший как гром среди ясного неба и положивший конец оттепели 1973–1974 гг., омрачил надежды на хорошие экономические перспективы и вынудил страну сократить расходы.

Как только первое правительство Сорсы приступило к работе, вопрос о переизбрании Кекконена вышел на первый план самым неожиданным образом. В августе Кекконен посетил с визитом СССР, намереваясь выяснить отношение Москвы к возможному развитию связей Финляндии с ЕЭС. Переговоры с советскими руководителями велись и во время охоты в Завидове. Президент сделал о переговорах секретную запись, но информация о ее содержании просочилась в средства массовой информации, вначале в «Дагенс нюхетер» – крупнейшую шведскую утреннюю газету. В связи с этим Канцлер юстиции провел расследование, результаты которого не позволили выявить действительного виновника утечки информации, но на основании которого было констатировано, что начальник канцелярии президента и два министра социал-демократа нарушили предписание хранить информацию в тайне. Один из них, Юсси Линнамо, бывший в правительстве Сорсы, как и в предыдущем кабинете, министром внешней торговли, ушел в отставку, хотя президент считал, что нет оснований выдвигать против него обвинение в государственном суде.

Ситуация была связана с возможным, четвертым по счету, президентством Кекконена. С инициативой по этому вопросу, сославшись на предстоявшие большие внешнеполитические задачи, в первой половине того же года выступил Ахти Карьялайнен, сам

метивший в преемники Кекконена. Кекконен признал, что считал истекающий срок последним для себя, но сообщил для печати, что, коль скоро большинство народа так этого хочет, он согласен остаться на посту президента, будучи избранным хотя и не путем проведения нормальных выборов, но на основании процедуры, применяемой в исключительных случаях. Когда была обнаружена утечка информации о переговорах в Завидове, в канун Рождества 1972 г. президент заявил, что аннулирует свое обещание, поскольку, как он сказал, боится, что из-за утечки лишился доверия советского руководства.

Калеви Сорса позднее своих мемуарах предположил, что утечка произошла с согласия самого Кекконена.

Хотя имелись предположения, что заявление президента было всего лишь игрой, премьер-министр Сорса начал зондаж для привлечения на сторону Кекконена всех партий, агитируя за то, чтобы вопрос о его переизбрании был решен на основании чрезвычайного закона. В итоге удалось заручиться поддержкой семи партий, в том числе и ПЕНФ, покинувшей Веннамо. По просьбе представителей этих партий Кекконен дал согласие на свое переизбрание, но только на четырехлетний срок. В итоге чрезвычайный закон был принят в спешном порядке со ссылкой на внешнеполитические причины в ночь с 17 на 18 января 1973 г. большинством в 5/6, и группа противников Кекконена, покинувшая НКП, не смогла этому помешать.

На партийном съезде, состоявшемся весной 1973 г., председатель НКП Харри Холкери вывел свою партию на новый курс, положивший конец неприятию коалиционерами Кекконена. Крайне правые организовались в самостоятельную партию – Конституционную народную партию (позднее Конституционная правая партия). У КПФ на этот раз оказалось только два депутата, и в конце 1980-х годов она исчезла с политической карты, больше никогда не принимая участия в работе правительства. НКП, в свою очередь, несмотря на то что она изменила свое отношение к Кекконену, не переступала «порога правительства» до тех пор, пока старый президент оставался в своем кресле.

Звездные часы внешней политики

Президент Кекконен в речи, с которой он выступил в конце декабря 1961 г. в атмосфере, возникшей после «нотного кризиса», отметил, что финляндский нейтралитет предполагает выполнение четырех условий: 1) иностранные державы признают его; 2) они доверяют ему; 3) собственный народ поддерживает его и 4) у Финляндии имеются достаточные возможности для отражения попыток нарушить ее нейтралитет.

Идея усиления обороноспособности Финляндии находилась в стадии разработки уже в 1950-е годы, но одним из препятствий для ее воплощения в жизнь считались установленные Парижским мирным договором ограничения, касавшиеся численности личного состава вооруженных сил и количества современного вооружения. В связи с закупками оружия, начатыми после «нотного кризиса», считали необходимым уточнить эти ограничения. После того как и западные страны, подписавшие Парижский мирный договор, согласились с его новым толкованием, в начале 1963 г. Финляндия впервые смогла заказать большую партию ракетного оружия, иметь которое ранее ей было запрещено. Его закупили в равных частях на Востоке и на Западе, главным образом в Великобритании.

В коммюнике, принятом по итогам встречи в Новосибирске 24 ноября 1961 г., говорилось, что Хрущев высказал Кекконену пожелание относительно того, чтобы «правительство Финляндии, со своей стороны, наблюдало за политическим развитием на севере Европы и в бассейне Балтийского моря, предоставляя по мере надобности советскому правительству свои соображения о необходимых мероприятиях». Ссылаясь на него, во время визита Кекконена летом 1962 г. советское руководство завело речь о создании безъядерной зоны на севере Европы, о чем посол СССР в Хельсинки А.В. Захаров говорил президенту еще в марте того же года.

В соответствии с идеей о создании безъядерной зоны страны Северной Европы, включая Финляндию, должны были бы признать существующее положение и взять на себя обязательство и в будущем запрещать размещение и использование ядерного ору-

жая на своей территории. СССР заявил бы, что готов со своей стороны взять на себя обязательство относиться к территории, входящей в зону, как к находящейся вне сферы воздействия ядерного оружия – при условии, что западные державы, обладающие таким оружием, возьмут на себя соответствующее обязательство. Когда Кекконен во время своего визита в Югославию в мае 1963 г. узнал, что Генеральный секретарь ООН положительно отнесся к предложению маршала Тито провозгласить Балканы безъядерной зоной, он решил принять предложение Москвы о том, чтобы Финляндия выступила с инициативой создания безъядерной зоны на севере Европы. Эта инициатива была высказана в речи президента 28 мая на специально созванном собрании «Общества Паасикиви»¹⁴⁷.

На Западе, включая Норвегию и Данию, входящих в НАТО, инициативу отвергли, сославшись на то, что оборона двух упомянутых Скандинавских стран строилась на концепции ядерного сдерживания, составлявшей стратегическую основу западного военного союза. Провозглашение европейского Севера безъядерной зоной означало бы, что оборону этих двух стран – членов НАТО следовало бы организовать иным образом, для чего у НАТО не было возможностей. И в Швеции предложение Кекконена встретили без особого воодушевления, тем более что он выступил с ним, не проконсультировавшись с западным соседом.

Все же план создания безъядерной зоны на севере Европы остался ждать своего часа, и Кекконен вновь сделал соответствующее предложение в лекции, с которой он выступил спустя 15 лет в Стокгольме. Президент «пожимал плечами» в ответ на утверждения, что он делает его, будучи «сторожевым псом» СССР. Он подчеркивал, что безъядерная зона на севере Европы, равно как и аналогичные зоны, которые планировалось создать в других регионах Европы, в частности, по инициативе министра иностранных дел Польши Адама Рапацкого, отвечала бы жизненно важным интересам всех стран, входящих в зону, а не только Финляндии.

Когда в следующем, 1964 г. Хрущев исчез с политической арены, Кекконен, поддерживавший с ним личные дружеские отношения, поспешил завязать соответствующие доверительные отношения с новым советским руководством. Международное положение, с финляндской точки зрения, вновь начинало внушать тревогу,

¹⁴⁷ «Общество Паасикиви» основано в 1958 г. С течением времени превратилось из отчасти закрытого, элитарного общества в своего рода полуофициальную организацию поддержки курса «Паасикиви–Кекконена».

поскольку план создания многосторонних ядерных сил (МЯС), к разработке которого приступили в западном военном блоке, казалось, открывал и для западных немцев возможность получить доступ к ядерному оружию. Президенту предоставилась возможность встретиться с новыми хозяевами Кремля, когда в феврале 1965 г. он возвращался через СССР из Индии, которую посетил с официальным визитом. Он удивил внешний мир заявлением о том, что его критическое отношение к МЯС-плану не противоречит линии нейтралитета, которой он на этот раз дал следующее определение: «Мы можем поддерживать наш нейтралитет только при условии сохранения мира в Европе».

Заявление вызвало критику, поскольку было истолковано следующим образом: финляндский нейтралитет действует только в мирное время. Столь же прохладно была воспринята на Западе так называемая калотт-речь¹⁴⁸ Кекконена, с которой он выступил в ноябре того же года. В ней он предложил поддерживать состояние мира на границе между Финляндией и Норвегией на основании заключения двустороннего договора на случай возможного конфликта между сверхдержавами. Эта речь вновь была истолкована как вмешательство во внутренние дела другой северо-европейской страны в ущерб ее безопасности, поскольку на Западе считали, что Кекконен выступил с нею по поручению советского руководства.

Для торгово-политических решений, принятых Финляндией после отказа от помощи по «плану Маршалла», было характерно то, что они не предполагали уступок в области внешней политики. Также привлек внимание тот факт, что в начале 1969 г. президент Кекконен был готов одобрить вступление Финляндии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая взяла на себя задачу продолжить (хотя и в делах иного рода) работу Организации Европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), созданной в свое время для распределения помощи, предоставлявшейся по «плану Маршалла». В Хельсинки теперь были склонны пренебречь политическим риском, связанным с членством в ОЭСР, ради экономических выгод, которые сулило вступление в эту организацию, прежде всего ради доступа к информации, предоставляемой ОЭСР.

¹⁴⁸ *Калотт* – название северных районов в Финляндии, Швеции, Норвегии, имеющих общие географические, этнографические и экономические условия.

В Финляндии в 1960-е годы надеялись на то, что развитие сотрудничества между странами Северной Европы могло бы компенсировать потери от неучастия Финляндии в западноевропейской интеграции. Подписанный в Хельсинки в 1962 г. договор о сотрудничестве, нацеленный на достижение целесообразного разделения труда между странами Северной Европы, казалось, наметил путь к разрешению на интеграционной основе целого ряда вопросов – помимо правовых, социальных и касающихся развития образования и транспорта, также экономических. С планом экономического сотрудничества североευропейских государств – «Нордэк», к разработке которого приступили в 1968 г. по инициативе Дании, в Финляндии поначалу связывали надежды на то, что вместо ЕАСТ, воспринимавшейся как некое несерьезное и случайное образование, он мог бы служить противовесом Европейскому сообществу, членами которого еще не стали и датчане.

План был уже отшлифован и готов для подписания, когда в декабре 1969 г. ЕЭС предоставило как Дании, так и Норвегии возможность стать членами торгового союза. Учитывая этот факт, в начале следующего года премьер-министр Койвисто, руководивший с финляндской стороны переговорами по «Нордэку», счел за лучшее не подписывать договор, поскольку его могли посчитать мостом, ведущим к наднациональному европейскому экономическому сотрудничеству. Кроме того, существовала причина опасаться, что он поставит под удар отношения с СССР. Впоследствии отказ Финляндии от участия в плане «Нордэк» связывали с внутриполитическими причинами, в том числе с тем, что Койвисто боялся «получить подножку» от своих конкурентов, использовавших в своей игре «восточные связи».

После отрицательного ответа Финляндии, вызвавшего сильное раздражение не только в Скандинавских странах, но и в самой Финляндии, ей следовало принять решение относительно своих торговых отношений непосредственно с ЕЭС. Решение было не из легких, так как экономическому сотрудничеству с ЕЭС сопротивлялись во всех правительственных партиях, а также в левом крыле СДПФ (причем это сопротивление по большей части носило эмоциональный характер). Уже по этой причине торговый договор, подписанный с ЕЭС в 1973 г., следовало сообразовать с реальностью «восточных связей». Не только СССР, но и другим социалистическим странам – членам СЭВ был предоставлен режим наибольшего благоприятствования, аналогичный тому, какой Финляндия

предоставила по договору с ЕЭС странам-членам Европейского экономического сообщества.

Прагматичной политике нейтралитета, проводимой Финляндией, было свойственно то, что она стремилась строить свои отношения с так называемыми разделенными государствами, такими, как Германия, Корея и Вьетнам, только в практической плоскости, избегая при этом их официального признания. В наиболее «близком» и сложном случае, касавшемся отношений с Германией, этому принципу следовали уже с 1949 г. Как в Восточной, так и в Западной Германии были открыты консульства, в которых консул получил себе в помощь достаточный штат сотрудников, занимавшихся консульскими и внешнеторговыми делами. Несмотря на давление на Хельсинки со стороны Москвы, которое временами было сильным, Финляндия ссылалась на свой статус нейтрального государства и не соглашалась признать тогдашние ФРГ и ГДР.

С изменением ситуации, чему способствовала разрядка международной напряженности, когда в 1972 г. обе Германии заключили договор о взаимном признании, правительство Финляндии заявило, что готово к переговорам о признании обеих стран и развитии нормальных отношений с ними. Договор был подписан в следующем году, хотя вторая часть предложенного Финляндией пакета решений – просьба о том, чтобы оба государства со своей стороны согласились возместить ущерб, причиненный Финляндии германскими войсками в период войны в Лапландии, – была отвергнута как в Бонне, так и в Восточном Берлине.

Углубление процесса разрядки в международных отношениях, способствовавшее разрешению германского вопроса, создало благоприятную ситуацию и для созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), чего СССР тщетно пытался достичь с 1954 г. Виктор Владимиров, долгое время проработавший в посольстве на улице Техтаанкату, рассказывает в своих воспоминаниях, что сотрудники советского посольства в Хельсинки неоднократно делали попытки подвести Финляндию к согласию выступить с инициативой созыва подобного европейского форума, но президент Кекконен опасался, что инициатива такого рода скомпрометирует Финляндию как нейтральное государство.

Однако, когда в апреле 1969 г. СССР предложил всем европейским государствам вновь приступить к активной подготовке к созыву Совещания по безопасности и сотрудничеству, правительство Финляндии неожиданно предложило начать подготовку

без предварительных условий. Отношения между Западом и Востоком в результате разрядки решающим образом изменились, поэтому можно было ожидать, что инициативу удастся воплотить в жизнь. В Хельсинки приступили к подготовительным мероприятиям, будучи уверенными в том, что уже сам факт созыва совещания, не говоря уже о его долговременном влиянии на ситуацию в Европе, послужил бы и национальным интересам Финляндии.

В своем обращении от 5 мая 1969 г., которое было разослано не только правительствам всех европейских государств, но также правительствам США и Канады, влиятельным членам НАТО, Финляндия вызвалась взять на себя организацию подготовительных межправительственных консультаций и даже, если бы это сочли целесообразным, проведение как организационного совещания, так и собственно Совещания по безопасности.

Инициатива Финляндии была встречена с одобрением, и предложенные ею консультации были проведены в течение 1969 г. Финляндия получила моральную поддержку в результате принятого США и СССР решения провести в Хельсинки первый раунд американско-советских переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ). Было условлено, что встреча состоится в ноябре-декабре 1969 г. Подготовкой предложений о проведении в Финляндии как Совещания по безопасности, так и переговоров по ОСВ занимался представитель Финляндии в ООН Макс Якобсон, который был выдвинут кандидатом на пост Генерального секретаря ООН и мог бы стать им в случае поддержки финляндской инициативы и со стороны обеих супердержав.

Хотя из-за сопротивления СССР кандидатура Якобсона не прошла, инициатива, касавшаяся проведения в Хельсинки Совещания по безопасности в Европе, была одобрена. В итоге и западная группировка, НАТО, одобрила идею, но с условием, что в повестке Совещания помимо принципов, на которых должны строиться отношения между государствами, в том числе запрещающих применение силы, должен фигурировать пункт о развитии международных отношений, нацеленных на более свободное перемещение между странами людей, обмен идеями и знаниями. Кроме того, предлагалось развивать сотрудничество в области образования, экономики, науки и техники, равно как и в области охраны окружающей среды. Так выкристаллизовалось название запланированного процесса, начало которому положило Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, – процесс СБСЕ.

Когда подготовительные обсуждения, проходившие в течение полугода с ноября 1972 г. в «Диполи»¹⁴⁹ в Эспо, городе-спутнике Хельсинки, были закончены, первый этап СБСЕ формально начался в Хельсинки 3 июля 1973 г. По причинам практического характера (ограниченные возможности по обеспечению информационных и коммуникационных связей, а также по размещению делегаций) он был продолжен с сентября того же года по июль 1975 г. в Женеве. Право провести у себя заключительное торжественное заседание Совещания было предоставлено Финляндии. Высшие политические руководители стран-участниц, собравшиеся в Хельсинки 31 июля – 1 августа 1975 г., в присутствии Генерального секретаря ООН подписали Заключительный акт, который позднее стал основой общеевропейского процесса, внесшего свою лепту в окончание холодной войны.

Для президента Кекконена, выступившего в роли организатора Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, это событие было честью, уникальной в своем роде. Для страны, взявшей на себя его проведение, оно означало международное признание. Хотя еще не знали, как повлияет Совещание на взаимоотношения в Европе, в Финляндии надеялись, что оно принесет в них новый стиль игры и одновременно внесет ясность в вопрос о том, какое место занимает и какое значение имеет Финляндия в сфере международных отношений. Однако президент испытал в этом смысле разочарование, когда еще в 1978 г. ему, при поддержке тогдашнего командующего Оборонительными силами Финляндии генерала Лаури Сутела, пришлось отвергнуть предложение о совместных военных учениях обеих стран – участниц Договора 1948 г., сделанное министром обороны СССР, маршалом Д.Ф. Устиновым.

После совещания СБСЕ в Хельсинки Финляндии также выговаривали за действия, нарушающие права человека в отношении перебежчиков из Советского Союза, в частности, после возврата в 1977 г. пассажирского лайнера Аэрофлота.

Согласно нынешним данным, до распада Советского Союза число перебежавших в Финляндию достигло 150 человек, из которых 114 были возвращены в соответствии с договором о режиме советско-финляндской границы.

¹⁴⁹ «Диполи» – здание, принадлежащее студенческой общине Высшей технической школы г. Эспо.

Последнее президентство Кекконена близится к концу

В декабре 1974 г. ушла из жизни Сюлви Кекконен, супруга президента Кекконена. Влияние госпожи Кекконен на президента, импульсивного в своей политической деятельности, было известно как конструктивно-критическое и сдерживающее. И в том, что ее не стало, усматривали причину того, почему приемы, к которым Кекконен прибегал, руководя государством, – деспотические, более безапелляционные, чем у его предшественников, – к концу его президентства приобрели более резкую форму. Его состояние усугублялось тем, что, несмотря на имидж спортсмена, который поддерживался в средствах массовой информации, Кекконен быстро сдавал как физически, так и умственно.

Старый президент, которого явно заботило то, что период его «царствования» близится к неизбежному концу, все же был не готов к тому, чтобы выбрать себе преемника. Из двух кандидатов от его собственной партии первым довелось испытать горечь разочарования Ахти Карьялайнену, вторым – Йоханнесу Виролайнену. Временами казалось, что Кекконен был склонен поддержать в качестве своего преемника социал-демократа. И эта возможность исчезла после того, как Кекконен активно начал «валить» премьер-министров от СДПФ, добившихся слишком большой популярности в народе. Уже в отношении чрезвычайного закона 1973 г. говорили, что с его помощью якобы намеревались положить конец конкуренции кандидатов в преемники, в числе которых был и Мауно Койвисто.

Весной 1975 г., вновь побывав в Завидове, где он охотился вместе с советскими руководителями, Кекконен завел разговор о том, что был бы заинтересован сохранить свой пост и после окончания текущего срока президентства в 1978 г. Тогда СДПФ поспешила в мае пригласить его в свои кандидаты. Кекконен дал согласие на выдвижение, но с условием: на этот раз президентские выборы должны пройти в соответствии с нормальной процедурой. Тактический ход социал-демократов был связан с только что разразившимся правительственным кризисом, который привел к тому,

что в начале июня президент принял отставку кабинета Сорсы и назначил на сентябрь досрочные парламентские выборы. Ввиду приближавшегося завершающего этапа Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе парламент все же не был распущен. К началу заключительного заседания СБСЕ в стране под руководством Кейо Лиinamaа было назначено «правительство чиновников», министром иностранных дел которого стал промышленник Олави Й. Маттила, известный как человек президента.

На парламентских выборах в сентябре 1975 г. успеха добилась ПЦ, тогда как СДПФ, несмотря на рост числа поданных за нее голосов, лишилась одного депутатского мандата. Настоящим событием стало поражение партии Веннамо; в результате потери голосов из 18 мест, принадлежавших ей ранее, двум партиям, возникшим на ее «развалинах», досталось только три места. В наибольшей степени от этого нового распределения мест выиграли ХСФ и ДСНФ.

Нефтяной кризис, продолжавшийся почти весь 1974 г., стал серьезным испытанием для народного хозяйства Финляндии. В следующем году экономический рост ограничился 1%, инфляция продолжала держаться на высоком уровне и число безработных превысило 60 тыс. человек. Ситуация осложнила переговоры о формировании правительства, последовавшие за выборами. Хотя партия Веннамо почти не была представлена в парламенте, президент все же не считал формирование правительства простым делом. Он настойчиво пытался навязать руководителям партий, приглашенным им в президентский дворец, правительство большинства, в котором он непременно хотел видеть также народных демократов. Возникшее в итоге так называемое чрезвычайное правительство Мартти Миеттунена удалось сформировать только в ноябре. Профессор Л.А. Пунтила публично язвительно назвал его парламентаризмом с помощью политики кнута.

Во второе правительство Миеттунена вошли представители обеих левых и всех центристских партий, но не НКП, как и прежде. Министром иностранных дел на этот раз стал Калеви Сорса; восходящей звезде ПЦ, Пааво Вяюрюнену, взятому в правительство, пришлось удовлетвориться пока только портфелем министра просвещения. Несмотря на внутренний разлад, примерно через два месяца правительству удалось достичь общего соглашения в рамках политики доходов.

Поскольку ДСНФ до конца сопротивлялся повышению налога с оборота, программа правительства была готова только в марте.

Премьер-министр уже в мае настолько устал от сопротивления министров от ДСНФ, что хотел подать прошение об отставке. Президент, отличавшийся сильной волей, отказался принять ее и искусственно затянул сотрудничество между партиями на правительственном уровне тем, что народным демократам вновь в виде исключения позволили проголосовать, на этот раз – против предложенного правительством снижения ассигнований на строительство жилья. Для социал-демократов продолжать работать в таком правительстве, с их точки зрения, стало невозможно – и еще до коммунальных выборов, которые должны были состояться осенью, они вышли из него, обосновав свое решение тем, что ЦСПСХП отказался участвовать в расходах на преодоление последствий перепроизводства.

После того как в сентябре 1976 г. национальное «чрезвычайное правительство» полностью исчерпало свои возможности, президент поручил Миеттуунену сформировать центристское правительство меньшинства. Поскольку социал-демократы не одобрили предложенные правительством решения относительно сельского хозяйства, ПЦ заключила с правыми договор о субвенциях аграрному сектору. На этой основе – вместо повышения прямых налогов прибегли к повышению косвенных – третьему правительству Миеттуунена удалось зимой справиться с бюджетными трудностями и довести до разрешения вопрос, который оно настойчиво проводило.

К своим заслугам в сфере социальных реформ правительство меньшинства относило решение об оказании поддержки – экспериментальной по своему характеру – системе ухода за детьми на дому и о повышении пенсий фронтовикам. Однако оно потерпело неудачу в главном – в борьбе с безработицей. Число не имевших работы удвоилось с того момента, когда было сформировано «чрезвычайное правительство».

Переговоры о формировании правительства большинства, которые ПЦ вела с социал-демократами, к маю 1977 г. продвинулись настолько, что назначение нового кабинета министров считалось возможным без наличия подробной программы. Из числа других партий в правительство вошли народные партии и ДСНФ. Премьер-министром стал Калеви Сорса, а министром финансов – Паул Паавела, представлявший СДПФ. Новое правительство энергично взялось за решение экономических проблем, пытаясь остановить все еще продолжавшийся спад производства.

Несмотря на это, кризис преодолеть не удалось. В конце года валютные фонды вновь пришлось подкрепить иностранными кредитами. В феврале 1978 г. Финляндии пришлось под давлением девальвации, проведенной в Норвегии, снизить стоимость марки. Это была уже третья девальвация за год. Она была проведена голосами центристов, защищавших в правительстве интересы средних слоев населения. Когда представители СДПФ потерпели поражение при голосовании, Сорса объявил об отставке своего кабинета.

На переговорах о формировании правительства, начатых при таких предпосылках, уже в течение февраля пришли к решению обновить кабинет Сорсы – после того как ШНП покинула коалицию – на основе сотрудничества четырех партий. Сверх ожиданий, обновленное второе правительство Сорсы успешно справилось со своей миссией. Подготовленный весной пакет решений по оживлению производства, а также повышающаяся мировая конъюнктура, быстро оказывавшая стимулирующее воздействие на развитие внутреннего производства, привели к тому, что экономическая ситуация начала улучшаться уже в том же 1978 г.

На период премьерства Сорсы пришлось также президентские выборы, принять участие в которых в качестве кандидата от СДПФ делегация социал-демократов под руководством Сорсы тремя годами раньше просила Кекконена. Процент участия в выборах выборщиков был равен только 64,5%, что ясно показало: кандидат, готовившийся к своему пятому президентскому сроку, абсолютно опережавший других претендентов, не смог в той мере, как это было раньше, воодушевить избирателей на активное участие в выборах. Избирательный блок Кекконена добыл «трофей» в 82,4% голосов, что обеспечило ему 260 выборщиков и оказалось достаточным для избрания его президентом уже в первом туре голосования выборщиков. Шедший вторым кандидат от ХСФ получил 8,8% голосов и 25 выборщиков. Результаты выборов свидетельствовали о личном триумфе Кекконена, тем более что двое из числа потерпевших наиболее серьезное поражение – Вейкко Веннамо и бывший социал-демократ Ахти М. Салонен, выдвинутый крайними правыми, – были его откровенными врагами.

Обновленный кабинет Сорсы просуществовал до следующих парламентских выборов, состоявшихся в марте 1979 г. С точки зрения партий, в течение долгого времени разделявших правительственную ответственность, результат был типичным: все четыре партии понесли потери в пределах от двух до пяти мест. В наиболь-

шем проигрыше оказались ЛНП и ДСНФ. СПФ получила компенсацию за потери, понесенные на предыдущих президентских выборах, и пополнила свою небольшую фракцию пятью новыми членами. Однако самый большой сюрприз приготовила НКП, которая получила 12 дополнительных мест, и ее парламентская фракция стала второй по величине (после фракции СДПФ), обойдя фракцию ПЦ.

Понятно, что откат на третье место заставил ПЦ задуматься. Председатель партии Йоханнес Виролайнен в своем интервью выразил сожаление по поводу того, что НКП, постоянно увеличивавшую число своих мест в парламенте, оставляли в оппозиции, и предположил, что дело было в «общих причинах» – страхе перед возникновением новых «ночных заморозков». Президент Кекконен реагировал на заявление с раздражением, сочтя его противоречащим интересам страны. Заявление, которое окрестили «бомбой Юханнуса»¹⁵⁰, положило начало открытой вражде Кекконена по отношению к Виролайнену и породило предположения спекулятивного характера относительно того, кого он в итоге прочил себе в преемники.

Президент отдалился от прежних кандидатов в преемники еще в ноябре 1975 г. при назначении «чрезвычайного правительства», когда он не ввел в состав кабинета ни Виролайнена, ни Карьялайнена. Для вхождения в сформированное затем третье правительство Миеттунена их «признали годными» вместе с Пааво Вяюрюненом, но всем троим достались посты, связанные с решением наиболее трудных задач в сфере экономики и занятости. На пост министра иностранных дел в этом правительстве президент выбрал молодого профессора Кейо Корхонена, у которого, несмотря на его академические и дипломатические заслуги, поначалу не было такого опыта, как у обоих его старших товарищей по партии. В следующем правительстве Сорсы Карьялайнен, Виролайнен и Корхонен не участвовали. Пост министра иностранных дел достался набравшемуся опыта на других министерских постах в правительствах Миеттунена Пааво Вяюрюнену, который занимал его вплоть до окончания президентства Кекконена.

¹⁵⁰ В такой характеристике угадывался намек на некое знамение свыше, поскольку Юханнусом в Финляндии называют Иоанна Крестителя, «последнего пророка». В то же время производным от имени Иоанн является не только Юханнус, но и Йоханнес.

Общественное мнение еще не воспринимало Вяккунена как возможного кандидата в президенты. Согласно опросу, подготовленному Институтом Гэллага по заказу газеты «Ууси Суоми», за Виролайнена высказалось только 8%, за Карьялайнена – 7% опрошенных. Две первые позиции в этом опросе занимали сильные фигуры среди социал-демократов – Мауно Койвисто (38%) и Калеви Сорса (10%). Ахти Карьялайнен в своих воспоминаниях предполагает, что он впал в немилость Кекконена еще в 1971 г., когда его поддержка в кругах ПЦ достигла, согласно опросам общественного мнения, того же уровня, что и поддержка президента.

Пожалуй, именно по этой причине Кекконен хотел поручить формирование правительства более «безобидному» социал-демократу. Однако руководство СДПФ поддерживало кандидатуру Койвисто, и президент в итоге согласился с тем, чтобы он занял пост премьер-министра, в особенности после того, как на январских выборах в первый и единственный раз Койвисто выступил в роли кандидата в выборщики Кекконена и принес избирательному блоку почти 20 тыс. голосов.

Приход к власти Койвисто

Формирование второго правительства Койвисто – вновь на базе четырех партий – оказалось долгим и болезненным: правительство было назначено только 26 мая 1979 г., через два месяца после выборов. ПЦ за свое участие в правительстве назначила высокую цену и своими требованиями вынудила премьер-министра к компромиссам, которые не были поняты в его партии. Койвисто, проводившему, как тогда говорили, «политику низкого профиля»¹⁵¹, удалось в начале осенней сессии при поддержке левых заставить других членов кабинета согласиться на проведение осторожной ревальвации и, соответственно, на повышение базового процента. С началом переговоров на рынке труда 1980 г. Койвисто все же привел левых в состояние раздражения, когда предостерег их от выдвижения чрезмерных требований относительно повышения заработной платы. С приходом весны ему пришлось столкнуться с представителями ПЦ в правительстве после того, как ЦСПСХП при их поддержке начал протаскивать далеко идущее решение, касавшееся аграрного сектора.

В отличие от первого бюджета правительства Койвисто составление приходно-расходной сметы на 1981 г. было чрезвычайно трудным делом. По примеру других правительственных партий социал-демократы также стремились обеспечить себе популярность в народе: они настаивали на полной отмене платы за посещение центров здравоохранения¹⁵². Когда премьер-министр счел это требование

¹⁵¹ Койвисто в отличие от своего предшественника никогда не стремился выйти на первый план и не навязывал своего мнения другим. В то же время он демонстрировал способность к характерному для Кекконена жесткому руководству в ситуациях, когда парламент и правительство оказывались неспособными принять решение. Со времен правления Койвисто Финляндия выдерживает «низкий профиль» также в области внешней политики. Стремясь способствовать развитию общеевропейского процесса, Финляндия избегает чрезмерной привязанности как к Востоку, так и к Западу, считая за лучшее действовать совместно с другими странами, прежде всего со Скандинавскими, а также – в рамках организационных мероприятий СБСЕ – с другими нейтральными и неприсоединившимися государствами.

¹⁵² *Центры здравоохранения* – коммунальные учреждения, предоставляющие услуги в области здравоохранения.

невыполнимым с точки зрения возможностей государственной экономики, его подвергли критике даже в кругах собственной партии.

Чтобы показать, что разговоры о личной конкуренции с Койвисто лишены основания, оставшийся вне правительства председатель партии Сорса накануне коммунальных выборов, состоявшихся в октябре 1979 г., предложил выдвинуть следующим кандидатом в президенты от СДПФ премьер-министра. Вопрос приобрел актуальность, поскольку к тому времени народные демократы уже публично предложили продлить президентство Кекконена по истечении нового срока, на который он был избран только в предыдущем году. Предложения не могли не показаться странными, тем более когда о состоянии здоровья президента, последний раз в ноябре 1979 г. посетившего с государственным визитом СССР, поползли тревожные слухи.

Борьба за президентское кресло в 1981 г. осложняла работу правительства в течение всего следующего года. Она достигла драматического пика при согласовании общего решения в рамках политики доходов, последовавшем за составлением бюджета, когда ПЦ вновь хотела выдвинуть новые требования, касавшиеся доходов сельского хозяйства, а ДСНФ вмешался в содержание так называемого социального пакета. Когда министерство по социальным вопросам в самом начале апреля заявило, что предполагаемые «пакетом» законопроекты могут быть представлены в парламент только в конце месяца, это неожиданно дало президенту повод 3 апреля обвинить премьер-министра в волоките. После того как министр по социальным вопросам и вопросам здравоохранения, являвшийся членом ПЦ, сообщил средствам массовой информации абсолютно противоречившие заявлению его министерства сведения, согласно которым законопроекты могли быть готовы на следующей неделе, Койвисто, казалось, попал в безвыходное положение. В тот же день председатель КПФ поспешил посетить президента в Тамминиеми¹⁵³ и сообщить ожидавшим в дверях репортерам важную новость о том, что смена премьер-министра является «в любом случае бесспорной».

На другой день главный печатный орган ПЦ¹⁵⁴ сообщил о том, что президент уже готов к тому, чтобы на следующей неделе назначить «правительство чиновников», однако премьер-министр

¹⁵³ Тамминиеми – так называлась официальная резиденция У.К. Кекконена в Хельсинки. Такое же название он дал своей последней книге (1980), ставшей, по сути, его политическим завещанием.

¹⁵⁴ Газета «Суоменмаа» («Земля Финляндии»).

сказал, что остается на своем посту. Получив от Канцлера юстиции подтверждение в том, что он вовсе не обязан уходить в отставку, поскольку не лишился доверия парламента, Койвисто публично заявил, что не собирается превращать вопрос о «социальном пакете» в вопрос о доверии правительству. Председатель парламента Йоханнес Виролайнен направил ему в этой связи ободряющее послание.

Следующий кризис возник в связи с обсуждением нового бюджета, к которому приступили в конце августа. Теперь противником Койвисто был более «важный министр» – министр иностранных дел Пааво Вяйрюнен, который годом раньше сменил Виролайнена на посту председателя ПЦ. По мнению премьер-министра, речь уже шла не о бюджете, но об авторитете. Поскольку противостояние продолжалось, руководство СДПФ оказалось в затруднительном положении. Опасаясь, как бы Койвисто, стремясь не допустить развала правительства, не пошел на уступки центристам, оно было готово поддерживать его до конца, осознавая, что премьер-министр, после того как он справился с предпринимавшимися в апреле попытками «свалить» его, стал более популярным, чем когда-либо ранее.

Хотя президент Кекконен в течение весны не часто появлялся на публике, известие о его болезни, обнаружившейся во время поездки в Исландию, застало врасплох и правительство. Членов кабинета министров, собравшихся 10 сентября на совещание по бюджету, ждал сюрприз: начальник канцелярии президента республики позвонил премьер-министру и сообщил, что Государственному совету следует собраться на следующий день для принятия решения о предоставлении Кекконену отпуска по болезни.

Поддержка премьер-министра Койвисто, исполнявшего обязанности президента республики после того, как тот ушел в отпуск по болезни, росла с невиданной быстротой. В опубликованном 18 октября в «Хельсингин саномат» опросе общественного мнения надежды на избрание Койвисто на следующих, назначенных уже на 1984 г. выборах выражали 60% респондентов. Когда 26 октября Матти Кекконен наконец внес предложение об отставке своего отца и Государственный совет в тот же день его одобрил, в социал-демократических кругах не были в неведении относительно того, кого им следует выбрать для борьбы за место преемника: спустя месяц партийный совет СДПФ поручил эту миссию Койвисто.

Ситуация с выдвижением кандидата от ПЦ была сложной. Из двух основных кандидатов более сильной фигурой считали

Ахти Карьялайнена, поскольку за ним предположительно стояла большая часть руководства партии, его поддерживали в Москве и поэтому ему отдавали предпочтение промышленные круги, заинтересованные в «восточной торговле». Однако проблемой Карьялайнена был алкоголизм. Хотя в ходе предвыборной рекламной кампании всячески обыгрывался тезис, что он избавился от этого пагубного пристрастия, реальное положение дел стало хорошо известно, когда через два дня после того, как СДПФ назвала своим кандидатом в президенты Койвисто, в Куопио собрался съезд ПЦ для выдвижения собственного кандидата в президенты. Несмотря на кампанию в поддержку Карьялайнена, которую проводил председатель ПЦ Вяйрюнен, состязание выиграл Виролайнен, получивший почти в два раза больше голосов, чем его соперник.

Избрание Виролайнена свело к нулю идею бывших сторонников К-линии в партии о широком – от коммунистов до коалиционеров и ХСФ – избирательном блоке, а также их надежды на то, что избранный таким образом кандидат от ПЦ в итоге будет «посажен» в президентское кресло при поддержке СССР. Но и после того, как Карьялайнен, потерпев поражение в Куопио, посетил в начале января Москву, где принял участие в совещании советско-финляндской Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, его возможности стать президентом все еще оставались предметом спекуляций. Призыв промышленников к общественности (с одной стороны, они предостерегали, что Койвисто является убежденным социал-демократом, с другой – пугали внешнеполитическими последствиями), также дал повод подозревать, что на окончательных выборах против Койвисто может выступить «темная лошадка», поддерживаемая влиятельными силами. Хотя в лозунгах избирательного блока Койвисто с гордостью уверяли, что президента республики, согласно конституции, избирает народ Финляндии. Опасались возможного давления на выборщиков – ведь о такой практике, в частности, свидетельствовали итоги президентских выборов 1931 г.

«Серый кардинал» с улицы Техтаанкату – советник-посланник Владимирова, который позже рассказывал, что получил особое задание помочь прохождению Карьялайнена в президенты, был, однако, после съезда в Куопио приглашен вместе с послом для консультаций в Москву. Тогда там и приняли решение – больше не добиваться избрания Карьялайнена. Советское руководство избрало нейтральную линию: поддержка, которой пользовался Койвисто,

стала для Москвы достаточной гарантией того, что внешнеполитическая линия Финляндии останется неизменной. За четыре дня до выборов выборщиков в телеграмме за подписью Л.И. Брежнева на имя Койвисто, временно исполнявшего обязанности президента, с удовлетворением отмечалась «преемственность курса Финляндии». Койвисто, избранный подавляющим большинством народа, по мнению Москвы, был лучшим продолжателем дела президента Кекконена.

На президентских выборах, исключительных в том смысле, что никогда до этого в Финляндии не проводилось столь открытых и притягательных для народа выборов президента, едва не был перекрыт рекорд 1962 г. по числу участвовавших избирателей. Избирательный блок Койвисто собрал всего 43,1% голосов и на этот раз получил 145 выборщиков из 301¹⁵⁵. Кандидат в президенты от НКП Харри Холкери своим результатом (58 выборщиков) «побил» Йоханнеса Виролайнена, который получил на 5 выборщиков меньше.

Избрание Койвисто подтвердилось за неделю до окончательных выборов, когда получивший 32 выборщика кандидат от ДСНФ Калеви Кивистё вместе с председателем КПФ обратился к своим выборщикам с призывом проголосовать уже в первом туре за кандидата СДПФ. Коммунисты и народные демократы, кроме представлявших ортодоксальное меньшинство КПФ/ДСНФ, вняли этому призыву. И даже единственный выборщик кандидата от СПФ Веннамо отдал свой голос Койвисто. В итоге 28 января 1982 г. он был избран президентом республики уже при первом голосовании 167 голосами.

¹⁵⁵ До 1981 г. в коллегии выборщиков избиралось 300 человек.

Возврат к парламентской демократии

Для так называемого феномена Койвисто было характерно то, что даже непопулярные решения будущего кандидата в президенты, казалось, не наносили ущерба его популярности. На такого, как он, правдолюбца, не имеющего ничего общего с обычными политиками-профессионалами, существовал явный социальный заказ после Кекконена, самовластием которого народ в большинстве своем успел пресытиться.

В противовес Кекконену, опиравшемуся на сельское население, Койвисто искал поддержку в перенаселенной Юго-Западной Финляндии и городах. Согласно данным голосования, Койвисто был не только представителем социал-демократов, но и глашатаем более открытого, более спокойного и более демократического пост-кекконеновского времени, который, преодолевая идеологические рамки, обращался ко всем гражданам.

Даже биография Мауно Койвисто (родился в 1923 г., с детства занимался физическим трудом, во время войны сражался на передовой, рано остался сиротой, воспитывался в рабочей среде, учился всему сам) была более притягательной в глазах простого народа, выгодно отличая его от всех тех, кто был президентом до него. Его сдержанность, естественная прямота, сухой юмор, свойственные выходцам из Западной Финляндии, с удовольствием воспринимались как противовес несколько театральному поведению бывшего президента, который был родом из Восточной Финляндии.

Несмотря на это, когда Урхо Кекконен уединился в Тамминиеми, в доме, который он получил от государства как последнее пристанище в старости, и когда он скончался в 1986 г., о деле его жизни вспоминали с чувством уважения во всех партиях.

В новом президенте временами с беспокойством отмечали также его привычку с живостью вмешиваться в те общественные явления, которые вызывали у него резкое неприятие. Он запросто мог употребить слово, не совсем привычное для слуха, иногда позволяя себе довольно смелые высказывания, в том числе и о делах деликатного свойства, и никогда не выбирал выражений. Ему

создавали немалые проблемы, в частности, средства массовой информации, несмотря на то что в период его правления отношения между президентом республики и газетчиками, которых он с мягкой иронией называл «леммингами», стали более открытыми, чем раньше. Он с трудом переваривал также представителей общественных наук, пожалуй, потому, что сам по образованию был социологом. Койвисто за долгие годы политической деятельности успел понять, сколь далека теория от практики, и без тени сомнения называл академических ученых, навязывавших свои советы, «гадалками».

Еще более критично относился президент к юстиции. Его вмешательство в деятельность судебных органов было исключительно смелым, особенно когда речь шла об экономических преступлениях, со всей страстью осуждаемых народом, в которых были замешаны ведущие политики. Койвисто упрекал обвинение в том, что процессы, начатые без серьезных на то причин, в итоге дезорганизовали работу суда и часто приводили к необоснованному опорочению, даже лишению свободы обвиняемых. Критика с его стороны привела к тому, что для привлечения к судебной ответственности требовались отныне гораздо более весомые основания. Койвисто также активно пользовался своим правом помилования, часто таким способом, который в обществе осуждали как «благоволение к господам».

О правлении Койвисто, а именно его умении избегать конфликтных ситуаций при решении государственных дел, что требовало от него большого напряжения сил, можно судить уже по тому, что при Кекконене в Финляндии сменилось 21 правительство, тогда как в период президентства Койвисто их было всего 4, в том числе и назначенное им «правительство чиновников», которое возглавлял Ахо. Кекконен находился у власти в два раза дольше, чем Койвисто, и в период, который, пожалуй, в политическом отношении был более богат событиями, однако соотношение 21:4 говорит само за себя.

Став президентом, Койвисто без промедления объявил о возврате к парламентской демократии. Он хотел покончить с «правительствами чиновников» и правительствами меньшинства, отдавая предпочтение правительствам большинства, создаваемым на широкой основе, однако никогда не стремясь к формированию «президентских правительств» всех партий, ведущих к подавлению парламентской оппозиции. Уже во время предвыборной кампании

1982 г. Койвисто делал упор на то, что основной задачей президента является забота о дееспособности правительства и именно правительство и парламент решают, в каком направлении развиваться обществу. По его мнению, правительству следовало стремиться по возможности чаще консультироваться с парламентом. Особенно он подчеркивал роль парламентской комиссии по иностранным делам, деятельность которой намеревался впредь активизировать.

Хотя Мауно Койвисто никогда не стремился попасть в парламент, ему удалось, начиная с первого пребывания в правительстве, установить хорошее сотрудничество с ним. Его же супруга, Теллерво Койвисто, была единственной из хозяек Президентского дворца, обладавшей опытом не только коммунального политика, но и депутата парламента.

Еще до того, как Койвисто стал президентом, он выказал готовность ограничить полномочия главы государства, но не в том, что касалось внешней политики. Со своей стороны он обещал, что не будет злоупотреблять этими полномочиями. Койвисто пришлось пройти, как он сам говорил, через «ужасные испытания», которые были связаны с «нескончаемыми разговорами о темной лошадке», и он был готов к тому, чтобы способ избрания президента был изменен.

Во внешней политике Койвисто был сторонником более «низкого профиля» (см. примеч. 151) в сравнении с личной дипломатией, которой отдавал предпочтение прежний президент. С обострением международной ситуации во второй половине 1970-х годов общеевропейский процесс, начало которого было многообещающим, приостановился, и, после того как СССР столкнулся с серьезным кризисом вследствие частой смены руководства и растущих внутренних и внешних трудностей, предложенная Койвисто преемственность в отношениях Финляндии с восточным соседом приветствовалась Москвой. Критика на этот счет, содержащаяся в биографии Кекконена, представляется несбалансированной. Вопреки утверждениям, новый президент, владеющий русским языком, был безупречен в своих личных отношениях с советским руководством как в эпоху Брежнева и Андропова, так и в эпоху Горбачева. Его воспоминания, особенно обширная переписка с ведущими государственными деятелями, показывают, что он был гораздо активнее в сфере международных отношений, чем об этом известно.

В области внутренней политики существенное различие между Койвисто и Кекконеном состояло в том, что первый даже не пытал-

ся укреплять отношения с восточным соседом, удерживая с этой целью народных демократов в правительстве. Хотя Койвисто был избран президентом в 1982 г. уже в первом туре при поддержке выборщиков от большинства КПФ/ДСНФ, после декабря 1982 г. крайне левые не участвовали в правительстве. Раскол в рядах ДСНФ во время пребывания Койвисто стал своего рода предзнаменованием: оппозиция (ортодоксальное меньшинство КПФ/ДСНФ. – Т.А.), продолжавшая свой бесполезный бунт, равно как и целый союз (ДСНФ), со сменой руководства в Финляндии утратила значение фактора, используя который можно было бы при желании помешать формированию правительства, основанного на прочном парламентском большинстве. «Услуги», которые могли бы оказать крайне левые, стали излишни – тем более, что проблематичные отношения коммунистов с СССР, по мнению президента, создавали трудности для официальных отношений между Финляндией и Советским Союзом.

Первый кабинет министров, назначенный Койвисто чуть больше чем через 3 недели после его избрания президентом в 1982 г., как по соотношению сил, так и по личному составу – вплоть до того, что в него входили семь его бывших министров, – был поначалу во многом схож с предыдущим правительством, в котором он занимал пост премьер-министра. Новым премьер-министром стал Калеви Сорса, который предпочел видеть на посту министра иностранных дел Пера Стенбека (ШНП), а не Пааво Вяюрюнена.

ДСНФ, раздираемый внутренними противоречиями, уже весной создал трудности для правительства. По мере приближения к концу года, в особенности когда под давлением девальвации, проведенной в Швеции, пришлось в три приема понизить стоимость марки, положение министров от ДСНФ стало неустойчивым. После их ухода в отставку на освободившиеся места в последний день 1982 г. взяли представителей ЛНП. Обновленное правительство Сорсы при поддержке незначительного парламентского большинства продолжало свою работу до следующих парламентских выборов, состоявшихся спустя три месяца.

При том, что Койвисто пользовался личной популярностью, на мартовских выборах социал-демократы не добились желаемой большой победы, а были вынуждены довольствоваться пятью дополнительными местами. Настоящий сюрприз вновь преподнесла СПФ, которая на выборах завоевала 10 мест, едва не вернув себе положение 10-летней давности. Новым явлением и для Фин-

ляндии стал приход в парламент зеленых, для начала получивших два депутатских мандата. Помимо ДСНФ, потеря мест которым (–8) приобрела катастрофический характер, проигравшими на выборах оказались ХСФ (–6) и НКП (–3).

Козырем нового кабинета министров, собранного Калеви Сорсой уже в апреле, было то, что к работе в правительстве была привлечена СПФ, считавшаяся безответственной популистской партией. С ее помощью парламентское большинство четвертого правительства Сорсы возросло до 127 депутатов, что в принципе гарантировало ему поддержку вплоть до очередных парламентских выборов, состоявшихся через четыре года. Отношения премьер-министра и СДПФ с другим «большим компаньоном» – ПЦ улучшились в результате того, что Вяюрюнен вновь занял столь желанный для него пост министра иностранных дел и заместителя премьер-министра.

После появления «зеленых» на политической арене, в том числе и в парламенте, вопросам об охране окружающей среды стали придавать большее значение. В новом правительстве впервые появился министр охраны окружающей среды: им стал Матти Ахде (СДПФ), занимавшийся этими вопросами на посту министра внутренних дел в предыдущем правительстве. В числе своих первоочередных задач правительство стремилось довести до конца дело об отставке Ахти Карьялайнена с поста председателя правления Финляндского банка – вопрос, который был возбужден по инициативе уполномоченных банка в парламенте. Первыми к мерам против Карьялайнена прибегли в ПЦ, но они привели к его отстранению также с поста председателя финляндской части советско-финляндской Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, куда вместо него был назначен премьер-министр Сорса.

В свою очередь, Вяюрюнен в качестве министра иностранных дел смог в 1983 г. принять участие в визитах новой президентской четы как в СССР, так и в США. В Москве государственный визит прошел по старой схеме: срок действия Договора 1948 г. был продлен на 20 лет и в коммюнике, принятом по итогам визита, формулировка о финляндском нейтралитете была «намертво» привязана к этому договору, как это делалось начиная с 1971 г. До того как супруги Койвисто отправились с официальным визитом в США, вице-президент Джордж Буш посетил Хельсинки. Так Койвисто завязал личные отношения с будущим преемником президента Рейгана.

В 1986 г. председатели ПЦ и СДПФ вновь вышли на путь, ведущий к столкновению, что вскоре также нашло отражение в отношениях между партиями. Поводом для спора вначале послужили возникшие в торговле Финляндии с СССР трудности, явившиеся следствием изменений цен на нефть, а также начатого Москвой пересмотра своей экономической политики. Однако эти трудности пытались отнести на счет нового председателя финляндской части советско-финляндской Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Уже в сентябре Сорса настолько пресытился «волевой политикой» Вяюрюнена, что попросил у президента разрешения подать в отставку. Тот, однако, не дал на это согласия, но посоветовал правительству продолжить работу до очередных выборов, которые должны были состояться в марте 1987 г. Все же на практике политическое сотрудничество на правительственном уровне свертывалось, и, по существу, четвертое правительство Сорсы продолжало свою работу как «деловое министерство».

Прогнозы о крахе «восточной торговли», с которыми Вяюрюнен выступил в средствах массовой информации, заложили основу для сближения, с одной стороны, промышленных кругов, заинтересованных в экспорте в СССР, с другой – ПЦ и других буржуазных партий. На переговорах, организованных в главной конторе кампании «Нокия», Вяюрюнен вместе с председателями НКП и ШНП подписал в конце 1987 г. секретный договор о намерениях. В нем стороны взяли на себя обязательство (на тот случай, если названные три партии получают на следующих парламентских выборах свыше половины депутатских мест) стремиться – при содействии со стороны СДПФ или без него – к формированию правительства большинства, руководящие позиции в котором заняли бы представители политического центра. Договор также включал обязательство, что никто из подписавших его не примет участия в формировании правительства, «в котором какая-либо из представляемых нами партий участвовала бы без двух других». Устно договорились: если Пааво Вяюрюнена не удастся провести в премьер-министры в новом правительстве, попытаться силами буржуазных партий выбрать его председателем парламента на следующих выборах.

Руководители промышленности, которые были главными инициаторами этого «подлежавшего хранению в сейфе» письменного договора, обещали на этих выборах помочь буржуазным пар-

тиям «значительно превышавшими нормальные» денежными суммами для достижения предпосылки сотрудничества – парламентского большинства. «По мне, так это было постыдным», – комментировал президент Койвисто в своих воспоминаниях вмешательство деловых кругов в решение вопроса о формировании правительства.

От «сине-красного» правительства до «казино-экономики»¹⁵⁶

На парламентских выборах 1987 г. все произошло так, как ожидали те, кто действовал в интересах создания буржуазного большинства. Теперь, после самороспуска Демократической альтернативы – избирательного блока, созданного меньшинством в КПФ¹⁵⁷, потери ДСНФ были большими, чем на предыдущих выборах: из 27 депутатских мандатов ему удалось сохранить только 16. Однако у народных демократов могло оказаться в новом парламенте еще меньше мест, чем получила СПФ, если бы партия Веннамо, чутко реагирующая на изменения в настроениях избирателей¹⁵⁸, сама не лишилась восьми мест. Потери СДПФ в парламенте, несмотря на утрату более 100 тыс. голосов, ограничились одним депутатским мандатом, а ПЦ получила два дополнительных места. Но поскольку НКП завоевала девять новых мест и собрала свою крупнейшую за все времена парламентскую фракцию (53 депутата), три буржуазные партии – и без двух дополнительных мест, полученных ШНП, – могли бы достичь желаемого большинства.

Президент, однако, узнал о секретном договоре. Он обещал крепко держать в своих руках «нити» переговоров о формировании правительства и, подыскивая того, кто мог бы взять на себя миссию посредника, предпочел Илкке Суоминену, председателю НКП, Харри Холкери, которого знал лично еще со времени работы в Финляндском банке. Хотя Вякюрюнен все еще пытался вме-

¹⁵⁶ «Казино-экономика» – иначе говоря, экономика высокого риска, которой управляют расчет на быстрое обогащение, валютные махинации, спекуляции с ценными бумагами и пр.

¹⁵⁷ Коммунистическая партия Финляндии, более 20 лет являвшаяся формально единой, ко времени образования в апреле 1986 г. Демократической альтернативы уже распалась: большинство продолжило свою деятельность в рамках новой КПФ (в 1990 г. КПФ и ДСНФ объединились в Левый союз), меньшинство в КПФ (единство), которая в 1995 г. приняла название Коммунистическая партия Финляндии.

¹⁵⁸ Дело в том, что потери ДСНФ обычно оборачивались удачей для СПФ. Наиболее характерный тому пример – парламентские выборы 1983 г.: тогда СПФ удалось завоевать голоса традиционных сторонников ДСНФ и в итоге стать правительственной партией.

сте со своими партнерами по договору добиться сотрудничества на правительственном уровне, не прибегая к услугам посредника, переговоры, начатые Холкери с руководством СДПФ, неотвратимо вели к коалиции, которую стали называть «сине-красной». Ее удалось создать, и она пришлась по вкусу также и ШНП: председатель партии стал новым министром просвещения. Четвертым участником исторического «сине-красного» правительства, назначенного под руководством Харри Холкери накануне 1 мая 1987 г., была СПФ. При ее поддержке правительство увеличило свое парламентское большинство до 130 депутатов.

Хотя президент Койвисто, проводя решение о формировании именно такого правительства, по-видимому, не воспользовался большими правами, чем позволяли ему конституция и установившаяся политическая практика, даже в социал-демократических кругах чуждались «сине-красной» коалиции как своего рода «несвященного альянса», далекого от паламентаризма. Лидеры из первой шеренги СДПФ, председатель Калеви Сорса и партийный секретарь Эрки Лииканен, со своей стороны скрепили решение личным участием в правительстве, первый – как министр иностранных дел, второй – как министр финансов. Позднее оба по собственной воле отошли от партийных дел и передали руководство СДПФ в другие руки. Сорса ушел с поста министра иностранных дел в начале 1989 г., уступив место новому председателю СДПФ – Пертти Паасио.

В качестве «приманки» для левых на переговорах о формировании правительства СДПФ поставила вопрос о защите трудовых отношений. В период работы предыдущего кабинета Сорсы было принято решение передать этот вопрос на рассмотрение организациям рынка труда, но на переговорах между ними результат не был достигнут. Вопрос о праве работника оставаться на своем рабочем месте до тех пор, пока – в спорном случае – основания для увольнения не будут рассмотрены в суде, был важным для организованных наемных работников, но трудноразрешимым с точки зрения возможностей промышленного производства. На переговорах о формировании правительства постановили передать вопрос на рассмотрение комитетам¹⁵⁹. В качестве противовеса этому compro-

¹⁵⁹ В Финляндии на различных уровнях системы управления действует целая сеть консультативных «побочных» органов (комитеты, совещательные делегации, комиссии, рабочие группы и др.). В расширении системы консультативных органов в последние десятилетия нашла отражение тенденция усиления корпоративных черт в развитии финляндского общества.

вительства – значительное снижение уровня безработицы, забота о международной конкурентоспособности и контроль за развитием инфляции – во многих отношениях были трудносогласуемыми целями.

Для улучшения главного фактора, экспорта, в программе правительства было дано обещание поддерживать исследовательскую деятельность и деятельность по развитию производства, а также образовательные и маркетинговые программы. С другой стороны, обязательство не строить атомные электростанции не отвечало задачам расширения производства. Намерение сгладить региональные различия в уровне безработицы осталось лишь на бумаге, поскольку развитие экономики происходило главным образом в густонаселенных регионах Финляндии. Социально-политические цели, такие, как идеалистическое стремление к полному удовлетворению потребностей в жилье, названные в программе приоритетными, «растворились в воздухе» по той простой причине, что правительство одновременно обязалось провести широкую реформу налогообложения, обременительную для государства.

Правительство Холкери приступило к своим обязанностям в период благоприятной экономической конъюнктуры. Это давало основание предполагать, что, даже несмотря на налоговые послабления, в ближайшие годы не возникнет проблем с бюджетным финансированием; в противном случае можно было бы прибегнуть к «дешевому» внешнему долгу. Производство в Финляндии уже примерно в течение двух лет находилось в состоянии «перегрева». Спрос на западных рынках на товары финляндского производства был высоким, хотя, в сущности, марка, стоимость которой была завышена, являлась выгодным средством погашения долгов. Появление «сине-красного» правительства, со своей стороны, усилило представление о том, что долгое время существовавший на рынке труда консенсус сохранится и дальше без увеличения затрат на рабочую силу и что Финляндия, заслужившая репутацию «Северной Японии», сможет справиться с внешними факторами риска, которые уже наблюдались в развитии мировой экономики.

По такому показателю, как ВВП, Финляндия в сравнении с другими странами-членами ОЭСР в 1970 г. занимала только 17-ю позицию; в 1986 г. она переместилась на 13-е место. В последние годы народное хозяйство Финляндии стало в большей степени плутократическим, чем раньше. Согласно статистике Международного банка реконструкции и развития (МБРР), в 1988 г.

Финляндия занимала уже восьмую строчку в списке наиболее богатых стран мира. Затем, особенно после снижения стоимости марки более чем на треть в сравнении с максимальным уровнем, достигнутым после ревальвации в ноябре 1989 г., ее позиции были существенно подорваны.

Под влиянием процессов, охвативших международные рынки капиталов, негативные тенденции в развитии финляндской экономики неожиданно быстро усилились. О возросшей роли государства в экономике можно судить по росту общественных расходов, который в 1980-е годы почти в два раза превышал рост ВВП. При этом заслуживает внимания то, что рост общественных расходов происходил главным образом за счет увеличения расходов на потребление, например на образование и социальные нужды, тогда как инвестиции в течение 20 лет явно сокращались. Таким образом, еще до 1987 г., «великого года “казино-экономики”», в Финляндии существовали предпосылки для ни на чем не основанного благоденствия, даже разбазаривания накопленных ресурсов.

С точки зрения Финляндии, стремительное падение темпов производства в СССР во второй половине 1980-х годов было роковым. Если еще в середине десятилетия экспорт в СССР составлял почти 20% совокупного экспорта Финляндии, спустя три года он сократился до 15%.

Впредь продолжать «восточную торговлю» стало возможным только за счет кредитов, предоставляемых экспортером. Уже в течение 1986 г. Финляндия успела своим экспортом погасить долг, висевший на ней со времен дорогой нефти, и, со своей стороны, предоставить СССР кредит на сумму свыше 3 млрд финских марок. Вначале он покрывался за счет беспроцентного клирингового финансирования, затем кредита, предоставленного Советскому Союзу под низкие проценты. При «сине-красном» правительстве подобное финансирование экспорта, обременявшее финляндскую экономику, было уже ей не под силу, и «восточная торговля» поневоле сбавила темпы. В 1991 г. ее доля в общем внешнеторговом обороте Финляндии снизилась до уровня менее 10%. В результате сокращения «восточной торговли» объем внутреннего производства в том же году сократился на 2,5%.

Уже начиная с 1988 г. правительство пыталось ограничить потребление и воспрепятствовать росту внешней задолженности страны. В условиях продолжающегося экономического роста это не ограничило в достаточной мере потребление, но усилило «пере-

грев» экономики. Проведенная в то же время либерализация финансового рынка увеличила число желающих получить ссуду, так что задолженность домашних хозяйств (семья как экономическая единица. – Т.А.) в 1988 г. возросла более чем на 30%.

С другой стороны, угрожавшие стране финансовые трудности усугублялись также тем, что экспорт финляндских капиталов набирал темпы. Приспосабливаясь к требованиям европейской интеграции, в июне 1989 г. Финляндский банк освободил от валютных регламентаций как вклады предприятий и фирм, так и частные вложения капитала за границей. Это также сделало возможным свободно хранить средства в иностранных банках.

В бюджете на 1990 г., сальдо которого все еще было положительным, правительство пыталось приостановить рост потребления, в частности, тем, что повысило налог с оборота и под видом охраны окружающей среды ввело так называемый налог на ущерб за пользование электроэнергией и топливом. Кроме того, в начале ноября Финляндский банк поднял базовый процент. Однако все эти меры были абсолютно недостаточными. Рост ВВП после того, как еще в 1989 г. он составлял целых 5%, начал быстро снижаться. В указанном году темпы роста импорта опережали темпы роста экспорта в 5 раз. Когда дефицит торгового баланса превысил 25 млрд финских марок, что составляло почти 5% ВВП, Финляндия, так же, как и Швеция, вступила в порочный долговой круг.

Несмотря на ухудшение экономической ситуации, правительственные партии готовились к следующим парламентским выборам, будучи в достаточной степени уверенными в их удачном исходе. СДПФ преодолела коммунальные выборы 1988 г. с большим успехом, чем раньше, хотя явная победа на них ПЦ, изменившей свое название на «Финляндский центр» (ФЦ), указывала на то, какими возможностями отныне обладала самая крупная оппозиционная партия. На президентских выборах 1988 г. председатель ФЦ Пааво Вякюрюнен подготовил кандидату НКП премьер-министру Холкери «оскорбительный сюрприз», получив на пять выборщиков больше.

В свою очередь, лояльная предвыборная кампания Холкери облегчила положение действующего президента, также выставившего свою кандидатуру и на этих выборах. Окончательный результат, достигнутый Койвисто (47,9% голосов), был еще лучше, чем в предыдущий раз, однако теперь ему досталось на одного выборщика меньше. Выборы в итоге закончились во втором туре голо-

сования, когда большая часть выборщиков Холкери последовала совету своего кандидата и проголосовала за Койвисто.

Победное шествие ФЦ на парламентских выборах 1991 г. было решающим с точки зрения будущего курса правительства. Потери партий, до этого участвовавших в правительстве, составили в целом около 300 тыс. голосов. Большая часть из них досталась ведущей оппозиционной партии: теперь ФЦ увеличил свою долю с 17,6% до 24,8% всех поданных голосов и число своих депутатских мест на 15, причем 13 мест он получил за счет потерь НКП. Социал-демократы потеряли восемь мест. Не избежали потерь и более мелкие партии, участвовавшие в работе «сине-красного» правительства. Без сомнения, речь шла об осуждении народом политики правительства. Борьбу, которая велась против неведомых ранее рыночных сил, как и события 1944 г. на Карельском перешейке, легко критиковать по прошествии времени. Теперь, как и тогда, финляндскому руководству следовало признать превосходство противника в силе. Оценивая ситуацию постфактум, все же кажется существенным то, что она оставалась под контролем и страна избежала экономического краха.

«Казино-экономика»

Бесславный конец так называемой казино-экономики показывает, что финны еще не научились жить в условиях свободного рыночного хозяйства. Вплоть до конца 1980-х годов экономика Финляндии была защищена различными способами: за счет двусторонней «восточной торговли» многие предприятия и фирмы имели гарантированные рынки сбыта; сельское хозяйство полагалось на дотации государства; внутренним рынком управляли немногочисленные оптовые фирмы.

В конце 1980-х годов финны дали увлечь себя в водоворот невиданной ранее повышающейся конъюнктуры. Над старой мудростью – отец делает долги, а сын расплачивается – смеялись. Новое поколение «юппи»¹⁶⁰, напротив, верило, что долг – лучшая инвестиция. История вкладчика Лентти Коури, похожая на сказку о Золушке, заставила многих думать, что любой может сколотить состояние при помощи биржевых спекуляций и торговли недвижимостью, честно не трудясь и ничего не производя. Взятые в долг деньги, которые щедро раздавали банки, открывали врата «товарного рая», просаживались в горных отелях в Лапландии и на тропических курортах.

Высокая конъюнктура в начале 1990-х годов – и за взлетом последовало падение: в 1991 г. объем валовой продукции сократился на целых 6,5%, а объем промышленного производства – даже на 10%. Главными темами экономических новостей стали банкротства, высокая безработица и банковский кризис. Государство делало долги такими темпами, что вскоре его финансовых возможностей оказалось недостаточно, чтобы содержать североευропейское «государство всеобщего благоденствия» («клиентура» которого – практически все общество. – Т.А.)¹⁶¹.

¹⁶⁰ *Юппи* (фин. *juppi*) – искаженный вариант англ. сокращения *uuppie* (яппи) – Young Urban или Upwardly mobile Professional. Так в Финляндии обычно пренебрежительно называют образованного, следящего за модой молодого горожанина, хорошо приспособившегося к условиям трудовой жизни и добивающегося успеха.

¹⁶¹ Вопрос о том, в каком направлении пойдет в Финляндии процесс реформирования системы социальной защиты, все еще остается открытым. Одно из того не вызывает сомнения – основы финляндской, как и в целом североευропейской, модели «государства всеобщего благоденствия» должны быть пересмотрены не только ввиду трудностей, порожденных высокой безработицей, и из-за нехватки

Кризис оказался сюрпризом для специалистов в области экономики, но его причины легко разглядеть. Отчасти речь шла о неудачном стечении обстоятельств, с которым Финляндия ничего не могла поделать, отчасти – об ошибках внутренней экономической политики. Торговля с СССР рухнула тогда, когда спрос на западных рынках со стороны основных импортеров финляндской продукции, прежде всего Великобритании, понизился. Международная конкурентоспособность финляндской промышленности в конце 1980-х годов была низкой также вследствие того, что стоимость марки была завышена и косвенные затраты на рабочую силу были высоки.

Нельзя было придумать ничего хуже, как провести либерализацию финансового рынка прямо накануне периода подъема. Перекосы на рынке кредитов, вызванные налогообложением, не были устранены, и то, что кредит позволял снизить исходную сумму, с которой взимался подоходный налог, на размер выплат по процентам, увеличило спрос на кредиты. Не облагаемые налогом вклады, свободный импорт капиталов и конкуренция между банками за рынок кредитов увеличили предложение займов. Следствием явился ранее невиданный в условиях Финляндии «перегрев» экономики в 1988–1990 гг.

Цены на жилье подскочили до небес. Десятки тысяч домашних хозяйств влезли в серьезные долги, но чаще всего причиной роста задолженности была чрезмерно большая ссуда, взятая на приобретение квартиры, в худшем случае – необходимость оплачивать две квартиры¹⁶². Лишь немногие граждане Финляндии чувствовали себя хозяевами на этом «празднике потребления».

Поскольку кредитная дисциплина в банках ослабла и стоимость недвижимости, принимаемой под залог, резко упала, платежеспособность банков снизилась самым драматическим образом. Банковский кризис в наибольшей степени затронул

средств на проведение широкомасштабной социальной политики, но также с учетом происшедших в обществе социальных изменений и усиления либеральных тенденций в экономическом мышлении, с неизбежностью ведущих к снижению доли участия государства в экономической и социальной сферах.

¹⁶² Имеется в виду ситуация, называемая «ловушкой двух квартир», когда новая квартира куплена на взятую в банке ссуду, а старую никак не удастся продать.

группу сберегательных банков, которая предоставила больше всего спекулятивных кредитов. Центральный акционерный банк сберегательных банков из-за убытков по кредитам на сумму порядка 1 млрд финских марок практически оказался на грани банкротства, и Финляндскому банку осенью 1991 г. пришлось взять его на свое попечение. Годом позже «флагман» «красного капитала» – Финляндский банк сбережений трудящихся оказался «в объятиях» Национального акционерного банка. Крупнейшие коммерческие банки, Финляндский объединенный банк и Национальный акционерный банк, слились зимой 1995 г. Созданный таким образом банк «Мерита» тремя годами позже начал тесное сотрудничество с крупнейшими шведскими банками.

На тот момент считали, что в худшем случае банковский кризис обойдется налогоплательщикам в 80 млрд финских марок, что соответствует поступлениям в казну от подоходного налога за полтора года. За короткое время в банковской сфере были потеряны тысячи рабочих мест, и хотя уже с тех пор прошло более десяти лет, еще не видно конца структурным преобразованиям.

Ранней жертвой экономического кризиса стал и центральный орган коалиционной партии газета «Ууси Суоми», которая прекратила свою деятельность в 1991 г. из-за нерентабельности. Издатель газеты, основанной в 1847 г. как знаменосец финского духа, после прекращения ее деятельности субсидирует вечерние газеты с бульварным оттенком. Произошедшие изменения подтвердили положение «Хельсингин Саномат» как неоспоримого лидера финноязычной прессы.

Жертвами «казино-экономики» стали такие организации и коллективы, о которых никто и подумать не мог, что у них может быть что-то общее с биржевыми спекуляциями и торговлей недвижимостью. Банкротами оказались, в частности, второй по величине центральный профессиональный союз, Центральный союз (первичных) организаций служащих и чиновников, а также насчитывающий полтора миллиона членов Центральный спортивный союз Финляндии, созданный почти 100 лет назад.

От «красного» капитала, сколоченного рабочим движением, не осталось почти ничего. Вышеупомянутый Финляндский банк сбережений трудящихся, объединение «Эка»/кооперативная (розничная) торговля, страховая компания «Канса», строительная кампания «Хака», кооперативное торговое товарищество «Эланто» и пр. один за другим обанкротились или подверглись санации¹⁶³. Собственность малообеспеченных слоев населения, созданная в результате многолетних усилий, внезапно улетучилась как дым.

Совершенно трагикомической была судьба КПФ. Партия растратила в рискованных спекуляциях свою собственность на сотни миллионов марок, хотя могла бы и знать, что биржевые спекуляции – это последнее дело, в которое следовало бы ввязываться коммунистической партии. Предмет гордости коммунистов, спроектированный Алваром Аалто и построенный силами добровольцев Хельсинкский дом культуры, пришлось весной 1994 г. выставить на принудительную продажу с аукциона.

В 1993 г. безработица достигла ужасающе магического предела: работы не имели полмиллиона финнов, или 20% рабочей силы. В своей критической точке число безработных равнялось числу мужчин, находившихся под ружьем в период Войны-продолжения. Банковский кризис и расходы на содержание безработных вызвали огромный дефицит государственного бюджета, который приходилось покрывать при помощи денег, взятых в долг. В 1991–1999 гг. для субсидирования банков использовались деньги налогоплательщиков, примерно 16 млрд евро. Все же расходы государства пришлось урезать, что привело к крупным увольнениям и в общественном секторе. Гигантская безработица понизила спрос на внутреннем рынке, и круг замкнулся.

Две девальвации 1992 г. и введение плавающего курса марки существенно улучшили конкурентоспособность финляндской промышленности, работающей на экспорт.

¹⁶³ В 1993 г. вошли в действие законы об упорядочении долгов физических и юридических лиц при помощи программ погашения задолженности. На практике государство дает добро на списание безнадежных долгов и помогает выбить из должников то, что еще можно с них получить. В каждом отдельном случае решение о санации принимает суд.

Вопреки ожиданиям, занятость не увеличилась так же быстро, как народное хозяйство в целом. В результате кризиса на рынке труда осталось большое количество людей, длительное время не имеющих работы. Особой проблемой было обеспечение работой малоквалифицированных и пожилых людей. После длящихся годами поисков работы многие прямиком оказались в положении пенсионеров с минимальной пенсией. Особенно тяжело кризис сказался также на тысячах обанкротившихся предпринимателей и гражданах, взявших кредиты в малоизвестных банках.

В первые годы XXI в. наступил сильный подъем народного хозяйства. Переход на евро оказал воздействие на финансовый рынок и привел к снижению учетных ставок. Обозначился быстрый рост государственной экономики, задолженность снизилась. Была продолжена экономия средств в общественном секторе, путем передачи в частные руки государственных и муниципальных услуг. Разразившийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис, начавшийся на рынке недвижимости в США, сказался и на Финляндии. Его последствия проявились прежде всего в том, на мировых рынках резко начал падать спрос на важнейшую экспортную продукцию страны – технологию и бумажную промышленность. Эти отрасли уже и раньше страдали от так называемого китайского феномена, когда производство переводилось из Финляндии в другие страны, где оно обходилось дешевле. Нет сомнений в том, что новый спад или, точнее, рецессия, увеличит и в Финляндии безработицу и потребует от государственной экономики целенаправленных мер по ее оживлению.

Выборы, которые потрясли общество

Победа ФЦ на выборах 1991 г., которая привела общество в состояние потрясения, но которую партия давно предрекала, находясь в благодатном положении оппозиции, вернула ее на вершину власти. Пааво Вяюрюнен, получивший больше всего голосов по всей стране, хотел быть избранным председателем парламента, что дало бы ему право руководить переговорами о формировании правительства на их первом этапе и в случае, если бы ему удалось обеспечить правительству достаточную базу, даже стать премьер-министром. Эско Ахо, избранный на партийном съезде летом 1990 г. его преемником на посту председателя ФЦ, все же этого не допустил. Ахо, еще очень молодой человек (р. 1954), умело скрывающий под маской безразличия свои истинные чувства, до того как стать председателем ФЦ, был известен лишь как руководитель молодежной организации своей партии и политический секретарь министра иностранных дел Вяюрюнена. Он дважды избирался членом парламента, но никогда не занимал министерского поста. Будучи весьма сведущим в делах, касающихся средств массовой информации, он вскоре выдвинулся в первые ряды политиков.

Когда социал-демократы со страхом отвергли предложение войти в коалицию «больших партий», в которой заправлял бы ФЦ, НКП весьма легко приняла предложение Ахо. Так же поступила ШНП, равно как и впервые приглашенные в правительство представители ХСФ. Переговоры были доведены до конца за неполные три недели, и назначение нового правительства четырех партий произошло еще до конца апреля 1991 г. При содействии президента министром иностранных дел был назначен Пааво Вяюрюнен. От НКП «министром первого ряда» помимо министра внешней торговли Пертти Салолайнена, тогдашнего председателя партии, стал министр финансов Ииро Виинанен.

Поначалу на деятельность правительства наложили отпечаток противоречия с Финляндским банком, который намеревался и далее следовать жесткой финансовой политике. Это обнаружилось главным образом в борьбе вокруг стоимости финской марки, кото-

рая разгорелась уже осенью, когда предложение по пакету решений в рамках политики доходов, сделанное Калеви Сорсой с тем, чтобы предупредить девальвацию, было отвергнуто и марка в итоге была девальвирована на 14%. Поскольку ФЦ, прежде всего министр иностранных дел Вяйрюнен, при поддержке экспортных отраслей промышленности проводил линию на более ощутимую девальвацию, директор Финляндского банка Рольф Куллберг в апреле 1992 г. ушел в отставку. В сентябре, когда спрос на товары из Финляндии на мировых рынках был незначительным, а безработица в стране продолжала расти, вновь ввели плавающий курс марки. В результате марка потеряла 27% своей стоимости в сравнении с экю – расчетной денежной единицей Европейского сообщества.

Хотя падение темпов роста ВВП удалось в 1992 г. свести от пугающих 7,1% предыдущего года до 4%, предотвратить рост безработицы не удалось. Число неимеющих работы возросло в Финляндии из-за постоянных сокращений штата и банкротств коммерческих предприятий «нежданно-негаданно» до рекордных показателей: если еще в конце 1980-х годов говорили о частичной нехватке рабочей силы, в июле 1993 г. было зарегистрировано уже 515 тыс. безработных! Проблемой государственной экономики стали банки, которые понесли большие потери по кредитам, выданным в иностранной валюте. На их поддержку в течение 1993 г. было направлено свыше 40 млрд финских марок, спустя год – в два раза больше, что примерно равнялось стоимости военных репараций, выплаченных Финляндией в 1944–1952 гг.

С падением стоимости марки экспорт за два года, в 1992–1994 гг., вырос на 40%, но инвестиции «тащились позади» и были не в состоянии оживить ни промышленность, ни сферу услуг. Доходы от экспорта в значительной части шли за границу, на погашение долгов промышленности, и не могли помочь государственной экономике. В 1995 г. задолженность государства возросла с крайне низкой отметки в начале десятилетия до более 350 млрд финских марок, что превышало 2/3 стоимости ВВП. Однако Финляндии пришлось сражаться с падением стоимости денег и задолженностью государства не одной. Аналогичные проблемы затронули многие государства западного мира. США и Швеция, наделавшие еще больше долгов, как более богатые страны, все же были куда платежеспособнее Финляндии.

Правоцентристское правительство Ахо в борьбе с самым тяжелым за всю историю Финляндии экономическим кризисом испытывало трудности из-за своей неспособности строить взаимоотноше-

ния с рабочими организациями таким образом, чтобы те с полной отдачей участвовали в решении проблем, требовавших усилий всей нации. Отсутствие солидарности между теми, кто имел работу, и безработными усугублялось, и это позволяло работодателям без особого труда держать рабочие организации в узде. С другой стороны, явные затруднения, с которыми кабинет Ахо столкнулся, пытаясь ограничить притязания, обусловленные групповыми интересами (например, требования ЦСПСХП и ЦСФР), равно как и стремление правительственных партий «понравиться» избирателям при помощи капиталовложений в развитие транспорта, культуры и спорта, со временем привели к ухудшению политического имиджа правительства.

На период работы кабинета Ахо пришелся распад СССР, который стал кульминацией исторических событий, начавшихся в Восточной Европе в конце предшествовавшего десятилетия. Сношения на высшем уровне между сверхдержавами, получившие развитие в результате разрядки, привели к тому, что американские руководители самого высокого ранга на пути в Москву часто посещали Хельсинки. После визита президента Рональда Рейгана в мае 1988 г. в сентябре 1990 г. Финляндию посетил его преемник Джордж Буш. На совещании на высшем уровне, организаторами которого были финны, произошла его встреча с президентом Михаилом Горбачевым.

Горбачев, который стал последним главой СССР, во время своего государственного визита в Хельсинки успел положить конец существовавшему в течение продолжительного времени разногласиям в толковании финляндского нейтралитета. В Хельсинки с удовлетворением отметили слова, сказанные им 26 октября 1989 г. во Дворце «Финляндия»: «СССР безоговорочно признает статус нейтральной Финляндии и намеревается в полной мере следовать этому впредь».

Окончание «холодной войны» привело к договору о сокращении обычных вооружений, подписанному руководителями стран – участниц СБСЕ на саммите в ноябре 1990 г. Уже на этом этапе ослабление СССР оказывало позитивное влияние на положение Финляндии. В сентябре 1990 г. президент республики и правительство констатировали, что после объединения Германии Финляндия считает положения ограничительного характера, касающиеся Германии и обороны Финляндии, упомянутые в третьей части Мирного договора, заключенного в 1947 г. в Париже, утратившими свое значение.

Исключение составлял только § 17, запрещающий Финляндии иметь ядерное оружие.

Хотя президент отметил в этой связи, что Договор 1948 г. сохраняет свое значение, в следующем году Финляндия приступила к его пересмотру, дабы исключить из него связывающие ее военные обязательства. Проект не успели осуществить до распада СССР. После этого Финляндия вместе с Российской Федерацией занялась подготовкой основополагающих соглашений о межгосударственном сотрудничестве, которые должны были заменить Договор 1948 г. Российско-финляндский договор об основах отношений был подписан в ходе официального визита в Хельсинки первого заместителя Председателя Правительства России Г.Э. Бурбулиса 20 января 1992 г.¹⁶⁴ Этот договор создал совершенно новую основу для будущего развития отношений между странами.

Процесс становления отделившихся от СССР Прибалтийских республик как самостоятельных государств стал испытанием для финляндской дипломатии. В 1980-е годы Финляндия успела отвергнуть выдвинутые СССР требования о том, чтобы ее культурное влияние на южном побережье Финского залива, например радио- и телепередачи, было по политическим причинам ограничено, даже левые организации Финляндии активно поощряли своих эстонских единомышленников, уже на том этапе завязывавших отношения с Финляндией, в их стремлении отстоять право Эстонии на независимость. Правительство относилось к развитию ситуации в Прибалтике с большей осторожностью, что вызвало резкую критику. В частности, президент Койвисто сожалел об имевших там место актах насилия¹⁶⁵, но предостерегал от дальнейшего кровопролития, опасаясь «подстрекать» к сепаратизму. Последовательно придерживаясь линии на то, что независимость трех Прибалтийских республик не может быть признана до тех пор, пока этого не сделает Москва, Финляндия все же в числе первых поспешила установить с ними официальные отношения. Для Финляндии вопрос о признании был более чем обыденным, поскольку она,

¹⁶⁴ В письмах, которыми стороны обменялись в связи с подписанием Договора об основах отношений, Договор 1948 г. объявлен утратившим силу. Одновременно были подписаны Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве, а также Соглашение о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

¹⁶⁵ Имеются в виду последствия ввода советских войск в Вильнюс в январе 1991 г.

например, в отличие от Швеции, признала происшедшее в 1940 г. присоединение прибалтийских государств к СССР только *de facto*. Уже в марте-апреле 1992 г. президент нанес рабочие визиты во все столицы – Таллин, Ригу и Вильнюс.

Койвисто, как и его преемник, не спешил с постановкой вопроса о возврате уступленных СССР территорий, несмотря на то что президент Ельцин успел осудить отчуждение их у Финляндии. На этом этапе считают за лучшее забыть об историческом значении Карелии для Финляндии. При этом исходят из того, что низкий уровень развития экономики, инфраструктуры и т.д., а также многочисленное русское население, проживающее в Карелии, принесут с собой столь значительные дополнительные тяготы, что у Финляндии на их преодоление не окажется ни экономических, ни политических возможностей, поэтому нет смысла добиваться возвращения уступленных территорий.

Задачей правительства Ахо стало также проведение переговоров о присоединении Финляндии к Европейскому союзу. В правительстве этому последовательно содействовала НКП, тогдашний председатель которой, министр внешней торговли Пертти Салолайнен, взвалил на себя бремя переговоров в Брюсселе. В рядах ФЦ начался разброд после того, как министр иностранных дел Вяюрюнен покинул правительство и начал, особенно после президентских выборов 1993 г., критиковать идею присоединения к ЕС.

Премьер-министр Ахо оказался в сложном положении при решении вопроса о членстве Финляндии в ЕС, которое следовало бы поддерживать по политическим мотивам, но которое вызывало сомнения с точки зрения интересов сельского хозяйства. Все же он весьма ловко справился с этим вопросом и сумел заполучить вместо Вяюрюнена на пост министра иностранных дел председателя ЦСПСХП Хейкки Хаависто, считавшегося убежденным противником членства Финляндии в ЕС. Однако тот действовал полностью в соответствии с линией правительства. В итоге новый министр иностранных дел преподнес и представителям ЦСПСХП договор о членстве Финляндии в ЕС как «наилучшую возможность».

Ко времени выработки решения о присоединении Финляндии к ЕС относится возникновение многочисленных движений протеста, одно из которых на следующих выборах попыталось провести своих кандидатов в парламент, будучи зарегистрировано как политическая партия. Несмотря на неожиданно большое количество голосов, полученное на референдуме по вопросу о членстве

его противниками, представители оппозиционной гражданской группы не были избраны.

Уже в 1980-е годы партийная структура Финляндии претерпела многочисленные изменения. Для процесса преобразований характерным было то, что партиями становились представлявшие различные идеи и различные общественные интересы небольшие группы, объединявшие пенсионеров, предпринимателей и пр. (Для регистрации партии требуется только заявление, подписанное 5 тыс. человек.) Позднее в партийном реестре появились так называемые движения одного дела, например получившая в 1987 г. статус партии «Зеленая лига». В число новых организаций последних лет вошла женская партия, по-прежнему не имеющая депутатов в парламенте.

Важнейшей новой партией, по-видимому, является Левый союз, в котором летом 1990 г. объединились КПФ и ДСНФ. Хотя в Союзе работали старые коммунисты, даже те, кто представлял взгляды меньшинства, в руководство были выбраны бывшие народные демократы-некоммунисты и члены КПФ, отказавшиеся от своих прежних коммунистических взглядов. Размахивать флагами коммунизма в Финляндии продолжают только две мини-группы, из которых ведущей является КПФ (единство).

При подготовке к выборам в марте 1995 г. все партии, участвовавшие в правительстве Ахо, явно лихорадило от того, что их ожидало. Прежде всего ФЦ вместо головокружительной победы угрожало головокружительное поражение. Черты руководителя, присущие Эско Ахо, его заразительный оптимизм, которым он вдохновляет сторонников, и его способность видеть ситуацию с лучшей стороны, очевидно, сохранили для партии на последнем этапе тысячи голосов. Если на этот раз избиратели продемонстрировали столь низкую активность (71,9%), то в этом не было вины центристов. По всей вероятности, в выборах не участвовали те, кто в течение длительного времени не имел работы, и малообеспеченные граждане, павшие духом из-за мероприятий по урезанию бюджета, проведенных непреклонным министром финансов, или только что достигшие избирательного возраста молодые люди, которых политика не смогла увлечь.

Наиболее существенной чертой этих парламентских выборов было то, что «усталость» избирателей никак не сказалась на результатах, достигнутых социал-демократами. Парламентская фракция СДПФ получила 15 новых мест (столько же, сколько ФЦ на пре-

дыдущих выборах). Показатель 1995 г. (всего 63 места) был самым высоким после выборов 1939 г., на которых социал-демократы получили 85 депутатских мандатов. Левый союз, оправившийся от состояния упадка, явившегося следствием «раздела имущества» в ДСНФ, получил на выборах 22 места; общее число мест СДПФ и Левого союза теперь было равно количеству мест, принадлежавших социал-демократам в парламенте 1939 г., когда они представляли левых.

Принимая во внимание обстоятельства, со своей задачей справились и центристы, оставив за собой 44 депутатских места (таким образом, из «трофея», добытого партией на предыдущих выборах, ей осталось четыре места). Еще меньшие потери понесла НКП, утратившая только одно место, хотя можно было предполагать, что имидж партии куда больше пострадает от кризисной линии Виинанена. На самом деле министр финансов оказался настоящим фаворитом этой избирательной кампании. В парламенте появилась новая партия «Младофинны»¹⁶⁶, избирательная кампания которой, удивившая всех, хотя и строившаяся на неясной идеологии, «отобрала» голоса главным образом у НКП и принесла партии два депутатских места.

¹⁶⁶ Партия «Младофинны» основана в 1994 г.

«Правительство всех цветов радуги»

Поскольку социал-демократы отказались сотрудничать на правительственном уровне с центристами, при формировании следующего правительства НКП вновь получила право выбора. Несмотря на «сладкие призывы сирены» Эско Ахо, она решительно поменяла компаньона и приняла предложение нового председателя СДПФ Пааво Липпонена, которому президент поручил сформировать кабинет министров. Если выбор НКП по некоторым признакам, в частности после контактов СДПФ с руководством промышленных кругов, можно было предвидеть, то участие Левого союза в коалиции, ранее отвергаемой им по идейным соображениям, вызвало удивление.

Умелая тактика Пааво Липпонена, направленная на защиту или нейтрализацию левого фланга (некоторые считали это даже попыткой слияния), конечно, не могла бы иметь успеха без согласия НКП, выступавшей в годы «холодной войны» с безусловно антикоммунистических позиций. Теперь в результате сближения крайних политических полюсов, правых и левых, произошедшего впервые в истории независимой Финляндии, достигла своей кульминации политика консенсуса, ставшая идейной основой правительства Липпонена. Вторым, хотя и не столь неожиданным сюрпризом явилось то, что наряду с интересами промышленности, которые представляла главным образом НКП, при формировании правительства нашла отражение и другая тенденция: впервые в Финляндии один из министерских постов достался зеленому, причем это был председатель партии, который только что покинул парламент, не будучи переизбран. Коалицию – от одного политического полюса до другого – метко окрестили «правительством всех цветов радуги».

На практике политика правительства оказалась довольно правого толка. Министрам-коалиционерам без труда удалось определить собственный профиль за счет других. Министром финансов был назначен новый председатель Коалиционной партии Саули Ниинистё, который вскоре стал ключевой фигурой в правительстве. Ведь

премьер-министр при решении экономических проблем вынужден был прибегать к помощи Ниинистё. В свою очередь бурная карьера второго министра финансов социал-демократки Арьи Алхо и ее отставка, которая косвенно была связана с запутанными кредитными делами бывшего товарища по партии и генерального директора банка STS (Рабочий сберегательный банк Финляндии. – Ю.Д.), значительно подпортили репутацию СДПФ на следующий парламентский период. Министерское кресло после Алхо заняла в 1997 году председатель Левого союза Суви-Анне Сиимес.

Теоретическое большинство в парламенте, которое состояло из 136 депутатов от правительственных партий, не всегда удавалось реализовать на практике, так как многие депутаты от правительственных партий, особенно из фракций Левого союза и «зеленых», стремились голосовать против правительства. Однако большинство было достаточным, когда речь шла о том, чтобы отклонить запросы к правительству со стороны оппозиции. Рискованным планам правительства по переводу экономики Финляндии из состояния стагнации в «европорядок» способствовал рекордный подъем внешней торговли. Начиная с 1994 г., в течение трех лет ВВП Финляндии рос в среднем на 4,5% в год, т.е. в два раза больше, чем средний уровень в странах ЕС. В 1998 г. покупательная способность финнов, согласно статистическим данным ОЭСР, поднялась до 20 000 долларов США на душу населения и впервые превзошла в этом отношении Швецию.

Однако, несмотря на благоприятную конъюнктуру, страна весьма медленно выходила из состояния стагнации и ее последствий. Такие отрасли производства, как бумажная и металлообрабатывающая промышленность и, прежде всего, отрасли производства, представляющие новые технологии, например, электронно-технический сектор концерна «Нokia», стремящийся к мировой гегемонии, извлекали наибольшую выгоду из благоприятной ситуации для экспорта, но обращали свои большие доходы в инвестиции таким образом, что они не очень-то способствовали оживлению экономики всей страны. Отрасли промышленности, производящие товары широкого потребления, экспорт которых пострадал от развала восточной торговли, не смогли возместить утраченные рынки сбыта увеличением отечественных продаж и не смогли компенсировать сокращение персонала новыми рабочими местами.

Кризис в банковской сфере был в начале нового парламентского периода в принципе преодолен, но для государства проблема

заклучалась в том, чтобы вернуть потраченные в ходе его миллиарды для поддержки экономики. Одним из последствий тех лет в банковской сфере, как и в других отраслях бизнеса, является сохраняющееся сильное стремление к слиянию, что в свою очередь ведет к дальнейшему сокращению рабочих мест. Такое негативное развитие, со своей стороны, повлияло на программу правительства Липпонена, предусматривавшую сокращение наполовину количества безработных.

Хотя количество безработных сократилось до трехсот тысяч (точная цифра зависит от того, кого статистика признала безработным), первоначальная цель – уменьшение вдвое – была достигнута лишь в условиях подъема экономической конъюнктуры после 2005 г.

Даже частичное сокращение безработицы помогло экономике государства, но не в решающей степени. Для того чтобы облегчить бремя государственного долга, правительство попыталось урезать расходную часть госбюджета, причем более твердой рукой, чем его предшественник.

Это произошло во многом за счет коммун. Те в свою очередь пытались выбраться из ужесточений, снижая расходы в социальной области, где, как полагали, это возможно, или сокращая расходы на культуру и даже образование. Такой ход событий способствовал усилению опасений, что финляндское общество, городящееся своим равноправием, раскалывается на богатых и бедных, разрыв между которыми сейчас увеличивается, пожалуй, быстрее, чем когда-либо.

Несмотря на предвыборные обещания коалиционной партии, ее министры финансов не смогли в достаточной мере снизить налоги наемных работников. Более значительное снижение произошло лишь позднее, при правительстве Матти Ванханена (партия ФЦ) и коснулось оно прежде всего налогов на предпринимательство и имущество.

Имея в виду критерии Европейского экономического и валютного союза (ЭВС), «правительство всех цветов радуги» проявляло осторожность в безоглядном увеличении государственного долга, однако не смогло добиться его серьезного сокращения. Завершив свой последний бюджет на 1999 г. с дефицитом, Липпонену и Ниинистё удалось добиться того, чтобы их новое правительство предложило на 2000 г. бюджет с профицитом, чего в Финляндии не было уже десять лет.

Несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, правительству удалось удивительно успешно провести широкие общественные реформы. Одним из важнейших достижений в области законодательства стали одобренные парламентом и долго готовившиеся меры по обновлению конституционных основных прав человека, которые и были реализованы летом 1995 г. В этих рамках были обновлены права граждан в социальной и культурной областях. В частности, это касалось гарантирования «возможности гражданина развивать себя независимо от материального положения». Уже три года спустя положения об основных правах человека рассматривались как база для того, чтобы объявить противозаконным отправление коммунальными органами, с ссылкой на нехватку средств, в принудительный отпуск учителей и временное закрытие учебных заведений.

На работу парламента значительно повлияло то, что уже в июне 1992 г. из конституционного закона было изъято положение о квалифицированном меньшинстве, в соответствии с которым одна треть парламента, или 67 депутатов, могли проголосовать за перенос рассмотрения закона на следующий избирательный период со ссылкой на то, что законопроект касается прав человека. Помимо положительных последствий реформа позволила правительству впредь облегчить прохождение в парламенте своих предложений об изъятиях из законов.

Из других важных реформ нужно упомянуть энергично проталкивавшееся социал-демократическим министром внутренних дел Йоуни Бакманом предложение о новом административном делении страны на лены (губернии). Количество губерний радикально сократилось – таким образом, что из 11 губерний континентальной Финляндии остались новые, укрупненные Этеля-Суоми (Южная Финляндия), Кески-Суоми (Центральная Финляндия), Итя-Суоми (Восточная Финляндия), а также прежние губернии Оулу и Лаппи (Лапландия). При проведении реформы произошел раскол как в правительственных рядах, так и в рядах оппозиции – особенно потому, что старые, исторически сложившиеся территориальные единицы включались в состав новых экономических образований. Единственным исключением оставались автономные Аландские острова. Предусматривалось, что сами должности губернаторов упразднятся к концу 2009 г.

Были осуществлены начатые еще в 1993 г. реформы в правовой сфере. Наиболее значительными были изменения в прокурорской

системе – функции концентрировались у независимых прокуроров; функции местных прокуроров и фогтов (от *нем.* *Fogt* – наместник. – Ю.Д.) были в 1996 г. переданы чиновникам уездных судов, после чего были упразднены должности ленсманов. Местные полицейские дела впредь отходили в ведение начальников полиции, подчиненных министерству юстиции. Полномочия генерального прокурора в 1997 г. были переданы от канцлера юстиции государственному прокурору, подчиняющемуся министерству юстиции.

Первому правительству Липпонена удалось подготовить также проект полного обновления конституции, который был отвергнут в парламенте в 1995 г. Четыре года спустя, после одобрения подавляющим большинством голосов в парламенте новый проект был утвержден президентом Ахтисаари и вступил в силу 1 марта 2000 г. – в день, когда истек срок полномочий Ахтисаари.

В новой конституции была подтверждена, наряду с традиционным доминирующим положением местом парламента в системе власти, роль президента как центрального института государства и его главы, а также как главнокомандующего оборонительными силами. Однако были внесены важные изменения в государственные прерогативы президента. Наиболее существенные касались его роли в формировании правительства. Отныне премьер-министр избирается парламентом, что на практике означает – на основе существующей расстановки политических сил. Президент по-прежнему назначает премьер-министра и других министров, которых выбирают по предложению премьер-министра.

Несмотря на твердую дисциплину, требуемую премьер-министром Липпоненом, его собственная парламентская фракция раскалывалась при обсуждении ассигнований на оборону. Растущее влияние военного руководства вызвало в парламенте недовольство, в частности, потому, что военным удалось, со ссылкой на особое геополитическое положение Финляндии, убедить политическое руководство страны отказаться от присоединения Финляндии к Оттавской конвенции 1997 г. о запрещении противопехотных мин. В течение короткого времени осуществленные крупные закупки вооружения, в результате которых Финляндия предстала более вооруженной, чем когда-либо, вызвали ответную реакцию.

Противники закупки новых современных видов вооружений утверждали, будто их цель – подготовить вступление Финляндии в НАТО. Другими сигналами были все более активные контакты финского военного руководства со штаб-квартирой НАТО, подго-

товка к сотрудничеству в области обороны и внешней политики в рамках «Партнерства ради мира» (ПРМ), членом которого Финляндия уже является, а также учащающиеся заявления официальных лиц о том, что Финляндия, в случае необходимости, может изменить свою доктрину нейтралитета и военного неприсоединения. В конце 90-х годов вместо «нейтралитета» стали использовать термины «неприсоединение» и «надежная обороноспособность».

Важнейшая причина, по которой в Финляндии желают сохранить политику неприсоединения, заключается в непосредственной близости России и необходимости избежать участия в анти-террористических операциях НАТО, которые могли бы вовлечь страну в далекие от нее конфликты.

Во время мартовских парламентских выборов 1999 г. процент избирателей, не пришедших на избирательные участки, вызывал тревогу: проголосовали 65,2% избирателей, что было наименьшим числом за весь послевоенный период. На коммунальных выборах 2000 г. проголосовало еще меньше избирателей. Процент проголосовавших – 55,9 был на 22% меньше, чем в 70-х годах. От снижения политического интереса избирателей в мартовских парламентских выборах 1999 г. прежде пострадала СДПФ. Она потеряла 12 мест в парламенте, получив 51 мандат, однако, завоевав 22,9% голосов, по-прежнему осталась ведущей партией страны. ФЦ получил дополнительно лишь менее полпроцента голосов и четыре дополнительных мандата, удовлетворившись 48 своими представителями. Напротив, коалиционной партии удалось, собрав лишь 21% голосов, увеличить количество мандатов на семь и получить 46 мест в парламенте.

Вне трех, почти одинаково сильных партий, произошли лишь небольшие изменения. ХДС получила три дополнительных мандата, «младофинны» потеряли оба депутатских кресла (и сразу же после этого прекратили свою деятельность).

Результаты парламентских выборов, завершивших существование первого «правительства всех цветов радуги», показали, что возникла усталость от линии Липпонена на политику консенсуса. Центристы попытались привлечь внимание к этому обстоятельству и потребовали, ссылаясь на итоги выборов, вхождения в правительство, но в кругах коалиции это было проигнорировано. Пааво Липпонен считал центристов такими же неспособными к сотрудничеству, как и раньше. Ниинистё же еще относился к СДПФ с большим предпочтением, нежели к ФЦ. И не только потому, что

с ее помощью можно было по-прежнему сохранить Левый союз и «зеленых», но и потому, что центристы продолжали относиться к такой коалиции прохладно и даже отрицательно.

Во втором «правительстве радуги», сформированном под руководством Липпонена, социал-демократы признали итоги выборов и отказались от одного министерского поста в пользу коалиционеров. Ключевые портфели отдали тем же лицам, что и раньше, – место министра иностранных дел получила Тарья Халонен, а первого министра финансов – Саули Ниинистё.

После избрания Тарьи Халонен в 2000 г. президентом республики, министром иностранных дел был назначен Эркки Туомиойя. Успешно возглавлявший парламентскую фракцию СДПФ Туомиойя два года спустя выдвинул свою кандидатуру на пост председателя своей партии против Липпонена, но остался на втором месте: действующий председатель партии обеспечил себе место вплоть до 2005 г., возглавляя таким образом СДПФ в течение 12 лет подряд.

Последним, одним из наиболее важных решений своего кабинета Липпонен провел постановление о строительстве пятой АЭС, что привело к выходу «зеленых» из правительства в мае 2002 г. Сокращение правительственной основы вызвало некоторые затруднения, но не помешало правительству подготовить к следующим парламентским выборам ряд давно обсуждаемых предложений о реформе законодательства. Таковыми были новый закон о гражданстве, который позволял бы финнам, живущим за границей и иностранцам, проживающим в Финляндии, иметь двойное гражданство, а также изменения законов о языках и порядке их применения и экспериментальное создание в союзе общин Кайнуу системы самоуправления.

Выборы премьер-министра

Несмотря на долгое пребывание Пааво Липпонена на посту премьер-министра, ему удалось твердо держать бразды правления в своих руках. Он первым потребовал, чтобы после следующих парламентских выборов в духе новой конституции принималось решение о предоставлении права формирования нового правительства председателю крупнейшей партии.

Аннели Яяттеенмяки, сменившая Эско Ахо на посту председателя ФЦ, с уверенностью приняла вызов: у нее, с учетом избрания Тарьи Халонен президентом республики, появилась возможность стать первой женщиной – премьер-министром в истории Финляндии. Будучи деловым и представительным политиком, она смогла, не используя в качестве оружия свою принадлежность к «слабому полу», обеспечить на выборах поддержку центристов не только со стороны женщин, но даже избирателей-мужчин вне собственной партии.

Невысокий процент участия избирателей в выборах 2003 г., который был всего на пару процентов выше, чем на прошлых, рекордно неактивных парламентских выборах, показал, что избирателей не воодушевил даже новый расклад в кандидатурах премьер-министра. Критика парламента возросла в связи со следующим один за другим повышением окладов депутатам и проектами строительства дополнительных зданий парламента, что, со своей стороны, увеличило апатию избирателей.

Годы нахождения у власти Пааво Липпонена, казалось, не уменьшили его популярности – он набрал на выборах подавляющее число голосов, а Яяттеенмяки пришлось довольствоваться шестым местом. Зато партия ФЦ собрала больше (на 2,3 пункта) голосов, чем СДПФ, и стала, получив семь дополнительных мандатов, крупнейшей партией в парламенте.

Однако социал-демократы вынуждены были смириться с этим и согласились признать центристов партнером по правительству. Они были готовы оставить Коалиционную партию, потерявшую на выборах шесть мест, вне правительства – так же, как Левый союз

и «зеленых». Стрелкой на весах между двумя крупнейшими партиями стала в конце концов Шведская народная партия (ШНП), несмотря на то, что у нее после неудачного выступления на выборах осталось всего восемь парламентских мандатов. Другим неудачником был Христианский союз (ХСФ), сменивший свое наименование на Христианско-демократический Союз, который, помимо проигрыша на выборах, потерял двух депутатов, переметнувшихся к коалиционерам. Последующий парламентский период ему пришлось начать с сократившейся наполовину фракцией.

Бывший премьер-министр остался вне нового правительства, но согласился занять пост председателя парламента, освободившийся после Яттеенмяки. Он это сделал после того, как выяснилось, что в суете предвыборной борьбы Яттеенмяки обвинила его на ложном основании – в тайном выражении симпатии к готовящемуся к войне в Ираке президенту Дж. Бушу-младшему.

Средства массовой информации в связи с недопустимым разоблачением поставили политиков в неприятное положение. Кандидат центристов получила материал от коллеги по партии, служившего советником президента республики, который, как было доказано, использовал секретные документы МИД. Советник сообщил полиции, что действовал по личной просьбе Яттеенмяки, но та публично опровергла это утверждение.

Скандал был охарактеризован как «рабочая ошибка», которая вытекала из того, что существующие критерии министерства для секретных документов устарели. Хотя обвинения в адрес Яттеенмяки позднее были отвергнуты в суде, ее лжесвидетельство в парламенте привело к тому, что после двух месяцев пребывания в должности премьер-министра ей пришлось подать президенту республики прошение об отставке. Она к тому же еще была вынуждена отказаться от поста председателя своей партии в пользу заместителя председателя Матти Ванханена, уже успевшего стать премьер-министром.

Формула «8+8+2» в правительстве Ванханена осталась, за исключением премьер-министра, такой же, как и в версии правительства Яттеенмяки. В качестве вице-премьера и министра финансов продолжил свою деятельность социал-демократ Антти Каллиомяки, прагматичный подход которого к делам гарантировал, наряду с деловым образом правления Ванханена, более спокойную, чем прежде, работу новому «красноземельному» (ФЦ и СДПФ) правительству. На посту министра иностранных дел остался Эрки

Туомиойя, который успешно справился со своей сложной задачей в период председательства Финляндии в Евросоюзе в ходе переговоров о перемирии по конфликту в Ливане. На пост министра обороны пришел Сеппо Кяярйянен, бывший секретарь ФЦ.

Парламентская комиссия по обороне, возглавляемая председателем ФЦ, осенью 2004 г. решила встать на позицию, отвергающую членство Финляндии в НАТО. Комиссия же по иностранным делам, где председателем была Лииса Яаконсаари, заняла, неожиданно, прямо противоположную позицию. Ответ парламента на предоставленный ему доклад о политике безопасности и обороны был, следовательно, противоречивым.

Хотя многие видные политики высказывались о Североатлантическом союзе на удивление положительно, общественное мнение сохраняло к нему недоверчивое отношение. За отказ от политики неприсоединения по-прежнему выступала лишь пятая часть населения, или столько же, сколько в 2000 г., когда Мартти Ахтисаари, в последнее время активно продвигавший идею членства в НАТО, покинул пост президента республики.

Если вопрос о членстве в НАТО будет решаться на народном референдуме, идея встретит сопротивление. В Финляндии считают, что увеличение расходов на вооружение, которое не соответствует нынешним угрозам, уже затормозило развитие государства всеобщего благоденствия и еще больше увеличит разрыв в доходах. Начавшийся в 2004 г. очевидный подъем национальной экономики не смог достаточно убедить граждан в стабильности уровня жизни. В стране проявлялась нервозность в связи с «китайским феноменом», все больше отечественных предприятий переводили свое производство в страны с дешевой рабочей силой. Беспокойства добавляли сбои на рынках труда и скандальные бонусные контракты крупных компаний.

Большую озабоченность вызывает страдающая от нехватки средств область здравоохранения, уровень которого падает, – по рейтингу Всемирной организации здравоохранения Финляндия еще с начала деятельности второго правительства Липпонена находится лишь на тридцать первом месте в мире. Беспокоят также неспособность школ и вузов, попавших в пучину «экономии средств», отвечать за сохранение «хваленного» уровня нашего образования, а также сокращение информационных и деловых услуг, усиливающаяся из-за уменьшающихся ассигнований беспомощность государства в борьбе против растущей преступности

и торговли наркотиками. Правительство уже успело устраситься трудностей, которые принесла финнам облегченная ЕС продажа алкогольных напитков.

Проблемы коммун в области образования и социальных услуг отражаются на финском обществе особенно сейчас, когда правительство стало в качестве продолжения губернской реформы осуществлять перекройку коммун. Изоляция отдаленных коммун усугубляется параллельно тому, как пассажирский транспорт, включая железные дороги, повышает тарифы, чтобы покрыть эксплуатационные расходы.

Пааво Липпонен, обосновавшийся с новой женой и детьми в «Кесяранта» (резиденция премьер-министра, бывшая дача российского генерал-губернатора Н.И. Бобрíkova. – Ю.Д.), продолжил премьерские традиции Эско Ахо, которых ранее в Финляндии много лет не было. Кажется, что пример руководства не распространяется на глубокие слои общества, где в качестве основы для роста населения потребовалось бы срочное изменение отношения общества и решительная политика поддержки. Без ощутимой иммиграции рост численности населения Финляндии прекратится полностью к концу 20-х годов этого столетия.

Правительства Ванханена

Матти Ванханен, сменивший Яяттеенмяки в качестве премьер-министра и председателя Партии Центра, вызвал в стране доверие как стабильный, но невыразительный политик. Он успел побыть короткое время министром обороны в правительстве своего предшественника, но долго работал в парламенте председателем Большой комиссии* и в этом качестве занимался финскими делами в Европейском Союзе – возможно, даже лучше, чем кто-либо из его коллег по партии.

Начало деятельности Ванханена было подчеркнуто осторожным, он заботился о том, чтобы в его министерстве царил взаимопонимание. Предварительно согласованное снижение налогов, в том числе на алкоголь ограничивали возможности бюджета. Расходы бюджета увеличивали начавшиеся одна за другой забастовки государственных служащих, требовавших повышения зарплаты. Самыми серьезными и вызвавшими большую дискуссию были забастовки больничного персонала и пограничной охраны. Премьер-министр смог объединить все силы своего «сине-красного» правительства и заглушить нападки ослабшей оппозиции. Ситуация драматически изменилась в результате парламентских выборов 2007 г., когда важнейший партнером центристов в правительстве коалиции СДПФ стала коалиционная партия.

Завершающий период правительства Ванханена был омрачен небывалым скандалом в политической жизни Финляндии, когда появились разоблачения о внешнем финансировании выборов, коснувшиеся всех партий. Главную роль в них сыграли частные лица, финансировавшие коалиционеров и центристов, целью которых было за счет солидного финансирования обеспечить победу буржуазных партий на выборах.

Выявление жертвователей при помощи добровольных заявлений получателей так и остановилось на полпути.

*Ведущая комиссия парламента, фактически заменяющая верхнюю палату; состоит из 45 депутатов, в том числе лидеров всех парламентских фракций, которые назначаются в соответствии с соотношением сил в парламенте. – Примеч. Ю.С. Дерябина.

Неприятный сюрприз преподнесли социал-демократам результаты выборов. Они потеряли восемь мандатов и, скатившись на третье место, ушли в оппозицию. Помимо того, после поражения на выборах в партии развернулась внутренняя борьба за наследие ее потерпевшего поражение председателя Эеро Хейнялуома. Возможность того, что председатель парламента Пааво Липпонен будет готов вернуться к руководству партией после того, как его расчет попасть на высшую должность в ЕС не оправдался, никто не принимал всерьез. Народной популярности Эркки Туомийоа оказалось недостаточно для того, чтобы удовлетворить требования избирателей о смене поколений в руководстве СДПФ.

Старой реформаторской партии, нуждающейся в симпатиях избирателей, пришлось искать нового руководителя в том числе и среди тех, кто находился в «задних рядах». Видной, открытой, молодой Ютте Урпилайнен удалось выиграть выборы председателя партии, но она остается еще слишком «чистым листом», чтобы поднять СДПФ на уровень соперничающих крупных партий.

Левый союз, после ухода в отставку своего председателя Суви-Анне Сиимес, вышел из последних выборов с относительно небольшими потерями, однако и после смены лидера не проявил более активного желания к сотрудничеству с СДПФ. Старые партии трудящихся оказались разобщенными и изолированными.

Успех на последних выборах коалиционной партии удивил также ее партнера по правительству – партию центра, потерявшую 4 мандата. Второе правительство Ванханена начало свою деятельность, имея под собой более надежную основу, чем прежде, составившую 125 мест в парламенте.

Премьер-министр расширил коалицию, взяв в правительство помимо коалиционной партии и утвердившегося своего партнера – Шведской народной партии, также «зеленых». Чувствовалось, что он не боится принципиальных разногласий, которые могли возникнуть при обсуждении ожидавших решения спорных вопросов, начиная от обуздания порогов северных рек и кончая строительством новых АЭС, что было предметом озабоченности для министров от «зеленых».

Председатель коалиционной партии Юрки Катайнен стал как министр финансов ведущей фигурой в правительстве, поддерживаемой министром иностранных дел Илккой Канервой и министром обороны Юрки Хякямиесом. Промежуточными фигурами в тисках крупных партнеров остались назначенная министром

труда председатель «зеленых» Тарья Кронберг и министр юстиции Туйя Бракс, на которую возлагалась ответственность за конституционные реформы и расследование вопросов о финансировании выборов, а также получивший неблагодарные задачи министра культуры и спорта председатель ШНП Стефан Валлин.

У центристов в качестве «пастыря» Ванханена были два сильных и «бывалых» человека – вернувшийся из Европейского парламента министр внешней торговли и развития Пааво Вярюнен и министр торговли и промышленности Маури Пеккаринен, отвечающий за развитие отечественного производства. «Зеленые» боялись, что их начали обходить в результате объединения министерства труда с министерством торговли и промышленности, в результате чего рабочий участок ревир Кронберг оказался жертвой экспансионистских устремлений Пеккаринена.

Исторический рывок женщин на парламентских выборах – их представительство с дополнительными девятью мандатами возросло до 84 – отразилось на выборе Ванханеном своих министров: из 20 членов кабинета дюжину, то есть большинство составили женщины. Имея в виду следующие президентские выборы, Саули Ниинистё, набравшего наибольшее количество голосов, не взяли в правительство, а избрали председателем парламента.

В результате недостаточного успеха на парламентских выборах наступила критическая фаза во внутренних дискуссиях среди центристов, в ходе которой премьера осуждали за слишком примирительную линию и отвешивание поклонов во все стороны. Старых членов партии беспокоили также его любовные похождения, которые публично обсуждались в средствах массовой информации. Судебный процесс, начатый против прежней подружки премьер-министра, не успел закончиться, как из правительства ушел в отставку недолго проработавший министр иностранных дел, поводом для скандала стали многочисленные приватные «эсэмэски» сексуального содержания, которые он рассылал со своего рабочего мобильного телефона (имеется в виду коалиционер Илкка Канерва, неоднократно бывший членом парламента и правительства. – Ю.Д.). От культуры поведения во втором правительстве Ванханена может остаться в памяти такая картина, которой не было ранее в политической жизни страны, не считая, пожалуй, времен Кекконена.

В период второго правительства Ванханена на арене вновь проявила себя коалиционная пария, долгое время находившаяся вне

игры, в изоляции от правительства. Ее способный новый председатель, утвердившись в министерском кресле, получил, включая за границу, положительные отзывы по отражению мирового финансового кризиса, угрожающего также и Финляндии.

Признаки стагнации начали проявляться еще несколько лет ранее, когда негативное развитие в области зарплат привело к принудительным отпускам и увольнениям, что стало сказываться на традиционной трудовой жизни, защищенной от посторонних влияний. Худшее можно было ожидать к 2008 г., когда крупные деревообрабатывающие фирмы, прежде всего концерн «Стура Энсо», закрывший завод в г. Кемиярви, начали приводить в порядок производство. Возникшая ситуация привела к принципиальным столкновениям между левой оппозицией, выясняющей ответственность государства-владельца фирм, и представителем правительства в лице министра обороны Хякямиеса, твердо отстаивающего свободу предпринимательства.

Ужесточающаяся хватка правых почувствовалась и во внешней политике после того, как новым министром иностранных дел стал коалиционер, но еще больше представляющий западные ценности, бывший депутат Европейского парламента Александр Стубб. Наперебой раздававшиеся часто необдуманные высказывания нового министра и занимающегося личной внешней политикой министра обороны подвергли сомнению в последующие месяцы традиционный курс нейтралитета Финляндии.

Одним из наиболее любимых занятий для министра иностранных дел стали критические высказывания по поводу полномочий президента республики и требование об уменьшении его конституционных прерогатив, вплоть до полномочий главнокомандующего. Другими словами, главе государства оставались бы лишь представительские функции. Стубб, вступая в должность министра иностранных дел, поддерживал вступление Финляндии в НАТО, хотя потом был готов отложить это на более позднее время. Новые мнения, высказываемые коалиционной партией, определенно отличаются даже от взглядов признанного старого руководителя партии Саули Ниинисте.

Премьер-министр Ванханен в период своего второго правительства оказался в подвешенном состоянии между президентом и членами коалиционной партии – в то время как принципиальные вопросы, обсуждаемые в Евросоюзе, вынуждают финнов определить свою позицию.

Новые президенты, новый стиль

После того как по-прежнему популярный президент Мауно Койвисто отказался баллотироваться на третий срок, финнам предстояло в 1994 г. избрать десятого по счету главу государства. Выборы стали исключительно интересными, поскольку теперь президент в соответствии с поправкой к конституции избирался на основе прямых двухступенчатых всенародных выборов. На выдвижение кандидатов решительным образом повлияло то обстоятельство, что в предварительных выборах, организованных партиями, участвовали не только члены партии. В итоге не прошел в кандидаты от НКП ее председатель Пертти Салолайнен, равно как и в СДПФ Калеви Сорса, бывший долгое время лидером своей партии и премьер-министром.

Особенно тот факт, что Сорсы кандидатом в президенты от социал-демократов был избран Мартти Ойва Калеви Ахтисаари, человек «едва ли не со стороны» и привлечший внимание средств массовой информации только благодаря своим заслугам международного чиновника, свидетельствовал о силе власти «инфократии», над которой Сорса, неоднократно занимавший пост премьер-министра, сам иронизировал в былые годы,

Аналогичные события произошли в ШНП после того, как руководством партии пришлось уступить дорогу министру обороны Элизабет Рэн, умело использовавшей средства массовой информации для создания своего политического имиджа.

Поначалу высказывались сомнения относительно того, обладает ли женщина, принадлежащая к языковому меньшинству, достаточными возможностями для борьбы с кандидатом-мужчиной, за которым стоит крупнейшая партия страны. Неожиданно Рэн обошла кандидата Партии центра и находившегося на пенсии бывшего мэра Хельсинки Раймо Иласкиви, которого своим кандидатом выставила НКП, не говоря уже о других, менее значительных соперниках. Получив 22% голосов, Рэн вышла во второй тур, где боролась против Ахтисаари, который попал в лидеры с 25,9%.

О роли, которую в выборах сыграли средства массовой информации, говорит и тот факт, что кандидат центристов, Пааво Вяюренен, получивший 17,8% голосов обвинил в своем «плохом успехе» новость, ставшую актуальной благодаря каналу коммерческого телевидения MTV. Речь шла об обвинениях со стороны посла России в Хельсинки в том, что на территории Финляндии действуют организации фашистского толка*.

Несмотря на свою популярность в народе, центрист Кейо Корхонен, выступавший с призывами против вступления Финляндии в ЕС, также не добился успеха, собрав только 5,8% голосов. Фаворит прежних опросов общественного мнения, бывший министр по социальным вопросам Эва Куускоски (коалиционная партия), которая, как в свое время считали, могла стать первой в Финляндии женщиной-президентом, получила лишь 2,6% голосов – меньше, чем кандидат Левого союза Клаэс Андерссон (4%) и позднее избранный в парламент представитель «зеленых» Пертти (Велтто 182) Виртанен (3%). Полученное Ахтисаари во втором туре преимущество в 250 тыс. голосов (53,9% всех голосов) было бесспорным. Вместе с тем энергия, проявленная Рэн в борьбе за президентское кресло, и тот факт, что ее кандидатура воодушевила широкие круги женского населения вне зависимости от партийной и языковой принадлежности, указывали на возможность того, что в Финляндии уже в ближайшее время главой государства могут избрать женщину.

Новый, родившийся в 1937 г. президент быстро справился с предвзятым отношением к нему как «чересчур толстому, необразованному человеку из народа». Разница в манере поведения, свойственной Ахтисаари, выходцу из Карелии, и стиля Койвисто, родившегося в Варсинайс-Суоуми бросалась в глаза. В противоположность своему предшественнику, по характеру довольно сдержанному, Ахтисаари оказался довольно подвижным, благодушным популистом, демократичным в общении и охотно встречающимся с населением. Ахтисаари без малейших колебаний использовал в качестве своего политического козыря то, что он не был «продуктом» каких-то там собраний выборщиков, но получил свой мандат прямо от народа. С его точки зрения, избранный народом прези-

*Имеется в виду направленный мною 10 января 1994 г. в МИД Финляндии запрос о деятельности «Патриотического народного движения» – ИКЛ и других подобных объединениях, запрещенных Мирным договором 1947 г., – *Примеч. Ю.С. Дерябина.*

дент не менее значим, чем избранный народом парламент. Он без особого удовольствия наблюдал за тем, как парламент намеревается лишить президента его традиционных прерогатив, пусть его предшественник в некотором отношении даже был готов к этому.

Ахтисаари хорошо знал, что и Койвисто не одобрял вмешательства в неоспоримое право президента определять отношения с иностранными государствами. Ахтисаари поддержал «полупрезидентскую» систему Франции, согласно которой в совещаниях ЕС на высшем уровне принимают участие оба – в первую очередь президент, но и премьер-министр тоже. Во время президентства Тарьи Халонен эта практика, несмотря на новые изменения конституции, продолжается.

Существенные изменения в конституции, одобренные новым парламентом в 1999 г., были неизбежными. Реформа, стремящаяся к ограничению прерогатив президента, укрепляет положение премьер-министра и продолжает развитие, которое стало очевидным после того, как Финляндия присоединилась к Евросоюзу.

Первые инициативы Ахтисаари, например, усиление мер по борьбе с безработицей, которые основывались на его предвыборных обещаниях, указывают также на его популистскую склонность к прямому соперничеству с правительством. Однако же народ еще со шведских королевских времен испытывал потребность апеллировать к высшим исполнительным инстанциям. В свое время Кекконен поддерживал такую практику, устанавливая прямые связи с народом без участия правительства. И Койвисто такого рода контакты не были чуждыми.

Судя по опросам общественного мнения, народ на первых порах был весьма доволен избранием нового президента. Еще проведенный два года спустя опрос показал, что более половины населения удовлетворены его деятельностью. Однако в последующие два года народная популярность президента драматически снизилась – вряд ли из-за его внешности и болей в коленях, но скорее из-за разочарования его способностью решить проблемы безработицы. Одновременно опросы общественного мнения рекламировали старую соперницу Ахтисаари Элизабет Рэн за ее заслуги в выполнении важных задач ООН в Боснии как вероятного победителя на выборах президента в 2000 г.

В этих условиях Ахтисаари отказался в 1999 г. от выдвижения в качестве кандидата от СДПФ на организованных партией первичных выборах для своего переизбрания. После этого руководство

партии официально провозгласило кандидатом в президенты победившую на предварительных выборах министра иностранных дел Тарью Халонен так быстро, что на этот счет в средствах массовой информации начались спекуляции об отстранении Ахтисаари.

Блестящая деятельность Ахтисаари в мае-июне 1999 г. как посредника ЕС в улаживании косовского конфликта не изменила положения. И хотя, согласно опросам общественного мнения, его популярность в Финляндии резко возросла, он остался непоколебимым в своем решении не переизбираться на второй президентский срок. На расклад в кандидатских делах значительно повлияло и то, что считавшийся ранее фаворитом председатель НКП Саули Ниинистё не пожелал принять участие в гонке за президентское кресло. Вместо него кандидатом оказалась председатель парламента Риитта Уосукайнен, успешно фигурирующая в опросах общественного мнения, хороший оратор, но ее политическая линия была менее убедительной.

Помимо СДПФ, НКП и вновь выдвинутой ШНП Элизабет Рэн, также и «зеленые» выставили своего кандидата-женщину, Хейди Хаутала, успешно работавшую в Европейском парламенте. Для уникального «женского фронта» единственным достойным соперником-мужчиной был центрист Эско Ахо. Предвыборная борьба оказалась открытой и интенсивной, но по своей атмосфере более чистой, нежели раньше. Несмотря на широкое использование средств массовой информации, она показала, что дебаты, которые ведутся на солидной деловой основе, не оставляют шансов неполитическим знаменитостям.

Средства массовой информации, особенно телевидение, выжали все, что могли, из события и влияли на выборы при помощи организованных ими опросов общественного мнения. С пути на вершину горы в течение ноября-декабря сошли вначале Рэн, а затем и Уосукайнен. По мнению наблюдателей, это случилось потому, что они открыто высказывали свое мнение по деликатным внешнеполитическим вопросам: первая – из-за поддержки возможного вступления в НАТО, вторая – из-за надежд на возвращение Карелии.

Результаты первого тура, состоявшегося 16 января 2000 г., показали позже преобладающее превосходство Тарьи Халонен и Эско Ахо. Халонен получила 40% (или 1 224 063 голоса), на втором месте был Ахо с 34,4% (1 051 123 голоса), причем их поддержка была значительно большей, чем поддержка Ахтисаари в первом туре выборов 1994 г. Зато доля Уосукайнен оказалась значительно

меньшей, чем доля коалиционеров на предыдущих парламентских выборах весной 1999 г. Рэн пришлось довольствоваться лишь 7,9%, а Хаутала – 3,3%.

Три недели спустя во втором туре голосования Халонен и Ахо боролись за голоса избирателей проигравших кандидатов, прежде всего за голоса женщин. Разыгранная Ахо буржуазная карта оказалась недостаточно эффективной. Беспокоясь за продолжение правительственного сотрудничества, руководство Коалиционной партии избегало занимать определенную позицию. В результате Халонен получила большое количество новых голосов как сторонников-коалиционеров, так и «зеленых».

Хотя правление двух предыдущих социал-демократических президентов, длившееся 18 лет, способствовало исчезновению страха перед социализмом, самые консервативные избиратели испугались нового кандидата от СДПФ. Она опиралась на профсоюзы, ранее стояла на радикальных позициях, неверующая, жила в гражданском браке, без предрассудков защищала мультикультурное общество, права человека и положение беженцев, этнических меньшинств и даже гомосексуалистов. Халонен, однако, благоразумно старалась не выступать под знаменем феминизма и ее позиция в оказавшейся изнурительной предвыборной кампании мало чем отличалась от программы Ахо, за исключением некоторых существенных вопросов, наиболее очевидным из которых было положительное отношение к ЕС.

Избранию Тарьи Халонен способствовал высокий процент участия в голосовании (80,2%), а также желание женщин, особенно в крупных населенных центрах Южной Финляндии, отдать голоса представительнице своего пола, невзирая на партийные границы. Халонен удалось собрать на миллион голосов больше, чем СДПФ получила на предыдущих парламентских выборах, и победить Ахо, набрав большинство в 51,6%, или 100 тыс. голосов больше, чем ее соперник.

Родившаяся в 1943 г. первая женщина-президент Финляндии Тарья Каарина Халонен, происходит, в отличие от своих послевоенных предшественников, из прибрежной Южной Финляндии, но, как воспитанная в хельсинкской рабочей семье, проживавшей по другую сторону Питкясилта («Длинный мост» в Хельсинки, символизирующий раздел между старой буржуазной частью финской столицы и ее рабочими районами. – Ю.Д.), является представительницей таких же скромных социальных слоев общества, как и все они.

Будучи доверенным лицом бесчисленных общественных организаций, депутатом городского совета Хельсинки в течение почти десяти лет и депутатом парламента шести созывов, девять лет работавшая в правительстве и став женщиной-министром с наибольшим стажем, Халонен обладала более значительным общественным опытом, чем многие прежние президенты.

Под руководством даровитой, упорной в достижении цели, но способной к сотрудничеству Халонен Финляндия может активно развивать международные связи. Контакты, приобретенные ею за почти пятилетнее пребывание на посту министра иностранных дел, создали уникальную возможность для выполнения задач президента в тот момент, когда в соответствии с только что обновленной конституцией должны были быть ограничены полномочия президента и во внешнеполитической сфере.

Одновременно Халонен связана обещанием, данным в ходе предвыборной кампании, о том, что президент, несмотря на изменения конституции, должен сохранить свое положение и во внутриполитических делах и стремиться вести финское общество к равноправию как на гендерном, так и на региональном уровнях. Особенно желали изменений в положении женщин уже во время президентства Халонен: ведь в 2006 г. отметили столетний юбилей всеобщих и равных политических прав, полученных в связи с парламентской реформой.

Новая политика Халонен во время ее президентства проявилась, в частности, в практике назначений государственных служащих. Существующая во всех сферах разница в заработной плате мужчин и женщин пока остается отрицательным моментом, однако и в этой области можно предположить исправление ситуации на основе принятой правительством в 2008 г. новой программы, касающейся равноправия.

Переизбрание Халонен

Еще в середине первого президентского периода Халонен пользовалась рекордной популярностью – по сравнению с ее двумя предшественниками. Согласно опросу общественного мнения, проведенному институтом Гэллапа и опубликованному газетой «Хельсингин Саномат» 28 июня 2003 г., 96% опрошенных сочли ее деятельность «хорошей» или «очень хорошей». Ситуация открывала возможность для переизбрания действующего президента, тем более, что в буржуазных партиях так и не нашли подходящего общего кандидата.

Тем не менее, на январских выборах 2006 г. у Халонен, вновь выдвинутой кандидатом от СДПФ, было больше соперников, нежели шесть лет назад. Помимо наконец согласившегося стать кандидатом от НКП Саули Ниинестё и центриста Матти Ванханена, избирателям предлагались представители четырех более мелких партий – Хейди Хаутала («зеленые»), Хенрик Лакс (ШНП), Бьярне Каллис (христианские демократы) и Тимо Сойни («коренные финны»).

Благодаря деловым, умелым в дискуссиях кандидатам кампания превратилась в открытую и оживленную череду событий, равную которой следует искать с тех пор, когда Урхо Кекконен более чем полвека назад будучи первым кандидатом в президенты, обратился к избирателям.

Средства массовой информации взяли выборы в свои руки крепче прежнего и превратили их в развлечение, не обливая особенно никого грязью, не считая нескольких неприятных исключений. И также за пределами страны на такой ход выборов обратили внимание как на достойный подражания образец финской демократии.

Проведенный еще до выборов опрос граждан показал, что большинство по-прежнему, несмотря на ограничения в соответствии с новой конституцией, выступает за сохранение активной роли президента республики в делах общества. Дискуссии, которые велись в ходе предвыборной кампании, преимущественно касались внеш-

ней политики и безопасности. Характерным было то, что помимо тем, связанных с ЕС и глобализацией, исключительно открыто обсуждались отношения Финляндии с Россией и Соединенными Штатами.

Новый момент заключался в том, что на выборах на этот раз смело говорили об общественных ценностях. Ниинистё в начале своей кампании провокационно называл себя президентом трудящихся, желая убедить в том, что все работающие финны являются равноправными членами общества: он говорил об окончании раскола.

Однако, по мнению Центрального объединения профсоюзов Финляндии (ЦОПФ) и Левого союза, поддерживающих Халонен, сказанное Ниинистё нельзя было принимать всерьез. Ниинистё, который прилетел из Люксембурга, где он занимал руководящую должность в Европейском инвестиционном банке, заклеили как представителя исключительно правых ценностей, а его высказывания о преимуществах глобализации для Финляндии – как попытку приукрасить финский «китайский феномен».

Положение Матти Ванханена как премьер-министра подставило его под огонь критики работы действующего правительства и вынудило его одновременно проглотить часть критики, направленной на деятельность президента. Он не решился чересчур открыто комментировать настойчивую линию Халонен на ее участие в «саммитах» ЕС, хотя согласно букве конституции эта роль должна принадлежать премьер-министру.

Представители более мелких партий в свою очередь участвовали в кампании достойным образом и, судя по всему, собрали для своих партий немало плюсов, особенно Хаутала и Сойни. Оба они высказывали обоснованное мнение также по самому острому вопросу кампании о членстве Финляндии в НАТО, поддержав в этом вопросе осторожную линию Халонен. Лакс самым определенным образом высказывался за членство в НАТО, другие же, включая Ниинистё, считали это лишь одной из возможностей, к которой можно вернуться, когда в этом возникнет необходимость.

Одним из наиболее дебатировемых вопросов в предвыборной дискуссии было требуемое новой конституцией толкование роли президента как главнокомандующего оборонительными силами и лица, которое принимает решения об участии Финляндии в операциях быстрого реагирования. Неуклюжесть правительства привела лишь к разногласиям по этому вопросу с конституционной

комиссией. Вопрос был вынесен на рассмотрение парламента, но на какой-то момент остался в тематике предвыборной кампании, когда тележурналисты в своей юмористической программе получили повод проверить, способна ли главнокомандующий Тарья Халонен распознать петлички унтер-офицера.

Тарья Халонен полагала возможным, что будет переизбрана большинством более 50% уже в первом туре голосования. Однако она переоценила активность поддерживающих ее групп и, возможно, не учла того обстоятельства, что на выборах 2000 г. имелся лишь небольшой перевес поддержавших ее и стоило потерять всего несколько десятков тысяч голосов, как мечта об одном туре рухнула бы.

Одну из таких маргинальных групп составляли, прежде всего, зажиточные «госпожи с юга», которые голосовали за Халонен как за первую женщину-президента, но которые отделились от нее в 2006 г.: даже поддержавшая Халонен силами своего Левого союза Суви-Анне Сиимес буквально накануне выборов накалила обстановку, публично намекнув, что следующее правительство можно сформировать силами обеих левых партий. Следовало учитывать и другую, возможно, отказавшуюся от Халонен группу избирателей – мужчин, которым надоело растущее засилье женщин во власти. На предыдущих выборах Халонен мудро не разыгрывала «женскую карту», но на этот раз открыто признала себя феминисткой. Десятки знаменитых женщин, открыто призвали переизбрать президента на второй срок, забравовав при этом всех представителей другого пола, что лишь увеличило число избирателей, опасавшихся чрезмерного женского политического движения.

Поддержка Халонен уже в начале декабря уменьшилась настолько, что она уже не могла быть избранной без второго тура голосования. Все более смелые нападки соперников на действующего президента привели к тому, что ее рейтинг упал ниже необходимых 50%. Доля Халонен составляла 46,3%, а количество ее избирателей – 1 396 162, что все-таки превышало ее 40-процентную долю в первом туре голосования в 2000 г.

Оказавшийся на втором месте Саули Ниинистё получил 24,1% и 725 212 голосов, что позволило ему выйти во второй тур. Матти Ванханену, который вложил в первый тур голосования рекордные за всю историю президентских выборов средства, пришлось довольствоваться почти вполтину меньшим количеством голо-

сов, чем центристский кандидат в первом туре выборов 2000 г. В результате Ванханен вышел из игры.

Проиграв выборы, Ванханен публично призвал сторонников своей партии голосовать в решающем раунде за Ниинистё. Заявление, охарактеризованное как секретное соглашение буржуазных партий, заставило занервничать социал-демократов, когда рейтинги Ниинистё стали расти, а у мелких партий появилось желание последовать примеру центристов в борьбе против Халонен.

В течение следующих двух недель шел поединок между двумя финалистами, который по своему стилю и содержанию превзошел первый раунд. Кандидаты разъезжали по стране и появлялись на телеэкранах чуть ли не каждый день, давая избирателям возможность убедиться в умении выступать и соответствии высокому посту.

Конечным результатом 29 января 2006 г. стала победа Тарьи Халонен, получившей 51,8% (1 630 833 голоса). Разрыв с Саули Ниинистё (соответственно 48,2 и 1 518 333 голоса), несмотря на подачу его средствами массовой информации, был не столь значительным, как на предыдущих выборах. Результат мог бы быть еще лучше, если бы первый тур лагерь ее сторонников провел так, чтобы «феномен Ниинистё» не проявил свою динамику. В первом туре Халонен имела меньший успех потому, что процент голосования был всего 73,9. Во втором же туре активность избирателей возросла до 77,2%, оставшись на три процента меньше, чем в 2000 г.

Причину неудачи Ниинистё искали в объявленной в последний момент недостаточности сотрудничества буржуазных партий, что вынудило многих неповинующихся руководству ФЦ и чурającychся «господ» членов партии остаться дома или голосовать за Халонен. Стоит заметить, что передача Ванханеном своих голосов для поддержки Ниинистё хуже всего имела успех там, где еще с прежних времен оставалось довольно много «красных элементов» – в Восточной и Северной Финляндии. На ум приходит и то (хотя этот вопрос еще не изучен), что также неприкрыто позитивное отношение Ниинистё к НАТО оказало свое отрицательное влияние именно в этих районах.

Тем не менее «феномен Ниинистё», почти провалившийся Халонен, дал повод для размышлений тем, кто верит в продолжение нынешнего «красно-земельного» сотрудничества. Вновь избранный президент сама поняла это, пообещав, сразу же после второго тура голосования, вмешиваться в будущем более активно в дела

малоимущей части населения, что указывало на действия, которые предпринимал Ахтисаари во время своего президентства.

Глава государства, однако, ревниво оберегает свои государственные prerogatives и вопреки правительству решительно выдвигает свои предложения о назначении на различные должности – например, настояв на назначении начальником канцелярии министра внутренних дел – коалиционера своего кандидата-женщины и члена СДПФ. Это назначение Халонен сделала, несмотря на свое обещание следовать предложению правительства, если оно принято единогласно.

Привлекло внимание и то, что в апреле 2008 г. президент, отставив свое право на принятие решений, не поддержала расширение полномочий правительства в связи с подготовкой так называемого «закона о готовности», не согласившись с тем, что чрезвычайные полномочия передавались бы от президента республики правительству. Таким образом, как и с другими статьями основного закона, работа по обновлению этой конституции, как и некоторых других статей конституции, осталась незавершенной из-за оговорок президента.

Имиджу президента в глазах общественности помешало то, что из-за критического отношения к политике США в Ираке она оказалась в немилости у Вашингтона, отказавшегося принимать ее с визитом, и это произошло одновременно с тем, что некоторые министры из числа правых получили личные приглашения от США, а их критические высказывания в отношении позиции Халонен имели громкий резонанс в СМИ.

Нейтральность президента пострадала и от того, что она приглашала в Финляндию как страну, председательствующую в ЕС и ОБСЕ, высоких гостей из России, несмотря на настроения западных участников. Это особенно проявилось в связи конфликтом вокруг Грузии, когда Халонен, как утверждалось, с большим пониманием относилась к мотивировкам действий России – лучше, чем представитель ОБСЕ министр иностранных дел Александр Стубб, которого в Москве чуть ли не обвиняли в антироссийских настроениях.

Критики обратили также внимание на частые зарубежные поездки Халонен, которые она считала деловыми и соответствующими требованиям времени. Предыдущие, тоже много путешествующие президенты, начиная с Кекконена, в общем избегали дальних поездок, если только речь не шла об отдыхе, рыбалке или охоте.

Халонен не разъезжала по миру как гостья крупных фирм. Наблюдатели все же обратили внимание на то, что, например, ее поездка в Африку для участия в конференции по сотрудничеству вытекала из ее личного интереса к международным вопросам. Это открывало возможность в свое время, после завершения президентского периода, занять один из высоких постов в ООН и в специализированных организациях.

Нужно констатировать, что благодаря этому, рейтинг Халонен почти вернулся к уровню первых времен ее президентства. Если практика позволила бы ей еще раз, на третий срок выдвинуть свою кандидатуру, нынешний президент стала бы принимаемым всерьез кандидатом.

Вообще можно сказать, что развитие настроения в финском обществе и в будущем скорее будет в пользу женщины или мужчины «из народа», нежели в пользу правого кандидата в президенты из высших слоев общества. Правда, может появиться фаворит типа Ниинистё, даже из числа тех, кто не принадлежит к политической элите, а президентом может стать, согласно также новой конституции, только самый лучший.

Финляндия в Европе

Финнский народ вошел в объединенную Европу еще до того, как успел это как следует осознать. Пока существовал Советский Союз, возможности присоединиться к европейскому сообществу представлялись в Финляндии минимальными и внутренний характер интеграции и ее последствия в общем не вызвали особого интереса. То, насколько мало финны знали о ЕС, обнаружилось в ходе дискуссии, предшествовавшей принятию решения о присоединении.

Недостаток знания в обществе компенсировался тем, как этот вопрос понимали политики и чиновники, занимавшиеся подготовкой решения. Президент Койвисто показал себя убежденным сторонником вступления Финляндии в ЕС. В новостях сообщалось, что еще в ноябре 1992 г. в Брюсселе он публично заявил о готовности Финляндии признать устав Союза вплоть до Маастрихтского договора. Во время подготовки к президентским выборам было замечено, что на самом деле все основные кандидаты в принципе поддерживают членство Финляндии в ЕС.

Правительство, за исключением представителя христианских демократов, мотивации которого были неясны, высказывалось в пользу принятия такого решения. Большинство чиновников министерства иностранных дел, занимавшихся подготовкой решения, также поддерживало присоединение к ЕС. Такую же позицию заняли экономисты, кроме тех, кто представлял интересы определенных отраслей промышленности, работающих на внутреннем рынке. Полагали, что те, кто выражает интересы сельского хозяйства, также не будут против, если потенциальные потери будут в полном объеме компенсированы деньгами из Брюсселя и, как обещалось, отечественными разовыми субсидиями.

Финляндия, оставшаяся за пределами интеграционного сотрудничества, стала членом Совета Европы только в 1989 г. В том же году вместе с другими странами-членами ЕАСТ она начала переговоры о создании более широкого Европейского экономического пространства (ЕЭП). Вступление в ЕЭП в 1994 г. не создало для Финляндии политических проблем, поскольку речь не шла о над-

национальной организации, членство в ней не считали компрометирующим нейтралитет. Однако Швеция, к явному раздражению президента Койвисто, объявила о готовности присоединиться к ЕС еще до того, как это сделала Финляндия.

Мотивы, побудившие Финляндию принять решение о присоединении к ЕС, производили противоречивое впечатление, поскольку финны, казалось, искали в интеграции скорее обеспечение безопасности, но не были готовы отказаться от внешнеполитической независимости. В качестве одной из возможных оборонно-политических предпосылок рассматривалась закупка Финляндией суперсовременных и дорогостоящих американских истребителей-перехватчиков «Хорнет», что означало известное сближение с США на двусторонней основе. Хотя официально выбор поставщика обосновывался техническими и экономическими причинами, наблюдателями не осталось незамеченным то обстоятельство, что, делая этот выбор, Финляндия проигнорировала предложения как Франции, ведущей страны ЕС, так и нейтральной Швеции.

И роль НАТО предстала в глазах финнов в более положительном свете, чем в минувшие годы. Так, премьер-министр Ахо в своей речи в мае 1992 г. сделал акцент на историческом значении НАТО как гаранта безопасности Норвегии и Дании.

В то же время правительство, готовясь к вступлению в ЕС, продолжало следовать официальной линии, согласно которой Финляндия осталась бы нейтральной в отношении возможного развития «на близлежащих территориях», а также не отступила бы от политики военного неприсоединения. Давая обоснование применению этих доктрин, ссылались на пример нейтральной Ирландии: однако в Брюсселе заверили, что нейтральная Ирландия является исключением, от которого хотелось бы избавиться.

С другой стороны, уже после развала СССР, правительство начиная с 1991 г. отмечало, что решения, касающиеся обороны Финляндии, в будущем будут зависеть от конкретной ситуации на тот или иной момент. На этой основе Финляндия развивала также свои отношения с военной организацией ЕС, Западноевропейским союзом, став его наблюдателем. Подобно многим странам Восточной Европы, Финляндия также стала участником программы НАТО «Партнерство ради мира».

В отличие от большого числа проголосовавших за вступление Финляндии в ЕС финнов, убежденных в том, что соседство с Россией несет в себе политическую угрозу, противники членства в ЕС свя-

зывали его с потенциальной угрозой со стороны иностранного капитала, конкуренции с иммигрантами за рабочие места и возможным ростом культурного влияния извне, или «культурным империализмом». Националистически настроенных правых, так же, как и старых, крайне левых коммунистов, не волновали больше возможные факторы угрозы на «блилежащих территориях», а возражали они против участия в европейской интеграции «из принципа». Интересную по своему партийному составу разрозненную группу, выступающую с малопонятных позиций против членства Финляндии в ЕС, составили старые сторонники Кекконена.

На последнем этапе к группе противников примкнули сельские жители, которые были недовольны договором, положенным в основу членства Финляндии в ЕС, прежде всего решениями в отношении сельского хозяйства. Они считали, что положительное решение этого вопроса приведет к тому, что сельские районы Финляндии станут совершенно безлюдными и традиционному финнскому образу жизни придет конец. Организации – противники вступления Финляндии в ЕС обвиняли правительство в том, что оно хочет почти насильно «втянуть» страну в Союз и не дает избирателям сбалансированной информации.

Финские противники членства в ЕС при поддержке своих единомышленников в двух других северных странах настаивали также на том, что Финляндии следовало бы принять решение независимо и не проводить своего референдума после Австрии, выступившей «за», и до Норвегии, в итоге дважды отказавшейся от вступления в ЕС. То, что перевес голосов, поданных за вступление в ЕС в Финляндии и, особенно, в Швеции, был столь незначительным, что его едва хватило для принятия положительного решения, дает повод спекулировать на том, что негативный пример Норвегии мог бы повлиять на участников референдумов других стран: иная очередность референдумов могла бы дать другой результат.

Референдум, организованный в Финляндии 16 октября 1994 г. по вопросу об ее членстве в ЕС, был первым после референдума 1932 г. по сухому закону. Несмотря на «притягательность новизны», он вызвал активность только 74% имеющих право голоса. Если включить финнов, проживающих за пределами страны, – только 70%. За членство проголосовало всего 900 тыс. человек, против – чуть менее 700 тыс., так что решение было принято при соотношении 56,9% – 43,1%. «За» проголосовали главным образом городские жители, «против» – сельские. В Северной и Восточной

Финляндии, в губерниях Куопио, Похьойс-Карьяла, Кески-Суоми, Вааса, Оулу и Лапландии против высказались более половины всех голосовавших. В губернии Оулу, показавшей себя в наибольшей степени ориентированной на ФЦ, доля тех, кто проголосовал против вступления в ЕС, была больше, чем где-либо еще.

Как противовес «фронтам» ФЦ положительное отношение к членству в ЕС обнаружилось прежде всего там, где НКП и СДПФ пользовались наиболее мощной поддержкой, – в столице (почти 2/3 участников голосования), а также в других больших городах (например, даже в Оулу свыше 60%). Несмотря на это, большая часть депутатов парламента от ФЦ, как и депутатов от Левого союза, по-прежнему пользовавшегося поддержкой в северных регионах, проголосовала «за» в ноябре, когда решение о вхождении было представлено на утверждение парламента. Несмотря на дебаты, навязанные противниками вступления в ЕС с целью оттянуть принятие окончательного решения и обретшие черты настоящего фарса, после того как парламента Финляндии принял решение, осталось достаточно времени, чтобы процесс присоединения, включая утверждение его другими странами-членами, был завершен до конца года. Таким образом, Финляндия 01.01.1995 г. стала членом Европейского союза – вместе с Австрией и Швецией.

Согласие жителей Аландских островов ускорило то обстоятельство, что для этой автономной области Финляндии Брюссель предоставил право беспощинной продажи товаров на ее судах, ходящих за границу, и после того, как такая привилегия должна была быть отменена внутри ЕС в 1999 г. Подобное исключительное право предоставили, в частности, для таких автономных регионов, как принадлежащие Великобритании острова Джерси, Гернси и Мэн.

Брюссельская бюрократия так же, как и изменения в системе платежей, произошедшие в связи с расширением ЕС и прежде всего касающиеся политики в области сельского хозяйства, не говоря уже о сопротивлении, которое встретил проект Европейской конституции, заставили финнов задуматься о том, насколько мудрым было решение о присоединении к Союзу. Верная своей оппозиционной линии, Партия Центра пыталась в свое время использовать недовольство в качестве орудия на избирательной сцене, но без особого успеха, даже в вопросе об участии в Европейском экономическом и валютном союзе (ЭВС). Оппозицию поощряет пассивность финнов на выборах в Европейский парламента, что было расценено как признак малого интереса к делам ЕС.

Процент голосования на парламентских выборах в 1999 г. (31,4%) нужно считать потрясающе низким, хотя следует констатировать, что в некоторых странах – «старых» членах ЕС – таких как Великобритания и Нидерланды, процент участия был даже менее 30%. На следующих выборах в Европарламент в 2004 г. количество проголосовавших финнов превысило 40%.

Присоединившись к Шенгенскому договору об отмене пограничных формальностей, который был подписан также северными странами, не входящими в ЕС, Финляндия всячески старалась действовать как «добропорядочный» член Союза. Создание ЭВС предоставило для этого историческую возможность. Возглавляемое Пааво Липпоненом правительство, в отличие от социал-демократического правительства Швеции, стремилось попасть в число первых подписавших договор. Оно пыталось заглушить сомнения насчет того, что наш экспорт, значительная доля которого, например, приходится на деревообрабатывающую и бумажную промышленность, может оказаться в затруднительном положении и пострадает от требований ЭВС придерживаться твердого курса валют, в рамках которого не будет возможным прибегнуть к старому оружию девальвации. Одновременно правительство пыталось в ослабленной стагнацией экономической ситуации провести чрезвычайные планы по жесткой санации промышленности для того, чтобы соответствовать критериям, установленным ЭВС для своих членов.

Правительству было довольно несложно отвергнуть требования оппозиции о проведении национального референдума по ЭВС, поскольку членство в ЭВС содержалось уже в решении о присоединении к ЕС, принятом предыдущим правительством. Вопрос был передан на подтверждение парламентом, но из него сделали вопрос о вотуме доверия правительству. Сопrotивление было и среди левых членов правительства, даже в кругах самой СДПФ, однако премьер-министру удалось выдернуть коврики из-под их ног, обеспечив заранее поддержку со стороны профсоюзного движения.

Поскольку будущее правительства тогда было связано с решением о членстве в ЭВС, представители оппозиции выступили при голосовании в парламенте 17 апреля 1998 г. единым фронтом, хотя некоторые и могли бы выступить за членство. А все правительственное большинство проголосовало «за», и решение о вступлении в ЭВС соответственно набрало голоса точно 135 депутатов.

Ясно, что хотя заслуги во вступлении Финляндии и в ЕПС нельзя приписывать только одному человеку, однако все же нужно отдать должное политической прозорливости, умению и твердости премьер-министра Пааво Липпонена. Когда Липпонен продолжал возглавлять правительство еще в 1999 г. и Финляндия полгода председательствовала в Совете министров ЕС, его высоко ценили именно за надежность национальной политики Финляндии в ЭВС.

Членами Европейского парламента дважды – в 1996 и 1999 гг. избирались шестнадцать представителей Финляндии, а начиная с 2004 г. – пока четырнадцать, которые работают там в наднациональных партийных фракциях, вместо национальной группы. Система выборов подвергается критике, поскольку депутаты избираются по общегосударственным спискам, в которых фаворитами являются публичные лица, поддерживаемые на виду средствами массовой информации. Финляндия представлена также в Европейской комиссии в Брюсселе. Из руководства нашего представительства в ЕС дважды выбирался Эркки Лииканен, затем Олли Рэн, занимающийся вопросами расширения ЕС. Первым юридическим поверенным Европейского парламента в 1995 г. был избран Якоб Сёдерман, занимавший в финском парламенте аналогичную должность. После вступления Финляндии в ЭВС, в правление ЕЦП была избрана генеральный директор Банка Финляндии Сиркка Хямяляйнен, которая была первой женщиной, занявшей место в этом органе ЕС.

В офисе комиссии ЕС по вопросам пограничной безопасности, размещенном в Варшаве, работал финский полковник Илкка Лайтинен. После долгих ожиданий финнов в Финляндии разместили первый центральный административный орган ЕС – департамент по вопросам производства химикатов.

Доверенным лицом ЕС особого класса стал президент Марти Ахтисаари, который в качестве посредника внес решающий вклад в процесс становления независимости Намибии и Косова, а также, будучи уполномоченным ЕС, содействовал восстановлению мира в провинции Ачех на Суматре, Индонезия. В 2008 г. Ахтисаари стал первым финном, которому была присуждена Нобелевская премия мира.

В соответствии с новой конституцией, Финляндию вперед в ЕС должен представлять премьер-министр, а не президент республики, продолжающая стремиться к этому наравне с ним. В первом

десятилетия нового века проведение долговременной европейской политики становится все более трудным делом. Опросом общественного мнения, проведенным еще в 2006 г., было установлено, что лишь менее трети финнов положительно относятся к ЕС – в то время как количество сторонников ЕС в других странах Европы составляло половину населения. В последние годы на рост отрицательного отношения в Финляндии к ЕС оказывало влияние растущее число факторов неуверенности в дальнейшем развитии.

В 2003–2004 гг. ЕС пытался избавиться от положений соглашения, достигнутого в Ницце, о разделении власти в Союзе, согласно которому на парламентских выборах, организуемых Европейской комиссией, предоставляли преимущество странам-членам с наибольшим количеством населения. Решение не отвечало интересам Финляндии особенно потому, что оно не гарантировало наличия постоянного финского представителя в комиссии. Финляндии совместно со Швецией удалось провести в проект конституции оговорку о том, что они в дальнейшем могли бы требовать консенсуса при принятии решений в области торговли, касающихся услуг.

После того, как процесс ратификации Европейской конституции закончился неудачей в 2005 г. вначале на референдуме во Франции, а затем в Нидерландах, Финляндия, наряду со многими другими странами, перенесла решение вопроса на рассмотрение парламента. После сложных переговоров, измененный проект Европейской конституции был одобрен на саммите ЕС в Лиссабоне в 2007 г., но все пошло прахом из-за народного голосования в Ирландии в конце того же года. Парламент Финляндии одобрил проект конституции 11 июня 2008 г., за день до голосования в Ирландии.

Единственным противником Европейской конституции в Финляндии были Аландские острова, для которых бельмом на глазу стала запрещенная ЕС и разрешенная Швецией продажа нюхательного табака на судах международных рейсов.

В 2008 г. был также решен обсуждавшийся длительное время в парламенте вопрос, будет ли Финляндия без оговорок участвовать в операциях быстрого реагирования ЕС. В соответствии с решением парламента предусматривалось, что Финляндия может участвовать в указанных операциях на непостоянной основе, включая и случаи, когда на этот счет нет решения ООН. Несколько сотен финских солдат позднее приняли участие в миротворческих операциях, помимо Афганистана, в Косове и Чаде.

За последние годы внутренние проблемы ЕС еще более обострились, в том числе и потому, что количество членов Союза со времени вступления в него Финляндии увеличилось более, чем вдвое. Вера в неисчерпаемые богатства ЕС исчезает, и финны тоже начали думать, что платят Союзу больше, чем получают. Прежде всего такие настроения существуют в отношении сельского хозяйства, хотя и казалось, что после 2008 г. Финляндии на время удалось обеспечить его интересы. В Брюсселе вызвало ухмылку то обстоятельство, что Финляндия сочла возможным объявить себя производителем вина – одновременно с попыткой добиться субсидий для земледелия в приполярных регионах.

У финнов вызывают раздражение бюрократический и основанный на сухой статистике образ мышления Брюсселя и обыкновение вмешиваться в традиции отдаленной страны, о которых европейские чиновники имеют смутное представление, например, их желание регулировать в Финляндии смолокурение и охоту на волков.

Более серьезными в Финляндии считают будущие угрозы – такие, как мягкость ЕС в отношении экономической экспансии России, принятие решений в области энергетики, которые требуют от Финляндии непомерных затрат на борьбу с изменениями климата, а также расходы, связанные с мировым финансовым кризисом. Оставшиеся незавершенными многие долгосрочные направления политики Союза – такие, как производство продовольствия, основанное на использовании атомной энергии и топлива, получаемого в результате переработки вторичного сырья, часто воспринимаются и в промышленных кругах, и среди экологов как необъяснимо противоречивые.

Продолжается развернувшаяся еще в связи с последними президентскими выборами дискуссия вокруг толкования положений новой конституции, согласно которому Финляндию в ЕС должен представлять премьер-министр, а не президент республики, по-прежнему стремящаяся к этой миссии.

Финляндия становится все более интернациональной не только в результате присоединения к ЕС, но и благодаря иммиграции. Хотя она является весьма незначительной, например, в сравнении с иммиграцией в страну, соседствующую с нею на западе (всего немногим более 20 тыс. человек в год). Здесь оседают, прежде всего те, кто покинул Россию и Эстонию в поисках лучшей жизни в Финляндии, где, кроме структурной безработицы, во многих

областях испытывается и значительная нехватка рабочей силы, и это с неизбежностью будет оказывать влияние на ее до сих пор весьма гомогенную национальную структуру.

Из всего того, чем еще может обернуться для Финляндии ее вступление в Европу, одно, по-видимому, бесспорно: Финляндия более не является «краем света», каковым в свое время посчитал ее римлянин Тацит, когда писал, что «только до этих пределов простирается свет». После того как в XIX в. она была отдаленным Великим княжеством в составе Российской империи, лежавшим по большей части среди глухих лесов, куда европейцы значительно чаще приходили под знаком войны, нежели под знаком мира, Финляндия открывалась на Запад понемногу и очень медленно. И после Второй мировой войны, когда западные государства стали объединяться, финнам приходилось сначала довольствоваться ролью стороннего наблюдателя и привыкать к мысли, что Европа не для них.

Колесо фортуны мировой истории повернулось так, что вместо «финляндизации» теперь финнов ожидает европеизация как в хорошем, так и в плохом. История Финляндии, которая, по сути дела, представляет собой постоянную борьбу с обособленностью и изоляцией «края» земли, выбранного этим народом для поселения, вступает в свой новый этап.

Приложения

Императоры – Великие князья

Александр I (1777–1825)	(1801–) 1809–1825	Александр III (1845–1894)	1881–1894
Николай I (1796–1855)	1825–1855	Николай II (1868–1918)	1894–1917
Александр II (1818–1881)	1855–1881		

Генерал-губернаторы

Гёран Магнус Спренгтпортен (1740–1819)	1808–1809	Николай Владимирович Адлерберг (1819–1892)	1866–1881
Михаил Барклай-де-Толли (1761–1818)	1809–1810	Федор Логгинович Гейден (1821–1900)	1881–1897
Фабиан Штейнхель (1762–1831)	1810–1823	Степан Осипович Гончаров, и.о. (1831–1912)	1897–1898
Густав Мориц Армфельт, и.о. (1757–1814)	1812–1813	Николай Иванович Бобриков (1839–1904)	1898–1904
Фабиан Штейнхель, и.о. (1762–1831)	1823–1824	Иван Михайлович Оболенский (1856–1910)	1904–1905
Арсений Андреевич Закревский (1786–1865)	1824–1831	Николай Иванович Герард (1838–1929)	1905–1908
Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869)	1831–1855	Владимир Александрович Бёкман (1848–1923)	1908–1909
Александр Аматус Теслев, и.о. (1778–1847)	1832–1846	Франц Альберт Зейн (1862– предполож. 1918)	1909–1917
Платон Иванович Рокасовский, и.о. (1800–1869)	1848, 1850–1854, 1854–1855	Адам Иосифович Липский, (1860– не установлена)	1917
Фредрик Вильгельм Ремберт фон Берг (1794–1874)	1855–1861	Михаил Александрович Стахович (1861–1923)	1917
Рокасовский (см. выше)	1861–1866	Николай Виссарионович Некрасов, временный генерал-губернатор (1879–1918)	1917
Иоган Мориц Норденстам, и.о. (1802–1882)	1861, 1864, 1868, 1870, 1872–1873		

Министр – Статс-секретарь

Михаил Михайлович Сперанский (1771–1839)	1809–1811
---	-----------

Госсекретари / Министры-госсекретари

(до 1834 г. статс-секретари)

Роберт Хенрик Ребиндер (1777–1841)	1811–1841	Карл Эмиль Кнут Шернваль-Валлен (1806–1890)	1876–1881
Александр Армфельт, и.о. (1794–1876)	1841–1842	Теодор Бруун (1833–1888)	1881–1888
Армфельт (см. выше)	1842–1876	Иоган Казимир Эрнрут (1833–1913)	1888–1891

Вольдемар Карл фон Ден (1838–1900)	1891–1898	Карл Фредрик Август Лангхофф (1856–1929)	1906–1913
Виктор Наполеон Прокопе, и.о. (1839–1906)	1898–1899	Владимир Марков (1859–1919)	1913–1917
Вячеслав Константинович фон Плеве (1846–1904)	1899–1900;	Федор Измаилович Родичев, комиссар финляндских дел (1856 – не установлена)	1917
фон Плеве (см. выше)	1900–1904	Карл Иоган Алексис Энкель (министр статс-секретарь) (1876–1959)	1917–1918
Эдвард Эрстрём (1862 – не установлена)	1904–1905		
Константин Линдер (1836–1908)	1905		

Вице-председатели Императорского финляндского сената

(до 1816 г. правительствующий совет, до 1822 г. вице-председателем избирался старейший член хозяйственного департамента)

Роберт Вильгельм де Геер, старейший член департамента (1750–1820)	1809–1820	Самуэль Вёрнер фон Тройль (1833–1900)	1885–1891
Карл Эрик Маннергейм, старейший член департамента/вице-председатель (1759–1837)	1820–1826	Стен Карл Тудеер (1840–1905)	1891–1900
Самуэль Фредрик фон Борн, и.о. (1782–1850)	1826–1828	Константин Линдер (1836–1908)	1900–1905
Андерс Хенрик Фальк (1772–1851)	1828–1833	Эмиль Стренг (1838–1911)	1905
Густав Эрне, и.о. (1768–1845)	1833–1834	Леопольд Хенрик Станислаус Мехелин (1839–1914)	1905–1908
Эрне (см. выше)	1834–1841	Эдвард Иммануэль Ельт (1855–1921)	1908–1909
Ларе Габриэль фон Гартман (1789–1859)	1841–1858	Август Йоханнес Ельт, и.о. (1862–1919)	1909
Иоган Мориц Норденстам (1802–1882)	1858–1882	Владимир Марков (1859–1919)	1909–1913
Эдвард Густав аф Форселес (1817–1891)	1882–1855	Михаил Боровитинов (1874– не установлена)	1913–1917

Президенты Финляндской Республики

Каарло Юхо Столберг	(1865–1952)	1919–1925
Лаури Кристиан Реландер	(1883–1942)	1925–1931
Пер Эвинд Свинхувуд	(1861–1944)	1931–1937
Кюёсти Каллио	(1873–1940)	1937–1940
Ристо Хейкки Рюти	(1889–1956)	1940–1944
Карл Густав Эмиль Маннергейм	(1867–1951)	1944–1946
Юхо Кусти Паасикиви	(1870–1956)	1946–1956
Урхо Калева Кекконен	(1900–1986)	1956–1981
Мауно Хенрик Койвисто	(1923–)	1982–1994
Марtti Ойва Калеви Ахтисаари	(1937–)	1994–2000
Тарья Халонен	(1943–)	2000–

Правительства Финляндии с 1917 г.
(до 1919 г. сенат)

Оскар Токой (СДПФ)	26.03.1917–	6 СДПФ, 2 МП, 2 ФП, 1 АС, 1 ШНП
П.Э. Свинхувуд (МП)	27.11.1917–	6 МП, 2 ФП, 2 АС, 1 ШНП
Ю.К. Паасикиви I (ФП)	27.05.1918–	5 ФП, 5 МП, 2 АС, 1 ШНП, 1 м-с
Лаури Ингман (НКП)	27.11.1918–	6 НПП, 3 НКП, 2 ШНП, 2 м-с
Каарло Кастрён (НПП)	17.04.1919–	6 НПП, 4 АС, 3 ШНП, 2 м-с
Ю.Х. Веннола I (НПП)	15.08.1919–	9 НПП, 4 АС, 1 м-с
Рафаэл Эрих (НКП)	15.03.1920–	5 НПП, 3 АС, 2 ШНП, 2 НКП, 1 м-с
Ю.Х. Веннола II (НПП)	09.04.1921–	8 НПП, 4 АС
А.К. Каяндер (м-с)	02.06.1922–	11 м-с
Кюёсти Каллио I (АС)	14.11.1922–	6 АС, 4 НПП, 2 м-с
А.К. Каяндер II (м-с)	18.01.1924–	11 м-с
Лаури Ингман I (НКП)	31.05.1924–	3 НКП, 4 АС, 2 ШНП, 2 НПП, 1 м-с
Ингман	22.11.1924–	5 НКП, 3 ШНП, 3 НПП, 1 м-с
Антти Туленхеймо (НКП)	31.03.1925–	5 НКП, 4 АС, 4 м-с
Кюёсти Каллио II (АС)	31.12.1925–	6 АС, 6 НКП
Вяйнё Таннер (СДПФ)	13.12.1926–	13 СДПФ
Ю.Э. Сунила I (АС)	17.12.1927–	10 АС, 3 м-с
Оскар Мантере (НПП)	22.12.1928–	6 НПП, 3 НКП, 3 м-с
Кюёсти Каллио III (АС)	16.08.1929–	11 АС, 1 НПП, 1 м-с
П.Э. Свинхувуд (НКП)	04.07.1930–	4 АС, 3 НКП, 2 ШНП, 1 НПП, 3 м-с
Ю.Э. Сунила II (АС)	21.03.1931–	6 АС, 4 НКП, 2 ШНП, 1 НПП
Т.М. Кивимяки (НПП)	15.12.1932–	4 НПП, 4 НКП/м-с, 2 ШНП, 2 АС/м-с, 1 м-с
Кюёсти Каллио IV (АС)	07.10.1936–	10 АС, 2 НПП, 2 НКП/м-с
А.К. Каяндер III (НПП)	12.03.1937–	6 СДПФ, 6 АС, 2 НПП
Ристо Рюти I (НПП)	01.12.1939–	4 СДПФ, 4 АС, 2 НКП, 2 ШНП, 1 НПП, 1 м-с
Ристо Рюти II (НПП)	27.03.1940–	4 СДПФ, 3 АС, 2 НКП, 1 ШНП, 1 НПП, 1 м-с
Й.В. Рангель (НПП)	03.01.1941–	4 СДПФ, 4 АС, 2 НКП, 1 ШНП, 1 НПП, 1 ПНД, 2 м-с
Эдвин Линкомиес (НКП)	05.03.1943–	5 СДПФ, 4 АС, 2 НКП, 2 ШНП, 1 НПП, 2 м-с
Антти Хакцель (НКП)	08.08.1944–	5 СДПФ, 4 АС, 2 НКП, 1 ШНП, 1 НПП, 2 м-с
Урхо Кастрён (м-с)	21.09.1944–	6 СДПФ, 4 АС, 1 НКП, 1 ШНП, 1 НПП, 3 м-с

Ю.К. Паасикиви II (м-с)	17.11.1944–	7 СДПФ, 4 АС, 1 ДСНФ, 1 НПП, 1 ШНП, 4 м-с
Ю.К. Паасикиви III (м-с)	17.04.1945–	5 ДСНФ, 4 СДПФ, 4 АС, 1 НПП, 1 ШНП, 2 м-с
Мауно Пеккала (ДСНФ)	26.03.1946–	6 ДСНФ, 5 АС, 5 СДПФ, 1 ШНП, 1 м-с
К.-А. Фагерхольм I (СДПФ)	29.07.1948–	15 СДПФ, 1 м-с
Урхо Кекконен I (АС)	17.03.1950–	10 АС, 2 ШНП, 2 НПП, 1 м-с
Урхо Кекконен II (АС)	17.01.1951–	7 АС, 7 СДПФ, 2 ШНП, 1 НПП
Урхо Кекконен III (АС)	20.09.1951–	7 АС, 7 СДПФ, 2 ШНП, 1 м-с
Урхо Кекконен IV (АС)	09.07.1953–	8 АС, 3 ШНП, 3 м-с
Сакари Туомия (м-с)	17.11.1953–	4 НКП, 3 ШНП, 3 НПФ, 6 м-с
Ральф Тёрнгрен (ШНП)	05.05.1954–	6 АС, 6 СДПФ, 1 ШНП, 1 м-с
Урхо Кекконен V (АС)	20.10.1954–	7 СДПФ, 6 АС, 1 м-с
К.-А. Фагерхольм II (СДПФ)	03.03.1956–	6 СДПФ, 6 АС, 1 НПФ, 1 ШНП, 1 м-с
В.Й. Сукселяйнен I (АС)	27.05.1957–	6 АС, 3 ШНП, 3 НПФ, 1 м-с
Сукселяйнен	27.07.1957–	9 АС, 4 НПФ, 1 м-с
Сукселяйнен	02.09.1957–	6 АС, 5 с-д/опп, 2 НПФ, 2 м-с
Райнер фон Фиандт (м-с)	29.11.1957–	13 м-с
Рейно Куускоски (м-с)	26.04.1958–	9 м-с, 4 с-д/опп, 1 НПФ
К.-А. Фагерхольм III (СДПФ)	29.08.1958–	5 СДПФ, 5 АС, 3 НКП, 1 НПФ, 1 ШНП
В.Й. Сукселяйнен II (АС)	13.01.1959–	13 АС, 1 ШНП, 1 м-с
Мартти Миеттунен I (АС)	14.07.1961–	14 АС, 1 м-с
Ахти Карьялайнен I (АС)	13.04.1962–	5 АС, 3 с-д/опп, 3 НКП, 2 НПФ, 2 ШНП
Карьялайнен	18.10.1963–	7 АС, 2 НКП, 2 ШНП, 2 НПФ, 1 м-с
Рейно Лехто (м-с)	18.12.1963–	15 м-с
Йоханнес Виролайнен (ПЦ)	12.09.1964–	7 АС, 3 НКП, 2 НПФ, 2 ШНП, 1 м-с
Рафаэл Паасио I (СДПФ)	27.05.1966–	6 СДПФ, 5 ПЦ, 3 ДСНФ, 1 СдСРиМЗ
Мауно Койвисто I (СДПФ)	22.03.1968–	6 СДПФ, 5 ПЦ, 3 ДСНФ, 1 СдСРиМЗ
Теуво Аура I (м-с)	14.05.1970–	15 м-с
Ахти Карьялайнен II (ПЦ)	14.07.1970–	5 СДПФ, 4 ПЦ, 3 ДСНФ, 2 ЛН, 2 ШНП
Карьялайнен (II “б”)	26.03.1971–	8 СДПФ, 4 ПЦ, 2 ЛНП, 2 ШНП
Теуво Аура II (м-с)	29.10.1971–	15 м-с
Рафаэл Паасио II (СДПФ)	23.02.1972–	17 СДПФ
Калеви Сорса I (СДПФ)	04.09.1972–	7 СДПФ, 5 ПЦ, 2 ШНП, 1 ДНП, 1 м-с
Кейо Лиinamaа (м-с)	13.06.1975–	17 м-с
Мартти Миеттунен II (ПЦ)	30.11.1975–	5 СДПФ, 4 ПЦ, 4 ДСНФ, 2 ШНП, 1 ЛНП, 2 м-с
Мартти Миеттунен III (ПЦ)	29.09.1976–	9 ПЦ, 3 ШНП, 3 ЛНП, 1 м-с

Калеви Сорса II (СДПФ)	15.05.1977–	4 СДПФ, 5 ПЦ, 3 ДСНФ, 1 ЛНП, 1 ШНП, 1 м-с
Мауно Койвисто II (СДПФ)	26.05.1979–	5 СДПФ, 6 ПЦ, 2 ШНП, 3 ДСНФ, 1 м-с
Калеви Сорса III (СДПФ)	19.02.1982–	5 СДПФ, 6 ПЦ, 2 ШНП, 3 ДСНФ, 1 м-с
Калеви Сорса IV (СДПФ)	06.05.1983–	8 СДПФ, 7 ПЦ, 2 ШНП, 2 СПФ, 1 м-с
Харри Холкери (НКП)	30.04.1987–	7 НКП, 5 СДПФ, 2 ШНП, 1 СПФ
Эско Ахо (ПЦ)	26.04.1991–	8 ПЦ, 6 НКП, 2 ШНП, 1 ХСФ
Пааво Липпонен I (СДПФ)	13.04.1995–	7 СДПФ, 5 НКП, 2 ШНП, 2 ЛС, 1 ЗС, 1 м-с
Пааво Липпонен II (СДПФ)	15.04.1999–	5 СДПФ, 6 НКП, 2 ШНП, 2 ЛС, 1 ЗС, 1 м-с
Аннели Яяттуунмяки (ПЦ)	17.04.2003–	8 ПЦ, 8 СДПФ, 2 ШНП
Матти Ванханен (ПЦ)	26.06.2003–	8 ПЦ, 8 СДПФ, 2 ШНП
Матти Ванханен (ПЦ)	19.04.2006–	8 ПЦ, 8 НКП, 2 ШНП, 2 ЗС

Состав парламента

	ШНП	ФП	МП	АС	СДПФ	ХРС					
1907	24	59	26	9	80	2					
1908	25	54	27	9	83	2					
1909	25	48	29	13	84	1					
1910	26	42	28	17	86	1					
1911	26	43	28	16	86	1					
1913	25	38	29	18	90	—					
1916	21	33	23	19	103	1					
1917	21	32	24	26	92	—	НП				
		НКП	НПП				5				
1919	22	28	26	42	80	2	ПМЗ				
							СРПФ				
1922	25	35	15	45	53	27	—				
1924	23	38	17	44	60	18	—				
1927	24	34	10	52	60	20	—				
1929	23	28	7	60	59	23	ПМЗ				
1930	21	42	11	59	66	—	1				
						—	ПНД				
1933	21	18	11	53	78	—	14				
1936	21	20	7	53	83	—	14				
1939	18	25	6	56	85	—	8				
							ДСНФ				
1945	15	28	9	49	50	49					
1948	14	33	5	56	54	38					
			НПФ								
1951	15	28	10	51	53	43					
1954	13	24	13	53	54	43					
							СдСРиМЗ				
1958	14	29	8	48	48	50	3				
1962	14	32	4	53	38	47	2				
			ЛНП	ПЦ			СПФ				
1966	12	26	9	49	55	41	7	1			
1970	12	37	8	36	52	36	1	18			
1972	10	34	7	35	55	37	4	18			
								КНП	ПЕНФ		
1975	10	35	9	39	54	40	9	2	1	1	
1979	10	47	4	36	52	35	9	7	—	—	
									ЗС		
1983	11	44	—	38	57	27	3	17	1	2	
1987	13	53	—	40	56	16	5	9	—	4	
					ЛС					ДА	
1991	12	40	1	55	48	19	8	7	—	10	
									Мл.		
1995	12	39	—	44	63	22	7	1	2	9	
								ПЛФ		Эко	
1999	12	46	—	48	51	20	10	1	—	11	
2003	9	40	—	55	53	19	7	3	—	14	
2007	10	50	—	51	45	17	7	5	—	15	
										РГ	
										—	

Сокращения, использованные в приложениях

АС	Аграрный союз
ДА	Демократическая альтернатива
ДСНФ	Демократический союз народа Финляндии
ЗС	«Зеленый союз»
КНП	Конституционная народная партия, Конституционная правая партия
ЛНП	Либеральная народная партия
ЛС	«Левый союз»
Мл	Младофинны (1995–)
м-с	министр-специалист
МП	Младофинская партия
НКП	Национальная коалиционная партия
НП	Народная партия
НПП	Национальная прогрессивная партия
НПФ	Народная партия Финляндии
ПЕНФ	Партия единства народа Финляндии
ПКФ	Партия коренных финнов
ПМЗ	партии мелких земледельцев (многочисленные)
ПНД	Патриотическое народное движение
ПЦ	Партия центра
РГ	Реформаторская группа
с-д/опп	социал-демократическая оппозиция
СДПФ	Социал-демократическая партия Финляндии
СдСРиМЗ	Социал-демократический союз рабочих и мелких земледельцев
СПФ	Сельская партия Финляндии
СРПФ	Социалистическая рабочая партия Финляндии
ФП	Финская партия
ФЦ	Финляндский центр
ХРС	Христианский рабочий союз
ХСФ	Христианский союз Финляндии
ШНП	Шведская народная партия
Эко	Экологическая партия

Географические названия, измененные в 1948 г.*

Антреа	Каменногорск
Валкъярви	Мичуринское
Ваммелсуу	Черная речка
Вуоксенранта	Озерское
Вуосалми	Шлюз
Йоханнес	Советский
Ихантала	Бородинское
Кексгольм	Приозерск
Кивеннаппа	Первомайское
Койвисто	Приморск
Куоккала	Репино
Куолемаярви	Рябово
Купарсаари	местность в течении р. Вуоксы примерно в 18 км к юго-востоку от Каменногорска
Куутерселкя	Лебяжье
Кююрёля	Красносельское
Кякисалми	(шв. Кексгольм) Приозерск
Метсепиртти	Запорожское
Муолаа	Правдино
Рукаярви	Ругозеро
Рауту	Сосново
Ряйсиля	Мельниково
Саккола	Новинка
Суванто	о. Суходольское
Тайпале	Речное
Тайпаленийоки	р. Быстрая
Тали	Пальцево
Терийоки	Зеленогорск
Сумма	Солдатское
Хейнийоки	Вещево
Уускиркко	Поляны

* Перечень составлен переводчиком специально для первого русского издания.

Избранная библиография*

- Ahti, Martti:** Salaliiton ääriviivat. Oikeistoradikalismi ja hyökkäävä idänpolitiikka 1918–1919. Espoo 1987.
- Ahti, Martti:** Kaappaus? Suojeluskuntaselkkaus 1921, Fasismin aave 1927, Mäntsälän kapina 1932. Keuruu 1990.
- Ahti, Martti:** Ryssän vihassa. Elmo E. Kaila 1888–1935. Porvoo 1998.
- Ahto, Sampo:** Aseveljet vastakkain. Porvoo 1980.
- Ahto, Sampo:** Talvisodan henki. Mielialoja Suomessa talvella 1939–1940. Juva 1990.
- Alanen, Aulis:** Hannes Gebhard. Helsinki 1964.
- Alanen, Aulis:** Suomen historia vapaudenajalla. Suomen historia IX. Porvoo 1963.
- Alapuro, Risto:** Akateeminen Karjala-Seura. Ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla. Porvoo 1973.
- Alapuro, Risto:** State and Revolution in Finland. Berkeley–Los Angeles 1988.
- Alapuro, Risto:** Suomen synty paikallisena ilmiönä 1890–1933. Porvoo 1994.
- Alapuro, Risto:** Suomen älymystö Venäjän varjossa. Hämeenlinna 1997.
- Allison, Roy:** Finland's Relations with the Soviet Union 1944–84. Chippenham 1985.
- Bergholm, Tapio:** Sopimussyhteiskunnan synty 1–2. Työehtosopimusten läpimurrosta yleislakkoon. SAK 1944–1956 ja Hajaannuksesta tulopolitiikkaan. SAK 1956–1969. Helsinki 2005 ja 2007.
- Berry, Michael R:** American Foreign Policy and the Finnish Exception: Ideological Preferences and Wartime Realities, 1941–1945. Helsinki 1987.
- Beyer-Thoma, Hermann:** Vasemmisto ja vaaran vuodet. Jyväskylä 1990.
- Blomstedt, Yrjö:** Johan Albert Ehrenström. Kustavilainen ja kaupunginrakentaja. Helsinki 1963.
- Blomstedt, Yrjö:** K. J. Ståhlberg. Valtiomieselämäkerta. Keuruu 1969.
- Bonsdorff, Göran von:** Svenska folkpartiet. Bakgrund, tillblivelse och utveckling till 1917. Helsingfors 1956.
- Borg, Olavi:** Suomen puolueet ja puolueohjelmat 1880–1964. Porvoo 1964.
- Bäckman, Johan** (toim.): Entäs kun tulee se yhdestoista? Suomettumisen uusi historia. Helsinki 2001.
- Castrén, Liisa:** Adolf Iwar Arwidsson isänmaallisena herättäjänä. Helsinki 1951.
- Castrén, Robert:** Finska deputationen 1808–1809. Helsingfors 1879.
- Danielson, J. R:** Suomen yhdistäminen Venäjän valtakuntaan. Porvoo 1890.
- Danielson, J. R:** Suomen sisällinen itsenäisyys. Porvoo 1891.

*В избранную библиографию не включены публикации мемуарного характера и статьи.

- Danielson, J. R:** Viipurin läänin palauttaminen muun Suomen yhteyteen. Porvoo 1911.
- Ehrnrooth, Jari:** Sanan vallassa, vihan voimalla. Sosialistiset vallankumousopit ja niiden vaikutus Suomen työväenliikkeessä 1905–1914. Helsinki 1992.
- Ekberg, Henrik:** Führerns trogna följeslagare. Den finländska nazismen 1932–1944. Ekenäs 1991.
- Engman, Max:** Raja. Karjalankannas 1918–1920. Helsinki 2007.
- Engman, Max:** St. Petersburg och Finland. Migration och influens 1703–1917. Helsingfors 1983.
- Eskola, Anton:** Suomen sodat ja rauhat. Helsinki 2003. Finnish–Soviet Relations 1944–1948. Ed. by Jukka Nevakivi. Helsinki 1994.
- Frolov, Dmitri:** Sotavankina Neuvostoliitossa. Suomalaiset NKVD:n leireissä talvi- ja jatkosodan aikana. Helsinki 2004.
- Gluschkoff, Jaana:** Murtuva säätyvalta, kestävä eliitti. Senaattori Lennart Gripenbergin sukupiiri ja sääty-yhteiskunnan muodonmuutos. Helsinki 2008.
- Haapala, Pertti:** Kun yhteiskunta hajosi. Suomi 1914–1920. Helsinki 1995.
- Haataja, Lauri:** Demokratian opissa. SKP, vaaran vuodet ja Neuvostoliitto. Helsinki 1988.
- Haataja, Lauri:** Presidenttikirja. Helsinki 2001.
- Haataja, Lauri** (toim.): Suomi 85. Itsenäisyyden puolustajat, osat 1–4. Espoo 2002–2003.
- Haavikko, Paavo:** Tarja Halosen tarina. Helsinki 2001.
- Hakovirta, Harto – Koskiahio, Tapio:** Suomen hallitukset ja hallitusohjelmat 1945–1973. Helsinki 1973.
- Hallintohistoriallisia tutkimuksia, 1–16.** Hallintohistoriakomitea. Helsinki 1989–95.
- Hamnström, E:** Freden i Fredrikshamn. Uppsala 1902.
- Hanhimäki, Jussi:** Rinnakkaineloa patoamassa. Yhdysvallat ja Paasikiven linja 1948–1956. Helsinki 1996.
- Heikkilä, Jouko:** Kansallista luokkapoliittikkaa. Sosiaalidemokraatit ja Suomen autonomian puolustus 1905–1917. Helsinki 1993.
- Hentilä, Seppo:** Suomen työläisurheilun historia I–III. Työväen Urheiluliitto 1919–1979. Hämeenlinna 1982–87.
- Hentilä, Seppo:** Kaksi Saksaa ja Suomi. Saksan-kysymys Suomen puolueettomuuspolitiikan haasteena. Helsinki 2003.
- Hentilä, Seppo:** Harppi-Saksan haarukassa. DDR:n poliittinen vaikutus Suomessa. Helsinki 2004.
- Herää Suomi.** Suomalaisuusliikkeen historia. Päätoim. Päiviö Tommila. Jyväskylä 1989.
- Hietala, Marjatta** (toim.): Tutkijat ja sota. Suomalaisen tutkijoiden kontakteja ja kohtaloita toisen maailmansodan aikana. Helsinki 2006.
- Hietanen, Silvo:** Siirtoväen pika-asutuslaki 1940. Asutuspoliittinen tausta ja sisältö sekä toimeenpano. Helsinki 1982.
- Hietaniemi, Tuija:** Lain vartiossa. Poliisi Suomen politiikassa 1917–1948. Vammala 1992.

- Hirn, Hans:** Alexander Armfelt I–II. Helsingfors 1938–1948.
- Hissa, Jaakko:** Ministeristöt ja hallituspolitiikka 1957–1966. Valtioneuvoston historia 1917–1966, II. Helsinki 1977.
- Hjelt, Edvard:** Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia I. Helsinki 1920.
- Hjerppe, Riitta:** Suomen talous 1860–1985: kasvu ja rakennemuutos. Helsinki 1988.
- Hokkanen, Kari:** Kekkosen maalaisliitto 1950–1962. Maalaisliitto-Keskustan historia 4. Helsinki 2002.
- Huuska, Väinö:** Etujärjestöjen painostuspolitiikka Suomessa. Tampere 1968.
- Huxley, Steven:** Constitutionalist Insurgency in Finland. Helsinki 1990.
- Hyvämäki, Lauri:** Vaaran vuodet 1944–1948. Helsinki 1954.
- Hyvämäki, Lauri:** Sinistä ja mustaa. Tutkielmia suomalaisesta oikeistoradikalismista. Helsinki 1971.
- Hyvämäki, Lauri:** Valtioneuvosto 2. maailmansodan jälkeen vuoteen 1957. Valtioneuvoston historia 1917–1966, II. Helsinki 1977.
- Hyytiä, Osmo:** Puolueettomuuden ja rauhan linja – SDP:n suhtautuminen Suomen ulkopolitiikkaan ja turvallisuuskysymyksiin, toukokuu 1918 – toukokuu 1922. Helsinki 1986.
- Häikiö, Martti:** Maaliskuusta maaliskuuhun. Suomi Englannin politiikassa 1939–1940. Porvoo 1976.
- Häikiö, Martti:** Presidentin valinta. 1993.
- Häikiö, Martti:** Nokia Oyj:n historia 1–3. Helsinki 2001.
- Hämäläinen, Pekka Kalevi:** Kielitaistelu Suomessa 1917–1939. Porvoo 1968.
- Hämäläinen, Unto:** Lännetymisen lyhyt historia. Juva 1998.
- Immonen, Kari:** Ryssästä saa puhua... Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Keuruu 1987.
- Isänmaan puolesta – Suojelupoliisi 50 vuotta.** Toim. Matti Simola ja Juulia Sirvio. Jyväskylä 1999.
- Itsenäistymisen vuodet 1917–1920 I–III.** Toim. Ohto Manninen. Helsinki 1992–93.
- Jakobson, Max:** Diplomaattinen talvisota. Helsinki 1954.
- Jakobson, Max:** Finland in the New Europe. Washington 1998.
- Jakobson, Max:** 20. vuosisadan tilinpäätös 1–3. Keuruu 1999, 2001, 2003.
- Jansson, Jan-Magnus:** Hajaannuksesta yhteistoimintaan: suomalaisen parlamentarismien vaiheita. Helsinki 1993.
- Jatkosodan pikkujättiläinen.** Toim. Jari Leskinen ja Antti Juutilainen. Helsinki 2005.
- Jokipii, Mauno:** Jatkosodan synty. Keuruu 1987.
- Jokisipilä, Markku:** Aseveljiä vai liittolaisia? Suomi, Saksan liittosopimusvaatimukset ja Rytin-Ribbentropin sopimus. Helsinki 2004.
- Jussila, Osmo:** Suomen historian suuret myytit. Helsinki 2007.
- Jussila, Osmo:** Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808–1863. Helsinki 1969.
- Jussila, Osmo:** Nationalismi ja vallankumous venäläis-suomalaisissa suhteissa 1899–1914. Helsinki 1979.
- Jussila, Osmo:** Terijoen hallitus 1939–1940. Juva 1985.

Jussila, Osmo: Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Helsinki 1987.

Jussila, Osmo: Suomen tie 1944–1948 – Miksi siitä ei tullut kansandemokratiaa. Juva 1990.

Jussila, Osmo: Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. Helsinki 2004.

Jutikkala Eino: Valtion tiedotuslaitoksen salainen sotakronikka. Keuruu 1997.

Jyräski, Antero: Presidentti. Vammala 1978.

Jägerskiöld, Stig: Mannerheim 1867–1951. Keuruu 1983.

Jääskeläinen, Mauno: Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttaminen Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Porvoo 1961.

Jääskeläinen, Mauno: Itsenäisyyden ajan eduskunta 1919–1938. Suomen kansanedustuslaitoksen historia VII. Helsinki 1973.

Jääskeläinen, Mauno: Ministeristöjen historia 1917–1939. Valtioneuvoston historia 1917–1966, I. Helsinki 1977.

Jääskeläinen, Mauno: Sodanjälkeinen eduskunta 1945–1963. Suomen kansanedustuslaitoksen historia VIII. Helsinki 1980.

Kalela, Jorma: Grannar på skilda vägar. Det finländsk-svenska samarbetet i den finländska och svenska utrikespolitiken 1921–1923. Borgå 1971.

Kalleinen, Kristiina: Suomen kenraalikuvernementti. Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä 1823–1961. Helsinki 1994.

Kalleinen, Kristiina: ”Isänmaani onni on kuulua Venäjälle”. Vapaaherra Lars Gabriel von Haartmannin elämä. Helsinki 2001.

Kallenautio, Jorma: Suomi katsoi eteensä. Itsenäisen Suomen ulkopoliittikka 1917–1955. Helsinki 1985.

Kallenautio, Jorma: Suomi kylmän rauhan maailmassa. Helsinki 2005.

Kansa liikkeessä. Toim. Risto Alapuro ym. Helsinki 1987.

Kansakunta sodassa 1–3. Päätoim. Silvo Hietanen. Helsinki 1989–92.

Kappeler, Andreas: Russland als Vielvölkerreich. Entstehung, Gesichte, Zerfall. München 1993.

Katajisto, Kati: Isänmaamme keisari. Eliitin kansallisen identiteetin murros ja suomalaisen isänmaan rakentuminen autonomian ajan alussa. Helsinki 2008.

Kekkonen, Urho: Tamminiemi. Espoo 1980.

Ketola, Eino: Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki 1987.

Kettunen, Pauli: Poliittinen liike ja sosiaalinen kollektiivisuus. Tutkimus sosiaalidemokratiasta ja ammattiyhdistysliikkeestä Suomessa 1918–1930. Jyväskylä 1986.

Kirby, David: Finland in the twentieth century. London 1979.

Klinge, Matti: Ylioppilaskunnan historia II–IV. Porvoo 1967–68.

Klinge, Matti: Vihan veljistä valtiotalismiin. Yhteiskunnallisia ja kansallisia näkemyksiä 1910- ja 1920-luvuilla. Porvoo 1972.

Klinge, Matti: Bernadotten ja Leninin välissä. Tutkielmia kansallisista aiheista. Helsinki 1975.

Klinge, Matti: Suomen sinivalikoiset värit. Keuruu 1981.

Klinge, Matti: Senaatintorin sanoma. Keuruu 1986.

Klinge, Matti: Keisarin Suomi. Helsinki 1996.

- Klinge, Matti – Knapas, Rainer – Leikola, Anto – Strömberg, John:** Keisarillinen Kuninkaallinen Turun akatemia 1640–1808. Keuruu 1987.
- Klinge, Matti – Knapas, Rainer – Leikola, Anto – Strömberg, John:** Aleksanterin Yliopisto 1808–1917. Keuruu 1989.
- Koivisto Jukka:** Etulinjasta Etelärantaan. Päiviö Hetemäen poliittinen toiminta vuoteen 1962. Helsinki 2005.
- Korhonen, Arvi:** Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Porvoo 1961.
- Korhonen, Keijo:** Autonomous Finland in the Political Thought of Nineteenth Century Russia. Turku 1967.
- Korhonen, Keijo:** Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestelyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1826. Helsinki 1963.
- Korhonen, Keijo:** Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan I: Naapurit vastoin tahtoaan 1920–1932. Lahti 1966.
- Korhonen, Keijo:** Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan II: Turvallisuuden pettäessä 1933–1939. Helsinki 1971.
- Koskimies, Rafael:** Y. S. Yrjö-Koskisen elämä II: Nuijamieheksi luotu. Keuruu 1974.
- Koskimies, Rafael:** Y. S. Yrjö-Koskisen elämä III: Taipuako vai taittua 1882–1903. Keuruu 1974.
- Kronlund, Jarl – Valla, Juha:** Suomi rauhanturvaajana 1956–1990. Helsinki 1996.
- Krosby, Hans-Peter:** Nikkelidiplomatiaa Petsamossa. Helsinki 1966.
- Krosby, Hans-Peter:** Suomen valinta 1941. Helsinki 1967.
- Krosby, Hans-Peter:** Kekkonen linja. Jyväskylä 1979.
- Krusius-Ahrenberg, Lolo:** Der Durchbruch des Nationalismus und Liberalismus im politischen Leben Finnlands 1856–1863. Helsinki 1934.
- Krusius-Ahrenberg, Lolo:** Suomen kansanedustuslaitoksen historia II. Helsinki 1981.
- Kuisma, Markku:** Kylmä sota kuuma öljy. Neste, Suomi ja kaksi Eurooppaa 1948–1979. Porvoo 1997.
- Kuisma, Markku:** Kahlittu raha, kansallinen kapitalismi. KOP 1940–1995. Helsinki 2004.
- Kujala, Antti:** Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa. Helsinki 1989.
- Kujala, Antti:** Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki 2008.
- Kuusterä, Antti:** Valtion sijoitustoiminta pääomamarkkinoiden murroksessa 1859–1913. Helsinki 1989.
- Laaksonen, Lasse:** Todellisuus ja harhat. Kannaksen taistelu ja suomalaisten joukkojen tila talvisodan lopussa 1940. Helsinki 1999.
- Laaksonen, Lasse:** Eripuraa ja arvovaltaa. Mannerheimin ja kenraalien henkilösuhteet ja johtaminen. Helsinki 2004.
- Lackman, Matti:** Taistelu talonpojasta. Suomen Kommunistisen Puolueen suhde talonpoikaiskysymykseen ja talonpoikaisliikkeisiin 1918–1939. Oulu 1985.
- Lackman, Matti:** Suomen vai Saksan puolesta. Jääkäriliikkeen ja jääkäripataljoona 27:n (1915–1918) synty, luonne, mielialojen vaihteluja ja sisäisiä kriisejä sekä niiden heijastuksia itsenäisen Suomen ensi vuosiin saakka. Helsinki 2000.

- Laine, Antti:** Suur-Suomen kahdet kasvot. Tutkimus Itä-Karjalan siviiliväestön asemasta suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Keuruu 1982.
- Lappalainen, Jussi T:** Punakaartin sota I–II. Helsinki 1981.
- Lauerma, Matti:** Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27, vaiheet ja vaikutus. Porvoo 1966.
- Lehtinen, Lasse:** Aatosta jaloa ja alhaista mieltä. Urho Kekkosen ja SDP:n suhteet 1944–1981. Helsinki 2002.
- Leppänen, Veli-Pekka:** Kivääri vai äänestyslippu. SKP:n hajaannus 1964–1970. Helsinki 1999.
- Leskinen, Jari:** Vaiettu Suomen silta. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton hyökkäyksen varalta vuosina 1930–1939. Helsinki 1997.
- Leskinen, Jari:** Veljien valtiosalaisuus. Suomen ja Viron salainen sotilaallinen yhteistoiminta Neuvostoliiton hyökkäyksen varalta 1918–1940. Porvoo 1999.
- Leskinen, Jari – Silvast, Pekka:** Suljettu aika. Porkkala Neuvostoliiton sotilaallisena tukikohtana vuosina 1944–1956. Helsinki 2001.
- Liikanen, Ilkka:** Fennomania ja kansa. Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja suomalaisen puolueen synty. Helsinki 1995.
- Lillja, Alexis:** Арсений Андрејевич Закревский. Helsingfors 1948.
- Lincoln, Bruce:** Nicholas I. Emperor and Autocrat of all the Russias. London 1978.
- Lincoln, Bruce:** In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Illinois 1982.
- Lindman, Sven:** Johan Jakob Nordström. Hans samhällsyn och politiska personlighet I. Acta Acad. Aboensis, humaniora 16. Åbo 1948.
- Lindman, Sven:** Israel Hwasser som politisk romantiker. Historiska och Litteraturhistoriska Studier 26. Helsingfors 1950.
- Lukkari, Matti:** Asekätkentä. Helsinki 1992.
- Lukkari, Matti:** Lauri Sutela – puolustusvoimain komentaja. Keuruu 2003.
- Luntinen, Pertti:** Sotilasmljoonat. Helsinki 1984.
- Luntinen, Pertti:** F. A. Seyn 1862–1918. Jyväskylä 1985.
- Maasalo, Erkki:** Sir Henrik saa tehtävän. Henrik Ramsayn ulkoministerikausi 1943–1944. Espoo 2004.
- Majander, Mikko:** Pohjoismaa vai kansandemokratia. Helsinki 2004.
- Manninen, Ohto:** Kansannoususta armeijaksi. Asevelvollisuuden toimeenpano ja siihen suhtautuminen valkoisessa Suomessa kevättalvella 1918. Helsinki 1974.
- Manninen, Ohto:** Toteutumaton valtioliitto. Rauma 1977.
- Manninen, Ohto:** Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta ja turvallisuudesta Suomen Saksan-politiikassa 1941. Jyväskylä 1980.
- Manninen, Ohto:** Molotovin cocktail ja Hitlerin sateenvarjo. Helsinki 1995.
- Manninen, Ohto:** Stalinin kiusa, Himmlerin täi. Sota-ajan pieni Suomi maailman silmissä ja arkistojen kätköissä. Helsinki 2003.
- Manninen, Turo:** Vapaustaistelu, kansalaissota ja kapina. Taistelun luonne valkoisten sotapropagandassa vuonna 1918. Jyväskylä 1982.
- Mansala, Arto – Suomi, Juhani (toim.):** Suomalainen diplomaatti. Muotokuvia muistista ja arkistojen kätköistä. Helsinki 2003.

- Mansner, Markku:** Suomalaista yhteiskuntaa rakentamassa. Suomen Työnantajain Keskusliitto 1940–1956. Jyväskylä 1984.
- Meinander, Henrik:** Suomen historia. Linjat, rakenteet, käännekohdat. Helsinki 2006.
- Meinander, Henrik:** Tasavallan tiellä. Helsinki 1999.
- Murhenäytelmän vuorosanat. Talvisodan hallituksen keskustelut, toim.
O. Manninen ja K. Rumpunen. Helsinki 2003.
- Mylly, Juhani:** Maalaisliitto 1918–39. Maalaisliitto–Keskustapuolueen historia II. Hämeenlinna 1989.
- Myllymäki, Arvo:** Etujärjestöt, tulopolitiikka ja ylimmät valtioelimet. Tampere 1979.
- Myllyniemi, Seppo:** Suomi sodassa 1939–1945. Keuruu 1982.
- Neutrality in History.** Ed. by Jukka Nevakivi. Helsinki 1993.
- Nevakivi, Jukka:** Muurmannin legioona. Suomi ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki 1970.
- Nevakivi, Jukka:** Apu jota ei pyydetty. Liittoutuneet ja Suomen talvisota 1939–1940. Helsinki 1972.
- Nevakivi, Jukka:** Ystävistä vihollisiksi. Suomi Englannin politiikassa 1940–1941. Helsinki 1976.
- Nevakivi, Jukka:** Maanalaista diplomatiaa. Helsinki 1983.
- Nevakivi, Jukka:** Ulkoasiainhallinnon historia I 1918–1956. Helsinki 1988.
- Nevakivi, Jukka:** Linnasta linnaan – Eero A. Wuoren (1900–1966) poliittinen elämäkerta. Keuruu 1992.
- Nevakivi, Jukka:** Ždanov Suomessa. Miksi meitä ei neuvostoliitolaistettu? Keuruu 1995.
- Nevakivi, Jukka:** Miten Kekkonen pääsi valtaan ja Suomi suomettui. Keuruu 1996.
- Nevakivi, Jukka:** Apu jota ei annettu. Länsivallat ja Suomen talvisota 1939–1940. Juva 2000.
- Nevakivi, Jukka ym:** Suomi 1944. Sodasta rauhaan. Helsinki 1984.
- Nevakivi, Jukka ym:** Paasikiven hirmuiset vuodet. Suomi 1944–1948. Helsinki 1986.
- Nordenstreng, Sigurd:** L. Mechelin. Hans statsmannagärning och politiska personlighet I–II. Helsingfors 1936–37.
- Nousiainen, Jaakko:** Suomen presidentit valtiollisina johtajina K. J. Ståhlbergista Mauno Koivistoon. Juva 1988.
- Numminen, Jaakko:** Suomen nuorisoseuraliikkeen historia I. Keuruu 1961.
- Nygård, Toivo:** Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimo-työ itsenäisessä Suomessa. Keuruu 1978.
- Nygård, Toivo:** Suomalainen äärioikeisto maailmansotien välillä. Jyväskylä 1982.
- Ordin K. F:** Pokorenije Finljandii II. S. Peterburg 1889.
- Orlovsky D. T:** The Limits of Reform: the Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia 1802–1881. Cambridge, Mass. 1981.
- Osmosalo, E. K:** Suomen valloitus 1808. Porvoo 1947.
- Paasikivi J. K:** Jatkosodan päiväkirjat. Toim. Kauko I. Rumpunen. Porvoo 1991.
- Paasikivi J. K:** Päiväkirjat 1944–1956 1–2. Toim. Yrjö Blomstedt ja Matti Klinge. Juva 1985–86.

- Paasikivi J. K.*: Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–1941 I–II. 2. p. Porvoo 1958.
- Paasivirta, Juhani*: Suomen itsenäisyyskysymys 1917, I–II. Porvoo–Helsinki 1947 ja 1949.
- Paasivirta, Juhani*: Suomi vuonna 1918. Porvoo–Helsinki 1957.
- Paasivirta, Juhani*: Ensimmäisen maailmansodan voittajat ja Suomi. Porvoo–Helsinki 1961.
- Paasivirta, Juhani*: Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliitiikan hoito 1917–1940.
- Paasivirta, Juhani*: Suomi ja Eurooppa. Autonomiakausi ja kansainväliset kriisit 1808–1914. Helsinki 1978.
- Paasivirta, Juhani*: Suomi ja Eurooppa 1939–1956. Hämeenlinna 1992.
- Paavolainen, Jaakko*: Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1917–1918 I: Punainen terrori. Helsinki 1966.
- Paavolainen, Jaakko*: Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1917–1918 II: Valkoinen terrori. Helsinki 1967.
- Paavolainen, Jaakko*: Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1917–1918 III: Vankileirit Suomessa 1918. Helsinki 1971.
- Paavonen, Tapani*: Suomalaisen protektionismin viimein vaihe. Suomen ulkom-
aankauppa- ja integraatiopoliitiikka 1945–1961. Helsinki 1998.
- Pekkarinen, Jussi*: Ei armoa Suomen selkänahasta. Ihmisluovutukset
Neuvostoliittoon 1944–1981. Helsinki 2005.
- Peltovuori, Risto*: Sankarikansa ja kavaltaajat. Suomi kolmannen valtakunnan
lehdissä 1940–1944. Helsinki 2000.
- Peltovuori, Risto*: Suomi saksalaisten silmin 1933–1939. Lehdistön ja diplomatian
näkökulma. Helsinki 2005.
- Penttilä, Risto*: Puolustuslinjat. Keuruu 1988.
- Pernaa, Ville – Niemi, Mari K. (toim.)*: Suomalaisen yhteiskunnan poliittinen his-
toria. Helsinki 2005.
- Perälä, Reijo*: Lapuan liike ja sanan mahti. Rovaniemi 1998.
- Pihkala, Erkki*: Suomen Venäjän-kauppa 1860–1917. Helsinki 1970.
- Piilonen, Juhani*: Vallankumous kunnallishallinnossa. Helsinki 1982.
- Pipping, H.*: Kultakannan turvissa. Suomen Pankki 1878–1914. Helsinki 1961–1969.
- Pipping, H.*: Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki 1811–1877. Helsinki
1961–1969.
- Poliittinen historia, Suomi ja muut. Kirjoitukset omistetaan professori Jukka
Nevakivelle 8.10.1991. Toim. Seppo Hentilä ja Timo Turja. Oulu 1991.
- Polvinen, Tuomo*: Between East and West. Finland in International Politics.
Helsinki 1986.
- Polvinen, Tuomo*: Suomi kansainvälisessä politiikassa 1: Barbarossasta Teheraniin.
Juva 1979.
- Polvinen, Tuomo*: Suomi kansainvälisessä politiikassa 2: Teheranista Jaltaan. Juva 1980.
- Polvinen, Tuomo*: Suomi kansainvälisessä politiikassa 3: Jaltasta Pariisiin rauhaan.
Juva 1981.
- Polvinen, Tuomo*: Valtakunta ja rajamaa. N. I. Bobrikov Suomen kenraaliku-
vernöörinä 1898–1904. Juva 1984.

- Polvinen, Tuomo:** Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920 I–II. Porvoo 1969–1971.
- Polvinen, Tuomo – Heikkilä, Hannu – Immonen, Hannu:** J. K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö 1–5, Helsinki 1989–2003.
- Puna-armeija Stalinin tentissä.** Toim. Ohto Manninen ja Oleg A.Ržesevski. Helsinki 1997.
- Punttila, L. A:** Ruotsalaisuus Suomessa. Aatesuunnan synty. Helsinki 1944.
- Punttila, L. A:** Suomen poliittinen historia 1809–1966. Helsinki 1971.
- Raeff, Marc:** Understanding Imperial Russia. State and Society in the Old Regime. New York 1984.
- Ranta, Raimo:** Viipurin komendanttikunta 1710–1721. Valtaus, hallinto ja oikeudenhoito. Helsinki 1987.
- Rasila, Viljo:** Torpparikysymyksen ratkaisuvaihe. Joensuu 1970.
- Rasila, Viljo – Jutikkala, Eino – Kulha, Keijo K:** Suomen poliittinen historia 1905–1975. Porvoo 1976.
- Rauhala, K. W:** Suomen keskushallinnon järjestämisestä vuosina 1808–1817. Helsinki 1910.
- Rauhala, K. W:** Keisarillinen Suomen senaatti 1809–1909 I. Helsinki 1915.
- Rauhala, K. W:** Keisarillinen Suomen senaatti 1809–1909 II. Helsinki 1921.
- Rautala, Ari:** Itä-Karjalan valtaus 1941. Helsinki 2003.
- Rautkallio, Hannu:** Kaupantekoa Suomen itsenäisyydellä. Saksan sodanpäämäärät Suomessa 1917–1918. Helsinki 1977.
- Rautkallio, Hannu:** Suomen suunta 1944–1948. Savonlinna 1979.
- Rautkallio, Hannu:** Paasikivi vai Kekkonen. Suomi lännestä nähtynä 1945–1956. Helsinki 1990.
- Rautkallio, Hannu:** Kekkonen ja Moskova. Suomi lännestä nähtynä 1956–1962. Helsinki 1991.
- Rautkallio, Hannu:** Novosibirskin lavastus. Noottikriisi 1961. Helsinki 1992.
- Rautkallio, Hannu:** Neuvostovallan asialla. NKP:n vaikutus Suomessa 1960-luvulla. Helsinki 1993.
- Rautkallio, Hannu:** Laboratorio Suomi. Porvoo 1996.
- Rautkallio, Hannu:** Sotasyyllisyys. Helsinki 2002.
- Rautkallio, Hannu – Tomilina, Natalia G. (toim.):** Neuvostoliitto ja Suomi 1952–1962. Tampere 2001.
- Rautkallio, Hannu:** Holokaustilta pelastetut. Helsinki 2004.
- Reimaa, Markku:** Puun ja kuoren välissä. Keuruu 1979.
- Rein, G:** Juhana Vilhelm Snellman I–II. 3. p. Helsinki 1928.
- Relander, Lauri Kristian:** Presidentin päiväkirja I–II. Julk. Eino Jutikkala. Tapiola 1968.
- Rentola, Kimmo:** Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Juva 1994.
- Rentola, Kimmo:** Niin kylmää että polttaa. Kommunistit, Kekkonen ja Kreml 1947–1958. Helsinki 1997.
- Rentola, Kimmo:** Vallankumouksen aave. Vasemmisto, Beljakov ja Kekkonen. Helsinki 2005.
- Ries, Tomas:** Luja tahto. Helsinki 1989.

- Rinta-Tassi, Osmo:** Kansanvaltuuskunta Punaisen Suomen hallituksena. Helsinki 1986.
- Rommi, Pirkko:** Myöntövyvyyssuuntauksen hahmottuminen Yrjö-Koskisen ja suomalaisen puolueen toimintalinjaksi. Helsinki 1964.
- Rumpunen, Kauko:** Aikoja ja tapauksia Ahti Karjalaisen elämästä. Helsinki 1997.
- Russification in the Baltic Provinces and Finland 1855–1914. ed. By Edward Thaden. Princeton, New Jersey 1981.
- Saarikoski, Vesa:** Keskustajääkäri Aarne Sihvo. Demokraatti ja eheyttäjä murrosaikojen asevoimissa. Helsinki 1997.
- Salkola, Marja-Leena:** Työväenkaartien synty ja kehitys punakaarteiksi I–II. Helsinki 1985.
- Salminen, Esko:** Vaikeneva valtiomahti? Neuvostoliitto/Venäjä Suomen lehdistössä 1968–1981. Helsinki 1997.
- Salminen, Pertti:** Puolueettomuuden nimeen. Sotilasjohto Kekkonen linjalla ja sen sivussa 1961–1966. Helsinki 1995.
- Sana, Elina:** Luovutetut. Suomen ihmisloukut Gestapolle. Juva 2003.
- Savolainen, Raimo:** Sivistyksen voimalla J. V. Snellmanin elämä. Helsinki 2006.
- Suomen eduskunta 100 vuotta 1–12. Helsinki 2006–2008.
- Savolainen, Raimo:** Suosikkisenaattorit. Venäjän keisarin suosio suomalaisten senaattoreiden menestyksen perustana 1809–1892. Helsinki 1994.
- Schweitzer, Robert:** Autonomie und Autokratie. Die Stellung des Grossfürstentums Finnland im russischen Reich in der Zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (1863–1899). Giessen 1978.
- Schweitzer, Robert:** The rise and fall of the Russo-Finnish consensus: the history of the "Second" Committee on Finnish Affairs in St. Petersburg (1857–1891). Helsinki 1995.
- Screen, J. E. O.:** Mannerheim. Helsinki 2001.
- Security and Unsecurity – Perspectives on Finnish and Swedish Defence and Foreign Policy. Ed. by Gunnar Artéus & Jukka Nevakivi. Stockholm 1997.
- Sedergren, Jari:** Filmi poikki. Poliittinen elokuvasensuuri Suomessa 1939–1947. Helsinki 1999.
- Seitkari, O:** Edustuslaitoksen uudistus 1906. Suomen kansanedustuslaitoksen historia V. Helsinki 1958.
- Selén, Kari:** Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisteen siirtyminen Kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhön 1931–1936. Forssa 1974.
- Selén, Kari:** C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Keuruu 1980.
- Selén, Kari:** Sarkatakien maa. Suojeluskuntajärjestö ja yhteiskunta 1918–1944. Helsinki 2001.
- Seppinen, Ilkka:** Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. Helsinki 1983.
- Seppinen, Jukka:** Suomen Efta-ratkaisu yöpakkasten ja noottikriisin välissä. Helsinki 1997.
- Seppinen, Jukka:** Mahdottomasta mahdollinen. Helsinki 2001.
- Seppinen, Jukka:** Paasikiven aikakauteen. Helsinki 2001.
- Sillala, Juhani:** Lapuanliike ja kyyditykset 1930. Keuruu 1985.

- Silvennoinen, Oula:** Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyh-teistyö 1933–1944. Helsinki 2008.
- Snellman, J. V:** Samlade arbeten I–XII. Helsingfors 1992–1998.
- Soikkanen, Hannu:** Sosialismin tulo Suomeen. Helsinki 1961.
- Soikkanen, Hannu:** Kunnallinen itsehallinto, kansanvallan perusta. Maalaiskuntien itsehallinnon historia. Helsinki 1966.
- Soikkanen, Hannu:** Sota-ajan valtioneuvosto. Valtioneuvoston historia 1917–1966 II. Helsinki 1977.
- Soikkanen, Hannu:** Eduskunnan toiminta sota-aikana 1939–1944. Suomen kansanedustuslaitoksen historia VIII. Helsinki 1980.
- Soikkanen, Hannu:** Kohti kansanvaltaa 1–3. Vaasa 1975, Joensuu 1987, Vaasa 1991.
- Soikkanen, Timo:** Kansallinen eheytyminen – myytti vai todellisuus? Juva 1984.
- Soikkanen, Timo:** Presidentin ministeriö. Ulkoasiainhallinto ja ulkopoliitiikan hoito Kekkonen kaudella. Helsinki 2003.
- Soikkanen, Timo:** Presidentin ministeriö. Ulkoasiainhallinnon ja ulkopoliitiikan hoito Kekkonen kaudella II: 1970–81, Helsinki 2008.
- Stenius, Henrik:** Frivilligt, jämlikt, samfällt. Föreningsväsendets utveckling i Finland fram till 1900-talets början med speciell hänsyn till massorganisation-sprincipens genombrott. Helsingfors 1987.
- Suhonen, Pertti:** Suomalaisen arvot ja politiikka. Juva 1988. **Sulamaa, Kaarle:** Hilja Riipinen. Lapuan lott. Keuruu 1995.
- Sulkunen, Irma:** Raittius kansalaisuskontona. Raittiusliike ja järjestäytyminen 1870-luvulta suurlakon jälkeisiin vuosiin. Helsinki 1986.
- Sulkunen, Irma:** Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 1831–1892. Helsinki 2004.
- Suomen historian pikkujättiläinen. Toim. Seppo Zetterberg. Helsinki 2003.
- Suomen ja Neuvostoliiton väliset suhteet 1948–1983. Asiakirjoja ja aineistoa. Helsinki 1983.
- Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Toim. R. Savolainen. Helsinki 1996.
- Suomen lehdistön historia, 1–10. Päätoim. Päiviö Tommila. Kuopio 1987–92.
- Suomen taloushistoria I–II. Helsinki 1980–82.
- Suomi 2017. Toim. Olavi Riihinen. Jyväskylä 1990.
- Suomi Venäjän valtakunnassa. B. E. Nolden kuvaus vuodelta 1911. Kääntänyt ja referoinut Osmo Jussila. Mänttä 1981.
- Suomi, itä ja länsi. Professori Tuomo Polvinen 60 vuotta 2.12.1991. Juva 1991.
- Suomi, Juhani:** Epävarmuuden vuodet Mauno Koiviston aika 1984–1986. Helsinki 2006.
- Suomi, Juhani:** Kohti sinipunaa Mauno Koiviston aika 1986–1987. Helsinki 2008.
- Suomi, Juhani:** Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1939 I. Helsinki 1973.
- Suomi, Juhani:** Urho Kekkonen 1–8 (elämäkerta 1944–1981). Helsinki 1986–2000.
- Suomi, Juhani:** Pysähtyneisyyden vuodet. Mauno Koiviston aika 1981–1984. Helsinki 2005.
- Suomi, Juhani (toim.):** Urho Kekkonen päiväkirjat 1–4. Keuruu 2001, 2002, 2003, 2004.

Suominen, Tapani (toim.): Itsekkyyttä vai valtiomiestaitoa. Idänpolitiikka ja Suomi vuodesta 1812 vuoteen 2002. Helsinki 2002.

Talous, valta ja valtio. Tutkimuksia 1800-luvun Suomesta. Toim. Pertti Haapala. Tampere 1992.

Tarkka, Jukka – Tiitta, Allan: Itsenäinen Suomi. Seitsemän vuosikymmentä kansakunnan elämästä. Helsinki 1987.

Teljo, Jussi: Suomen valtioelämän murros 1905–1908. Porvoo 1949.

Tervasmäki, Vilho: Puolustushallinto sodan ja rauhan aikana 1939–1978.

Puolustusministeriön historia II. Hämeenlinna 1978.

Tervasmäki, Vilho: Puolustusneuvosto vuosina 1958–1983. Helsinki 1988.

Thaden, Edward: The Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, New Jersey 1984.

Tommila, Päiviö: La Finlande dans la politique européenne en 1809–1815. Helsinki 1962.

Tommila, Päiviö: Suomen autonomian synty 1808–1819. Helsinki 1984.

Tommila, Päiviö – Salokangas, Raimo: Sanomia kaikille. Suomen lehdistön historia. Helsinki 1998.

Torvinen, Taimi: J. R. Danielson-Kalmari Suomen autonomian puolustajana. Helsinki 1965.

Torvinen, Taimi: Valtioneuvoston historia 1917–1966 I. Helsinki 1977.

Tuntematon talvisota: Suomi 1934–1940. Toim. T. Hietaniemi ja L. Riska. Helsinki 1989.

Turpeinen, Oiva: Oolannin sota. Itämainen sota Suomessa. Helsinki 2003.

Turtola, Martti: Aksel Fredrik Airo. Taipumaton kenraali. Keuruu 1997.

Turtola, Martti: Risto Ryti. Elämä isänmaan puolesta. Helsinki 1994.

Turtola, Martti: Tornionjoelta rajajoelle. Suomen ja Ruotsin salainen yhteistoiminta Neuvostoliiton hyökkäyksen varalle vuosina 1923–1940. Porvoo 1984.

Turtola, Martti: Kyllä täällä kaatuakin voidaan. Suomalainen upseerikohtalo 1941. Helsinki 2000.

Tyynilä, Markku: Senaatti. Tutkimus hallituskonselji-senaatista 1809–1918. Helsinki 1992.

Uimonen, Risto: Riisuttu presidentti. Kuinka valtionpäältä vietiin valta ja hänestä tehtiin tavallinen kuolevainen. Porvoo 2001.

Uino, Ari: Nuori Urho Kekkonen. Poliittisen ja yhteiskunnallisen kasvun vuodet 1900–1936. Jyväskylä 1985.

Uola, Mikko: Sinimusta veljeskunta. Isänmaallinen kansanliike 1932–1944. Keuruu 1982.

Upton, Anthony: Vallankumous Suomessa 1917–1918 I–II. Helsinki 1980–1981.

Vahtola, Jouko: Nuorukaisten sota. Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Keuruu 1997.

Vahtola, Jouko: Suomen historia jääkaudesta Euroopan unioniin. Helsinki 2003.

...vaikka voissa paistais? – Venäjän rooli Suomessa. Osmo Jussilan juhlaKirja. Toim. J. Selovuori. Porvoo 1998.

Valkonen, Marjaana: Yhdessä elämä turvalliseksi – Suomen ammattiyhdistysten keskusliitto 1930–1947. Helsinki 1987.

- Vares, Vesa:** Konservatiivi ja murrosvuodet. Lauri Ingman ja hänen poliittinen toimintansa vuoteen 1922. Helsinki 1993.
- Vares, Vesa:** Kuninkaan tekijät. Suomalainen monarkia 1917–1919 –myytti ja todellisuus. Porvoo 1998.
- Vares, Vesa:** Varpuset ja pääskysen. Nuorsuomalaisuus ja nuorsuomalainen puolue 1870-luvulta vuoteen 1918. Helsinki 2000.
- Vasara, Erkki:** Valkoisen Suomen urheilevat soturit. Suojeluskuntajärjestön urheilu- ja kasvatustoiminta Suomessa 1919–1939. Helsinki 1997.
- Vesikansa, Jarkko:** ”Kommunismi uhkaa maatamme.” Kommunisminvastainen porvarillinen aktivismi ja järjestötoiminta Suomessa 1950–1968. Helsinki 2004.
- Vihavainen, Timo:** Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. Keuruu 1991.
- Vihavainen, Timo:** Stalin ja suomalaiset. Helsinki 1998.
- Viialainen, Matti:** Neljä järjestyttävää päivää. SKP:n puolinen vaillos vaillos 1966. Helsinki 2005.
- Virrankoski, Pentti:** Suomen historia 1–2. Helsinki 2001.
- Visuri, Pekka:** Puolustusvoimat kylmässä sodassa. Porvoo 1994.
- Visuri, Pekka:** Totaalisesta sodasta kriisinhallintaan. Keuruu 1989.
- Vuorisjärvi, Esko:** Petsamon nikkeli kansainvälisessä politiikassa 1939–1944. Keuruu 1990.
- Wagner, Ulrich:** Finnlands Neutralität. Eine Neutralitätspolitik mit Defensivallianz. Hamburg 1974.
- Wahlbäck, Krister:** Mannerheimistä Kekkoseen. Porvoo 1968.
- Wahlbäck, Krister:** Veljeys veitsenterällä. Suomen kysymys Ruotsin politiikassa 1937–1940. Helsinki 1968.
- Waris, Heikki:** Muuttuva suomalainen yhteiskunta. Porvoo 1968.
- Wassholm, Johanna:** Svenskt, finskt och ryskt. Nationens, språkets och historiens dimensioner hos E. G. Ehrström 1808–1835. Åbo 2008.
- Westerlund, Lars:** Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944. Helsinki 2008.
- Yaney, Georg:** The Systematization of Russian Government. Illinois 1973.
- Yksin suurvaltaa vastassa.** Toim. Olli Vehviläinen ja Oleg A. Ržesevski. Helsinki 1997.
- Ylikangas, Heikki:** Romahtaako rintama? Suomi puna-armeijan puristuksessa kesällä 1944. Helsinki 2007.
- Ylikangas, Heikki:** Tie Tampereelle. Porvoo 1993.
- Ylikangas, Heikki:** Väivallasta sananvaltaan – Suomalaisen menneisyyttä keskijasta nykypäivään. Porvoo 1999.
- Ylikangas, Heikki:** Tulkintani talvisodasta. Juva 2001.
- Zaionchovsky, Peter:** The Russian Autocracy under Alexander III. Gulf Breeze, Florida 1976.
- Zetterberg, Seppo:** Viisi laukausta senaatissa. Eugen Schaumanin elämä ja teko. Keuruu 1986.

- Bid velikovo knjazivstva do sutsacnoi derzavi – Polititsna istorija Finlandii bid 1809 roku. Unicer, Kiev 2002 (ukrainankielinen laitos).
- Fenlan zhengzhishi (1809–1995), Weihua 2001 (kiinankielinen laitos). Finlandia.
- Historia política (1809–1999). Espasa, Madrid 1999.
- Finlands politiska historia 1809–1998. Schildts förlag, Helsingfors 1998.
- From Grand Duchy to a Modern State. Political History of Finland, since 1809. Hurst & Company, London 1999.
- Histoire politique de la Finlande XIXe – XXe siècle. Fayard, Paris 1999.
- Histora polityczna Finlandii 1809–1999. Universitas, Krakow 2001.
- Политическая история Финляндии 1809–1995. Весь Мир, Москва, 1998.
- Storia politica della Finlandia 1809–2003. Guerini e Associati, Milano 2004.
- Vom Grossfürstentum zur Europäischen Union. Politische Geschichte Finnlands seit 1809. Berlin Verlag Arno Spitz GmbH, Berlin 1999.

Именной указатель

- Аалто А. 397
Аалтонен А. 344
Адлерберг А.Вл. 76
Адлерберг Н.Вл. 74, 76
Айро А.Ф. 260, 267
Александр I 21, 22, 25, 26, 30, 33, 40, 51, 67, 78, 96
Александр II 48, 59, 61, 62, 63, 65, 68, 70, 73, 74, 75, 83, 84, 90, 147
Александр III 59, 76, 84, 85, 86, 87, 89, 92
Алениус Э. 344
Алкно С. 155, 163
Алопеус Ф.Д. 21
Алхо А. 407
Альбэк 299
Альфтан М.Т. 108
Андерссон К. 167, 422
Андронов Ю.В. 383
Антикайнен Т. 211
Аракчсев А.А. 38
Арвидссон А.И. 41, 57
Аренберг Ж. 96
Армфельт А. 48, 55, 56, 65, 69, 70, 71, 72, 76, 77, 88
Армфельт Г.М. 38, 39, 41, 47, 48, 53, 78
Аура Т. 356, 359
Ахде М. 168, 385
Ахо Э. 382, 399, 400, 401, 403, 404, 406, 413, 416, 424, 425, 434
Ахтисаари М. 410, 415, 421, 422, 423, 424, 431, 438

Бакман Й. 409
Барклай-де-Толли М. 34, 35, 53
Бенкендорф А. К. 51
Берг К.Э. 176
Берг Ф.В., Р., фон 52, 53, 61, 64, 65, 67, 69, 70, 71, 79
Бекман В. 113, 169
Бобриков Н.И. 52, 87, 90, 91, 94, 95, 97, 102, 103, 106, 113, 166
Боровитинов М. 116, 118
Бракс Т. 419
Брежнев Л.И. 380, 383
Бруун Т. 88
Брунер О. аф. 30, 72
Буксгевден Ф.В., фон 21

Булганин Н. А. 338
Бунге Н.Х. 87, 92, 93, 102, 103
Бурбулис Г.Э. 402
Буш Дж. 385, 401
Буш Дж.-мл. 412
Бьеркман К. 169

Васа Г. 15, 17
Вайсенберг А., фон 92
Валлен К.Й. 33, 39
Валлин С. 419
Валпас Э. 98
Вальден Р. 232, 235, 254
Ванновский П.С. 87, 92
Ванханен М. 408, 412, 417, 418, 419, 420, 427, 428, 429, 430
Варис Х. 357
Варьонен У. 293, 386
Вассер И. 31, 57, 58
Вельтхенс Й. 235
Веннамо В. 320, 331, 355, 359, 362, 371, 373, 380, 388
Веннола Ю.Х. 164, 173, 174
Вибелиус О. 22
Виик К.Х. 233
Виинанен И. 399, 405
Вилкман К.Ф. 178
Вилкуна К. 318, 326
Виллебранд Э.Т., фон 50
Вильгельм II 156
Вирениус А. 118
Виркунен М. 355
Виролайнен Й. 329, 342, 343, 349, 361, 370, 374, 375, 378–380
Виртанен А. 422
Витте С.Ю. 85, 108
Виттинг Р. 232, 235, 236, 247
Владимиров В. 367, 379
Ворошилов К.Е. 225, 338
Вригт В.Ю., фон 80
Вуолийоки Х. 225, 299, 301
Вуори Э.А. 273, 275, 276, 278, 281, 300
Вышинский А.Я. 301
Вейсяннен М. 182
Вяюрюнен П. 371, 374, 375, 378, 379, 384, 385, 388, 392, 399, 400, 403, 419, 420

- Гальдер Ф. 236
Гарибальди Дж. 82
Гартман Л.Г., фон 42, 47, 49, 55, 64, 65,
66, 67, 70, 71, 94
Гартман Г. 50
Гарц О. 307
Гебхарт Х. 82
Гейден Ф.Л. 85, 87, 90, 92, 102
Герард Н. 111, 113
Геринг Г. 235
Герих П., фон 176
Германсон Р. 80, 122
Гире Н.А. 87
Гитлер А. 234, 236, 238, 242, 245, 253, 255
Гогенцоллерн О. 155
Гольц Р., фон дер 150
Гончаров С.О. 90
Горбачев М.С. 383, 401
Горчаков А.М. 87
Гриппенберг Л. 66
Громыко А.А. 301, 332
Густав III 19, 39, 72
Густав IV 21, 26
Гюллинг Э. 132, 149, 170, 210, 211
Гюнтер К. 235
- Даладьё Э. 226
Даниельсон-Кальмари И.Р. 32, 113, 117
Данилевский Н.Я. 87
Де Геер Р.Г. 24
Ден В., фон 85, 86, 89, 91
Дёбельн Г.К., фон 59
Доннер К. 162
- Елизавета Петровна 18
Ельт Э. 109, 147
Ельцин Б.Н. 403
- Жданов А.А. 262, 268, 269, 271, 272,
276, 277, 278, 279, 290, 291, 294,
295, 307
- Закревский А.А. 42, 44, 45, 48, 52, 53, 54
Захаров А. В. 363
Зейн Ф.А. 52, 113, 117, 118
- Иден Э. 290
Идман К.Г. 132
Иласкиви Р. 421
Ингман Л. 156, 162, 167, 178, 182
Индраниус Б. 63
- Йеландер Б. 205
- Каллио К. 154, 165, 180–182, 183, 186,
189, 190, 193, 194, 195, 206, 207, 215,
218, 221, 235, 236, 288
Каллиоокоски В. 320
Каллиомяки А. 414
Калониус М. 35
Канерва И. 418
Канкрин Е.Ф. 47, 55
Каракозов 73
Карл XII 17
Карьялайнен А. 332, 341, 342, 345, 356,
357, 358, 360, 361, 370, 374, 375, 379,
385
Кастрён Р. 31
Кастрён К. 160, 173
Кастрён М.А. 60
Кастрён У.Й. 275, 314
Катайнен Ю. 418
Катков М. 83
Каутский К. 80
Каяндер А.К. 182, 207, 214, 215, 219, 248
Кейтель В. 255
Кекконен У.К. 206, 208, 231, 247, 265,
275, 276, 277, 279, 292, 293, 305–322,
324, 326, 328–333, 337–339, 341, 344,
349, 351, 353, 354–356, 358–365,
367, 369, 370, 373–375, 378, 381–
383, 419, 427, 431, 434
Кекконен М. 378
Кеннеди Д.Ф. 339
Кивекяс Л. 80
Кивимяки Т.М. 198, 200, 204, 205, 232,
236, 254, 271
Кивистё К. 380
Килпи С.-К. 278
Киров С.М. 210
Койвисто М. 340, 344, 345, 353, 354, 356,
360, 366, 370, 375–385, 387, 389, 392,
393, 402, 421, 422, 423, 433, 434
Кок Й. 105
Кокошкин Ф.Ф. 122, 123
Коллонтай А.М. 225, 248, 254
Корсимо А. 310
Корф С.А. 118, 120
Корхонен К. 374, 420
Коскинен Ю. 31
Косола В. 190
Котен К., фон 71
Кронберг Т. 419
Кронстедт К.О. 72
Кукконен А. 271
Куллберг Р. 400
Кун Б. 138
Куропаткин А.Н. 93, 102, 103

Куусела А. 336
 Куусинен О.В. 138, 158, 181, 210, 211,
 221, 222, 225, 328
 Куусинен Х. 294, 296
 Куускоски Э. 420
 Куускоски Р. 326
 Кяярйянен 415

Лайтинен И. 438
Лакс Х. 427
Лангеншельд Ф. 67, 68
Лангхофф А. 111, 115
Лебедев В.З. 329
Левонен В. 171
Лейво-Ларссон Т.А. 326
Лейно Ю. 269, 271, 276, 293, 295, 329
Ленин В.И. 81, 129, 132, 133, 149, 150,
 154, 158
Лённрот Э. 60
Лескинен В. 340, 344, 356, 357
Лехён Т. 211
Лехто Р.Р. 342, 343
Лииканен Э. 389, 438
Лиinamaа К. 354, 361, 371
Линкомиес Э. 246, 251, 254, 271
Линнамо Ю. 361
Липпонен П. 406, 408, 410, 411, 413,
 415, 416, 418, 437, 438
Липский А. И. 118
Литвинов М.М. 202
Львов Г.Е. 119, 121
Людовик XIV 47

Малмберг Л. 177, 178, 195, 197
Малышев К. И. 92
Маннер К. 119, 124, 132, 138, 158, 210
Маннергейм К.Г.Э. 137, 148, 150, 153,
 156, 159–164, 167, 170, 177, 180, 182,
 196, 204, 213, 215–217, 219, 221, 222,
 224–226, 232, 233, 235–237, 242,
 245, 246, 251, 254, 255, 259, 261, 267,
 270, 276, 279, 290, 291
Маннергейм К.Э. 25, 51
Маннинен Т. 142
Мантере О. 183
Марков В. 116
Мартола А.Е. 337
Маттила О.Й. 371
Меллин 71
Меншиков А.С. 46, 48, 49, 54, 55, 56,
 59, 61
Мехелин Л. 31, 32, 80, 87, 96, 105, 108, 109
Миеттунен М. 330, 371, 372, 374
Милюков П.Н. 101, 119

Милютин Д.А. 87
Михаил Николаевич, Великий князь
 85, 93, 103
Мойланен Я. (Мюрюляйнен Ф.Я.) 172
Молотов В.М. 216, 218, 219, 225, 231,
 232, 235, 236, 249, 290

Наполеон Бонапарт 21, 22
Некрасов Н.В. 125
Непинин А. И. 119
Нессельроде К.В. 47
Ниинистё С. 406–408, 412, 419, 420,
 424, 427–430, 432
Николай I 42, 45–48, 51, 61, 62, 84, 110
Ниссинен Т. 286
Николай II 85, 86, 89, 91–93, 96, 119
Ниукканен Ю. 195, 215, 226, 231, 313
Нольде Б. 96
Норденстам Й.М. 63, 69, 72
Нордстрём Й.Я. 31, 57, 58, 72

Оболенский И.М. 97, 105
Окссон О. 182
Ордин К.Ф. 32, 80

Паавела П. 372
Пааволайнен Я. 140
Паасивуори М. 152
Паасикиви Ю.К. 131, 154, 156, 162, 167,
 204, 217, 218, 222, 232, 235, 237,
 247, 249, 269, 275–279, 284, 286,
 291–294, 296, 298, 300, 305, 306, 310,
 315, 316, 319, 330, 337 345
Паасио П. 389
Паасио Р. 344, 345, 352, 353, 355, 360
Паасонен А. 266, 267
Пальмён Й.Ф. 72, 74
Паяри А. 200, 228
Пеккала М. 277, 283, 284, 285, 291, 305, 306
Пеккала Э. 190
Пеккаринен М. 419
Песси В. 294, 295
Петр I 17, 18, 26
Пехконен Э.Ю. 154
Пиппинг Х. 78
Пихкала М. 186
Пицтинки К. 344
Плеве В.К., фон 91, 93, 102, 106
Прокопе В. 91
Протопопов Д.Д. 119
Пярми Н. 194

Раапана Э. 241, 253
Раатикайнен Э. 350

- Рамсай Х. 247, 254, 271
 Рангель Й.В. 236, 239, 271
 Рапацки А. 364
 Распутин Г.Е. 89
 Рахья Э. 210
 Ребиндер Р.Х. 38, 39, 47, 50, 56
 Рейган Р. 385, 401
 Рейника Т. 271
 Рейтерн М.Х., фон 76, 87
 Реландер Л.К. 178, 182, 189, 190, 195
 Рентола К. 212, 356
 Репо Э.С. 347
 Рёткё Я. 190
 Риббентроп Й., фон 216, 247, 251, 253
 Рингала П. 347
 Ритавуори Х. 160
 Рихтер 71
 Ровно К. 211
 Родичев Ф.И. 118, 119
 Рокасовский П.И. 61, 67, 69, 71, 73, 76
 Рузвельт Ф.Д. 242, 246, 248
 Румянцев Н.П. 26
 Рунеберг Й.Л. 59
 Рэн О. 438
 Рэн Э. 421, 423-425
 Рюти Р. 182, 207, 222, 227, 232, 235-237, 246, 251, 253-255, 271, 300

 Сааринен А. 344, 357
 Савоненков Г.М. 301
 Салама Х. 347, 349
 Сало Ассер 188
 Сало Арво 348
 Салодайнен П. 399, 403, 421
 Салонен А.М. 373
 Самарин Ю.Ф. 25
 Сандлер Р. 213, 223
 Свинхувуд П.Э. 130, 132, 133, 137, 138, 141, 148, 152, 153, 155, 167, 180, 182, 189, 195-198, 206, 207, 236
 Сёдерман Я. 438
 Сивён Х.Н. (Боби) 171
 Сииласвуо Я. 224, 241, 261
 Симес С.-А. 407, 418, 429
 Силланпяя М. 184
 Симонен А. 300, 345
 Синисало Т. 350
 Сирола Ю. 138, 158
 Сихво А. 178, 197, 293, 294
 Скуг Э. 324
 Снельман Й.В. 31, 58, 59, 63, 69, 79, 80, 110, 113
 Сойни Т. 427, 428
 Сольский 110

 Сорса К. 360, 361, 362, 371-373, 375, 384-386, 389, 400, 421
 Сперанский М.М. 25, 31, 35, 37, 38
 Спрентгпортен Г.М. 22, 29, 34, 35, 53
 Сталин И.В. 210, 215, 227, 242, 248, 268, 291, 292, 293, 295, 307, 314
 Стахович М.А. 118
 Стенбек П. 384
 Столберг К.Ю. 122, 124, 125, 138, 155, 163, 164, 170, 171, 176, 177, 182, 195, 207, 246
 Столыпин П.А. 108, 111, 113
 Стубб А. 420, 431
 Сукселяйнен В.Й. 320, 324, 330
 Сундблом Ю. 169
 Сунила Ю.Э. 183, 196, 198
 Суолахти Х. 182
 Суоминен И. 388
 Сутел Л. 369

 Таганцев Н.С. 94, 97
 Талвела П. 224, 236
 Тандефельт 34
 Таннер В. 151, 157, 158, 171, 182, 183, 184, 204, 206, 207, 214, 215, 217-219, 222, 226, 234, 236, 242, 254, 271, 276, 277, 300, 324, 344
 Тацит 441
 Тенгстрём Й.Я. 57
 Тенгстрём Я. 20, 34, 35, 40
 Тёрнгрен Р. 283, 315
 Теслев А.А. 48, 56
 Теслев Г. 105
 Тигерштедт Р. 158
 Тимошенко С. К. 225
 Тито И.Б. 364
 Токвиль А. 62
 Токой О. 119, 121, 130, 138, 149, 154, 289
 Топелиус З. 59, 79
 Троцкий Л. 132
 Туленхеймо А. 123, 124, 183
 Туоминен А. 211
 Туомиоя С. 311, 314-316
 Туомиоя Э. 412, 415, 418

 Ульбрихт В. 328
 Уосукайнен Р. 424
 Урпилайнен Ю. 418
 Устинов Д.Ф. 369

 Фагерхольм К.-А. 275, 296, 297, 299-304, 306, 308, 316, 317, 320, 321, 324, 328, 329, 338
 Фиандт Р., фон 325, 326

Фишер К. 54
 Форселлес Э.П. аф 87
 Фридрих Карл Гессенский 156

Хаависто Х. 403
 Хаккила В. 190, 254
 Хакцель А. 254, 256, 264, 275
 Халомен Т. 412, 413, 423–432
 Ханнула У. 226
 Ханссон П.А. 204, 218, 226
 Хаттула 231
 Хаутала Х. 424, 425, 427, 428
 Хедершерна 174
 Хейнялуома Э. 418
 Хейнрикс Э. 236, 238, 239
 Холкери Х. 362, 380, 388, 389, 390, 392, 393
 Холсти Р. 173, 174, 176, 206, 207, 213, 214
 Хонка О. 331, 332
 Хрушев Н.С. 320, 328, 331, 332, 338, 339, 363, 364
 Хуммель А. 50
 Хюнинен П.Ю. 326
 Хювюмяки Л. 166, 284
 Хякямиес Ю. 418, 420
 Хямяляйнен С. 438

Черчилль У.Л.С. 248

Шателовиц Й.Г. 73
 Шауман Ф.Л. 67

Шауман Э. 97
 Швейцер Р. 75
 Шегрён А. 60
 Шернваль-Валлен Э. 66, 69, 72, 76, 77, 86, 88
 Штединг К. 27
 Штейн Б. 214
 Штейнхель Ф. 36, 39, 41, 44, 48, 53

Экман Р.В. 31, 67
 Энкель К. 118, 132, 249, 254, 256, 264, 307
 Эренстрём Й.А. 39
 Эрих М. 196
 Эрих Р. 122, 147, 148, 164, 170, 173, 182
 Эркко Ю.Э. 214, 215, 217–219, 303
 Эрнрут К. 85, 88
 Эрнрут Я. 142
 Эрстрём Э.Г. 40
 Эссен Г.Д., фон 176

Юденич Н.Н. 161, 162
 Юрьё-Коскинен Ю.-С. 67, 80, 87

Яконсаари Л. 415
 Якобсон М. 368
 Якубов К.Ф. 87
 Яландер Б. 177
 Янссон Ю. 192
 Ярцев Б.(Рыбкин) 213, 214
 Яяттеенмяки 413, 414, 417

**Юссила Осмо
Хентия Сеппо
Невакиви Юкка**

**Политическая история Финляндии.
1809–2009**

Выпускающий редактор: *Кирсанова Т.В.*
Корректор: *Долгова Н.М.*
Руководитель производственного отдела: *Н.А. Кузнецова*
Верстка: *Голодко С.А.*

Художественное оформление серии: *Аренштейн А.*

Подписано в печать 09.07.2010 г.
Формат 60х90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 29,5. Тираж 2 000 экз. Изд. 3/10-и.
Заказ № О-964.

ООО Издательство «Весь Мир»
117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 176
Тел.: (495) 739-09-71; факс: (495) 334-85-91
Email: info@vesmirbooks.ru
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством предоставленных материалов
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0469-6

Политическая история Финляндии началась чуть более двухсот лет назад, когда в результате серии русско-шведских войн страна вошла в состав Российской империи, но при этом обрела государственность. Знаковым событием стал Боргоский сейм (1809), на который собрались представители сословий новой политической общности, получившей название Великого княжества Финляндского. Сейм обозначил новую реальность: Финляндия была отделена от Швеции, но не поглощена Россией. С описания и трактовки этого факта и начинают свою книгу три финских историка: *Осмо Юссила, Сеппо Хентия и Юкка Невакиви*.

Со времени первого издания (1995) книга получила широкую известность в Финляндии и за рубежом, где она была переведена на шведский, русский, немецкий, французский, испанский, китайский, польский, украинский и итальянский языки. Особое значение эта книга имеет для российского читателя. Не случайно первое русское издание (1998) появилось вскоре после выхода книги в свет в Финляндии, а обновленное шестое финское издание (2009) стало основой для настоящего второго русского издания (2010). Интерес российских читателей к Финляндии, ее истории и современности глубок. Дело не только в многочисленных общих сюжетах прошлого двух стран. Важно, что Россия и Финляндия сумели добиться высокой степени взаимопонимания и найти такие формы добрососедства, которые делают наши отношения предсказуемыми и перспективными на долгие годы вперед.